



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

I. ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. (Историческая легенда). (Продолженіе). Проф. С. А. Бершадскаго.	3
II. Я МОЛИЛСЯ: «БОЖЕ ПРАВЫЙ!»... Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	18
III. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА. (Продолженіе). Е. Хисина.	20
IV. ЦАРЬ СЮНСКІЙ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Носсига. . .	33
V. * * * Стихотвореніе. И. Тагера	47
VI. ЕВРЕИ-ГОРЦЫ. (По поводу соч. «Кавказскіе еврей-горцы» Ильи Анисимова). (Окончаніе). А. К—м—и.	49
VII. ГАМЪ-ЗУ-ЛЕТОВО. Очеркъ захолустной жизни. (Окончаніе). С. Живова.	65
VIII. ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). Съ англійскаго. Альмонда.	84
IX. О ЧЕРТЪ ОСЪДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка. (Продолженіе). Русскаго.	109
X. ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Съ прилѣжаніями А. Я. Гарнави (въ особомъ приложеніи).	
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
XI. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА ВИШОФСГЕЙМА ВЪ ПАРИЖѢ. (École de travail fondation Vichoffsheim). Письмо изъ Паряжа. Петра Куинджи	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЕВРЕЙСКІЯ ИДИЛЛИ ЗАХЕРЪ-МАЗОХА. (Еврейскіе рассказы Захеръ-Мазоха, переведенные А. С. Размадзе). Критинуса	12
XIII. ВИБЛОГРАФІЯ:	
1) А. П. Субботинъ. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости». Отрывки изъ экономическихъ изслѣдованій въ западной и юго-западной Россіи за лѣто 1887 года. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. Минскъ, Вильна, Ковна и ихъ районы.	32

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

М а р т ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1889.

Δ

KSF 458 ($\frac{1889}{3-4}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

458-2

ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

ШАУЛЬ ЮДИЧЪ ВАЛЬ ИЗЪ ВРЕСТА-ЛИТОВСКАГО, ПРЕЕМНИКЪ
СТЕФАНА БАТОРІЯ.

(Историческая легенда).

II 1.

Шауль Юдиць, какъ лицо историческое.

Первое официальное извѣстіе о Шауль Юдиць: привилегія короля Стефана Баторія Шаулю на приготовленіе соли изъ соляныхъ источниковъ и на исключительную продажу оной во всей Литвѣ, отъ 17 мая 1578 г.—Шауль Юдиць—компаньонъ двухъ брестскихъ-же евреевъ по откупу таможенныхъ пошлинъ во всей Литвѣ, въ теченіи 1578—1579 г.—Заключенія объ имущественной состоятельности Шауля въ это время.—Шауль въ числѣ старшинъ брестской еврейской общины въ 1580 г.—Шауль—повѣренный брестской общины въ 1582 г. по спорному дѣлу брестскихъ евреевъ съ брестскими же мѣщанами о четвертой части городскихъ доходовъ.—Возраженія мѣщанъ.—Доводы Шауля Юдича.—Возврънія на права евреевъ кор. Стефана Баторія.—Выгоды, приобретенныя евреями изъ проиграннаго процесса. — Грамота Шаулю Юдичу, отъ 11 февраля 1588 г. на аренду различныхъ сборовъ въ брестскомъ замкѣ.—Возведеніе Шауля Юдича въ званіе королевскаго слуги, 7 іюня 1589 г.—Откупной договоръ 1592.—Привилегія на воскобойню въ собственномъ домѣ, отъ 1593 г.—Грамота, полученная Шаулемъ Юдичемъ для брестскихъ евреевъ 14 іюня 1593 г.—Толкованіе данное въ ней положенію привилегіи Витовта о „жидовскомъ судѣ“.—Результаты этой привилегіи для упроченія автономіи еврейскихъ общинъ и объединенія ихъ въ одномъ общемъ учрежденіи.—Ходатайство Шауля вмѣстѣ съ брестскими мѣщанами въ 1596 г.—Привилегія брестской общины отъ 1622 г.: 1) о поднятіи крыши на синагогѣ и обнесеніи школьныхъ зданій каменною стѣною, 2) о возобновленіи сгорѣвшей богадѣльни и богослуженіи въ оной.

Первое официальное извѣстіе о Шауль Юдиць встрѣчаемъ мы въ третій годъ царствованія Стефана Баторія:

Въ универсалѣ, обращенномъ ко всѣмъ должностнымъ ли-

¹ См. „Восходъ“, кн. I—II.

цамъ и всему населенію Литвы, 17 мая 1578 г., король Стефанъ объявляетъ, что онъ, имѣя въ виду выгоды государственнаго казначейства, а равнымъ образомъ и своихъ Литовскихъ подданныхъ, устанавливаетъ заново солевареніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и поручаетъ это дѣло Саулю Юдичу, Бресткому еврею.

Для того-же, чтобы подданные могли удобнѣе и дешевле получать соль, приготовленную на этихъ солеварняхъ, Стефанъ Ботарій принимаетъ рядъ мѣръ для устраненія вреда солеваренію и продажѣ вываренной соли.

Главная мѣра состояла, впрочемъ, въ воспрещеніи ввоза соли изъ Польскихъ солеваренъ, преимущественно-же изъ Стенжицы.

Неизвѣстно много-ли выгодъ принесла Шаулю администрація солеваренъ въ Литвѣ, тѣмъ болѣе, что ввозъ соли изъ Галиціи остался свободнымъ, но для Шауля весьма важно было то обстоятельство, что, благодаря своей роли администратора одного изъ источниковъ государственныхъ доходовъ, онъ становился извѣстнымъ при дворѣ и въ то-же время изъятымъ по всѣмъ дѣламъ изъ подсудности какимъ-бы то ни было мѣстнымъ судамъ: онъ и всѣ находившіеся у него на службѣ eo ipso были на все время управленія солеварнями подчинены суду одного только короля.

Управленіе солеварнями вручало Шаулю и надзоръ за корчемною торговлею привозною солью съ правомъ ареста оной и, въ случаѣ, если подозрѣніе въ корчемствѣ оказывалось справедливымъ, конфискаціи этой соли въ пользу казны, причѣмъ изъ всего конфискованнаго половина количества приходилось на долю Шауля ¹.

Удалось-ли Шаулю устроить солеваренное дѣло, или нѣтъ, мы не знаемъ. Думаемъ, что предпріятіе окончилось, подобно другимъ такого-же рода, полною неудачею.

Во всякомъ случаѣ, управленіе солеварнями оставляло такъ много досуга Шаулю Юдичу, что онъ не задумался вступить въ компанію съ двумя Брестскими-же евреями: Юзефомъ Мо-

¹ *Актовая книга метрики Литовской, кн. Записей № 60, листъ 216.*

шеввичемъ и Шмерлемъ Якубовичемъ, для завѣдыванія сборомъ «старыхъ и новыхъ мытъ (таможенныхъ пошлинъ), поборовъ, промытъ (контрабанды) и иныхъ вшелякихъ пожитковъ мытныхъ», ввѣстныхъ на откупъ воеводою Минскимъ п. Николаемъ Сопегою, во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Вступивъ вмѣстѣ съ товарищами въ завѣдываніе таможенными доходами въ день Св. Петра и Павла, (по римскому календарю) въ 1578 г., Шауль Юдичъ съ товарищами завѣдывалъ ими въ теченіи полутора года, т. е. по 31 марта 1579 г., когда Сопега уступилъ по особому договору завѣдываніе таможенными доходами Государственному Казначей—Лаврину Войнѣ.

Въ теченіи этого времени компанія представила съ таможенныхъ откуповъ въ Государственное казначейство 28.000 копъ грошей, т. е. считая на наши деньги копу грошей въ 30 рублей, мы получимъ 840.000 рублей ¹.

Такимъ образомъ компанія собирала ежегодно около десятой части государственныхъ доходовъ, такъ какъ, судя по отчетамъ Литовскаго Государственнаго казначея за 1561—65 гг. средній размѣръ ежегоднаго поступленія всѣхъ доходовъ равнялся приблизительно 200.000 копъ грошей ².

Шауль Валь, вступая въ договоръ съ Сопегою, вмѣстѣ со своими товарищами принялъ на себя отвѣтственность въ убыткахъ, а равно и право на выгоды въ третьей части таможен-

¹ Эту эвалвацию мы производимъ на основаніи таможеннаго тарифа 1570 г., по которому съ вывозимыхъ за границу товаровъ взималось съ копъ по 2 гроша, сообразно указанной въ тарифѣ огульной стоимости товара.

Въ числѣ литовскихъ товаровъ указаны вола, съ которыхъ взималось вывозной пошлины 4 гроша, и коровы—съ которыхъ брали 3 гроша, слѣдовательно волъ оцѣнивался въ 120 грошей, корова въ 90. Принимая приблизительную стоимость рабочаго вола и обыкновенной, не породистой коровы, первого въ 60 руб., а второй въ 45, мы и будемъ имѣть для копъ грошей равноцѣнность въ 30 нашихъ рубляхъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что литовскіе гроши чеканились изъ серебра, хотя и низкопробнаго.

² *Метр. Лит.*, книга *Записей*, № 48, листъ 202 (в).

Квнтанція подскарбію Земскому, Маршалку дворному, Ост. Воловичу за время съ 19 іюля 1561 г. по 4 апрѣля 1561 г.—Принялъ Воловичъ наличности и разныхъ вещей на сумму 11.799 копъ: Максимумъ поступления былъ въ 1563 г.—230.000 копъ грошей, минимумъ — въ 1564 г.,—всего 158.000 копъ грошей.

ныхъ доходовъ, слѣдовательно уже въ 1578 г. Шауль обладалъ капиталомъ, или-же кредитоспособностию, по крайности, на 100.000 рублей на наши деньги.

Сообразно съ этимъ имущественнымъ положеніемъ, а также въ виду знакомства Шауля съ русскимъ языкомъ и дѣйствующимъ правомъ, повышается и общественное положеніе Шауля.

Въ 1580 г. мы встрѣчаемъ его на третьемъ мѣстѣ среди старшинъ Брестской еврейской общины, а въ 1582 г. эта община поручаетъ ему веденіе сложнаго и для общины весьма важнаго дѣла о правѣ участія евреевъ въ $\frac{1}{4}$ части всѣхъ городскихъ доходовъ Бреста.

Дѣло это любопытно не только для характеристики Шауля, но еще болѣе потому, что въ немъ мы встрѣчаемся со взглядами на положеніе, которое должны занимать евреи въ Литвѣ, по мнѣнію Стефана Баторія. Равнымъ образомъ изъ этого дѣла мы знакомимся съ нѣсколькими изъ тѣхъ законовъ, которые, по легендѣ, изданы Королемъ Шаулемъ Валемъ.

Уже съ самаго начала XVI в. между Бресткими мѣщанами и Брестскими евреями завязался споръ о правѣ евреевъ на четвертую часть всѣхъ городскихъ доходовъ.

Обѣ стороны, пользуясь извѣстнымъ принципомъ Великихъ Князей Литовскихъ, что «Мы такъ тому даемъ, какъ кто у Насъ проситъ», вмѣсто судебного разбирательства, предпочитали получать каждая для себя льготныя грамоты, не заботясь о томъ, что грамоты одной стороны противорѣчатъ грамотамъ другой стороны.

Въ теченіи 30 лѣтъ одинъ только разъ, въ 1531 г., дѣло дошло до судебного *разбирательства*.

Съ тѣхъ поръ и евреи и мѣщане успѣли получить рядъ новыхъ привилегій, состоялось нѣсколько заочныхъ рѣшеній, Королевская канцелярія выдала нѣсколько «напоминальныхъ листовъ» той и другой сторонѣ, случилось нѣсколько пожаровъ, во время которыхъ истреблены были различныя привилегіи той и другой стороны; необходимо было, поэтому уяснить истинное положеніе дѣла, справиться о содержаніи привилегій противной стороны: Привилегіи обыкновенно не публиковались, а познакомиться какимъ-либо инымъ путемъ съ ихъ содержаніемъ

было дѣло весьма трудное, такъ какъ привилегіи хранились въ тайнѣ особо довѣренными лицами, да притомъ часто въ отдаленныхъ мѣстахъ; получить-же копію привилегій изъ актовъ метрики Литовской можно было лишь заинтересованной стороной и всякій разъ не иначе, какъ съ особаго Королевскаго разрѣшенія.

Сверхъ того, евреи брестскіе надѣялись, если не выиграть процессъ, то, по крайности получить, при помощи предьявленія на судѣ цѣлаго ряда привилегій, косвенное имъ подтвержденіе.

Дѣло началось съ того, что, назначенная по просьбѣ евреевъ, комиссія изъ: Каштеляна («пана») Виленскаго, канцлера Великаго Княжества Литовскаго, Остафія Воловича, бывшаго одновременно и старостою Берестейскимъ и Кобринскимъ,—Подкоморія Берестейскаго, п. Миколая Паца, и судьи Земскаго Берестейскаго, п. Адама Патея, потребовала къ своему суду брестскихъ мѣщанъ для объясненія причинъ, почему они, въ противность привилегіямъ, дарованнымъ евреямъ королями польскими, великими князьями литовскими, не допускаютъ евреевъ къ пользованію четвертою частію городскихъ доходовъ, не смотря на то, что евреи несутъ на себѣ четвертую часть всѣхъ городскихъ натуральныхъ повинностей и иныхъ податныхъ обязанностей («повинностей и беремень»)?

Войтъ, бурмистры, райцы и мѣщане берестайскіе, явившись передъ комиссарами, представили отводъ о неподсудности, такъ какъ они «отъ права и вряду своего упривилегованаго местцкаго до суду имъ неналежаго суть позваны».

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣщане изъявили готовность явиться передъ королевскимъ (задворнымъ) судомъ и предьявить на немъ тѣ привилегіи, въ силу которыхъ они не дозволяютъ евреямъ участвовать въ пользованіи городскими доходами.

Въ виду московской войны, Стефанъ Баторій отложилъ разбирательство всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію подъ его личнымъ предсѣдательствомъ въ задворномъ судѣ, до болѣе удобнаго времени.

Такимъ образомъ и разборъ интересующаго насъ дѣла состоялся только черезъ два года.

15 іюня 1582 г. передъ королевскимъ судомъ въ Гроднѣ явились уполномоченные обѣихъ сторонъ, снабженные различными документами для подкрѣпленія своихъ требованій.

Здѣсь невольно обращаетъ вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ то время какъ уполномоченные отъ мѣщанъ члены городского совѣта (радцы) Станиславъ Курельскій и Каспоръ Выриковскій явились въ сопровожденіи адвоката («умоцованнаго съ стороны мѣщ. Берест.»), представителемъ общины и защитникомъ ея интересовъ на судѣ явился никто иной, какъ «Савль Юдичъ».

Надо полагать, что община считала его человѣкомъ настолько почтеннымъ и опытнымъ въ юридической практикѣ того времени, что, съ одной стороны, считала представительство его одного совершенно достаточнымъ для соображенія всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ интересами брестскихъ евреевъ, для защиты коихъ она вручила ему самому свои цѣнныя привилегіи; съ другой стороны, община считала совершенно излишнимъ приглашеніе адвоката, разъ дѣло находилось въ рукахъ Шауля Юдича.

Явившись передъ королемъ, Шауль Юдичъ представилъ въ подтвержденіе правъ общины на четвертую часть всѣхъ городскихъ доходовъ предписаніе («листъ») короля Сигизмунда Івойту, бурмистрамъ, радцамъ и всѣмъ брестскимъ мѣщанамъ, отъ 22 августа 1529 года, въ которомъ говорилось, чтобы они, согласно грамотѣ короля Александра, дозволившаго евреямъ пользованіе всякими городскими выгодами («пожитками») наравнѣ съ мѣщанами, а равно разрѣшившаго евреямъ безпрепятственное занятіе ремеслами, а также въ виду того обстоятельства, что евреи отбываютъ наравнѣ съ мѣщанами всѣ повинности и платятъ подати, — допустили евреевъ къ пользованью четвертою частию доходовъ, поступающихъ въ пользу города: отъ мѣръ, вытапливанія воску («воскобойни»), съ суконныхъ заводовъ,¹ продажи водки и всякихъ иныхъ доходовъ.

¹ Въ привилегіи рѣчь идетъ о „постригальнѣ“; подъ именемъ же постригальни разумѣлось ремесленное заведеніе, въ которомъ наводили на сушко воръ, между прочимъ и сравнивали воръ, подстригали, — отсюда и постригальня.

Сверхъ того Сигизмундъ Августъ въ 1568 г., октября 28, въ Варшавѣ, предоставилъ взыскивать съ каждаго воза, проѣзжающаго черезъ г. Брестъ, по одному «бѣлому пенезю» на постройку и содержаніе съ этого сбора всѣхъ мостовъ, возведеніе и ремонтірованіе которыхъ лежитъ на городѣ Брестѣ. На доходы отъ этого мыта предписано было покупать лѣсъ для мостовъ.

Между тѣмъ мѣщане, исходатайствовавъ вмѣстѣ съ евреями эту привилегію при помощи Каштеляна виленскаго, канцлера Великаго Княжества Литовскаго, успѣли затѣмъ выхлопотать другую привилегію уже для себя, исключивши евреевъ, и повысили сборъ съ воза до 2 пенезей, подъ тѣмъ мнимымъ предлогомъ, что они якобы одни строятъ и ремонтируютъ всѣ мосты брестскіе.

На этомъ основаніи мѣщане, покупая за деньги, собранныя съ мостоваго мыта, нужный для мостовъ лѣсъ, не даютъ евреямъ ничего, «на ихъ сторону жидовскую», не смотря на то, что евреи строятъ и ремонтируютъ четвертую часть всѣхъ брестскихъ мостовъ.

Въ виду всего изложеннаго, Шауль Юдичъ ходатайствовалъ, чтобы, на основаніи вышеуказанныхъ привилегій, евреи были допущены къ пользованію какъ четвертою частью мостоваго, такъ равнымъ образомъ и до пользованія четвертою частию всѣхъ городскихъ доходовъ, такъ какъ они несутъ на себѣ всѣ городскія тягости наравнѣ со всѣми остальными мѣщанами.

Повѣренный мѣщанъ поставилъ вопросъ на ту почву, на которой споры были совершенно невозможны. Онъ сослался на рядъ привилегій, исходатайствованныхъ мѣщанами христианами, слѣдовательно на такіе документы, въ которыхъ говорить о евреяхъ не было никакого основанія.

Такъ, онъ привелъ грамоту на магдебургское право короля польскаго, великаго князя литовскаго Ягайла отъ 1390 г., подтвержденную въ 1408 г. великимъ княземъ Витовтомъ, въ которой сказано совершенно опредѣленно, что это право, пожалованное совсѣми доходами городу Берестью, распространяется

только на лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія и національно-стей: польской, русской и нѣмецкой¹.

Эта привилегія была затѣмъ подтверждена въ 1440 г. Казиміромъ Ягеллономъ, въ 1505 г. королемъ Александромъ, подтверждена и расширена королемъ Сигизмундомъ I въ 1511 г., въ Брестѣ, на «сеймѣ вальномъ». Въ силу этой послѣдней привилегіи мѣщанамъ пожалованы сборы съ мѣръ сыпучихъ и жидкихъ предметовъ, сборъ съ торговли на столахъ мелочнымъ товаромъ и сукномъ, а равно съ продажи меду, пива, водки, съ лавокъ мясныхъ и производящихъ торговлю разными иными товарами и городской бани. Доходы со всѣхъ этихъ статей, собираемые въ ратушу, назначены для выгоды «народу христіанскаго». Разрѣшивъ городу имѣть три ярмарки въ годъ, король въ то же время обязалъ всѣхъ «подданныхъ» частныхъ владѣльцевъ, которые-бы занимались наравнѣ съ мѣщанами торговлею и ремеслами, отбывать наравнѣ съ мѣщанами всѣ податныя обязанности.

Равнымъ образомъ, только мѣщанамъ брестскимъ король Сигизмундъ разрѣшилъ эту грамотою пользоваться лѣсомъ изъ королевскихъ пуцъ для постройки и ремонта мостовъ.— Эти привилегіи мѣщанамъ христіанамъ были подтверждены затѣмъ въ 1551 г., Сигизмундомъ Августомъ, а въ 1576 г., самимъ Стефаномъ Баторіемъ.

Мысль, проводимая повѣреннымъ брестскихъ мѣщанъ объ исключеніи евреевъ изъ пользованія городскими доходами отбѣнена была, какъ мы видѣли, ссылкой на то мѣсто привилегіи Сигизмунда I, въ которомъ «подданные» частныхъ владѣльцевъ, хотя и христіане, устранялись отъ участія въ городскихъ доходахъ, хотя и обязаны были нести податныя тягости наравнѣ съ мѣщанами.

Не ограничиваясь этимъ, повѣренный сослался на весьма важное въ Литвѣ доказательство, а именно, на реальное пользованіе городскими доходами: пользованіе этими доходами всег-

¹ „то меновите доложено, ижъ яко право найдеборское, такъ и вси пожитки тому месту Берестейскому наданы, одно людемъ тыхъ народовъ: полского, русского и немецкого, закону христіанскаго масть уживати (sic!)».

да принадлежало однимъ только мѣщанамъ, евреи же никогда не пользовались не только четвертою частью, но даже чѣмъ бы то ни было.

Что же касается предписанія короля Сигизмунда I брестскимъ мѣщанамъ о допущеніи евреевъ къ четвертой части городскихъ доходовъ, на чѣмъ евреи и основываютъ свой искъ, то всякое значеніе этого напоминанія, выданнаго по недоразумѣнію, уничтожается судебнымъ приговоромъ того же короля Сигизмунда I, состоявшимся черезъ 2 года, по поводу этого же напоминанія.

Въ этомъ судебномъ опредѣленіи отъ 1531 г., мая 20, король Сигизмундъ объясняетъ, что хотя онъ и позволилъ евреямъ брестскимъ пользоваться четвертою частію доходовъ отъ городскихъ «мѣръ, воскобойни, постригальни и вина горѣлого», а также заниматься ремеслами, въ виду того, что евреи несутъ вмѣстѣ съ мѣщанами всѣ податныя обязанности, но въ виду представленныхъ ему мѣщанами привилегій его предшественниковъ и его собственныхъ пожалованій, изъ которыхъ видно, что упомянутыми доходами всегда пользовались мѣщане христіане, король отмѣняетъ свое прежнее распоряженіе въ пользу евреевъ, тѣмъ болѣе, что они не представили жалованной грамоты на эти права, выданной имъ королемъ Александромъ.

Отмѣнивъ свое распоряженіе, король предоставилъ однако евреямъ право вновь возбудить это же дѣло, если они отыщутъ грамоту короля Александра, которая, по ихъ словамъ, находилась гдѣ то далеко у ихъ друзей. Однако, въ теченіи 50 лѣтъ евреи не позаботились объ отысканіи этой привилегіи, по этому какъ не имѣли, такъ и не имѣютъ права на пользованіе четвертою частію упомянутыхъ городскихъ доходовъ.

Реплика оставалась за Шаулемъ Юдичемъ.

Не имѣя возможности представить привилегію короля Александра, онъ не считалъ однако дѣла проиграннымъ:

По истеченіи четырехъ лѣтъ послѣ упомянутаго дѣла объяснилъ онъ, въ 1534 г., мая 8, въ Вильнѣ, король Сигизмундъ I далъ всѣмъ евреямъ, живущимъ въ В. Княжествѣ Литовскомъ, льготную грамоту, въ которой, между прочимъ,

зано, что евреи, не только въ г. Брестѣ, но и повсюду въ Литвѣ, имѣютъ право на часть городскихъ доходовъ, пропорціональную той суммѣ, которую евреи даютъ въ помощь мѣщанамъ для уплаты серебщизны ¹.

Подтвердить документально пользованіе этимъ правомъ со стороны брестскихъ евреевъ Шауль Юдичъ не находилъ возможности лишь потому, что въ 1568 г., во время пожара г. Бреста, квитанціи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми привилегіями евреевъ, сгорѣли въ домѣ Давида Шмерлевича.

Что евреи не потеряли права пользованія отыскиваемой ими частью городскихъ доходовъ явствуетъ, далѣе, изъ предписанія короля Сигизмунда Августа, отъ 28 октября 1568 г., въ Варшавѣ, въ которомъ онъ приказываетъ войну, бурмистрамъ, радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ брестскимъ не препятствовать евреямъ какъ въ полученіи четвертой части городскихъ доходовъ, согласно пожалованіямъ («водлугъ данинь») королей: Александра и Сигизмунда I, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, давать евреямъ четвертую часть вновь установленнаго мостоваго сбора для того, чтобы евреи могли покупать дѣсь, необходимый для постройки и ремонта своей части мостовъ.

Этимъ же распоряженіемъ Сигизмундъ Августъ предписалъ мѣщанамъ не дѣлать препятствій евреямъ въ отправленіи ремесль.

Такимъ образомъ, вопросъ переводился съ узкой почвы частной привилегіи Брестской еврейской общины въ широкую область привилегіи съ обще-государственнымъ характеромъ, привилегіи всѣмъ евреямъ В. Княжества Литовскаго.

Нельзя не признать, что оборотъ, приданный дѣлу Шаулемъ

¹ Такъ понимаемъ мы темное мѣсто декрета такую часть, которую (евреи) даютъ мѣщанамъ «ку помочи на насъ, господара.»—Подать же, которая уплачивалась въ казну деньгами съ городовъ была, главнымъ образомъ, серебщизна. Но, быть можетъ, въ текстѣ идетъ рѣчь и объ ординациѣ или какомъ либо чрезвычайномъ сборѣ, такъ какъ если бы имѣлась въ виду обычная ежегодная плата, вносимая каждымъ городомъ, то объ этомъ было бы сказано опредѣленно; какъ напр., относительно той суммъ, которую, уплачивали виленскому магистрату виленскіе евреи, ср. нашъ «Очеркъ исторіи виленской еврейской общины», «Восходъ» 1887 г.

Юдичемъ, былъ весьма удачнымъ, хотя и находился въ противорѣчїи съ обыкновенною канцелярскою рутиною того времени: вмѣсто привычнаго ограниченїя пространства дѣйствїя закона узкимъ кругомъ какой либо ничтожной территорїи или незначительной группы опредѣленнаго класса лицъ, высказывается мысль, впервые ясно поставленная въ Литвѣ Старымъ Литовскимъ Статутомъ, что право должно быть общимъ для всѣхъ подданныхъ и во всѣхъ частяхъ Литовскаго государства¹. Отсюда же вытекалъ цѣлый рядъ законоположенїй Сигизмунда I и въ особенности Сигизмунда Августа; но партикуляризмъ такъ былъ силенъ въ Литвѣ, что до самаго паденїя Польско-Литовскаго государства удалось установить общее право развѣ для одного только шляхетскаго сословія.

Если припомнить далѣе, что въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ неизвѣстно было правило, что позднѣйшїй законъ отмѣняетъ законъ предъидущїй, развѣ на это нѣтъ прямого указанїя, то станетъ понятно, что для Шауля Юдича и не оставалось иного выхода, какъ тотъ, на который мы указали: Если при столкновенїи противорѣчивыхъ привилегїй моментъ времени не играетъ никакой роли, то остается поставить вопросъ о территорїальномъ пространствѣ дѣйствїя закона (т. е. какой округъ, кварталъ, домъ обладаютъ извѣстнымъ правомъ), или же постараться опредѣлить пространство дѣйствїя закона по лицамъ, на основанїи принадлежности ихъ къ тому или иному классу.

Шауль Юдичъ, не оспаривая правъ, дарованныхъ брестскимъ, мѣщанамъ различными королями, настаивалъ на томъ: 1) что Сигизмундъ I грамотою 1534 г. основалъ не для брестскихъ только, но для всѣхъ литовскихъ евреевъ право участїя во всѣхъ городахъ въ пользованїи городскими доходами, пропорціонально

¹ *Литовскїй Статутъ 1529 г.*, Раздѣлъ первый, артикулъ 9 „Тежъ хочемъ и вставляемъ, и вѣчными часи маєть бытъ ковано: жъ вси подданыи Наши такъ вбоіе, яко и богатые которого раду колеге або стану были, ровно а одностайнымъ тымъ писанымъ правомъ мають сужоны бытъ“. Тоже общаю развѣ Сигизмундомъ I въ привилегїи 1522, гдѣ онъ говоритъ «... *Decrevimus omnibusque et singulis incolis et indigenis, quaecumque nobilitate et praeeminentia fulgentibus unum jus scriptum... dare et largiri in perpetuum.*»

той помощи, которую евреи оказывали мѣщанамъ, въ каждомъ данномъ городѣ, для уплаты государственныхъ податей; 2) что распоряженіе Сигизмунда Августа, данное по частному случаю, подтверждало общій принципъ, выраженный въ грамотѣ 1534 г.; 3) что распоряженіе о правѣ участія въ четвертой части доходовъ—совершенно тождественно, по своему характеру, съ правомъ евреевъ на занятія ремеслами, дарованнымъ евреямъ грамотами Александра и Сигизмунда I, и подтвержденнымъ упомянутымъ распоряженіемъ Сигизмунда Августа.

Возраженія повѣреннаго мѣщанъ не сходили со старой почвы: настаивая на томъ, что брестскіе евреи декретомъ 1531 г. лишены права пользованія четвертою частью доходовъ, такъ какъ во время суда не представили привилегіи, на которую ссылались, а впоследствии не хлопотали о пересмотрѣ этого рѣшенія, Лавринъ Дудкевичъ ссылался на столь любезную литовскому праву давность, старину. Отъ пожалованія королемъ Якгайломъ грамоты на Магдебургское право г. Бресту, для христіанскаго населенія, до 1534 г., когда Сигизмундъ впервые дозволилъ всѣмъ литовскимъ евреямъ пользоваться нѣкоторою частью городскихъ доходовъ, прошло 149 лѣтъ, въ теченіи которыхъ всѣми городскими доходами пользовались одни мѣщане.

Въ теченіи 18 лѣтъ съ пожалованія грамоты Сигизмундомъ I евреи не только не пользовались предоставленнымъ ими правомъ, но даже и не заявляли о томъ официально никакихъ претензій; поэтому повѣренный мѣщанъ настаивалъ, чтобы и впредь пользованіе городскими доходами г. Бреста предоставлено было, по старому, однимъ только мѣщанамъ-христіанамъ, тѣмъ болѣе, что пользованіе это подтверждено г. Бресту, сообразно стариннымъ привилегіямъ, и королемъ Сигизмундомъ и Стефаномъ Баторіемъ.

Такимъ образомъ, для короля и его совѣтниковъ возникалъ не только обыкновенный случай «столкновенія привилегій»; разрѣшеніе этого столкновенія, въ данномъ случаѣ, осложнялось несогласимымъ противорѣчіемъ принципомъ, на которое мы указали выше.

Поэтому то и король въ своемъ декретѣ разрѣшаетъ столк-

новеніе, руководясь не только старинными началами, но утилизируя новые принципы, ссылаясь на примѣры другихъ государствъ, на права, принадлежащіе не тому или другому незначительному союзу, общинѣ, а цѣлому разряду лицъ, составляющихъ одно цѣлое лишь на пространствѣ всего государства:

Въ виду того, говоритъ король, что, во 1) изъ представленныхъ мѣщанами привилегій оказалось, что магдебургское право пожаловано только мѣщанамъ-христіанамъ и, во 2) что евреи, за непредставленіемъ жалованной грамоты короля Александра признаны (въ 1531 г.) не имѣющими права на четвертую часть доходовъ г. Бреста, а *маврое* («наболѣй»), въ 3) что нигдѣ въ иностранныхъ христіанскихъ государствахъ а также въ Польшѣ и В. Княжествѣ Литовскомъ не практикуется участіе евреевъ въ городскихъ доходахъ, постановляется ¹.

1) Сохранивъ въ силѣ старинныя привилегіи брестскихъ мѣщанъ и утвердивъ декретъ короля Сигизмунда, оставить мѣщанъ христіанъ при пользованіи всѣми, безъ исключенія, городскими доходами, согласно привилегіямъ; евреевъ же навсегда устранить отъ всякаго въ томъ участія.

2) Принявъ, далѣе, во вниманіе, что брестскіе евреи, проживая въ городѣ Брестѣ, занимаются купечествомъ, торговлею въ раздробь, продажею напитковъ и различными ремеслами на одинаковыхъ правахъ («весполь») съ мѣщанами берестейскими, они обязуются къ отправленію тѣхъ городскихъ повинностей и уплатѣ тѣхъ податей, которые они издавна отбывали.

Таковъ былъ приговоръ королевскаго суда.

На первый взглядъ, кажется, что повѣренный брестской общины потерпѣлъ полное фіаско, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, мы видимъ, что рѣшеніе суда давало брестскимъ евреямъ весьма важныя выгоды.

¹ „А што наболѣй, уважаячи ить се то нигди въ панствахъ постороннихъ хрестыанскихъ а ни въ панствѣ Нашомъ Корунѣ Полской и В. Князьствѣ Литовскомъ не заховывають, абы жидова въ местехъ до ужываниа пожитковъ местскихъ были принуцены.“

Правда, вопросъ о правѣ участія въ четвертой части доходовъ г. Бреста былъ рѣшенъ не въ пользу евреевъ. Но едва ли евреи и сами могли рассчитывать на рѣшеніе въ свою пользу, такъ какъ рѣшеніе короля Сигизмунда и фактъ не пользованія доходами въ теченіи почти 48 лѣтъ не могли быть неизвѣстны членамъ общины.

Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что въ противность старому литовскому отвращенію къ замкнутымъ ремесленнымъ и торговымъ корпораціямъ, съ Дюблинской уніи, подъ влияніемъ паденія торговли и ремеслъ, съ одной стороны, и распространенія сословнаго духа, съ другой, ремесленники и торговцы спѣшатъ вооружиться по образцу Польши орудіемъ противу ненавистой конкуренціи. Цехи, корпораціи, преслѣдованіе цеховыхъ рабочихъ и не принадлежащихъ къ гильдіямъ купцовъ становятся мало по малу обыденнымъ явленіемъ.

Поэтому-то для евреевъ весьма важно было установленіе совершенно точнымъ образомъ того принципа, что для нихъ, евреевъ, занятіе ремеслами и торговлею не связано съ обязанностію принадлежать къ тому или иному цеху или гильдіи. Установленіе этого принципа мы и встрѣчаемъ въ только что приведенномъ рѣшеніи, правда, пока только для брестскихъ евреевъ.

Рѣшеніе королевское было для нихъ тѣмъ болѣе надежнымъ, что право безпрепятственнаго занятія ремеслами и торговлею, было мотивировано отбываніемъ повинностей и уплатою податей наравнѣ съ брестскими мѣщанами, такъ что требованію мѣщанъ участвовать въ цехахъ евреи могли смѣло противопоставить опредѣленіе королевскаго суда: Право занятія торговлею и ремеслами зависитъ не отъ принадлежности къ цеху, а отъ участія евреевъ въ городскихъ повинностяхъ и податяхъ. Отрицать за евреями это право возможно было не иначе, какъ освободивъ ихъ отъ всѣхъ городскихъ тяжестей. Понятно само собою, что чѣмъ бѣднѣе становились мѣщане и чѣмъ богаче и многочисленнѣе становилась брестская еврейская община, тѣмъ менѣе могло приходить въ голову мѣщанамъ требовать принадлежности евреевъ къ цехамъ и корпораціямъ.

А стоитъ только взглянутъ на безконечныя столкновенія и нескончаемыя процессы цехо въ и гильдій между собою, чтобы вполне оцѣнить тѣ выгоды, которыя приобрѣла Брестская еврейская община, получивъ право на занятіе промыслами и торговлею, свободное отъ принадлежности къ цехамъ.

С. А. Бершадскій.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Я молился: „Боже правый!
Воскреси, верни народу
Блескъ его минувшей славы—
Силу, мудрость и свободу,

„Тѣ порывы, тѣ стремленья,
Что кипѣли въ немъ когда-то!“ ...
Но Господь не внялъ моленью:
Нѣтъ минувшему возврата.

Нѣтъ возврата силѣ твердой,
Что росла въ смятеньи боя
И врагу кидала гордо
Вызовъ мощнаго героя.

И, томясь въ тоскѣ, въ неволѣ,
Я взывалъ: „О, Боже правый!
Если нѣтъ возврата болѣ
Для минувшей нашей славы,—

„Въ дни печали, въ дни страданья
Воскреси въ насъ, Богъ могучій,
Духъ живой негодованья,
Гнѣва, злобы пламень жгучій!“ ...

„Для кого?“ — я внялъ отвѣту —
 „Кто, народъ мой, врагъ твой иныѣ?...
 Вѣренъ древнему завѣту,
 Предашь истинной святинѣ,

„Предока твой враговъ подобныхъ
 Властнымъ окрикомъ-бы встрѣтилъ,
 На задоръ клеветъ ихъ злобныхъ
 Громкимъ смѣхомъ-бы отвѣтилъ!

„Гнѣвъ и злоба!... Кто-жъ достоинъ
 Этой злобы? — Предъ тобою
 Развѣ смѣлый, честный воинъ,
 Каждый часъ готовый къ бою? —

„Это алчное шипѣнье,
 Скрежетъ зависти голодной —
 Съ ними-ль битва? Имъ-ли мщенье?
 Имъ-ли гнѣвъ души народной?...

„Не безслѣдно-ль капля канетъ
 Въ глубину морской пучины?...
 Кто рубить булатомъ станетъ
 Съѣтъ истлѣвшей паутины!“ ...

С. Фругъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА ¹.

Яффа 26-го августа 1882 г.

Я еще такъ мало говорилъ о нашей жизни; но я употребляю неимоверныя усилія, когда пишу и это немного. Изъ 19 мужчинъ никогда не работаетъ болѣе 12-ти, а иногда и 8. Мы кругомъ въ долгахъ. Еслибы не увѣренность арабовъ-лабочниковъ въ нашемъ неимоверномъ богатствѣ мы могли бы умереть съ голоду. Пища скудная: хлѣбъ, виноградъ, а вечеромъ супъ изъ фасоли; чай пьемъ только вечеромъ, о мясѣ и рѣчи не можетъ быть. Послѣ нашего прїѣзда была сходка, на которой мы отдали бывшіе у насъ 200 руб. (50 р. мы израсходовали въ день прїѣзда) Б*, нашему представителю и кассиру. Тогда же былъ предложенъ вопросъ, долженъ ли быть расходъ не больше дохода. Этотъ повидимому странный вопросъ для насъ весьма важенъ. Дѣло въ томъ, что мы зарабатываемъ въ мѣсяць около 90 руб.; одинъ хлѣбъ обходится намъ въ 50 руб. Живя даже такъ, какъ теперь, мы расходуетъ больше 150 р.; слѣдовательно, если сравнить расходъ съ приходомъ, мы должны удовольствоваться исключительно однимъ хлѣбомъ, не расходовать на разныя переписки, хлопоты, разѣзды, что невозможно. Вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Тогда заговорили о томъ, чтобы отказаться отъ куренія и чаю, и пришли къ тому заключенію, что такъ какъ эти два предмета для многихъ составляютъ предметъ необходимости, то партія не можетъ заставить своихъ членовъ отказаться отъ этихъ привычекъ! Кончили тѣмъ, что выбрали комиссію изъ

¹ См. „Восходъ“, кн. I—II.

4 человекъ, которая бы старалась по возможности сокращать расходы; но и то сказать, что уже и самый лучший экономистъ тутъ подѣлаетъ? Я тогда же задалъ себѣ вопросъ: это тѣ то люди не могутъ отказаться отъ чаю и табаку, которые вездѣ протрубили о своей готовности умереть за идею? Отъ этого вопроса я перешелъ къ другому: отчего это изъ 19 чел. работаетъ только половина? Отвѣтъ чрезвычайно прискорбный: несогласія и раздоры партіи всему виною. Изучая лица и отношенія, я замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, составъ партіи далеко не такой, какъ всѣ думали. Общество съ такимъ громкимъ именемъ, члены котораго именуютъ себя интеллигентными пионерами великаго дѣла колонизаціи Святой Земли, должно быть безукоризненно въ своемъ составѣ. Но это было бы еще поправимо. Эти люди все таки, не щадя силъ и здоровья, съ любовью и настойчивостью работаютъ, вѣдь и они многимъ пожертвовали и многое готовы сдѣлать. Идеинная дѣятельность и среда подняли бы ихъ духовно, заставили бы подчиниться авторитету другихъ, еслибы наши заправилы стояли на высотѣ своего призванія. Но, считая себя выше всѣхъ, «делегаты» рѣшили, что съ подобными людьми надо быть строгими, не давать воли и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно отличался одинъ, прозванный «генераломъ», который еще до моего приѣзда уѣхалъ изъ Яффы; онъ и Б* были оба «делегатами». Со всѣми онъ обращался пренебрежительно, нахально; при малѣйшемъ непослушаніи угрожалъ исключеніемъ, двоихъ исключилъ таки, какъ не преданныхъ идеѣ, ввелъ такой терроръ, что нѣкоторые стали лѣстить, появились даже доносы (!!). Образовались даже двѣ партіи: монархическая и республиканская. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда скандаловъ, «генералъ» уѣхалъ, а на его мѣсто прибылъ съ нами Фрицъ. Но такъ какъ мы перестали вѣрить въ успѣхъ Центральнаго Бюро, т. е. въ полученіе отъ султана фирмана на землю, — собранія всей партіи (миѣическихъ 525 чел.) пришлось бы вѣчно ждать, — а положеніе наше становится все безысходнѣе, надежды на разныхъ лицъ разбиваются, то мы, поставленные лицомъ къ лицу съ серьезнымъ вопросомъ о нашей будущности, не можемъ предоставить нашу участь на произволь двухъ людей. Для того,

чтобы примирить всѣхъ, Ф* заявилъ, что каждую пятницу делегаты будутъ рассказывать о томъ, что сдѣлали за недѣлю. На первый разъ и этого было довольно, на время водворилось спокойствіе; но чрезъ нѣсколько дней неудовольствіе опять стало проявляться: «Откуда мы знаемъ, что они намъ правду скажутъ, да и почему они не совѣтуются съ нами?» Намъ, конечно, ничего бы не стоило сразу отвязаться отъ делегатовъ, но во имя нашей идеи мы принуждены соблюдать наружное единство и избѣгать скандаловъ. Делегаты у насъ не идутъ на работу, и поэтому многіе недовольные часто по капризу также сидятъ дома:—«Съ какой, моль, стати мнѣ работать на этихъ дармоѣдовъ?» Остается одинъ по болѣзни, изъ-за него уже не работаютъ другіе двое. И это все благодаря раздорамъ, которые сѣютъ между нами делегаты. На-дняхъ Ф. созвалъ сходку и обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Вы должны знать, что на Ц. В. намъ нечего надѣяться, всѣ его хлопоты не удались, поэтому намъ нужно самимъ позаботиться о своей судьбѣ и самимъ дѣйствовать. Было бы въ высшей степени важно, если бы мы могли купить въ «Ришонъ Леціонъ» хоть 50 десятинъ земли для того, чтобы быть въ правѣ заявить въ Россіи, что у насъ есть земля и недостаетъ лишь на обеза-деніе; тогда мы навѣрное могли бы рассчитывать на помощь извнѣ. Эти 50 дес. должны стоить 3,600 руб. Бывши въ Іеру-салимѣ, я переговорилъ тамъ съ однимъ банкиромъ, который согласился дать намъ 2000 руб. по 12% съ тѣмъ, чтобы въ теченіе года уплатить эти деньги въ три срока. Поэтому я предлагаю найти способъ для добытія остальныхъ 1,600 руб.». Сознывая всю важность приобрѣтенія хоть маленькаго клочка земли, мы рѣшили купить столько десятинъ, сколько можно на 2,000 руб.

3 сентября 1882 г.

27-го августа банкиръ отказался отъ своего обѣщанія. И эта надежда лопнула, а между тѣмъ делегаты открыли всѣмъ глаза, никто уже не надѣется на Ц. В. Когда мы на слѣдующій день пошли на работу, никто не могъ паша поднять; при такомъ состояніи духа мы и часа не могли бы больше оста-

ваться въ Яффѣ. Но тутъ новая надежда оживила насъ. 30-го августа прѣхалъ въ Миквэ-Израиль ея основатель, членъ Alliance'a, Карлъ Неттеръ. Хотя Ф. утверждаетъ, что, такъ какъ Alliance противъ колонизаціи, мы Неттера «должны считать врагомъ и непременно хорошенько вздуть»,—но мы смотримъ на это иначе, и пока вся наша надежда на него. Въ колоніи служить нѣкто Оссовецкій, одинъ изъ бродскихъ эмигрантовъ, котораго Неттеръ изъ Бродъ послалъ въ Миквэ-Израиль въ качествѣ учителя къ дѣтямъ. Когда мы 31-го утромъ пришли на работу, онъ сказалъ намъ, что Неттеръ наканунѣ долго говорилъ съ нимъ, спрашивалъ о нашей партіи, хорошо-ли и давно-ли она работаетъ, сколько въ ней человѣкъ; онъ предупредилъ насъ, что Неттеръ придетъ посмотрѣть на нашу работу и чтобы мы постарались отличиться, такъ какъ можемъ отъ него многого ожидать. Нѣмецъ-виноградаръ также намъ рассказалъ, что Неттеръ его много спрашивалъ о насъ, интересовался нашей работой, подробностями; нѣмецъ отозвался о насъ хорошо и въ свою очередь просилъ, если Неттеръ заинтересуется узнать—учить ли онъ насъ работѣ, чтобы мы отвѣчали утвердительно. Часовъ въ 9 кто-то крикнулъ: «Неттеръ!»—и мы дружныѣ налегли на пеши. Уже, вѣроятно, хороша была наша работа! Неттеръ оказался въ сопровожденіи всей администраціи колоніи (Гиршъ теперь въ отлучкѣ, въ Парижѣ). Онъ подошелъ, поздоровался и съ участіемъ спросилъ у С., стоявшаго впереди, каково намъ работается, гдѣ и какъ живемъ.

— Работайте, господа, не падайте духомъ! И я бы за счастье почелъ предаться земледѣлію на Св. Землѣ нашихъ предковъ, да годы ужъ не тѣ!—сказалъ онъ и пошелъ дальше. На слѣдующій день, пришедши на работу, мы уже застали Неттера на ногахъ; вмѣстѣ съ привезеннымъ имъ изъ Египта французскимъ садовникомъ Дигуромъ, онъ измѣрялъ какое-то мѣсто около шоссе. Онъ велѣлъ намъ взять пеши и очищать бурьянъ съ отмѣреннаго прямоугольника. Оссовецкій и Дигуръ шепнули намъ, что это для насъ домъ будутъ строить. Мѣсто было живо очищено, и мы съ горячностью принялись рыть фундаментъ. Вслѣдствіе жгучихъ лучей солнца и шестимѣсячной засухи, земля тверда какъ камень; пеши откакиваютъ, ломаются; послѣ де-

сятка ударовъ удается отдѣлить маленькій кусочекъ земли, которая такъ сильно прилипаетъ къ нему, что каждый разъ надо руками отрывать. Когда, по обыкновенію, пришелъ мальчикъ погонять насъ, Неттеръ прогналъ его и не велѣлъ никогда приходиться. Почти все время Неттеръ стоитъ и любуется нашей работой; у многихъ отъ усталости ноги подкашиваются, но они не позволяютъ себѣ при немъ отдохнуть. Проходя однажды мимо насъ, Неттеръ намъ сказалъ: «Вотъ я построю домъ, и вы будете имѣть здѣсь квартиру на зиму». Вообще, наши надежды на него становятся съ каждымъ днемъ основательнѣе.

7 сентября 1882 г.

Еще 30 августа, въ день пріѣзда Неттера, у насъ была сходка; надо было вступить съ нимъ въ переговоры. По обыкновенію, делегаты намѣрены были взять это дѣло на себя, но такъ какъ имъ не довѣряютъ, то рѣшились выбрать къ нимъ еще третьяго. Делегаты начали кричать, что съ третьимъ они не пойдутъ, что они и не съ такими лицами говорили, а теперь имъ ужъ не довѣряютъ; вотъ благодарность за всѣ труды и лишенія, которыя они переносили наравнѣ со всѣми!.. Началась горячая перебранка, во время которой съ Ф. приключился истерическій припадокъ. Въ концѣ концовъ сходка выбрала Слуцкаго. В. и Ф. заявили, что выйдутъ отъ насъ и составить другую партію. Когда мы на слѣдующій день пришли съ работы, то узнали, что пріѣхали братъ и сестра В. съ еще однимъ молодымъ человѣкомъ; ихъ не спустили и Ф. отправился съ ними въ Портъ-Саидъ, чтобы провести ихъ сухимъ путемъ. Въ послѣднее время русскихъ евреевъ даже съ тепере перестали впускать въ Яффу. Прежде маклера пріѣзжали на пароходъ и раздавали имъ англійскіе или другіе паспорта. Но теперь стало въ высшей степени строго. Ни одного маклера не пускаютъ на пароходъ; съ прибытіемъ послѣдняго туда является турецкая полиція, отбираетъ документы у не-русскихъ евреевъ и удаляется. Такія же строгости и въ Бейрутѣ. Такимъ образомъ несчастныя семейства, взглянувъ только издали на Яффу, тѣмъ же пароходомъ возвращаются въ Россію послѣ того какъ они уже разстроили свои дѣла, распродали хозяйства

и, израсходовавъ послѣднія деньги на безплодную поѣзду, разорились въ пухъ и прахъ.

И такъ, за отъѣздомъ Ф., Б. остался одинъ и хотя все еще дулся, однако не приводилъ въ исполненіе своей угрозы. Вчера утромъ онъ съ С. отправился къ Неттеру. Во время полдневнаго отдыха пришелъ къ намъ Б. и разсказалъ о результатѣ своего посѣщенія. Прежде всего они зашли къ Оссовецкому; послѣдній предложилъ вмѣстѣ съ ними идти къ Неттеру; но такъ какъ онъ и Б. не знаютъ нѣмецкаго, а С. — французскаго языка, то рѣшено было, чтобы С. ушелъ домой. При ихъ входѣ Неттеръ, однако, велѣлъ Оссовецкому удалиться и сталъ говорить съ однимъ Б. Послѣдній поблагодарилъ за обѣщанную намъ на зиму квартиру, но Неттеръ поспѣшилъ замѣтить, что онъ ничего не общаетъ, а надѣется, что въ имѣющемъ выстроиться домѣ найдется и для насъ помѣщеніе. Вообще Неттеръ держался очень осторожно, рѣшительно ничего не обѣщалъ и просилъ на него слишкомъ не рассчитывать. Кончивъ свой разсказъ, Б. ушелъ. Водворилось зловѣщее молчаніе, предвѣщавшее бурю. Вдругъ одинъ вскочилъ и началъ ругать всѣхъ и все. По обыкновенію, во всемъ винили К. и придрались именно къ тому, въ чемъ онъ меньше всего былъ виновенъ.

— Насъ, закричали всѣ, за носъ водятъ, какъ мальчугановъ! Мы выбрали С., но отъ него счумѣли избавиться. Невозможно, чтобы Неттеръ, обѣщавши намъ хорошую квартиру, взялъ свое слово назадъ: это Б. виноватъ, онъ не хочетъ, чтобы мы устроились и, вѣроятно, говорилъ съ Неттеромъ не такъ, какъ слѣдовало! И со стороны С. это измѣна, онъ подлець! Сходъ его выбралъ, такъ онъ долженъ былъ во чтобы-то ни стало идти. Какое право онъ имѣлъ уступить свое мѣсто какому-то Оссовецкому?

— Ужъ я больше не дамъ себя дурачить!

— Завтра же я уѣзжаю!

Многіе предлагали, чтобы немедленно всѣмъ пойти къ Неттеру и просить его, но это намѣреніе успѣли отклонить.

10 сентября 1882 г.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, замѣтивъ, что мы стали

печальны и вяло работаемъ, Неттеръ зазвалъ одного изъ насъ къ себѣ и началъ утѣшать его: «Хотя вы еще не работаете такъ, какъ арабы, однако я доволенъ вами. Не грустите, не надайте духомъ. Зимомъ вы уже не будете такъ страдать. Когда домъ будетъ готовъ, я возьму васъ сюда, увеличу вашу плату, такъ, чтобы вы могли жить сносно, а къ веснѣ, я надѣюсь, вы будете имѣть землю». Онъ также сказалъ, что по окончаніи фундамента, мы сами будемъ вырубать камень и по возможности исполнять всѣ работы по постройкѣ дома. Онъ о насъ написалъ уже два письма въ Парижъ, какъ намъ рассказывалъ увивающійся около него Оссовецкій.

Итакъ, я лично мало обезкураженъ официальнымъ отказомъ Неттера. Когда я перебираю въ умѣ всѣ подробности его обращенія съ нами, я не могу допустить, чтобы онъ попусту такъ непритворно и сильно интересовался нами. Зная насъ всего нѣсколько дней и не снесшись еще съ Alliance'омъ, онъ, какъ опытный человѣкъ, не долженъ былъ обнадеживать насъ и связывать себя въ чемъ бы то ни было. Этотъ взглядъ раздѣляютъ еще нѣкоторые, но—словья баснями не кормятъ. Мы ни откуда не рассчитываемъ на помощь; всѣ обѣщанія, которыми такъ щедро надѣляли насъ предъ выѣздомъ изъ Россіи, кончились ничѣмъ. И вотъ послѣдняя и единственная наша надежда—на Неттера, повидимому, разбита. Если бы мы хоть были посвящены въ переписку нашей партіи съ различными лицами, принимающими участіе въ дѣлѣ колонизаціи, то, пожалуй, нашли бы еще какую нибудь точку опоры. Но тутъ еще вѣчная борьба съ делегатами, на которую расходуются всѣ наши силы. Днемъ мы работаемъ, а потомъ почти ежедневно бурныя сходы за полночь. Отношенія членовъ другъ къ другу все болѣе обостряются, слова «подлецъ», «сволочь», «мерзавецъ», дуракъ, не составляютъ рѣдкости даже на сходахъ. Удивительно то, что брань эта никогда не вызываетъ серьезныхъ ссоръ и послѣдствій. Въ первое время я при каждомъ такомъ ругательствѣ вздрагивалъ и съ безпокойствомъ ожидалъ, что дѣло дойдетъ до драки. Но съ теченіемъ времени я сталъ привыкать къ такимъ выходкамъ и, чего я не могу себѣ простить, и у меня стали изрѣдка вырываться любезности вродѣ вышеупомя-

нутыхъ. Тѣхъ, которые настолько развиты и владѣютъ собою, что умѣютъ молчать во время, подозрѣваютъ и считаютъ измѣнниками. Словомъ, жизнь адская. На-дняхъ прибыли еще тѣ трое, о которыхъ я выше говорилъ, такъ что въ партіи теперь 24 человекъ, изъ нихъ три дѣвушки. Много больныхъ; на этой недѣлѣ отъ тяжелой работы у одного сильно стала болѣть грудь, а у С. опухла рука, онъ страдаетъ невыразимо; ему уже два надрѣза дѣлали.

18 сентября 1882 г.

13-го числа у насъ была сходка, на которой послѣ бурныхъ споровъ рѣшено было: не пить болѣе чая и не курить табаку. Но на дѣлѣ это, конечно, исполняется только тѣми, которые работаютъ. Делегаты же и кой какіе привилегированные не хотятъ отказаться отъ этихъ привычекъ, говоря, что покупаютъ на свои деньги. Но кто ихъ знаетъ, вѣдь они распоряжаются нашими деньгами, никогда не даютъ намъ отчета; да и какія у нихъ свои деньги? Сегодня мы не завтракали, хлѣба нѣтъ. Уже мѣсяць, какъ у всѣхъ вышло чистое бѣлье; надо нанять двухъ арабовъ на нѣсколько дней, купить дровъ, мыла, а денегъ нѣтъ. Многіе требуютъ, чтобы хозяйки стирали бѣлье, но онѣ не хотятъ. Стыдливость ихъ вообще часто оскорбляется; иные не стѣсняются костюмомъ и ходятъ часто въ однихъ кальсонахъ, а если какая-нибудь сдѣлаетъ замѣчаніе, то её же укорять начнутъ: «Что, моль, за ложный стыдъ такой! Не на балъ, не наряжаться мы сюда пріѣхали. Здѣсь мы не должны вводить излишествъ» и т. д. Исходя изъ истинныхъ положеній, доходятъ до абсурдовъ. Установился какой-то хаосъ въ понятіяхъ. Не могутъ отличить, гдѣ кончаются честность, добро, правда и гдѣ начинаются недобросовѣтность, зло, ложь. Не хочется утромъ кому либо встать на работу,—не спрашивай, по болѣзни, или лѣни. Остается кто дома, чтобы письмо написать, или въ городъ сходить,—стало быть необходимо. «Должно полагаться на добросовѣтность каждаго, предоставлять всякому полную свободу дѣйствій, въ противномъ случаѣ не можетъ быть единства» — вотъ конекъ, на которомъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ выѣзжаютъ, и въ результатѣ изъ 24 че-

ловѣкъ у насъ работаютъ 10. Признаюсь, и моя нравственная устойчивость начинаетъ колебаться, почва подо мною исчезаетъ; не знаю, какъ тутъ провести и примѣнить всѣ тѣ истины и убѣжденія, съ которыми я сюда ѣхалъ. Я усталъ и жажду отдыха. Я не могу управиться со всѣми сторонами нашей жизни, не могу объять и найти вполне логичныя причины всѣхъ явленій. Поэтому то я стараюсь относиться снисходительно къ своимъ товарищамъ, къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ, объясняя все ихъ мрачными, беспросвѣтными обстоятельствами, безнадежнымъ и отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ они такъ внезапно очутились. Всѣ стали нервными, раздражительными; каждый изъ нихъ не разъ уже рыдалъ, забившись куда нибудь въ садъ, или другое укромное мѣсто. Всѣ эти люди ѣхали сюда съ самыми лучшими намѣреніями, разстались съ родными и близкими, отказались отъ всѣхъ удобствъ жизни и все это, чтобы послужить здѣсь идеѣ и начать трудовую и свободную жизнь, — и что же ихъ здѣсь ожидало? Безсовѣстные делегаты превратили ихъ въ рабовъ, лишили человѣческаго достоинства. Изъ за своего низкаго честолюбія, насильно желая быть вершителями судебъ двухъ десятковъ людей, они отравили нашу жизнь, озлобили сердца, посѣвываютъ ненависть и раздоры. Считая себя выше всѣхъ, они полагаютъ, что мы не въ состояніи располагать собою. Еслибы даже это было и такъ, то они должны бы понять, что согласіе есть главное условіе нашего успѣха и во имя этого согласія отказаться отъ своего диктаторства. Поучились бы они у этихъ низшихъ, которые, лишь не желая повредить своей идеѣ, разомъ не освобождаютъ себя отъ нихъ, такъ какъ безъ скандаловъ это не обошлось бы. Я не нахожу никакого оправданія для делегатовъ, и на нихъ должна падать отвѣтственность за всѣ беспорядки.

22 сентября 1882 г.

Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ насъ! Мы уже надѣялись, что зимою будемъ имѣть даровую квартиру и большую плату, какъ всѣ наши расчеты перевернулись вверхъ дномъ. Дней десять тому назадъ на работѣ мы узнали, что Неттеръ немного боленъ. Черезъ два дня послѣ этого намъ велѣли оставить ра-

боту у фундамента, который такъ и не былъ заложенъ. У Неттера былъ старинный катарръ печени, отъ котораго онъ часто страдалъ. Во все время болѣзни онъ не хотѣлъ принимать доктора. Въ понедѣльникъ 20 сентября въ 6 часовъ вечера онъ скончался. Вчера въ полдень были похороны. Когда мы пришли, повсюду на землѣ сидѣли френки въ фескахъ, халатахъ и башмакахъ; тутъ присутствовали консулы и вся яфѣская знать. Ученики выстроились въ два ряда, всѣмъ роздали по свѣчкѣ. Вынесли гробъ, покрытый чернымъ сукномъ, френки подхватили его и понесли. По бокамъ шли ученики съ наставниками во главѣ, а кругомъ шель народъ. Все время шествія френки распѣвали какіе-то заунывные гимны; несшіе гробъ то и дѣломъ ѣлись. Удалось и намъ понести тѣло единственнаго чело-вѣка, на котораго мы возлагали всѣ свои упованія. У южной границы М.-Израильской земли, среди виноградниковъ, мы увидѣли глубоко въ песокъ вырытую могилу, выложенную камнями. Гробъ опустили, сняли сукно, надѣли крышку, наложили сверху доски. Водворилась тишина. Къ краю могилы подошелъ какой-то почтенный старикъ,—то былъ американскій консулъ. Съ достоинствомъ и задушевностью стараго друга онъ началъ перечислять заслуги покойнаго; онъ описывалъ его какъ патріота, отца и брата евреевъ и какъ друга всего человѣчества. По словамъ его, Неттеръ всегда мечталъ о возрожденіи еврейскаго народа посредствомъ приученія его къ земледѣльческому и вообще физическому труду, съ каковою цѣлью онъ основалъ Микве Израиль. Послѣ консула выступилъ хахамъ. Хотя онъ говорилъ по др.-еврейски, но вслѣдствіе френскаго произношенія, напѣва и отрывочнаго горлового звука, я ничего не понялъ. Кончивъ рѣчь, онъ сказалъ «кадишъ» и бросилъ горсть земли въ могилу, его примѣру послѣдовали всѣ. Оссовѣцкій послѣ показалъ намъ отчетъ Alliance'a за послѣдній мѣсяць, гдѣ сказано, что «*Неттеру поручено было позаботиться объ устройствѣ тѣхъ эмигрантовъ, которые работаютъ въ земледѣльческой школѣ въ Яфѣ*».

25 сентября 1882 г.

Легко себѣ представить наше положеніе послѣ послѣдняго удара. Вчера шесть чело-вѣкъ уѣхало обратно въ Россію; трое,

въ томъ числѣ и Ф.—въ Иерусалимѣ. Насъ уже всего осталось 15 человекъ. Трудно сказать, кто тутъ проявляетъ больше твердости, мы, оставаясь, или они, уѣзжая. На чемъ, собственно, мы основываемъ теперь наши надежды? Но, съ другой стороны, поворотъ чрезъ какіе-нибудь три мѣсяца борьбы признать себя побѣжденными и удрать съ поля битвы.

Сегодня мы чуть было не попали въ ловушку миссіонеровъ. Въ Иерусалимѣ существуетъ англійское общество, стремящееся къ обращенію почти исключительно однихъ евреевъ въ христіанство. Такъ какъ послѣ погромовъ въ Иерусалимѣ образовался громадный наплывъ эмигрантовъ, буквально умирающихъ съ голода, а Иерусалимское общество слишкомъ бѣдно, чтобы оказать имъ существенную помощь.—Фридендеръ, глава миссіонеровъ, напустивъ на себя личину филантропа, сталъ принимать въ нихъ особенное участіе. Въ миссіонерскомъ саду стало работать около полтораста евреевъ, имъ платятъ хорошія деньги. Конечно, никто не требуетъ отъ нихъ дѣла, а лишь по нѣскольку разъ въ день читаютъ имъ проповѣди. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадные средства, онъ щедро сыплетъ тысячами фунтовъ стерлинговъ. Многіе евреи, въ душѣ издѣваясь надъ нимъ, но находясь въ безысходномъ положеніи, берутъ. Исходя изъ самоувѣреннаго убѣжденія, что *«кто разъ взялъ деньги у миссіонерозъ, непременно вернется къ нимъ»*, Фридендеръ выдаетъ евреямъ на субботу, праздники, даже на обратную поѣздку въ Россію. Если какой-нибудь еврей начинаетъ для вида проникаться христіанствомъ и бываетъ въ церкви, то получаетъ подарки въ видѣ хорошей одежды, часовъ и другихъ цѣнныхъ вещей. Многіе пройдохи пользуются этимъ и надуваютъ на чемъ свѣтъ стоитъ. До сихъ поръ принялъ христіанство только одинъ. И вотъ сегодня утромъ къ намъ приходитъ одинъ молодой еврей, изысканно и богато одѣтый, представляется и выражаетъ желаніе познакомиться съ уважаемыми членами партіи Билу, о которой онъ такъ много слышался. Такіе визиты незнакомыхъ людей у насъ обычное явленіе. Мы разговорились.

— Удивляюсь, господа, замѣтилъ онъ, что вы не обращаетесь къ Фридендеру.

Это имя было еще намъ незнакомо.

— А кто такой этотъ Фридендеръ?

— Это извѣстный Иерусалимскій филантропъ, состоящій представителемъ одного Лондонскаго общества; онъ помогаетъ всѣмъ бѣднымъ евреямъ и очень богатъ.

— Вы думаете, что онъ согласился-бы устроить насъ?

— Почти увѣренъ. Для него ничего не значать какія-нибудь 30—50 тысячъ рублей. Онъ горячій приверженецъ колонизаціи Палестины евреями и безъ сомнѣнія приметъ въ васъ горячее участіе, какъ въ пионерахъ этого дѣла.

Можно себѣ представить, какъ взволновались, какъ забились наши сердца при этомъ проблескѣ надежды. Неужели спасеніе такъ близко? Мы чуть не бросились обнимать нашего гостя, но удержались и, чтобы поддержать свое достоинство, продолжали бесѣду «политично».

— Позвольте узнать, чему мы обязаны тѣмъ, что вы принимаете въ насъ такое участіе?

— Я узналъ о вашихъ страданіяхъ и о томъ, что, по смерти Неттера, ваши члены стали разъѣзжаться, тогда мнѣ пришла въ голову эта мысль.

— Въ такомъ случаѣ мы обсудимъ это дѣло.

— Только я вамъ совѣтую не откладывать. Пошлите къ нему двухъ человѣкъ: я завтра буду въ Иерусалимѣ и также переговорю съ нимъ и подготовлю, такъ какъ я съ нимъ хорошо знакомъ. Я увѣренъ, господа, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ у васъ будетъ колонія!

— Вѣроятно этотъ Фридендеръ ортодоксъ, какъ и большинство Иерусалимскихъ евреевъ?

— Онъ вовсе не еврей, т. е. еврей, только признаетъ, что Мессія уже былъ...

Но ему уже не дали окончить и просто прогнали его. Внизу у него была привязана верховая лошадь; если бы мы ее раньше увидѣли, то, конечно, не дали бы себя столько дурачить, ибо еврей въ Палестинѣ въ субботу не станеть ѣздить.

Сегодня же Б* созвалъ сходку.

«Господа, началъ онъ, послѣ смерти Неттера намъ уже рѣшительно не на кого надѣяться. Конечно, мы могли бы теперь

хлопотать непосредственно у Alliance'a, но для этого надо послать въ Парижъ человѣка, на что необходимо 400 р., которыхъ намъ невозможно достать. Да и едва ли Alliance согласится устроить насъ въ Палестинѣ, скорѣе всего намъ предложатъ уѣхать въ Америку. Изъ Могилева намъ обѣщали прислать денегъ, но до сихъ поръ ихъ нѣтъ. А между тѣмъ мы должны 280 руб.; со всѣхъ сторонъ у меня требуютъ денегъ, булочникъ и лавочникъ не хотятъ больше отпускать въ долгъ. Если партія рѣшитъ разѣхаться, можно попросить помощи у миссіонеровъ, что неблаговидно, пока партія еще существуетъ. Въ Турціи весьма строго преслѣдуютъ за долги, а вѣдь я одинъ отвѣтственъ предъ всѣми кредиторами. Если вы рѣшите остаться, то найдите источникъ для уплаты долговъ».

Нѣсколько времени длилось тяжелое молчаніе; но вотъ одинъ заговорилъ:

«Намъ предлагаютъ разѣхаться. Правда, никакого разумнаго основанія, практическаго смысла нѣтъ въ нашемъ упорствѣ. Но, вопреки всѣмъ невгодамъ, наша идея слишкомъ дорога для насъ. Собственно говоря, каждый изъ насъ еще въ Россіи обрекъ себя на голодъ и страданія, не рассчитавъ только, что изъ нихъ проистекутъ раздоры... Не забудьте, господа, что никто насъ не просилъ явиться спасителями нашего народа. Мы сами гордо схватили то знамя, которое, можетъ быть, подняли бы болѣе сильные люди. Теперь идетъ вопросъ не о насъ лично, а о великомъ дѣлѣ возрожденія, которое мы собою олицетворяемъ. Больше трети нашихъ членовъ уѣхало. Остальные держатся только тѣмъ, что всѣми силами отгоняютъ отъ себя мрачныя мысли. Я считаю крайне неумѣстнымъ возбуждать опасные вопросы о развѣдѣ: это наше больное мѣсто, котораго мы не должны затрагивать. Конечно, легко было смалодушествовать, будучи за насъ козломъ отпущенія предъ всѣми кредиторами, поэтому я предлагаю прямо приступить къ изысканію способа уплаты долговъ».

Слова эти вдохнули въ насъ новыя силы.

Е. Успенскій.

(Продолженіе будетъ).

ЦАРЬ СІОНСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ ¹.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Вечеръ, узкая улица въ Бетеръ).

(Измаилъ и Самаритянинъ прохаживаются, разговаривая между собой вполголоса).

Измаилъ (оглядываясь вокругъ).

Въ этой пустынной улицѣ ты можешь безопасно сообщить порученіе, которое ты имѣешь передать мнѣ. Говори, но осторожно.

Самаритянинъ.

Северъ получилъ письма изъ Рима, въ которыхъ ему совѣтуютъ обратиться къ тебѣ, какъ къ вѣрному союзнику и подданному Рима. Въ Римѣ находятся еще и теперь твои письма писанныя предъ началомъ возстанія; ты сообщалъ тогда о приготовленіяхъ Баръ Кохбы и совѣтовалъ какъ можно скорѣе усилить римскіе гарнизоны. Ты помнишь эти письма?

Измаилъ (какъ и прежде).

Тише, тише. Я всегда заботился о томъ, чтобы миръ между Римомъ и Іудеей не былъ нарушенъ. Какъ законоучитель, я стараюсь насаждать всегда и вездѣ любовь къ ближнему, прощеніе и миръ. Я хотѣлъ удержать братьевъ моихъ

¹ См. Восходъ, кн. I—II.

Восходъ, кн. 3.

отъ пролитія крови. Увы, мнѣ не удалось достигнуть этого! Твой господинъ, Северъ, послалъ тебя ко мнѣ? ты увѣренъ, что ко мнѣ?

Самаритянинъ.

Къ тебѣ прислалъ онъ меня, предлагая тебѣ соединиться съ нами, чтобы окончить иудейскую войну.

Измаиль.

Если я въ состоянїи буду устранить эти враждебныя отношенія, если при моемъ содѣйствїи водворенъ будетъ миръ, то я охотно послѣдую указанїямъ властей и буду поступать согласно ихъ волѣ.

Самаритянинъ.

Для Севера важно прежде всего удалить Элезара. Ему извѣстно, что Элезаръ поддерживаетъ вѣру и силу среди войска, которое можно будетъ побѣдить, только приведя его въ отчаянїе.

Измаиль.

Да, храбрость нашего войска достойна удивленія! Какъ нѣкогда воины Иисуса Навина, потомъ Давида, такъ и теперь товарищи Баръ Кохбы—самые мужественные солдаты своего времени. Я развилъ эту мысль подробнѣе въ рѣчи, которую я сказалъ во время пира, послѣ послѣдняго сраженія съ римлянами. Всѣ присутствующіе были тогда внѣ себя, а благородный царь нашъ подошелъ ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку. У него были даже слезы на глазахъ, и онъ сказалъ мнѣ: честный, благородный Измаиль!

Самаритянинъ.

Что же будетъ съ Элезаромъ?

Измаиль.

Тебѣ говорилъ самъ Северъ о томъ, что касается Элезара?

Самаритянинъ.

Конечно, самъ, и самъ же онъ придумалъ способъ отдѣлаться отъ него.

Измаилъ.

Слѣдовательно Северъ самъ хотѣлъ бы удалить Элеазара. Дѣйствительно, правду сказать, Элеазаръ вредитъ дѣлу Иудей, не говоря уже о мирѣ. Эта дикость его, его вѣчная восторженность мѣшаетъ ему и другимъ спокойно подумать.

Самаритянинъ.

Смерть его вызвала бы разногласія въ Бетерѣ. Дѣло въ томъ, чтобы Баръ Кохба самъ...

Измаилъ.

Да, это хорошая мысль! Баръ Кохба очень склоненъ быть къ этому, только бы нашлся къ тому поводъ.

Самаритянинъ.

Употребимъ хитрость, чтобы бросить на Элеазара подозрѣніе.

Измаилъ.

Баръ Кохбу я берусь приготовить къ этому. Такимъ образомъ мы устранимъ одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ войны—вліяніе Элеазара. Ахъ, это честный человѣкъ, я уважаю его, но, къ сожалѣнію, онъ ослѣпленъ, дѣйствуетъ во вредъ намъ. Увы! Всѣ братья мои похожи на дѣтей; увидѣвъ руку, заботящуюся объ ихъ судьбѣ, они вознегодовали бы. Такимъ образомъ я принужденъ, скрываясь, дѣйствовать для ихъ добра. Да благословить Господь наши усилія! Аминь, аминь! Теперь, другъ мой, мы должны разстаться. Дѣлайте немедленно то, что вамъ слѣдуетъ, а я исполню свою обязанность также добросовѣстно. Великому Северу поклонись отъ меня и увѣрь его въ мое дружественномъ расположеніи къ Риму, о почтеніи и удивленіи, какія я чувствую къ его особѣ. Миръ съ тобою, другъ мой, Миръ съ тобой! *(Удаляются въ различные на-
правленія).*

ЯВЛЕНИЕ II.

(Задній занавѣсъ поднимается. Комната во дворцѣ Баръ Кохбы. Столы приготовлены для пиршества, вокругъ нихъ стулья. Посреди болѣе богатое кресло, предназначенное для царя. Гости входятъ и образуютъ двѣ группы: направо Измаилъ, вокругъ его законоучители и военачальники, ихъ жены и дочери; налѣво Акиба, Менръ, Берурія и Дина).

Измаилъ.

И вотъ, друзья мои, когда я прибылъ въ то время въ Римъ, императоръ велѣлъ мнѣ явиться во дворецъ. Я надѣлъ траурную одежду, чтобы этимъ выразить настроеніе моего народа, и въ этой одеждѣ, не смотря на то, что друзья мои въ Римѣ старались отсвѣтовать мнѣ это, въ этой одеждѣ, говорю я, явился предъ лицо императора. Императоръ на первыхъ порахъ принялъ меня очень, очень милостиво; повидимому, скромная слава, которую я приобрѣлъ въ Іудеѣ всегдашней готовностью служить общему дѣлу и каждому ближнему въ отдѣльности, показалась въ Римѣ болѣе значительною. Императоръ говорилъ мнѣ сначала, что слышалъ много о моей учености, о силѣ и непоколебимости моего патриотизма, но когда увидѣлъ на мнѣ траурную одежду, воскликнулъ съ гнѣвомъ: какъ, дерзкій іудей; ты вносишь бунтъ даже въ мою столицу? А я, гордо выпрямившись, отвѣтилъ ему спокойно и съ достоинствомъ: Государь! Милость твоя не могла склонить меня снять этотъ трауръ, гнѣвъ твой также не въ состояніи будетъ достигнуть этого. (*Осматривается вокругъ*). Но, мои милые, гдѣ же мой другъ Элезаръ? Я его не вижу здѣсь. Или, быть можетъ, онъ не придетъ вовсе? Ахъ, я сожалѣлъ бы очень объ этомъ! Я имѣю столько поговорить съ нимъ. Мы работаемъ вмѣстѣ въ пользу одного святаго дѣла, о которомъ мнѣ собственно нельзя говорить, но здѣсь въ дружескомъ кружкѣ... (*Они разговариваютъ тише*).

Менръ.

Не знаешь ли ты, Акиба, что случилось съ римлянкой, которой Баръ Кохба даровалъ жизнь?

Акиба.

аръ Кохба позаботился о ней.

Берурія.

Римлянка эта, говорятъ, очень хитрая женщина.

Меиръ.

Она, должно быть, занимается шпионствомъ.

Акиба.

Она прекрасна.

Берурія.

Я видѣла ее. У нея лицо не честной женщины.

Меиръ.

Бетеръ держится силой Баръ Кохбы, — онъ можетъ пасть вслѣдствіе его слабости.

ЯВЛЕНІЕ III.

(Тѣ же; дверь открывается, входитъ Баръ Кохба, веда за руку Деяниру, за ними Абимелехъ; присутствующіе обращаютъ лица къ входящимъ).

Баръ Кохба.

Привѣтствую васъ, дорогіе гости! Вотъ Деянира, дочь Юнія Назона, римскаго военачальника. Дѣвушка эта желаетъ принять нашу религію и поэтому, подвергая жизнь свою опасности, она пришла изъ римскаго лагеря въ Бетеръ. Поручаю ее вашей благосклонности! *(Идетъ впередъ вмѣстѣ съ Деянирой, сначала по направленію къ группѣ, стоящей на лѣво, затѣмъ обращается ко второй группѣ, которая окружаетъ Деяниру).* Если угодно, прошу садиться! *(Садится на свое кресло).* Деянира, ты сегодня гостя у насъ. *(Указываетъ ей мѣсто по правую руку, съ лѣвой стороны садится Измаилъ. Другіе занимаютъ прочія мѣста; Акиба, Меиръ, Берурія и Дина вблизи Баръ Кохбы).*

Акиба.

Меиръ! Развесели печальное лицо твое. Отцы наши были спокойны въ сраженіи, серьезны при совѣщаніи, но веселы во время пиршествъ.

Меиръ.

Отцы наши побѣждали въ сраженіяхъ, ихъ совѣщанія могли принести пользу народу; отцы могли быть веселы во время пира.

Абимелехъ.

Одинъ только былъ умный человекъ на землѣ, который сказалъ: Иди, вкушай съ радостью хлѣбъ твой и пей вино твое, ибо это жребій твой въ этой жизни.

Деянира.

Знаешь-ли, царь, я давно уже собираюсь спросить тебя; отвѣтишь-ли ты мнѣ? Меня мучитъ любопытство; но прежде ты долженъ развеселиться. (*Отпиваетъ немного вина изъ чашы и подаетъ ее Баръ Кохбъ*). Вино было кислое, теперь будетъ сладкое.

Баръ Кохба (пьетъ вино).

Дѣйствительно, сладкое и горячее, какъ уста, которыя попробовали его. Но что же возбуждаетъ такъ твое любопытство, прекрасная чародѣйка, умѣющая въ одно мгновеніе измѣнять вкусъ вина?

Деянира.

Вашъ городъ осажденъ, и я не понимаю, царь, откуда у васъ такое обидіе запасовъ? Римляне думаютъ, что вы погибаете съ голоду, а между тѣмъ вино льется здѣсь рѣкой.

Баръ Кохба (*смотритъ пристально ей въ глаза; Деянира выдерживаетъ его взглядъ и разражается смѣхомъ*).

Нѣтъ, ты не можешь быть змѣей! Видишь ли, любопыт-

ная женщина, твой вопросъ испугалъ меня. Мнѣ показалось, что это Северъ спрашиваетъ твоими устами. Любопытство женщины уже много зла сдѣлало въ этомъ мирѣ.

Деянира.

Я именно принадлежу къ любопытнымъ женщинамъ. Ничто тебѣ не поможетъ, царь; сегодня ты долженъ открыть мнѣ ваши тайные ходы. Смотри, вотъ я нарисую четыре стѣны Ветера. (*Рисуетъ ножемъ на столѣ.*)

Баръ Кохба.

Напрасный трудъ! Чего не понялъ Северъ, того не пойметъ и Деянира.

Дина (*Берурія*).

Берурія, я боюсь этой женщины!

Берурія.

Одолжи глаза твои Баръ Кохбѣ, и боязнь исчезнетъ.

Дина.

Она нравится Баръ Кохбѣ?

Берурія.

Какъ и всякая красивая женщина.

Дина.

Если бы я не сидѣла рядомъ съ тобою, я бы расплакалась.

Берурія.

Твои слезы упали бы на камень.

Измаилъ (*къ Баръ Кохбѣ*).

Царь! Не пустая жажда почестей заставила меня занять мѣсто рядомъ съ тобой. Я хотѣлъ сообщить тебѣ сегодня о важномъ дѣлѣ, которое я наконецъ узналъ подробно. Жизнь твоя, царь, находится въ опасности.

Баръ Кохба.

Ты ошибаешься, Измаилъ; у меня нѣтъ враговъ въ Бетерѣ.

Измаилъ.

Ты имѣешь одного, царь. Я знаю его хорошо.

Баръ Кохба.

Элеазаръ?

Измаилъ.

Элеазаръ.

Баръ Кохба.

Ты, можетъ быть, ошибаешься?

Измаилъ.

Я увѣренъ въ томъ, что онъ затѣваетъ заговоръ.

Баръ Кохба.

Кто еще съ нимъ?

Измаилъ (*смотритъ на присутствующихъ*).

Меиръ.

Баръ Кохба.

А, мужъ Берурій! Все, повидимому, справедливо.

Измаилъ.

Ты знаешь, царь, мою къ тебѣ любовь. Увѣряю тебя, что опасность серьезная. Умоляю тебя, не будь снисходителенъ.

Баръ Кохба.

Когда они думаютъ дѣйствовать?

Измаилъ.

Быть можетъ сегодня или завтра.

Баръ Кохба.

Нужно предупредить ихъ. (*Въ задумчивости кладетъ го-*

лову на руку; послѣ нѣкотораго молчанія слышенъ за сценой шумъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же; прислуга, затѣмъ самаритянинъ, котораго ведетъ солдатъ.

Слуга.

Царь! Въ храмѣ поймали самаритянина, который прокрался въ Бетеръ. Повидимому, это шпионъ. Его привели во дворецъ твой. Ты хочешь, быть можетъ, говорить съ нимъ, царь?

Баръ Кохба (*встаетъ съ кресла*).

Ведите его сюда. Я не хочу прерывать пира. (*Обращаясь къ присутствующимъ*). Продолжайте веселиться, достойные гости мои. Черезъ минуту я буду опять среди васъ.

(*Вооруженный солдатъ вводитъ самаритянина. Баръ Кохба приближается къ нему; они разговариваютъ стоя въ сторонѣ*).

Баръ Кохба (*обращаясь къ солдату*).

Гдѣ пойманъ этотъ человѣкъ?

Солдатъ.

Въ храмѣ, гдѣ онъ стоялъ рядомъ съ пророкомъ Элеазаромъ и напештывалъ ему что-то на ухо.

Баръ Кохба (*самаритянину*).

Съ какимъ намѣреніемъ прокрался ты въ Бетеръ?

Самаритянинъ (*становится на колѣни*).

О, царь! Я только орудіе. Пощади меня!

Баръ Кохба.

Какое порученіе имѣлъ ты къ Элеазару?

Самаритянинъ.

Если бы я открылъ тебѣ его, Северъ лишилъ бы меня

жизни; если не открою, то ты казнишь меня. Я предпочитаю умереть здѣсь, царь.

Баръ Кохба.

А, значитъ, заговоръ начинаетъ открываться! Ты не хочешь говорить, негодяй? Клянусь всѣмъ святымъ, всѣхъ измѣнниковъ заставлю я говорить, всѣхъ измѣнниковъ велю повѣсить! Приведите сюда Элезара! *(Слуга удаляется).*

Баръ Кохба *(идя впередъ, вполголоса).*

Боже! Великій, мстительный Боже Израиля! Теперь узнаю я десницу твою, вижу, что къ помазаннику твоему ты относишься не такъ, какъ вѣроломная женщина. Этотъ святоша обманывалъ тебя; это онъ кощунствовалъ, а гнѣвъ мой и ненависть моя имѣли божественный источникъ. А, силы мои возвращаются! Я буду опять тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. *(Приближается къ пирующимъ и поднимаетъ кверху чашу).* Эй, вѣрные мои друзья; Богъ и Баръ Кохба! *(Всѣ встаютъ съ мѣстъ своихъ и выпиваютъ чаши съ восклицаніемъ: Богъ и Баръ Кохба!).*

ЯВЛЕНІЕ V.

(Тѣ-же. Въ то время, когда пирующие выпиваютъ чаши, появляется Элезаръ, за нимъ солдатъ; оба останавливаются у порога).

Баръ Кохба *(Элезару).*

Измѣнникъ! Почитаешь-ли ты еще Бога Израилева?

Элезаръ.

Вопросъ этотъ я долженъ былъ предложить тебѣ. Ты прерывалъ мою вечернюю молитву.

Баръ Кохба.

Ого, лицемѣръ! Этотъ честный малый *(указываетъ на самаритянина)* объяснилъ намъ, какъ ты молишься!

Элеазаръ.

Ты пировалъ, царь. Сегодня ни одно слово изъ устъ твоихъ не можетъ оскорбить меня.

Баръ Кохба.

Ты давно притворялся набожнымъ и честнымъ. Пора сбросить эту маску; вотъ человекъ, который видѣлъ тебя безъ нея.

Элеазаръ.

Я не знаю этого человекъ.

Баръ Кохба.

Ты знаешь только, что онъ посланъ Северомъ. Что же вы съ нимъ рѣшили?

Элеазаръ.

Я никогда не говорилъ съ нимъ.

Баръ Кохба.

А минуто тому назадъ въ храмѣ?

Элеазаръ.

Я молился, какъ обыкновенно: Боже, не приступай сегодня къ суду надъ народомъ моимъ!

Солдатъ.

Царь, пророкъ нашъ дѣйствительно погруженъ былъ въ молитву.

Элеазаръ (*солдату*).

Не свидѣтельствуй, добрый человекъ!

Баръ Кохба.

Пророкъ вашъ притворялся, что молится, чтобы тѣмъ удобнѣе разговаривать со слугой Севера.

Элеазаръ.

Могу ли я уже удалиться, геръ?

Баръ Кохба.

Дервкій, не для забавы призвалъ я тебя!

Элезаръ.

Однако слишкомъ долго забавляешься ты съ человѣкомъ божьимъ.

Баръ Кохба.

Съ измѣнникомъ народнаго дѣла!

Элезаръ.

Молчи, пьяный человѣкъ!

Баръ Кохба (*выхватывая мечъ у солдата*).

Дервкій, погибни! (*Наноситъ ему рану мечомъ; присутствующіе вскрикиваютъ въ испугъ*).

Акиба и Мешръ (*приблизившись къ разговаривающимъ*).

Царь, это вѣдь пророкъ!

Измаилъ.

Это измѣнникъ! Ударь его еще разъ!

Элезаръ (*шатается, потомъ падаетъ на колѣни*).

Умираю, вмѣстѣ со мной погибнетъ Іудея! А! Прочь отъ меня, страшный призракъ! Эта плодородная страна—сожженная пустыня! Смотрите! Въ богатой оливковыми деревьями Галилеи нѣтъ оливокъ! Вижу... какой-то рынокъ... узнаю—это Газа; женщинъ и дѣтей нашихъ продаютъ тамъ въ рабство. Какая-то пещера въ нашихъ горахъ, солдаты наши скрываются въ ней; исхудалые, голодные... ахъ! сынъ питается мясомъ убитаго отца своего... (*Умираетъ; солдаты и слуги выносятъ его, за ними самаритянинъ ускользаетъ незамѣтно*).

Баръ Кохба (*приближается медленнымъ шагомъ къ своему креслу и садится*).

Эй, будемъ пировать! Будемъ весело забавляться. (*Присутствующіе снова садятся за столъ*). Да здравствуютъ вѣрные подданные! (*Выпиваетъ чашу и наполняетъ ее снова*). Да здравствуютъ прекрасныя женщины! (*Выпиваетъ снова чашу*). Но почему же вы всё молчите? Говорите громко, смѣйтесь, будьте веселы!

Абимелехъ.

Я скажу кое-что и буду смѣяться. Пророкъ убилъ невиннаго царя. Ха, ха, ха!

(*За сценой плачъ, рыданія и крики: Элеазаръ, Элеазаръ!*).

Баръ Кохба (*громкимъ голосомъ, который усиливается по мѣрѣ того, какъ плачъ и рыданія за сценой становятся все сильнѣе*).

Вы не хотите ничего говорить, ничего рассказывать. Поэтому, милые гости, я буду забавлять васъ. Когда я былъ еще мальчикомъ, старая Эсеиръ рассказывала мнѣ сказку. Адамъ, говорила она, имѣлъ двухъ женъ; одна называлась Эвой, другая Лилитой. Лилиту потомъ вычеркнули изъ священнаго писанія, потому что жрецы хотѣли, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ только одну жену. Эта Лилита была красавицей; волосы ея касались земли; говорятъ, что она не стыдилась вовсе, хотя Адамъ, мужъ ея, далъ ей только одинъ фиговый листъ. Вотъ однажды прекрасная Лилита прохаживалась въ раю, ха, ха, ха! Это были хорошія времена. (*Плачъ и крики за сценой прекращаются; Баръ Кохба прерываетъ рассказъ и опускаетъ голову на грудь*).

Восходъ.

Измаиль.

Что же дальше, дорогой, обожаемый нашъ царь?

Баръ Кохба.

Ты молчи. (*Продолжительное молчаніе*). Ну, смѣйтесь, вертите языками! Или вы уже забыли, какъ нужно говорить? Ну, говорите! (*Съ усиленіемъ*). Говорите!

(*Занавѣсъ*).

А. Носсигъ.

(*Продолженіе будетъ*).

«Ложился я и спать; пробуждался, потому что
Господь подерънилъ меня».

Псаломъ III, 6.

«Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland!...»

(Schiller).

И пусто и темно... Безумныя страданья,
Да ночь беззвѣздная, укутанная мглой...
На чемъ остановить пытливое вниманье?
Чему отдаться всей душой?..
Тускнѣють съ каждымъ днемъ зарницы золотыя
Горячей юности, и тяжело давить тѣма...
И не волнуютъ насъ ни грезы молодня,
Ни думы зрѣлаго ума!..
Беззвучна ночь кругомъ... Одинъ недугъ тяжелый
Больную грудь гнететъ безжалостной рукой,
И братьевъ тяжкій стонъ, и рядомъ—смѣхъ веселый
Я слышу надъ собой...

Но есть бессонныя, но свѣтлыя мгновенья;
Они нежданно слетаютъ къ намъ порой,
И непонятное объемлетъ насъ волненье,
И вспыхнетъ вся душа неясною мечтой.
Я чувствую тогда, что надо мной витаетъ
Незримый добрый духъ; онъ рѣветъ въ вышинѣ

И душой мирною мнѣ сердце обвѣваетъ,
И пѣсни новыя поетъ онъ сладко мнѣ.
Тогда душа моя волнуется глубоко,
И слезы жаркія являются въ очахъ,
И вѣрить хочется, что счастье недалеко,
И Милосердаго я вижу въ небесахъ...

И. Тагеръ.

ЕВРЕИ-ГОРЦЫ ¹.

(«КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ» СОЧ. ИЛЫИ ОНИСИМОВА «).

Какъ мы уже сказали, переговоры о бракѣ ведутся отцами и родственниками; не только дѣти, но даже и жены не вмѣшиваются въ это дѣло. Переговоры ведутся главнымъ образомъ о размѣрѣ «калына». И помолвка и свадьба празднуется очень торжественно. Подарки играютъ при этомъ не послѣднюю роль, и ими обмѣниваются не только женихъ и невѣста, но и родственники и товарищи жениха и подруги невѣсты. При извѣстныхъ обрядахъ жениху и его товарищамъ приходится просто платить деньги. Замѣтимъ, что все это съ большими или меньшими вариациями мы встрѣчаемъ у всѣхъ малокультурныхъ народовъ. Женихъ при обрученіи не присутствуетъ: чувство стыдливости заставляетъ его скрыться у кого либо изъ близкихъ друзей, своихъ, чтобы не слышать даже и имени невѣсты. И вотъ въ то время, когда онъ предается въ грустномъ одиночествѣ сладкимъ мечтамъ, въ домѣ невѣсты, послѣ подписанія «танея» (условія обрученія), гости обѣдаютъ, молодежь въ комнатѣ невѣсты шумно проводитъ время въ танцахъ и пѣсняхъ, въ которыхъ однако невѣста участія не принимаетъ: закутанная платкомъ, неподвижно стоитъ она обернувшись къ стѣнѣ, при чемъ лицо закрываетъ отъ нескромныхъ взоровъ широкимъ рукавомъ. Только послѣ ухода гостей, когда остаются одни родственники жениха, совершается обрядъ открытія лица невѣсты. Для этого невѣста подъ звуки гармонія или зурны съ барабаномъ танцуетъ, съ каждымъ изъ родственниковъ жениха, и послѣ того какъ этотъ послѣдній ее

¹ См. „Восходъ“, кн. I.

Восходъ, кн. 2.

благодарить, невѣста перестаетъ закрывать предъ нимъ свое лице, Расположенія родственниковъ своего жениха, согласно съ положеніемъ женщины на востокъ, невѣста должна добиваться самою покорною услужливостью, и если при этомъ ей приходится выносить физическія страданія, то этимъ цѣна услугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ ней поднимается. По цѣлымъ часамъ должна невѣста стоять, вытянувшись, въ присутствіи родственниковъ жениха и при первомъ ихъ жестѣ бросаться исполнять ихъ желанія, не выражая ни малѣйшаго нетерпѣнія, не показывая никакихъ признаковъ усталости. Услужливость доходитъ до того, что невѣста въ рукахъ приноситъ тлѣющій уголь и, не обращая вниманія на обжогои, держитъ его пока гость не успѣетъ закурить папироски.

Въ доказательство своей скромности невѣста должна по возможности дольше не говорить съ родственниками жениха, ограничиваясь пантомимой, и уступать только въ случаѣ ихъ энергичныхъ просьбъ, сопровождаемыхъ при томъ подарками (понятія о скромности у горской дѣвушки видно не совсѣмъ совпадаютъ съ тѣмъ, что думаютъ объ этомъ дѣвушки у насъ).

Между обрученіемъ и свадьбой проходятъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ женихъ и невѣста не должны встрѣчаться. Невѣста, при видѣ жениха должна немедленно прятаться, и если имъ приходится быть вмѣстѣ гдѣ нибудь на свадьбѣ, то они не должны одновременно находиться въ одной и той же комнатѣ. Мало того, женихъ долженъ самымъ тщательнымъ образомъ избѣгать встрѣчи даже и съ родителями невѣсты (это выраженіе уваженія къ нимъ) до тѣхъ поръ, пока они не пригласятъ его торжественно къ себѣ въ домъ. Событіе это сопровождается большимъ празднествомъ и цѣлымъ рядомъ подарковъ. На этомъ торжественномъ приѣмѣ невѣста, конечно, не присутствуетъ, тѣмъ не менѣе онъ знаменуетъ собой важную перемѣну въ отношеніяхъ между женихомъ и невѣстой. Официально они остаются другъ другу незнакомыми, но въ дѣйствительности съ этого времени женихъ приобретаетъ право

являются: ночью, въ сопровожденіи товарищей, въ саклею не-
вѣсты, гдѣ она ея ожидаетъ вмѣстѣ съ подружками. Же-
нникъ приходитъ подъ покровомъ ночи, чрезъ окно, но тайна
его прихода только вѣшняя: всѣ въ домѣ знаютъ о предпо-
лагающемся свиданіи, и если кто нибудь изъ домашникъ еще
не успѣлъ или не хотѣлъ уснуть, то онъ долженъ притвориться
спящимъ, дабы не нарушить «тайны» свиданія. Эти свиданія
называются «гечелемъ». Женихъ долженъ удалиться изъ дома не-
вѣсты раньше, чѣмъ тамъ успѣли проснуться. Хотя большая часть
ночи проводится женихомъ и невѣстой безъ согласованья, такъ
какъ подружки невѣсты и друзья жениха обыкновенно скоро
засыпаютъ, тѣмъ не менѣе женихъ не долженъ злоупотреблять
преимуществами своего положенія, такъ какъ въ противномъ
случаѣ даже послѣдующій бракъ не смысляетъ того позорнаго
пятна, которое падаетъ на честь жениха и невѣсты.

Хотя послѣ первой гечелей женихъ можетъ свободно навна-
чать новья, но эта свобода значительно стѣснена неодобри-
тельнымъ отношеніемъ общества къ частымъ посѣщеніямъ же-
ника, какъ къ легкомысленному волокитеству и бездѣльничанью;
съ другой стороны, «гечелемъ», благодаря все той же системѣ
подарковъ, обходится жениху очень дорого.

За нѣсколько дней до свадьбы начинается шумное веселіе
и въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты; свадьба празднуется
тоже нѣсколько дней и въ продолженіе всего этого времени
масса гостей предается постоянной ѣдѣ и питью, танцуютъ,
поютъ, смотрятъ смѣшные фокусы акробатовъ, слушаютъ ци-
ническія остроты шутовъ-комиковъ (думбон) и т. д. безъ
конца. За подробностями мы отсылаемъ читателей къ книгѣ
г. Анисимова (гл. III).

Едва-ли надо говорить о томъ, что горскіе евреи, какъ
истые горцы, народъ не только не образованный, но и прямо
невѣжественный. Еврейскаго образованія они боятся какъ
опасной заразы, приводящей къ вѣроотступничеству. Грамот-
ныхъ въ аудѣ не больше двухъ, трехъ человѣкъ, большинство

евреѣвъ не умѣеть даже прочесть двухъ словъ Священнаго Писанія. Всѣхъ грамотныхъ между горскими евреями, согласно даннымъ, собраннымъ г. Анисимовымъ, 1824, что составляетъ 6,26% населенія. И это небольшое чело грамотныхъ образовалось собственно только въ послѣднее время, послѣ покоренія Кавказа Россіей. Въ городахъ грамотныхъ, конечно, больше, чѣмъ въ селахъ. Школы дѣлятся на высшія и низшія. Высшихъ на всемъ Кавказѣ насчитывается пять съ 50 учениками. Впрочемъ, въ чемъ сущность различія между высшею и низшею школою, это такъ таки и остается неравнѣяннымъ у г. Анисимова; онъ сообщаетъ только, что въ первыхъ преподають сравнительно образованные раввины, основательно знающіе ученіе Талмуда, законы и обряды іудейской вѣры и даже знакомые съ еврейской литературой. Но и изъ этихъ «высшихъ» школъ ученики выходятъ, по признанію г. Анисимова, «не боже какъ ремесленниками и полными невѣждами». Остальное же раввины ничего или почти ничего не смыслятъ въ наукѣ, при чемъ вся ихъ ученость сводится къ умѣнью рѣзать скотину такъ, чтобы она не сдѣлалась «трефной». Такой раввинъ, совершающій богослуженіе и рѣзущій скотину, приходится вполне по цѣпчу населенію, всѣ считаютъ его человѣкомъ ученымъ и матеріальное его положеніе вполне обеспечено. Понятно, какъ должна идти преподавательская дѣятельность этихъ «ученыхъ» въ низшихъ школахъ. На этихъ школахъ мы останавливаться не будемъ (см. у г. Анисимова стр. 63 сл.), такъ какъ ихъ безотрадное положеніе представляетъ полную аналогію съ тѣмъ, что происходитъ и въ нашихъ жалкихъ хедерахъ. Та же грязь, тѣ же безцеремонныя отношенія къ ученикамъ ихъ учителя, всегда держащаго въ рукѣ наготовѣ длинный прутокъ, отъ злостныхъ ударовъ втораго отнюдь не могутъ считать себя гарантированными даже и бородастые ученики. Отчаянные вопли и крики учениковъ часто бывають слышны за двѣ, за три улицы. Но все же самымъ тяжелымъ мученикомъ въ этой школѣ яв-

ляется один учитель, который за все свои труды получаетъ въ годъ около 200 руб.; если отсюда вычесть расходы по найму помѣщенія и его топкѣ, покупкѣ скамеекъ, доставкѣ воды для 45 учениковъ и т. п., то гонораръ преподавательскій окажется въ полномъ смыслѣ слова жалкимъ. Поэтому рѣдко какое училище держится дольше 5, 6 лѣтъ. Серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія среди населенія служитъ низкій уровень экономическаго благосостоянія, который не даетъ возможности лучше оплачивать трудъ учителей. Стремленіе родителей дать хотя бы нѣкоторое образованіе своимъ дѣтямъ несомнѣнно, такъ какъ 12—15 лѣтъ тому назадъ число грамотныхъ было несравненно меньше, чѣмъ теперь. У г. Анисимова мы находимъ любопытную параллель стремленія къ образованію среди евреевъ и мусульманъ въ Кюринскомъ и Кайтако-Табасаранскомъ округахъ. 1 училище приходится у татаръ на 154,3 дома, у евреевъ—на 59,8; число ученыхъ у татаръ составляетъ 1,5% населенія, у евреевъ 3,72%.

Если уровень образованія такъ низокъ среди мужскаго населенія, то конечно онъ ниже еще среди женскаго. Ни одна женщина не умѣетъ даже прочесть молитвъ, да онѣ вовсе и не допускаются въ синагоги. Лишь нѣкоторые изъ богобоязливыхъ старухъ приходятъ въ переднюю синагоги по субботамъ и большимъ праздникамъ и стоятъ у окна или двери синагоги.

Понятно, что такое сильное невѣжество населенія должно имѣть многіе крайне печальные результаты. Мы уже не говоримъ о томъ, что это значительно содѣйствовало укорененію языческихъ обрядовъ и вѣрованій, о чемъ мы говорили выше; эта необразованность привлекла къ страшному господству суевѣрія со всеми ея печальными результатами. Живя въ крайне негигіенческихъ условіяхъ, благодаря грязи узкихъ улицъ, грязи самихъ жилищъ, въ особенности имъ женскихъ половинъ, отличааясь чрезвычайной нечисто-

плотностью, къ которой мы вернемся нѣсколько ниже, евреи всё свои болѣзни стараются объяснить не естественными условіями окружающей жизни, или особенностями организма, но влияніемъ влхъ духовъ, или тѣмъ, что дурной человекъ сглазилъ. Особенно оригинальны объясненія нѣкоторыхъ болѣзней; такъ, желтуха происходитъ, по ихъ мнѣнію, отъ досады. Понятно, что и лѣченіе соответствуетъ этому своеобразному диагнозу болѣзней. Употребляютъ разнаго рода талисманы. Гадаютъ, кто сглазилъ, а затѣмъ сглазившаго заставляютъ плюнуть въ лице больного. Гаданье служитъ и для лѣченія лихорадки. Кто нибудь изъ малолѣтнихъ родственниковъ больного ночью будитъ трехъ изъ своихъ сосѣдей и спрашиваетъ: «какое нужно средство отъ лихорадки». Каждый на угадъ называетъ какое либо кушанье. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней собираютъ изъ этихъ трехъ домовъ по тарелкѣ этихъ кушаний и потомъ смѣсью этихъ яствъ кормятъ больного. Для лѣченія отъ ревматизма евреи не всегда обращаются къ помощи минеральныхъ водъ и грязей, которыя ищутся во всѣхъ уголкахъ Кавказа, они часто считаютъ болѣе рациональнымъ обвязать больное мѣсто бусами изъ различныхъ горныхъ камней, рудъ, металловъ. Для лѣченія употребляютъ часто мясо животныхъ, какъ напр., летучихъ мышей, ома, крысъ... Раны лѣчатъ по большей части печенью, курдючнымъ саломъ и тѣстомъ, которое смѣшивается съ сахаромъ или медомъ. Если роды бываютъ трудныя, то родильницѣ даютъ выпить разведенную въ водѣ горсть земли, вырытой изъ могилы, при чемъ землю эту берутъ изъ глубины. Если же и это средство не помогаетъ, то прибѣгаютъ къ самому сильнѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ горскимъ евреямъ средствъ. Мужъ приглашаетъ учениковъ раввина, изъ которыхъ одинъ трубитъ въ трубы, употребляемыя въ Судный день и на Новый годъ при общественной молитвѣ, а другіе читаютъ псалмы.

Докторовъ горскіе евреи совѣтъ не признаютъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что докторовъ въ ихъ аулы никакими

средствами и заманить невозможно. Какъ-бы то нибыло, они насколько не горюютъ объ отсутствіи врачей, и если ихъ собственное искусство, о которомъ мы только что говорили, оказывается не въ силахъ исцѣлить больного, они обращаются къ перенесшимъ циркуляркамъ, знахарямъ и тому подобнымъ проходникамъ. Степень искусства этихъ шарлатановъ не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ, замѣтимъ только, что способъ дѣйствія отличается поразительною нечистоплотностью. Можно подумать, что, по мнѣнію этихъ почтенныхъ эскулаповъ, нечистоплотность и грязь сами по себѣ составляютъ нѣчто въ родѣ цѣлительнаго бальзама противъ всѣхъ болѣзней.

Впрочемъ нечистоплотность составляетъ отличительную черту всѣхъ горцевъ, да и вообще всѣхъ восточныхъ народовъ. Нечистоплотность жителей Закавказскаго округа такова, что «надо быть слишкомъ голоднымъ, чтобы ѣсть въ ихъ обществѣ»¹. «Въ горахъ, вообще, рѣдко купаютъ дѣтей, — читаемъ мы въ другой статьѣ. Женщины и молодые люди насмѣхаются надъ нѣкоторыми красавицами, которыя будтобы умываютъ свои руки и лицо мыломъ». У дагестанскихъ горцевъ Аверскаго племени «лица, руки и ноги дѣтей, не говоря уже о тѣлѣ, никогда не моются и покрыты толстыми слоями сажки и грязи»². Эту черту отмѣчаетъ и у горскихъ евреевъ Иуда Черный.

Надо, однако, замѣтить, что эта неопрятность евреевъ-горцевъ обусловливается не одними только восточными нравами; значительное вліяніе на ея распространеніе, безъ сомнѣнія, оказало и то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится вся масса горскихъ евреевъ. Вопросъ о занятіяхъ, о степени ихъ благосостоянія въ нѣкоторой степени разъясненъ трудами г. Анисимова. Объѣзжая всѣ мѣста Кавказа, въ

¹ „Природа и люди Закавказскаго округа“ стр. 24. Въ Сбор. Свѣдѣн. о Кавказск. горцахъ, в. 4-й. „Какъ живутъ Лаки“ стр. 26. Въ Сборн. Свѣдѣній о Кавказск. горц. В.

² «Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ горцевъ», стр. 7. Тамъ-же.

которыхъ живутъ евреи, онъ вездѣ разсматривалъ посемейныя списки, провѣрялъ ихъ на основаніи распросовъ мѣстнаго населенія, что г. Анисимову было очень удобно, такъ какъ онъ говорить по татски. Конечно, въ каждомъ аулѣ было нетрудно собрать свѣдѣнія, относящіяся къ экономическому благосостоянію населенія. Въ результатѣ получилась статистическая таблица, дѣйствительно представляющая интересъ. Къ сожалѣнію этимъ и ограничивается все, сдѣланное г. Анисимовымъ для разъясненія даннаго вопроса. Не говоря ужъ о томъ, что онъ самъ не сумѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться своей собственной таблицей, одной точности статистическихъ данныхъ, о которой, по собственному признанію, такъ хлопоталъ авторъ, еще далеко недостаточно для того, чтобы болѣе или менѣе ярко нарисовать картину экономическаго положенія населенія, цифры для этого должны быть и полны, т. е. должны болѣе или менѣе всесторонне охватывать различныя явленія хозяйственной жизни. Мало напр. знать, что такое-то количество людей владѣеть столько-то десятинами земли, важно знать, какъ эта земля между ними распределяется; тоже самое относительно количества скота. За симъ земля бываетъ удобная для посѣвовъ и совсѣмъ неплодородная, важно знать условія хлѣбнаго рынка. Мало знать число рабочихъ, надо знать и условія найма и т. д. безъ конца. Мы, конечно, очень далеки отъ мысли требовать отъ г. Анисимова всѣ эти цифры, мы готовы даже вѣрить, что онъ собралъ все, что только возможно было установить болѣе или менѣе достовѣрнымъ образомъ, но въ такомъ случаѣ эти сухія и немногочисленныя статистическія данныя слѣдовало дополнить характерными указаніями отдѣльныхъ фактовъ, общими описаніями положенія отдѣльныхъ ауловъ. Это было бы во всякомъ случаѣ полезнѣе и поучительнѣе, чѣмъ вступать въ длинную и бесплодную полемику съ І. Чернымъ, полемику, основанную на одномъ только недоразумѣніи, или комментировать свою статистическую таблицу, впадая въ сущности въ постоянныя повторенія, совсѣмъ

не интересныя. Впрочемъ въ этомъ чрезмѣрномъ поклоненіи статистическимъ цифрамъ виновенъ не одинъ г. Анисимовъ, въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, отдалъ дань довольно распространенному увлеченію.

Но и цифръ, приведенныхъ г. Анисимовымъ, достаточно для того, чтобъ понять, въ какомъ по истинѣ бѣдственномъ положеніи находятся горскіе евреи. Впрочемъ для этого и не надобно приводить много цифръ. Въ самомъ дѣлѣ не достаточно-ли краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что въ аулахъ изъ 2587 семействъ въ своихъ собственныхъ сакляхъ живутъ только 1195. Да вѣдь это такое сильное развитіе пролетаріата, которое и трудно было предположить. Само собой, что въ горахъ Кавказа пролетаріату труднѣе, чѣмъ гдѣ либо пристроиться, найти спросъ на свои свободныя руки.

Всѣхъ горскихъ евреевъ 21,129, изъ нихъ въ городахъ живетъ 11,097, въ аулахъ 10,032. Городское населеніе пользуется значительно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ сельское; доказательствомъ этого служитъ то, что въ городахъ въ семействахъ значительно большее число душъ (7,35, а въ аулахъ 3,82), а главнымъ образомъ то, что въ городахъ значительно большее число семей живетъ въ собственныхъ домахъ или сакляхъ (изъ 1503—1261).

Въ наибольшей степени благосостояніе населенія могло бы обеспечивать земледѣліе. Къ сожалѣнію мы тутъ встрѣчаемся съ печальнымъ въ высшей степени фактомъ страшнаго безземелья. Эти болѣе чѣмъ 20 тысячъ горцевъ-евреевъ владѣютъ всего 2368 десятинами пахатной земли, т. е. 0,11 дес. пахатной земли на душу! Если же къ пахатной землѣ прибавить покосы и лѣса, то мы получимъ въ среднемъ 0,18 десятинъ на душу. Къ этому надо еще прибавить, что далеко не всѣ земли могутъ быть обрабатываемы. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 2,368 десят. пахатной земли на долю городовъ приходится 1,333 дес., которыя распредѣляются между 40 хлѣбопашцами, между тѣмъ

какъ 1,034 дес. пахатной земли въ аулахъ распределяется между 311 землепашцами. Уже отсюда очевидно, сколько негодной земли между этими жалкими 2,368 десятинами «пахатной» земли, которая воздѣлываютъ евреи. Лишь на Дербентъ и Кубу приходится 375 десят. (въ томъ числѣ и непахатной земли) непригодной къ дѣлу, или приносящей обществу ничтожный доходъ. Благосостояніе этихъ мелкихъ землевладельцевъ было значительно подорвано въ послѣдніе годы, благодаря повсемѣстному распространенію ализарина, вытѣснившаго кавказскую марену, давшую всему Кавкаву значительный доходъ, при самыхъ ничтожныхъ хлопотахъ. Послѣднія сбереженныя копѣйки были затрачены на приобретеніе клочка земли подъ марену, а теперь корни этого растенія, давашія еще недавно такой доходъ, остаются безъ употребленія въ брошенной землѣ.

Къ тѣмъ же печальнымъ выводамъ приведетъ насъ и количество скота у горскихъ евреевъ. На семью приходится 0,7 скотины! Хорошее можетъ процвѣтать сельское хозяйство при такомъ жалкомъ скотѣ!

Даже садовъ у горскихъ евреевъ очень мало. И это среди богатой южной природы Кавказа! Въ аулахъ 149 садовъ, въ городахъ 191 (тутъ опять очевидно проявляется болѣе значительное благосостояніе городовъ въ сравненіи съ селами), т. е. въ среднемъ на 12 съ лишнимъ домовъ одинъ садъ.

Понятно, что при такомъ безземельѣ масса людей должна идти въ работники. И дѣйствительно, согласно таблицѣ г. Анисимова, число рабочихъ семействъ равно 702 въ 2,192 человекъ, что составляетъ 10% всего населенія. Процентъ весьма почтенный. Едва ли надо говорить о томъ, какъ трудно должно приходится этимъ 2 тыс. еврейскихъ пролетаріевъ на Кавказѣ, гдѣ спросъ на физическій трудъ, конечно, очень не великъ. Кому нужны тамъ эти руки. Землевладѣнія крупнаго (да и средняго) нѣтъ, промышленность обрабатывающая совершенно не развита! Хотя положеніе этихъ несчастныхъ не выяснено у г. Анисимова,

но его указанія на то, что многимъ приходится нищенствовать въ Дербентѣ, указываетъ на бѣдственное положеніе этого безземельнаго населенія.

Мануфактурныхъ лавокъ во всѣхъ 36 аулахъ и городахъ, въ которыхъ живутъ евреи, 115, бакалейныхъ и мелочныхъ 212, первыхъ больше въ городахъ (99), вторыхъ въ аулахъ (139).

Отдѣльно отъ этихъ торговыхъ, хотя и ничтожныхъ по размѣрамъ предпріятій, стоятъ разнощики. Этихъ торговцевъ, разносящихъ на своихъ плечахъ товары по ауламъ при 40—48% жары, правильнѣе причислить къ представителямъ физическаго труда, и при томъ самаго тяжелаго. Всѣхъ разнощиковъ 262.

Сравнительно болѣе или менѣе распространеннымъ занятіемъ среди горскихъ евреевъ, является табаководство (697 табаководовъ). Къ сожалѣнію болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ у г. Анисимова отсутствуетъ, точно также, какъ и о кожевникахъ, которыхъ между евреями-горцами 247. Число шелководовъ и ремесленниковъ очень не велико.

Мы уже выше говорили о страшномъ безземельѣ, господствующемъ среди евреевъ. Однако стремленіе обзавестись собственнымъ клочкомъ земли и обезпечить себѣ земледѣіемъ сколько нибудь сносное существованіе никогда не покидало евреевъ; имъ только невозможно было осуществить въ сколько нибудь достаточной мѣрѣ это желаніе среди тѣхъ непрерывныхъ войнъ, которыя, до покоренія Кавказа русскими, постоянно тамъ разыгрывались. На это указываетъ уже то, что, по словамъ г. Анисимова, изъ разспросовъ землевладѣльцевъ онъ узналъ, что землю свою покупали или они сами, или ихъ отцы и дѣды, но она къ нимъ не переходила отъ болѣе дальнихъ предковъ. Насколько воинственное населеніе жителей Кавказа должно было препятствовать развитію среди еврейскаго населенія земледѣнія и земледѣлія, видно затѣмъ изъ того, что теперь, среди несравненно болѣе умнротворен-

ныхъ условій, за евреями числятся многія земли, которыми они не могутъ владѣть благодаря энергичному сопротивленію магометанскаго населенія и пассивному отношенію мѣстной администраціи (см. у г. Анисимова стр. 25 сл.)

Разсмотрѣвъ хозяйственную дѣятельность горскихъ евреевъ и степень экономическаго ихъ благосостоянія, мы теперь съ большимъ удовольствіемъ переходимъ къ болѣе отраднѣмъ сторонамъ жизни горскихъ евреевъ. Нельзя не читать съ пріятнымъ чувствомъ тѣ страницы работы г. Анисимова, которыя посвящены описанію тѣсной связи, которая соединяетъ горцевъ-евреевъ, которая проявляется въ постоянной готовности помочь своему ближнему (а въ этомъ нуждается такая масса) и въ постоянно-совмѣстномъ проведеніи праздниковъ, во время которыхъ люди не замыкаются въ тѣсномъ кругу семьи, но съходятся во всемъ ауломъ и шумно и весело проводятъ въ тѣсномъ единеніи пріятнѣйшіе часы жизни.

Въ саклѣ у родильницъ собираются всегда всѣ женщины аула и по мѣрѣ силъ стараются облегчить положеніе больной. За больнымъ существуетъ постоянный уходъ, такъ какъ сакля больного заботливо посѣщается стариками и старухами, внимательно за нимъ ухаживающими и не покидающими его ни днемъ, ни ночью. Въ теченіе недѣли послѣ смерти кого либо изъ жителей аула общество не оставляетъ сакли покойника. Въ теченіе этой скорбной недѣли родственники усопшаго въ знакъ своей печали не должны покидать дома, и всѣ знакомые вмѣстѣ съ ними стараются достойнымъ образомъ оплакать покойнаго. Цѣлую недѣлю раздаются въ саклѣ страшныя вопли добровольныхъ плакальницъ. Къ этимъ воплямъ женщины поочередно присоединяютъ голоса плачущихъ мужчинъ, причитающихъ «о-о-ой! умираю». И все это сопровождается неистовыми самоистязаніями по лбу, по груди, по бедрамъ, вырываютъ волосы, царапаютъ лица. Не обнаружить столь выразительнымъ образомъ своего соболѣзнованья по поводу тяжелой утраты, понесенной семьей, считается чѣмъ то крайне безсердечнымъ.

Родственники покойнаго носятъ въ теченіи года трауръ, не посѣщаютъ никакихъ празднествъ и въ продолженіе всего этого времени по понедѣльникамъ и четвергамъ женщины собираются въ домъ покойника и оглашаютъ саклю своими воплями ¹. Если въ ауль прїѣзжаетъ какой нибудь знакомый или родственникъ умершаго, то онъ; не заходя домой, отправляется въ саклю умершаго и присоединяетъ свои рыданія къ рыданіямъ успѣвшихъ уже тамъ собраться женщинъ. И гость рыдаетъ и безопасно колотитъ себя до полнаго изнеможенія и только тогда вступаетъ въ бесѣду съ родственниками. Домой прїѣзжій возвращается лишь послѣ обхода всѣхъ, которые утратили въ продолженіе года въ его отсутствіе кого либо изъ родныхъ. Въ праздники жители аула опять посѣщаютъ всѣхъ носящихъ трауръ и утѣшаютъ ихъ. У нихъ же проводятъ праздничные вечера женщины. За недѣлю до свадьбы родные жениха и невесты приготавливаютъ пловъ изъ куръ и рассылаютъ это кушанье всѣмъ носящимъ трауръ. Своими дарами они хотятъ заглушить то чувство, которое свадебное веселіе должно внушить тѣмъ, кто не могъ еще оправиться отъ понесенной утраты. Эти послѣдніе немедленно посылаютъ свое благословеніе жениху и невестѣ и просятъ не откладывать свадьбы.

Дѣля между собой горе, горекіе евреи, самою собою, вмѣстѣ встрѣчаютъ и радость. Все населеніе аула равбивается въ праздники на группы по возрастамъ. Въ то время какъ отецъ пируетъ со своими пріятелями, жены образуютъ особія группы и веселятся въ сторонѣ отъ мужей; дѣти тоже гуляютъ съ своими сверстниками и сверстницами въ другихъ домахъ. Такимъ образомъ каждое семейство въ теченіе праздниковъ радужно угощаютъ почти весь ауль.

Гулянье старшихъ, какъ мужей, такъ и женъ, заключается главнымъ образомъ въ ѣдѣ и питьѣ. Объ умеренности тутъ не

¹ Надо впрочемъ замѣтить, что если умеръ человекъ лѣтъ около ста и оставившій при томъ послѣ себя нѣсколько поколѣній, то похороны превращаются чуть-ли не въ свадьбу и траурные дни въ веселье.

можетъ быть рѣчи, никто не покидаетъ сознательно и самостоятельно стола пиршества, всё тутъ же въ праздничномъ кругу и засыпаютъ. Молодые люди проводятъ праздники болѣе скромно, они воздерживаются отъ пьянства, ихъ веселье заключается въ пляскахъ и пѣньѣ, поэтому въ каждой веселящейся группѣ имѣется національный музыкальный инструментъ «Накире-зурной (зурна и барабанъ) и пѣвецъ (Мааничи). Молодые люди веселятся обыкновенно вмѣстѣ съ дѣвушками, однако, если эти послѣднія веселятся отдѣльно, то молодые люди тоже не унываютъ и продолжаютъ добросовѣстно отплясывать лезгинку, при чемъ, дабы иллюзія была сохранена, юноша, танцующій за дѣвушку, держать въ рукахъ большіе платки, изображающіе собой длинныя и широкіе женскія рукава. Остальное дорисовываетъ услужливое воображеніе. Когда дѣвушки собираются отдѣльно, то они веселятся безъ музыки и пѣвца.

Но какъ ни хорошо дѣлиться съ ближнимъ и горемъ и радостью, еще лучше, во всякомъ случаѣ полезнѣе, помогать ближнему въ нуждѣ и въ взаимной помощи находить поддержку въ тяжелыя минуты хозяйственной жизни.

У горскихъ евреевъ существуетъ масса обычаевъ, которые соединяютъ ихъ въ дружной экономической борьбѣ за свое существованіе въ силу принципа, что *concordia parvae res crescunt*. Всѣ эти формы соединенія людей для совокупнаго труда имѣютъ, при первобытной простотѣ своей организаціи и нравовъ населенія, то несомнѣнное преимущество, что онѣ оказываются особенно выгодными для бѣднѣйшей части населенія.

Всякія соединенія жителей аула, имѣющія цѣлью помочь тому или другому его обитателю выполнить какую нибудь хозяйственную работу, носятъ у горскихъ евреевъ названіе «булка». Эти булки у нихъ чрезвычайно распространены. Собираются по разнообразнымъ хозяйственнымъ надобностямъ и собираются при томъ крайне охотно, такъ какъ тутъ искусно соединено прелезное и благотворительное частью дѣло съ приятнымъ времяпрепровожденіемъ. Кто же не отклик-

нется на подобный призывъ? Для молодежи эти булки имѣютъ еще одну неопѣвѣнную прелесть: дѣвушки у горскихъ евреевъ обречены въ принципѣ на довольно затворническую жизнь, съ молодыми людьми имъ возможно встрѣчаться только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, между тѣмъ на эти булки отцы безпрекословно отпускаютъ своихъ дочерей. И въ пріятномъ обществѣ съ избранникомъ сердца, въ свободномъ съ нимъ разговорѣ, никѣмъ неосуждаемая, никѣмъ не подслушиваемая, весело работаетъ молодая дѣвушка... вѣдь это тѣ немногіе красивые часы ея подневольной жизни, въ продолженіе которыхъ она пользуется относительно свободой...

Такія булки составляются при постройкѣ новой саки, для рубки на виму мяса и выниманія изъ него жиля, промыванія и соленія. На артельныхъ началахъ заготавливаютъ горскія еврейки сыръ и масло. Для экономіи въ топливѣ онѣ поочередно топятъ свои печи и, испекши свой хлѣбъ, предоставляютъ ее въ собственность сосѣдокъ, чтобы затѣмъ въ свою очередь печь у нихъ свой хлѣбъ. И эти артельные начала не только даютъ возможность при скудныхъ средствахъ устраиваться нѣсколько болѣе сносно, они въ значительной степени служатъ для вѣчно работающихъ женщинъ хотя нѣкоторымъ развлеченіемъ среди однообразнаго семейнаго гнета. Тутъ, на этихъ сборныхъ пунктахъ для совмѣстнаго труда, можно по душѣ поговорить съ сосѣдками, насплетничать на однихъ, выслушать сплетни на другихъ, поспорить, поссориться, опять помириться и т. д. безъ конца. И мы дѣйствительно видимъ, что восточная женщина пользуется каждымъ такимъ благопріятнымъ для разговоровъ случаемъ. Фонтаны, куда онѣ въ извѣстные часы приходятъ за водой и гдѣ имъ поэтому приходится, иногда довольно долго, ожидать своей очереди, служатъ для нихъ чѣмъ то въ родѣ общественныхъ клубовъ¹.

¹ См. напр. въ Сборн. Свод. о Кавк. горцахъ ст. „Какъ живутъ Лакв“, стр. 18.

Бѣдныя также никогда не забываются горцами евреями. Такъ напр. при солениі мяса часть мяса и внутренностей разсылается бѣднымъ вдовамъ. Въ субботу, когда между родственниками происходитъ обмѣнъ яствами, болѣе бѣдные, приготовивъ въ большемъ количествѣ какое нибудь одно дешевое кушанье, имѣютъ возможность помощью обмѣна составить себѣ разнообразный, вкусный обѣдъ. Предъ свадьбой бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ дарятся платья.

Всѣ эти единичные, частью мелкіе факты несомнѣнно однако доказываютъ, какое большее значеніе въ экономической жизни бѣднаго горскаго населенія имѣетъ то тѣсное единеніе, частью на филантропической почвѣ основанное, которое соединяетъ жителей аула.

А. К—м—а.

Г А М Ъ - З У - Л Е Т О В О .

ОЧЕРКЪ ЗАХОЛУСТНОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе) ¹.

Ударъ дѣйствительно грянулъ, но ударъ нѣсколько инаго рода, чѣмъ его ожидала бѣдная Двоя: и раньше ожидаемаго срока, и не оттуда, откуда его ожидала бѣдная женщина. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ—вотъ премудрая истина. Думала-ли, чаяла-ли наша раввинша, такъ опасавшаяся расторженія союза со стороны «скряги-мехутена», что разорвать сей союзъ придется ей самой, вмѣстѣ со своимъ благовѣрнымъ раби-Нахумомъ? Повѣрила ли бы она, если бы ей сказали, что она сама отошлетъ обратно «тноимъ» богатому мехутену? Но, увы! вышло именно такъ, сверхъ всякихъ ожиданій и чаяній. Въ домѣ мехутена случилось необычайное событіе, неслыханная катастрофа, перевернувшая все вверхъ дномъ, взволновавшая не только мѣстечки Т. и N, но и многія другія «общины» въ ихъ окрестностяхъ...

Ребъ Йосель Камцожъ—такъ звали мехутена—былъ первымъ лицомъ въ мѣстечкѣ Т., которое было такимъ же благословеннымъ уголкомъ, какъ м. N. И тамъ самовластно царили мракъ и невѣжество «добраго стараго времени», и туда еще не проникали «новыя вѣянія». Само собою, что нашъ женихъ, Авре-меле, былъ воспитанъ на бездонномъ Талмудѣ и «въ страхѣ Божіемъ». Добрую половину «шаса» (Талмуда) онъ зналъ, какъ

¹ См. „Восходъ“ кн. I.

Восходъ, кн. 2.

свои пять пальцевъ, а съ «шулханъ-арухомъ» былъ знакомъ, какъ съ единственной улицей своего роднаго мѣстечка. Что его отецъ, ребъ Йосель, богатъ, что онъ даетъ своему сыну восемьсотъ рублей въ приданое, и что онъ беретъ къ себѣ «молодыхъ» на пять лѣтъ,—читатель уже знаетъ. И ясно какъ день, что это былъ для Брайнеде «лучшій въ мѣрѣ женихъ», какъ на этотъ разъ весьма вѣрно выразился р. Пейсахъ. И недаромъ благоразумная Двоя портила себѣ кровь мрачными думами о возможности потерять этого «золотаго» жениха. Чего грѣха таить: въ потайныхъ уголкахъ своей души она лелѣла сладкую надежду, что Авремеле пригодится въ преемники ея раби Нахуму, послѣ «ста двадцати лѣтъ», разумѣется. Вѣдь былъ-же этотъ Авремеле первымъ по своей учености «бахуромъ» въ мѣстечкѣ Т., которое, кстати сказать, изобиловало хорошими бахурами. И какой онъ былъ набожный, благочестивый! Онъ вѣдь и не пожелалъ видѣть свою невѣсту до свадьбы... Вотъ какой былъ женихъ!... Но вдругъ... Увы, чѣмъ не силенъ сатана-искуситель?...

За годъ приблизительно до обрученія сына р. Йоселя Камцена въ мѣстечко Т. пріѣхалъ неизвѣстный бахуръ и поселился въ бетъ-гамидрашѣ. Никто изъ т-скихъ обывателей не зналъ его; онъ самъ сказывался бывшимъ воспитанникомъ одного изъ извѣстѣйшихъ литовскихъ ешиботовъ, который онъ почему то долженъ былъ оставить. Но уже съ перваго времени своего прибытія Мордухай—такъ звали пріѣзжаго—пріобрѣлъ себѣ благосклонность всѣхъ прихожанъ бетъ-гамидраша. Оказалось вскорѣ, что это былъ «илуй», какихъ немного; онъ оставлялъ далеко позади себя и лучшаго «бахура»—нашего Авремеле. Самъ т-скій раввинъ не могъ нахвалиться его познаніями въ Талмудѣ и пророчилъ, что изъ него выйдетъ «великое свѣтило и краса Израиля». Само собой, что Мордухаю сейчасъ же достались всѣ «дни»: всякій считалъ себѣ за честь и счастье имѣть сего «илуя» къ своему столу, хоть разъ въ недѣлю. Т-скіе шадхены уже приставали къ нему съ самыми лестными предложе-

нѣтъ, обѣщая ему золотыя горы. Но Мордухай съ первыми же словъ настроѣвъ отказать проборливѣмъ надженамъ: онъ и слышать не хочетъ о партіяхъ, покуда не получитъ «семихъ». И действительно онъ день и ночь сидѣлъ надъ своими задушевными фоліантами, и, когда всѣ бахуръ и «батлоний» уже отдыхали на своихъ ложахъ, т. е. на жесткихъ скамьяхъ бетъ-гамидраша, Мордухай бодрствовалъ, ныряя въ волны безграннаго талмудическаго океана. Такое благочестивое поведеніе Мордухая возбудило много толковъ въ бетъ-гамидрашѣ, и старый ребъ Зеликъ—восьмидесятилѣтній батлонъ—подозрѣвалъ въ этомъ бахурѣ одного изъ «ламедвовниковъ»¹. Да и какъ же иначе? Человѣкъ почти нѣ спитъ, мало ѣстъ и все сидитъ да изучаетъ Тору Божію. Ребъ Зеликъ, действительно, имѣлъ множество аргументовъ, чтобы предполагать въ Мордухаѣ «ламедвовника», и былъ весьма правъ, разсердившись на двоихъ «бахуровъ», осмѣлившихся повлословить надъ Мордухаемъ. Эти бахуры однажды утромъ шепотомъ сообщили р. Зелику, что, проснувшись ночью, они замѣтили Мордухая, пишущаго что-то на листѣ бумаги, а фоліантъ былъ отодвинуть въ сторону. Ребъ Зеликъ разсердился и закричалъ на бахуровъ:

— Ослы вы—да и только! Вамъ-ли понимать *его*, этого великаго «ламедвовника?» Можетъ, *онъ* нарочно хотѣлъ, чтобы вамъ показалось, будто *онъ* пишетъ... Вѣдь они, ламедвовники, все могутъ сдѣлать... Вѣдь иной ламедвовникъ нарочно является въ образѣ дровосѣка, напримѣръ; онъ, кажется, рубить дрова, а на самомъ дѣлѣ онъ Тору учитъ, да не хочетъ выдать себя... *Они* не любятъ, чтобы ихъ узнавали.

Бахуры слушали, выпуча глаза, а р. Зеликъ послѣ маленькой паузы продолжалъ:

— Да, это ясно, какъ Божій день... *Онъ* знаетъ, что *мы*

¹ У евреевъ есть повѣрье, что міръ Божій существуетъ ради тридцати шести (ламедевовъ) праведниковъ. Эти „ламедвовники“—великіе цадикимъ, но скромно скрываются, не обнаруживая своего всемогущества.

догадываемся, *кто онъ такой*, и вотъ онъ хочетъ вводить насъ въ заблужденіе... Э-э, стараго Зелика не провести... Видалъ ужъ я на своемъ вѣку ламедвовниковъ... Я ихъ сейчасъ узнаю... Да вы, дураки, молокососы, откуда вамъ знать... И почему вы въ эту ночь вдругъ проснулись?..

— Да, право, не знаемъ; всегда мы спимъ крѣпко, а въ эту ночь оба разомъ вдругъ проснулись, — отвѣтили оба бахура въ одинъ голосъ.

— То-то, штенцы вы не окрылившіеся, — побѣдоносно заликовалъ старый р. Зеликъ, — дѣло ясно какъ день. Это онъ васъ разбудилъ и притворился пишущимъ — не хочетъ, чтобы его узнали... Впередъ, сохрани Боже, не смѣйте слѣдить за нимъ... Они вѣдь не любятъ, когда за ними наблюдаютъ. Да это и опасная штука... Я знаю одного, который и умеръ отъ этого, отъ страху-то... Неровень часъ...

Нани бахуры, конечно, послушались совѣта стараго р. Зелика, пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ бетъ-гамидрашѣ, въ особенности по этой части, т. е. по исторіи всѣхъ цадиковъ и чудодѣевъ, по разнымъ легендамъ о ламедвовникахъ и др. т. п. И слава Мордухая возрастала не по днямъ, а по часамъ.

Весьма понятно, что р. Йосель послѣ обрученія своего сына возымѣлъ желаніе, чтобы тотъ учился вмѣстѣ съ Мордухаемъ. Мордухай согласился, взаимѣнъ чего р. Йосель взявъ его на полное содержаніе къ себѣ въ домъ. Обоиамъ бахурамъ была отведена большая комната, куда никто посторонній не смѣлъ заходить, чтобы не мѣшать этой парочкѣ совершенствоваться въ талмудическихъ премудростяхъ. Что р. Йосель Камцонъ недаромъ тратился, принимая въ свой домъ Мордухая, въ этомъ весьма скоро можно было убѣдиться. Подъ руководствомъ великаго Мордухая женихъ-Авремелъ дѣлалъ громадныя успѣхи, о чемъ свидѣтельствовалъ и т-скій раввинъ, который души не чаялъ въ Мордухаѣ и обѣими руками «схватилъ» бы его въ женихи своей единственной дочкѣ, если бы тотъ только

захотѣлъ. «Хорошій примѣръ возбуждаетъ подражаніе»: живя вмѣстѣ съ прилежнымъ «илуемъ», и Авремеле усугубилъ свое прилежаніе, — и въ окнахъ ихъ комнаты свѣтъ мерцалъ нерѣдко до разсвѣта... Положеніе Авремеле, какъ жениха, нисколько, конечно, не мѣшало ему въ его непрерывныхъ занятіяхъ: Писать къ невѣстѣ понятно ему не приходилось. Да и что-бы онъ могъ писать ей, которую онъ никогда не видалъ, про которую онъ слышалъ только отъ отца, да отъ шадхена р. Пейсаха? Да и къ мехутену, къ великому раби Нахуму, онъ мало писалъ, потому что отношенія между «сторонами» были все время натянуты, вслѣдствіе «безденежья» раби-Нахума и «упорства» р. Йоселя Камцона. Но, можетъ быть, жениха занимали размышленія и думы объ имѣвшей послѣдовать переменѣ въ его жизни? Можетъ быть, его волновали юношескія мысли, чувства, естественныя въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ? И не отвлекали его подобныя мысли и думы отъ занятія Талмудомъ?... О, нѣтъ! Ему, Авремеле, были чужды подобныя нелѣпности, о которыхъ онъ не имѣлъ и малѣйшаго понятія. Видѣ «четырехъ локтей торы» онъ ничего не вѣдалъ, не мыслилъ и не чувствовалъ... Вотъ почему его жизнь текла такъ спокойно, руководимая такимъ искуснымъ кормчимъ... Въ домѣ р. Йоселя царили тишь и гладь, да Божья благодать. И во всемъ мѣстечкѣ не могли не позавидовать р. Йоселю, у котораго былъ такой сынъ и въ домѣ котораго поселился такой великій «илуй», какъ Мордухай. А старый р. Зеликъ уже прямо предсказывалъ, что р. Йоселя ожидаетъ великое счастье: онъ, р. Зеликъ, зналъ уже по опыту, что «ламедвовникъ» вноситъ счастье въ тотъ домъ, гдѣ поселяется...

Но вотъ въ одно прекрасное утро Мордухай объявляетъ удивленному р. Йоселю, что онъ уѣзжаетъ.

— Что ты, что ты, милый Мордухай! — уговариваетъ его р. Йосель. — Помилуй, развѣ тебѣ у меня чего либо недостаетъ, развѣ ты у меня не наравнѣ съ сыномъ? Побудь хоть еще эти два мѣсяца, до свадьбы моего Авремеле, до мѣсяца Элула. Ты

будешь на свадьбѣ, мы славно погуляемъ... Я тебя щедро вознагражу... Не откажи, ради Бога... Передумай, раздумай, дорогой Мордухай... Или мы тебя чѣмъ обидѣли?..

— Помилуйте, ребѣ Йосель, я вами черевчуръ доволенъ, — отвѣтилъ Мордухай. — Вы меня облагодѣтельствовали, я въ вѣщамъ домѣ не знаю недостатка ни въ чемъ... Мнѣ самому больно разставаться и съ вами, и съ Авремеле, и съ нашимъ батъ-гамидрашомъ; я такъ уже свыкъся съ вашимъ городкомъ, но повѣрьте мнѣ, я не могу остаться, меня зоветъ неотдаваемое дѣло; я завтра-же долженъ уѣхать... Пожалуйста, не задерживайте и не уговаривайте меня...

Мордухай настоялъ на своемъ. Напрасно уговаривали его и раввинъ, и всѣ «батлонимъ», а въ ихъ числѣ старый ребѣ Зеликъ, которому больно не хотѣлось выпустить такое сокровище изъ своего роднаго мѣстечка. Все было напрасно. Странное дѣло — одинъ только Авремеле, которому больше всѣхъ слѣдовало удерживать своего товарища-учителя, онъ — то именно вовсе не присоединялся къ тѣмъ, которые изъ кожи лѣзали, чтобы воспрепятствовать отъѣзду Мордухая. Но всѣ были такъ сокращены этимъ отъѣздомъ, что наврядъ-ли кто либо это замѣчалъ. На другой день Мордухай уѣхалъ, Большая толпа провожала его на значительное разстояніе, а Авремеле даже провезъ его, на собственной фурѣ, до ближайшей корчмы, въ 10-ти верстахъ отъ Т.

Больше всѣхъ тужилъ по уѣхавшемъ Мордухаѣ старый р. Зеликъ.

— Будь я на мѣстѣ р. Йоселя, говаривалъ онъ въ кругу своихъ собесѣдниковъ, — я ни за что не отпустилъ бы его, хоть бы стоило мнѣ это цѣлыхъ сто рублей...

— Да онъ же его удерживалъ, сталъ защищать р. Йоселя одинъ изъ слушателей, — но Мордухай не хотѣлъ...

— Дуракъ ты — вотъ тебѣ и сказъ, — перебилъ его р. Зеликъ. — Не хотѣлъ! Да вѣдь они всегда такъ поступаютъ... Они испытываютъ челоуѣка, какъ дорога ему тора, сколько челоуѣкъ

готовъ жертвовать ради божьего человѣка—вотъ что!... Ужъ я знаю такіе примѣры... Ужъ я бы его не выпустилъ, ого-го-го! Я не Йосель—меня въ искупленіе не введешь... Да е немъ-то что говорить; не то онъ Йосель Кампониъ-скряга! Да хранить его Богъ, а я боюсь, что не одобровать нашему р. Йоселю... Когда «ламедвоиниъ» составляетъ кого безо всякой причины, то это некорошая примѣта: быть бѣдѣ, а значитъ... Навидался, понаслышавшася я тваникъ зещей на своемъ зѣну...

— Да почему вы знаете, что Мордухай-ламедвоиниъ?—спросилъ одинъ изъ балауровъ.—Можетъ быть, онъ былъ Эліу-гавони...

— Не тебѣ, молекосоу, о такыхъ вещахъ судить,—сурово отрывалъ р. Зеликъ.—Эліу является только на короткое время, много-много на день или два; онъ не засядетъ въ нашемъ мѣстечкѣ на два года... Этого не бываетъ: ему некогда... А «ламедвоиниъ» именно такъ и сдѣлаетъ... Онъ пробудетъ на одномъ мѣстѣ и годъ, и два, и пять лѣтъ, чтобы только поиспытать одного человѣка... Вотъ каковы они! Вотъ почему опасася за р. Йоселя... Дай Богъ, чтобы это ему даромъ прошло...

Увы! спасенія старая р. Зелика были на напрасны; его проречество сбылось, и весьма скоро. Понятно, что авторитетъ р. Зелика въроть велѣдствіе этого до невѣроятныхъ размѣровъ...

Прошло всего три дня съ отъезда Мордухая. Было раннее лѣтнее утро. Въ «бетъ-гамидрашѣ» собирались на утренней молитвѣ... Батлониъ и «балуры» зѣвами и балагурици: разговоры о Мордухайѣ еще не улеглись... Вдругъ вбѣгаетъ, запыхавшійся, Ошерка, одинъ изъ «балуровъ».

— Авремеле дочерь, задыхаясь, сообщила о мѣ присутствующимъ.—Я только что оттуда... Я пилъ тамъ чай... сегодня мой «день» у р. Йоселя... я тамъ былъ...

—Да ты не ври; а телефонъ говори! закричалъ на него одинъ «батлонъ».

— Что Авремеле? Кто исчезъ? Когда, какъ?—сыпались градомъ вопросы.

Но никто не дождался отвѣта. Всѣ высыпали на улицу, спѣша къ мѣсту происшествія. Тѣ, которые были одѣты въ «тефиллинъ», наскоро сбросили свои украшения и съ засученными рукавами и голыми локтями побѣжали въ дому р. Йоселя. Но и тутъ любопытная публика не узнала всего подробно. Судили и толковали на разные лады. Достовернаго было только то, что утромъ Авремеле не нашли въ его комнатѣ; на столѣ же нашли записку его въ нѣсколько словъ: «я уѣзжаю, не ищите меня». Но р. Йосель сейчасъ пустился въ погоню, хотя не зная, въ какую сторону сынъ отправился. Дома-же осталась старуха-теща р. Йоселя (кстати сказать, что р. Йосель былъ вдовъ уже нѣсколько лѣтъ), которая жалобно рыдала и оплакивала своего внука, какъ покойника. Наболтавшись вдоволь и порѣшавши, что «простымъ человѣческимъ умомъ тутъ ничего не постигнешь, толпа повернула въ бетъ-гамидрашъ. Утреннюю молитву совершили на-скоро—ужь такъ любопытствовали услышать, что дѣлается у р. Йоселя. Но тотъ же «бахуръ», Ошерка, только что вернувшійся оттуда, сообщилъ, что р. Йосель еще не пріѣхалъ, и что ничего новаго еще не извѣстно. Всѣ, начиная отъ перваго батлона до послѣдняго бахура, были пораженны этимъ приключеніемъ. Старый р. Зелникъ диковалъ:

— Вотъ вамъ мои слова! кричалъ онъ на весь бетъ-гамидрашъ.—Подѣломъ ему, скаредному Йоселю, этому Кампону-скрягѣ! Не сказалъ ли я вамъ, что съ отъѣздомъ ламедвовника у нашего Йоселя случится бѣда... Вотъ вамъ мои слова!..

И никто не смѣлъ уже перечить старому р. Зелнику... И отчаяннѣйшіе его противники не могли не подивиться этому сбывшемуся пророчеству. Нельзя было не вѣрить, что Мордухай былъ «ламедвовникъ»—и старый р. Зелникъ сіять отъ радости.

Но что могло статься съ Авремеле? Куда онъ пропалъ,

живъ ли онъ, или нѣтъ, и зачѣмъ онъ уѣхалъ, и куда могъ уѣхать,—вотъ загадка, которую напрасно старались объяснить т-скіе мудрецы. Тутъ и р. Зеликъ насоваль; и его всезнаніе ступевалось предъ этой таинственной загадкой. Правда, онъ объяснялъ это событіе по своему. По его мнѣнію, нечистая сила тутъ сыграла съ р. Йоселемъ эту штуку. Чуть «ламедвовникъ» оставилъ это жилище, оно было предоставлено въ полную власть сатаны, а онъ выбираетъ себѣ, какъ извѣстно, жертвы пожирнѣе... И диво-ли, что сатана польстился на такой лакомый кусочекъ, какъ Авремеле?... Но это объясненіе было слишкомъ фантастично, и притомъ же основано на одвѣхъ только догадкахъ и произвольныхъ предположеніяхъ,—и весьма немногіе удовлетворялись имъ. Тайна не разъяснилась и съ возвращеніемъ р. Йоселя. Погоня не привела ни къ какимъ результатамъ: Авремеле словно въ воду канулъ. Поговаривали, что въ шкатулкѣ р. Йоселя оказалась пропажа въ триста рублей, но достовѣрнаго отъ р. Йоселя никто не добился: старикъ былъ угрюмъ и на вопросы неохотно отвѣчалъ. Да и самъ онъ не могъ себѣ объяснить исчезновеніе сына. Догадкамъ не было конца. Случилось на другой день, что одинъ изъ «бахуровъ» нашелъ въ бетъ-гамидрашѣ, подъ скамейкой, въ углу, заваленномъ тряпьемъ и хламомъ, какую-то книжку маленькаго формата подъ названіемъ «Мегале-тмринъ»¹. Онъ показалъ свою находку «старшимъ»; но никто не зналъ и не слышалъ никогда про такую книгу. А между тѣмъ на этой книгѣ значилась надпись, что она принадлежитъ Мордухаю Шейнману,—очевидно «великому илую», который, должно быть, и забылъ ее въ бетъ-гамидрашѣ. Найденная книга возбудила интересъ всего мѣстечка; одинъ изъ «батлонимъ» увѣрялъ, что въ ней ключъ къ загадкѣ съ сыномъ р. Йоселя: по крайней мѣрѣ, онъ такъ предчувствовалъ. Къ счастью, пріѣхалъ въ то время въ

¹ Извѣстная сатира на хасидовъ, соч. І. Перла.

Т. «ребъ Менделе-мейхеръ-сефоримъ» (букинисть). Когда ему показали ту книжку, онъ многозначительно покачалъ головой и, прочитавъ названіе, швырнулъ ее на полъ:

— Тьфу, тьфу, графъ-пусытъ!—закричалъ онъ, замахавъ руками и отплывавъ на всѣ стороны. — Вѣдь эта книжка еретическая, изъ *хмизъ*, *квересе*. Да ее сжечь нужно, а не то, чтобы держать въ «святѣмъ мѣстѣ»!..

Если бы земля разверзлась и проглотила все и вся, присутствующіе не были бы такъ поражены, какъ теперь. Какъ бы не мановенію, глаза всѣхъ устремились на стараго р. Зеллика:

— А вотъ, тамъ крокошь, вотъ каковъ вашъ «ламедвовникъ», вашъ Мордухай—«jaspach-sch'moi» (да сотрется имя его),—закричало много голосовъ.

— Но нельзя же обвинять человѣка на такомъ слабомъ основаніи,—возразилъ смутившійся р. Зеликъ.—Можетъ быть, тутъ какая-то ошибка, или... Не можетъ же быть...

Но никто не слушалъ его. Все загорланело въ одинъ голосъ. Громче всѣхъ кричали тѣ два бахура, которые, какъ читатель помнитъ, встали ночью Мордухая что-то пинущимъ. Они не прервали прибавить немножко перцу и соли... Однимъ словомъ, всѣ перенли въ противный ребъ-Зеллику лагерь, и было рѣшено, что Мордухай былъ самъ «сатана», который и завлекъ въ свои лукавыя сѣти бѣднаго Авремеле. Что Авремеле пропаль—въ этомъ никто и не сомнѣвался. «Изъ *мизъ* рушь нѣтъ возврата»,—утверждалъ одинъ изъ коноводовъ антизеликовской партіи. И всѣ искренне пожалѣли бѣднаго р. Йоселя, лишившагося своего единственнаго сына. Кто-то предполагалъ, что р. Йоселю слѣдовало произносить «кадышь» (заупокойную молитву) по своему сынѣ, какъ по усопшемъ. Только одинъ р. Зеликъ не поддавался общему потоку; но и его вѣра въ «Мордухая-ламедвовника» была сильно колеблена. Однако, онъ еще бодро защищался противъ своихъ многочисленныхъ оппонентовъ, утверждая, что тутъ что-то да

не такъ, тутъ кроется какая-то тайна; вѣдь отъ неку чаго недѣля ожидать!..

Но увы! двѣ недѣли спустя р. Зелникъ потевалъ и послѣдній аккордъ надежды...

Р. Йосель получилъ письмо отъ своего сына. Письмо пришло изъ одного большаго идишевскаго города. Тайна открылась. Авремеда просилъ отца простить ему, что онъ его тайно покинулъ; онъ былъ вынужденъ это сдѣлать. Впрочемъ письмо было нѣсколько темное для р. Йоселя. Тутъ говорилось о «чужомъ солнцѣ», о влеченіи къ «жизненнымъ премудростямъ» и еще обо многомъ, непонятномъ для отца. Упоминался также тутъ и Мордухай, который-де, «открылъ ему глаза», бѣдному слѣпому Авремеде. Но въ концѣ Авремеде просить отца не тревожиться и не ѣхать къ нему: онъ не отступитъ отъ своего твердаго рѣшенія ѣхать вмѣстѣ съ Мордухаемъ въ браденскую семинарію.

Объ этой семинаріи никто, кромѣ р. Зелика, никогда не слыхалъ. Но всеслѣдующій р. Зелникъ зналъ объ этой «обители ереси», въ которой неглуби уже сотни еврейскихъ душъ. И р. Зелникъ, краснѣя отъ стыда, сознался всенародно, что на этотъ разъ онъ «промахнулся»...

— Да вы не думайте, что я *этихъ-то* не знаю, — говорилъ онъ своимъ слушателямъ. — И *этихъ* я навидался на своемъ вѣкѣ... Еще лѣтъ двадцать тому мы въ Глумскій на такую «птену» наткнулись... Я тогда пробѣжалъ черезъ Глумскъ... въ Пустову, къ «ребѣ» ѣхалъ... Ну, и попался тамъ одинъ нечъ *змиахъ*... я его сейчасъ узналъ, по извѣстнымъ примѣткамъ... Мы его «своимъ строй» прогнали, чуть не до смерти забили... Ну а *этого-то* провелъ мени... Такая шельма «Мордухай-Јемасчсч'шоінік»... Не ожидалъ я, не ожидалъ...

А нѣсколько спустя старый р. Зелникъ прибавилъ:

— Впрочемъ, почему удивляться... Вѣдь и египетскіе народы удивительно подражали воимъ чудесамъ Моисея... Чтѣ онъ совершалъ «святой силой» своего жезла, они дѣлали

помощью «вечистой силы»... Право, иной разъ не отличишь... Этотъ «Мотке» и всякаго почище меня проведеть бы... Бывало, что и «цадики» понадали въ просакъ... Такъ искусно *эти* то устраиваютъ свою ловушку... Господь да хранить въѣхъ праведныхъ и вѣрующихъ сыновъ Израилевыхъ!..

И р. Зеликъ рассказывалъ своимъ жаднымъ слушателямъ множество «подобныхъ примѣровъ». Рассказывалъ онъ также страшныя вещи объ этой еретической семинаріи... И всѣ чувствовали сожалѣніе къ бѣдному р. Йоселю, такимъ постыднымъ образомъ лишившемуся своего сына...

Какъ громомъ поразила вѣсть объ этой странной катастрофѣ нашу бѣдную Двосою. Послѣ этого дѣло приняло другой оборотъ: тутъ ужъ никто не поможетъ, тутъ уже всякія надежды потеряны; дѣло проиграно безвозвратно. Какъ было ей бѣдному сердцу не разрываться отъ муки, отъ горя и отчаянія?...

— Вотъ несчастіе, вотъ великое горе, кара Божья! — рыдая и виѣ себя кричала бѣдная раввинша, — ужъ кто-бы ожидалъ чего либо подобнаго?... На кого, на что уже намъ теперь надеяться!.. О, бѣдная моя Брайночка, пропала ты, пропала... И Богъ насъ оставилъ...

— У тебя на языкѣ все грѣшныя слова, — перебилъ жену раби Нахумъ — Богъ тебя уже наказалъ, а ты опять все свое твердишь... Мы лучше о дѣлѣ поговоримъ: дай-ка сюда наши «тнотмъ», разорвемъ и отошлемъ ихъ въ Т., къ р. Йоселю.

Съ слезами на глазахъ Двосоя достала изъ сундука эти злобастныя «тнотмъ» и передала ихъ мужу, — а два часа спустя они уже находились по дорогѣ въ Т.

Хотя Брайнеле въ глаза не видала жениха, и, конечно, о любви тутъ и рѣчи не могло быть, тѣмъ не менѣе она усердно помогала своей матери оплакивать эту потерю. Брайнеле очень хорошо понимала всю жестокость постигшаго ихъ удара и про-

ливала горючія слезы, прислушиваясь къ причитаніямъ и жалобамъ своей, убитой горемъ матери:

— Какой позоръ ляжетъ теперь на насъ! — всхлинула бѣдная Двоя.— Кто ее теперь возьметъ, безъ денегъ, и послѣ такого позора!.. Вѣдь и для насъ это постыдно... Такой позоръ и срамъ... Чего добраго, онъ еще тамъ и выкрестится... Скажутъ, первый женихъ былъ «мешумедъ» — и кто послѣ этого захочетъ съ нами связаться?... О несчастные мы люди, разгнѣвался на насъ Богъ, отвернулся отъ насъ, совсѣмъ забылъ насъ... Какъ же ты, Боже, жестоко и несправедливо насъ карашь!..

— Ты забываешься, жена, — укоривленно перебилъ ее мужъ— Господь не поступаетъ несправедливо... Ты знаешь про Иова; его страданія, его горе было безконечно... онъ богохульствовалъ... Но потомъ самъ раскаялся и просилъ у Іеговы прощенія за свои грѣшныя слова... Богъ надумилъ его... Знай, что Богъ дѣлаетъ все къ лучшему... Вѣдь и то сказать: что бы было, если бы Авремке убѣжалъ отъ насъ, послѣ свадьбы, и наша дочь осталась бы «агуной»?.. ¹ Тогда было бы гораздо хуже; но Господь не хотѣлъ погубить нашу дочку, ну и мы должны благодарить Его святое имя: гамзу-летово.

— Нечего тебя слушать— вотъ и все! — съ отчаяніемъ въ голосѣ вскричала Двоя. — Ты мой шлиммазель, мое несчастье... Чѣмъ тебя удивить?... Убей тебя кто на мѣстѣ, ты и тутъ пропоешь твое вѣчное «гамзу-летово»...

Чаша была переполнена; горе было велико, безконечно; бѣдная Брайнеле, заливавшаяся горькими слезами, тутъ же торчала предъ глазами; какъ же было бѣдной Двоя не возмущаться хладнокровнымъ спокойствіемъ мужа! Не казалось ли ей на этотъ разъ злою насмѣшкою, горькой ироніей это «гамзу-летово»? О, нужно вообразить себя на мѣстѣ несчастной раввинши, чтобы простить ей грубую выходку противъ благо-

¹ Жена безъ вѣсти пропавшаго мужа.

вѣрнаго мужа. Бѣды всему есть предѣлы и граница, даже терпѣнію человѣческому... А бѣдное сердце Двояи уже давнѣе потеряло всякое терпѣніе, надорванное горемъ и бѣдами...

Нелесною жизнь настала теперь въ домѣ нашего раввина. Уже и прежде тяжело было на душѣ бѣдной Двояи, а теперь она совсѣмъ обилась съ толку... Доброжелательныя кукушки, правда, не оставляли ее своими утѣшеніями и выраженіемъ глубочайшаго соболѣзнованія; но чѣмъ могло ей это помочь!.. Развѣ не угрожала ей Брайнеле опасность остаться въ дѣвкахъ, развѣ не были они такъ опозорены хосеномъ-меншумедомъ, что теперь и сапожникъ наврядъ-ли захочетъ взять ихъ Брайнеле? Да, эти кукушки своими добрыми словечками рѣзали какъ ножомъ бѣдное сердце раввинни. Того-ли она ожидала, этихъ-ли сочувственныхъ причитаній, этого-ли скорбнаго тона выраженія соболѣзнованія, этихъ-ли негѣпныхъ утѣшеній сѣсѣдомъ и кукушекъ — того-ли, ожидала она, самонадѣяннаго мажъ, гордившагося своимъ дѣтнцемъ, своей красивой Брайнеле, своимъ «лучшимъ товаромъ»? А бѣдная Брайнеле не переставала рыдать, усугубляя страданія своей матери... И диво-ли, что въ раввинскомъ домѣ все было мрачно и уныло!.. Одинъ только р. Накумъ крѣпился; событія не выбили его изъ обычной колеи... Онъ продолжалъ уповать на всемогущаго Іегову, который устраиваетъ все къ лучшему, и ожидаетъ только пріѣзда р. Пейсаха, чтобы начать работу съизнова...

Пренію два мѣсяца. Лѣто приближалось къ концу. На порогѣ стоялъ уже мѣсяцъ Элуль. Вѣкъ теплый, чудесный вечеръ. Но въ домѣ р. Накума царило тоже уныніе, то же мрачное настроеніе. Двояи едва ли все это время пропустила одинъ день, чтобы не заплакать надъ своимъ горемъ... И теперь она сидѣла, пригорюнившись. Только-что вернувшись съ вечерней молитвы раввинъ, по обыкновенію, утѣшалъ

ее предстоящимъ прїѣдомъ «домой» р. Шейсаха «да страшные дни»...

Вдругъ подъѣзжаетъ къ раввинскому дому большая фура, которая и останавливается у самого краешка. Съ фуры слѣзаетъ старикъ. Двоя, успѣвшая выѣхать на встрѣчу, видитъ какое-то незнакомое лицо.

— Добрый вечеръ, раввинна! — прїѣтствовалъ ее старикъ, — раби Нахумъ дома?

— Дома, дома, — отвѣчаетъ раввинна, ближе притягиваясь къ прїѣзжему и сопровождая его въ домъ.

— Добрый вечеръ, раби! — прїѣтствуетъ прїѣзжій раби Нахума.

— Ага, р. Йосель! шолемъ-акейдемъ! — отвѣчала раввинна, протянувъ правую руку прїѣзжему, въ которомъ онъ сейчасъ узналъ «бывшаго мехутена»...

Двоя остолбенѣла. Кого-кого, а такого гостя она уже меньше всего ожидала! «Что могло его привести къ намъ?» — молнией промелькнулъ мудреный вопросъ въ ея «практическомъ умѣ». Но р. Йосель не замедлилъ сейчасъ послѣ первыхъ прїѣтствій, какъ бы угадывая мысли хозяйки, удовлетворить ее отвѣтомъ.

— Я, раби, человекъ простой, и околичностей не люблю, — началъ р. Йосель тихимъ но твердымъ голосомъ. — Я прямо приступлю къ дѣлу. Вы знаете постигшее меня несчастье... Да, великое то было несчастье... Недаромъ я такъ посѣдѣлъ за эти два мѣсяца... Но я не поѣхалъ воротить сына, я не хотѣлъ уговаривать его — такого сына мнѣ не нужно... «Если онъ самъ не прїѣдетъ ко мнѣ съ повинной, если онъ самъ не оставитъ дурной путь, на который бѣсъ его заманилъ, — то у меня нѣтъ сына»!.. Вотъ что я рѣшилъ. И я твердо уповалъ на Йегову, что Онъ вернетъ мнѣ сына, и Онъ выслушалъ моимъ горячимъ молитвамъ... Что мнѣ долго говорить? Три дня тому назадъ сынъ прїѣхалъ ко мнѣ... И если бы вы знали, какъ онъ раскаивается... Онъ далъ себѣ обѣтъ цѣлый

годъ поститься по четвергамъ и по понедѣльникамъ... «Батюшка, говорить, не осуждай меня; не я тутъ виноватъ — знать, Богъ такъ хотѣлъ, наказать насъ за грѣхи наши. Вѣсь, этотъ злой духъ, завлекъ меня въ свою грязь и нечистоту... И если-бъ ты, отецъ, слыхалъ, какія лукавыя рѣчи этотъ Мордухай говорилъ мнѣ, какія книги онъ со мной читалъ! Онъ меня ослѣплялъ, онъ отнял у меня умъ, рассудокъ, — и я подумалъ что «узрѣлъ свѣтъ»... О, это былъ обманчивый свѣтъ!..» И сынъ мой скоро убѣдился въ обманчивости сего «свѣта». Онъ почувствовалъ, что вокругъ него тьма, подземная пропасть... Этотъ Мордухай былъ настоящій «гой»; ѣлъ «трефное», осквернялъ субботу и т. д. И сынъ мой узрѣлъ, въ какихъ когтяхъ онъ находится... О, ребе, милый ребе, если бы вы знали хорошо моего сына, какой онъ набожный, вы сами поняли бы, какъ онъ тутъ безвинно попался въ искусную ловушку лукаваго бѣса... Но хвала Всевышнему, онъ во время спохватился, почувалъ, въ какой онъ пропасти..

Р. Йосель перевелъ духъ, и послѣ маленькой паузы прибавилъ:

— Теперь, милый ребе, прошу васъ, и васъ, раввинша, тоже прошу, не отказать бѣдному, наказанному Богомъ отцу: забудьте старое, выкиньте изъ головы все происшедшее, простите моего непоовиннаго Авремеле — и да свершится союзъ нашъ «лемавель-товъ»...

Бѣдный р. Йосель говорилъ надтреснутымъ голосомъ; двѣ большія слезы сверкнули на его глазахъ и покатались по старымъ морщинамъ...

— Мудреное дѣло, весьма мудреное... началъ раби Нахумъ.— Все отъ Бога, подумать нужно... мудреное дѣло...

— Какъ же, какъ же, — поддерживала Двоя своего далеко не краснорѣчиваго мужа, — очень мудрено дѣло ваше... тутъ есть о чемъ подумать... И то сказать... Послѣ такого позора, такого срама, вѣдь на насъ «пальцами стануть показывать»... Шутка-ли, слыханое-ли то дѣло во Израилѣ? Ужъ,

слава Богу, полѣбна прожила, а подобаго не слыкивала... Что мы послѣ этого... за деньги, что-ли, продавать себя... Помыслите, Богъ съ вами...

— Да чѣмъ мы тутъ виноваты? смиренно возражалъ бѣдный р. Йосель. — Наня-ли вина, что Богъ насъ наказалъ!.. Это было Божье наказанье; дьявольское навожденіе нашло на моего сына... И развѣ не случалось это «со многими»? Однако впоследствии онъ можетъ сдѣлаться самымъ благовѣрнымъ евреемъ... И будетъ таковымъ—никогда какъ Богъ!..

— Дай Богъ, дай Богъ, — сказалъ раби Нахумъ, — желаю ото всего сердца... А намъ всетаки подумать нужно... Какъ Господь насъ научить, такъ и поступимъ...

— Какъ подумать, такъ и голову потеряешь, — заговорила Двоя. — Вѣдь предъ людьми-то стыдно будетъ, какъ поважаться имъ на глаза!.. И охота намъ «совать» въ такое дѣло... Бѣдность бѣдностью, а человѣка деньгами не очистишь... Ваше горе, ваше несчастье—а намъ что? Съ большой головы да на здоровую...

— Нечего вздоръ молоть, — перебилъ раввинъ свою расходившуюся дрожайшую половину. — Вѣдь на все Его святая воля... Подумаешь, подумаемъ... А ты, жена, накрывай на столъ, пора ужинать... И р. Йосель, вѣроятно, претерпѣлъ въ дорогѣ...

Двоя приготовила все въ одну минуту.

— Не брезгайте нашимъ хлѣбомъ-солью, — пригласила она р. Йоселя къ ужину, — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Мы люди бѣдные.

Во время ужина объ «этомъ» разговора не было: присутствіе Брайнеле удержало словоохотливую Двою. Рѣшено было, что «утро вечера мудренѣ».

Утро, дѣйствительно, оказалось мудренѣ вечера...

На другой день, по счастливому стеченію обстоятельствъ, въ Н пріѣхалъ нашъ старый знакомый, р. Пейсахъ. Всевнаучный шаденъ уже зналъ обо всемъ; зналъ онъ также, что ему

предстоитъ великій трудъ «уломать» раввинскую чету. Но вѣдь богатый р. Йосель можетъ оплатить добрую услугу... и чѣмъ больше работы, тѣмъ большая будетъ плата. А потому р. Пейсахъ носѣвшиль въ раввинскій домъ, и р. Йосель свободѣе вздохнулъ, увидѣвъ неожиданно и кстатѣ недосѣвнчее «подкрѣпленіе»... Дѣйствительно, дѣло приняло теперь болѣе благоприятный для р. Йоселя оборотъ. Всемогущій шадкенъ раввинъ въ пухъ и прахъ всѣ доводы и сомнѣнія Двоя.

— Между нами, милая раввинша, сказала между прочимъ р. Пейсахъ, — это было для васъ великое счастье... Развѣ вы забыли ваши опасенія и заботы? Вѣдь что случилось бы съ Браймеле, если бы онъ разстроилъ партію... И теперь, что ее ожидаетъ? Вѣдь сапожникъ, и тотъ подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшиться. И ни гроша за нею... Нѣтъ ужъ, милая раввинша... Старый Пейсахъ вамъ лучший другъ, дурнаго не посоветуетъ... Это для васъ счастье... При томъ же, оприданомъ теперь р. Йосель не замкнется, ни ту-ту... Да еще самъ прибавитъ нѣсколько сотнягъ, и домъ отдаетъ *имъ* въ собственность... Все это надо взять въ расчетъ: «деньги, какъ говорятъ, не щепки», не изъ земли растутъ... А что до жениха, то ей Богу вамъ лучше не нужно. Это несчастіе—дѣло плевое. Просто нечестный попуталь, дьявольское навожденіе... да вѣдь малый покаяніе принесъ... За то онъ «илуй», онъ будетъ современемъ «гаономъ»...

И Двоя все болѣе и болѣе должна была уступать голосу здраваго разсудка, т. е. шадкена р. Пейсаха. И можетъ быть, что дѣло кончилось бы въ тотъ же день, если-бы не самъ раввинъ раби Нахумъ, который выказалъ больше предосторожности, чѣмъ Двоя.

— Тутъ своимъ умомъ ничего не разберешь, сказала онъ, — все зависитъ отъ воли Божьей... дѣло мудреное... А чтобы узнать Его святую волю, обратимся къ нашему «ребѣ»,—и сегодня же поѣдемъ въ «Пусткову», просить *его* совѣта.

И въ тотъ же день фура р. Йоселя выѣхала изъ Н въ Пусткову, увозя съ собою раввина, р. Йоселя и шадкена р.

Пейсаха. Сватъ былъ крайне доволенъ и заранѣе предвидѣлъ благополучный исходъ «дѣла»... О, всевѣдущій шадхенъ зналъ, что скаредный р. Йосель не скупился никогда въ отношеніи своего «падика» въ Пустковѣ; недаромъ же падикъ оказывалъ сему своему «хасиду» особую благосклонность... И р. Пейсахъ нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ... Да въ концѣ концовъ и для р. Нахума выходитъ весьма выгодное дѣло... И р. Пейсахъ рѣшилъ, что меньше «катеринки» онъ не возьметъ...

Двѣ недѣли спустя, въ половинѣ мѣсяца Элула, въ мѣстечкѣ Т. съ величайшей пышностью отпраздновалась свадьба сына р. Йоселя Камцона съ дочерью великаго N—скаго раввина, раби Нахума. Кто не былъ на этой свадьбѣ, тотъ не видѣлъ настоящаго пиршества на своемъ вѣку. На что ужъ нашъ р. Зеликъ-батлонъ бывалъ свидѣтелемъ богатѣйшихъ свадьбъ — но подобной и онъ не видывалъ.

— Ишь, раскошелился нашъ Камцонъ! — съострилъ онъ надъ р. Йоселемъ.

Двоя была на верху блаженства: теперь съ нея спало ея послѣднее бремя... А раби Нахумъ, пустившись съ невѣстой и съ женой въ извѣстный «кошеръ-танецъ», сіяя отъ радости, сказалъ своей Двоѣ:

— Видишь, жена, что все отъ Бога: и счастье, и горе... Напрасно ты смѣялась и сердилась на меня *тогда*, при несчастной вѣсти, когда я благодарилъ Бога и проанесъ: гам-зу-летово... Видишь, что это дѣйствительно было къ добру. Можетъ быть, Господь именно потому это все бѣдствие устроилъ, чтобы намъ добро оказать... Навсе Его святая воля, и что Онъ ни сдѣлаетъ — все ведетъ къ добру»...

С. Живовъ .

З А Б Л У Д Ш І Й ¹:

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

VI.

«Какъ вамъ угодно».

Черезъ минуту до слуха Эстеллы, успѣвшей уже приняться за свое любимое занятіе, донеслись страстные звуки, которые, какъ порхающія птицы, свободно влетали въ открытую дверь мастерской.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на нее небрежнымъ и даже нѣсколько враждебнымъ тономъ, какимъ Габріэль разсуждалъ о вопросахъ, касающихся мрачныхъ сторонъ жизни, которыя ему предстояло освѣщать въ будущемъ, быстро взглядилось подъ влияніемъ музыки.

Дѣйствительно ли призваніе Габріэля состояло въ томъ, чтобы облегчать чужое горе и вести борьбу противъ грѣха? По силамъ ли будетъ эта задача ему, блестящему юношѣ съ утонченными и даже нѣсколько прихотливыми привычками?

Но Габріэль продолжаетъ играть, и въ сердцѣ Эстеллы опять закрадывается надежда, что онъ останется вѣренъ своему обѣту. Да, онъ все тотъ же, ея дорогой мальчикъ, для котораго она такъ много работала и приносила столько жертвъ. Работа доста-

¹ См. „Восходъ“, кн. I—II.

вила ей славу, а въ жертвахъ для него было столько утѣшительнаго, потому что съ помощью ихъ она надѣялась проложить ему дорогу въ жизни. Хотя искусство совершенно слилось съ ея существованіемъ, но какія бы сильныя ощущенія и радости ни приносило оно ей, она считаетъ ихъ ниже тѣхъ короткихъ минутъ наслажденія, которыя доставлялъ ей веселый и талантливый Габріэль, съ помощью волшебныхъ звуковъ вызывающій въ ея воображеніи картины прошедшаго и будущаго и воскресающій въ ея памяти ея прежнія любимыя мечты.

А Габріэль все игралъ. Позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, онъ съ такимъ увлеченіемъ выполнялъ трогательную и грандіозную прелюдію Мендельсона, какъ будто на него снизошло сегодня какое-то особенное вдохновеніе.

По нѣжности и силѣ чувства немногія мелодіи могутъ сравниться съ первой прелюдіей Мендельсона, звуки которой глубоко западаютъ въ душу слушателя. Но можно ли выразить словами то, что слышится въ этихъ торжественно побѣдныхъ и въ тоже время трогательно нѣжныхъ звукахъ? Они льются какъ волны, плескъ которыхъ невозможно ни уловить, ни описать на бумагѣ. Да и кто въ состояніи истолковать всѣ оттѣнки человѣческихъ чувствъ и страстей, выражаемыхъ звуками съ помощью нотъ?

Но вернемся къ самому музыканту, который продолжалъ играть съ прежнимъ увлеченіемъ. Неужели этому юношѣ съ восторженнымъ взглядомъ, устремленнымъ куда то вдале, суждено вращаться посреди крикливой ватаги бѣдняковъ, входить во всѣ ихъ драги и ссоры и умиротворять сварливыхъ матронъ, озлобленныхъ непосильной работой?

Рубъ, считавшая слабостью обнаруживать при другихъ, даже на минуту, какія бы то ни было сильныя ощущенія, въ смущеніи опустила голову подъ вліяніемъ, не то грустнаго, не то радостнаго чувства, вдругъ овладѣвшаго ею, и укладкой отерла слезы, выступившія у нея на глазахъ; и тогда только успокоилась, когда

ненстоянный Габріэль, въ одну минуту стракнувъ съ себя чары сыгранной имъ прелюдіи, неожиданно перешелъ къ веселой нѣсенкѣ изъ комической оперетки Салливана.

— Сведи меня къ этимъ „*protégés*“ Тины, — сказала она Эстеллѣ, которая, какъ и предвидѣла Руеъ, заслушавъ звуки органа, не выдержала и сошла внизъ. Братъ и сестра случайно встрѣтились взглядомъ, при чемъ Эстелла прочла въ глазахъ своего любимца нѣчто такое, что заставило ее вадрегнуть — такъ краснорѣчиво выражалось въ нихъ какое то сильное, но глубоко заглазное чувство. Но что же это такое? Что скрываетъ онъ отъ нея и отчего эти большіе черные глаза смотрятъ на нее съ такимъ смущеніемъ?..

— Что тебѣ вздумалось убѣгать изъ дома, едва успѣвъ пріѣхать? — съ неудовольствіемъ замѣтила Руеъ.

— Я хочу заранѣе присмотрѣться къ своимъ будущимъ обязанностямъ, — возразилъ Габріэль, продолжая пристально смотрѣть на Эстеллу; — поэтому мнѣ не мѣшаетъ начать теперь же входить понемногу въ мою роль будущаго главы или инспектора санитарнаго учрежденія. Вѣдь и мнѣ тоже со временемъ придется говорить проповѣди.

— Воображаю себя, каковъ ты будешь въ роли проповѣдника! — со слѣхомъ вскричала Руеъ, — но не уходи же отъ насъ сегодня.

— Конечно, не сегодня, — отвѣтилъ Габріэль, — дѣло не спѣшное. Но помни, Эстелла, что ты непременно должна идти внизъ со мною. Ну, а теперь, что же мы будемъ дѣлать?

Рѣшить этотъ вопросъ для Руеи было совсѣмъ не такъ просто, какъ принять на себя роль обманной. Конечно, ей пріятнѣе всего было бы отправиться бродить съ Габріэлемъ по степи и, завладѣвъ имъ какъ своею неотъемлемою собственностью, начать бесѣду съ нимъ съ интимныхъ изліяній и закончить ими же, да, кстати, заставить и его поразсказать кое-что о себѣ. А что, какъ разговоръ

принять другое направление, и Габріэль вздумает распространяться о красотѣ и добродѣтеляхъ Тиръ?.. Тогда бѣдной Руей останется только дремать отъ скуки.

— Я хотѣла предложить тебѣ отправиться въ спектакль любителей, если у тебя нѣтъ никакого плана на сегодняшний день, — сказала Эстелла. — Будутъ давать семь сценъ въ лѣсу изъ Шекспировой пьесы „Какъ вамъ угодно“, и у меня есть два билета на этотъ спектакль. Вотъ они. Ты, Руй, тоже театралка. Я увѣрена, что вы весело проведете время. Представленіе будетъ происходить подъ открытымъ небомъ, на сценѣ, огороженной для театра, въ отлично устроенномъ помѣстьѣ, въ Суржѣ. Представьте себѣ, что вы увидите странныя фигуры Одроя и Точстона и веселую, граціозную Розадиду, въ свойственной имъ привольной обстановкѣ, въ тѣни лѣса. Это будетъ предестно, и вы навѣрное останетесь въ восторгѣ отъ всего, что увидите.

— Навѣрно! — повторилъ Габріэль — и, обхвативъ Эстеллу за талію, началъ кружить ее по комнатѣ. — Милая, добрая моя Эстелла! Ты настоящая благодѣтельная фея. Но почему бы тебѣ не оставить меня дома и не проинимуть самой, вмѣстѣ съ Руей, въ очарованные лѣса Шекспира?

— Во первыхъ, потому что у меня, по вашей милости, и такъ пропадаетъ много времени даромъ, отвѣтила Эстелла, освобождаясь изъ его объятій, — а во вторыхъ, потому что я уже видѣла эту пьесу.

— Какая ты добрая, Эстелла! — вскричала и Руй въ свою очередь. Когда же ты сама поѣдешь куда нибудь съ Габріелемъ?

Руй, какъ видно, тоже рѣшилась быть уступчивой и великодушной.

— Какъ только ты отпустишь его отъ себя, Руй, — отвѣтила Эстелла такимъ тономъ, который ясно показалъ молодой дѣвушкѣ, что ее рѣзкая попытка безраздѣльно завладѣть братомъ не осталась незамѣченными старшею сестрой.

Руѣ вспыхнула, но ничего не сказала и ушла къ себѣ одѣваться. Развеселившійся Габріэль снова сѣлъ къ органу и съ одушевленіемъ заигралъ отрывки изъ разныхъ оперъ, отъ которыхъ перешелъ къ комическимъ пѣснямъ. Звукъ его необыкновенно пріятнаго тенора достигли до м-съ Гоферъ, которая пошла въ кладовую за провизіей, собираясь приготовить какое-то особенно изысканное блюдо по случаю пріѣзда своего мальчика, присутствіе котораго было для нея настоящимъ праздникомъ. Вѣтъ опять домъ ихъ огласился музыкою, какъ во времена Александрины; и хотя игра мальчика показывала, что онъ уже превратился въ мужчину, хотя бѣднаго доктора Гофера уже не было болѣе на свѣтѣ, хотя все совершенно измѣнилось — тѣмъ не менѣе слезы, показавшіяся въ кроткихъ глазахъ м-съ Гоферъ, были скорѣе слезами благодарности чѣмъ горечи. Между прошедшимъ и настоящимъ какъ будто установилась болѣе тѣсная связь съ возвращеніемъ Габріэля, и жизнь казалась теперь свѣтлѣе и полнѣе.

Погода переимѣнилась и нашимъ театраламъ пришлось отправиться въ путь по дождю. Но дождь вскорѣ пересталъ и смѣнилась тихой и теплой хотя и не ясной погодой. Опрысканными дождемъ деревья зеленѣли и благоухали; по изгородямъ норхали дрозды и коноплянки, смѣло поглядывавшіе своими хорошенькими и любопытными глазками на молодую парочку; изъ листьевъ вышаркивали укрывавшіеся тамъ отъ непогоды крапивники и, встряхнувъ крыльями, высоко взлетали на воздухъ. Братъ съ сестрой находили какую-то особенную прелесть въ этихъ незатѣшливыхъ дорожныхъ приключеніяхъ. Руѣ не преслѣдовала болѣе брата своею ревнивою и деспотическою любовью, и между ними само собою установились самыя дружескія и непринужденныя отношенія, которыя давно уже могли бы сдѣлаться такими, если бы это зависѣло отъ одного Габріэля, такъ какъ онъ совсѣмъ не былъ требователемъ въ своихъ привязанностяхъ и не предъявлялъ никакихъ исключительныхъ правъ на сердце своей младшей сестры. Руѣ чувство-

вала себя несказанно счастливой въ этомъ прѣтвомъ для нея *tête à tête*, и даже пасмурная погода не могла испортить ея радужнаго настроенія. Она опять сдѣлалась такою же естественной и простодушной, какою была прежде.

Неоднократныя остановки по дорогѣ, опусканіе и подниманіе верха экипажа, по мѣрѣ того, какъ погода хмурилась или прояснялась—давали поводъ къ громкому и дружному хохоту, отъ котораго, хотя и „валились дома“, согласно шутиливой угрозы Габріэля, во который, тѣмъ не менѣе, былъ очень шумливъ и развѣтительно весель.

Они ѣхали въ пролетѣ, въ которой Гофери ѣздили всюду, куда не ходили желѣзнодорожныя пѣзда, и въ которой Габріэль возвращался домой съ желѣзнодорожной станціи. Лошадью правилъ крѣдко потертый, но respectableный и знающій свое дѣло кучеръ, извѣстный подъ названіемъ тѣлохранителя Эстелли,—не тотъ, который такъ сладко спалъ въ этой самой пролеткѣ, представивъ Габріэлю возити его, куда ему влудается. Они медленно подвигались впередъ, и Руеъ раза два предлагала пройтись пѣшкомъ, съ гуманной цѣлю—давать отдохнуть лошади. Сдѣлавъ, наконецъ, около шести миль, они вѣхали въ хорошенькій лѣсокъ, съ вымокшими деревьями, листья которыхъ дрожали и сверкали отъ неприсохшихъ еще на нихъ капель дожда. Въ отдаленіи слышались звуки отлично составленнаго оркестра; выполняющаго какую-то блестящую арію, хорошо знакомую Габріэлю.

— Мы одни прѣхали въ какой-то одноконной пролетѣ, шутиливо, но не безъ отѣвика грусти, проговорила Руеъ. Лучше оставить нашего возницу здѣсь—не изъ ложнаго стыда, а просто потому что намъ не пробраться въ пролетѣ черезъ двойной рядъ каретъ.

— Твоя правда,—согласился Габріэль.—Къ тому же мы рискуемъ поставить себя въ неловкое положеніе, выказавъ полное незнаніе свѣтскихъ приличій. Теперь не время и не мѣсто выра-

жать протѣстъ противъ общественныхъ предразсудковъ. Но куда же мы дѣнемъ нашего несчастнаго возницу?

— Не безпокойся, онъ самъ позаботится о себѣ, — отвѣтила Руевъ. — Но намъ необходимо тутъ же выдти изъ нашей коллимаги.

— Кстати, вонъ тамъ красуется деревенскій трактиръ, тоже какая-то жалкая коллимага — подѣ стая нашей. Ну, Руевъ, теперь намъ остается только выпрыгнуть изъ этой колесницы, которая такъ кстати остановилась.

Но самъ возница совѣтъ не казался смущеннымъ своими голубыми лохмотьями, и направился къ харчевнѣ съ такимъ разназненнымъ видомъ, который несколько не согласовался ни съ его старой ливреей, ни съ старческой его наружностью, ни съ совершенно измощенной шляпой (надѣтой изъ благоразумной экономіи по случаю дождливой погоды). Ни шляпа, ни кучеръ, не могли служить украшеніемъ блестящаго праздника, что они и сами смутно сознавали, но относились къ этому съ стоическимъ спокойствіемъ. Въ чемъ имъ, очевидно, сочувствовала и лошадь, которая съ такимъ пренебрежительнымъ видомъ повернула голову, какъ будто она давно уже познала ничтожество всего земнаго, и степеннымъ шагомъ послѣдовала за своимъ хозяиномъ.

Братъ съ сестрой вошли въ роскошный и благоухающій садъ и направились къ наскоро устроенному театру, представлявшему просто огороженное мѣсто, обнесенное парусиною и заставленное рядами стульевъ. За возвышеніемъ, устланымъ зеленымъ дерюгомъ, тянулась зеленая просѣка, обсаженная великолѣпными старыми деревьями, а за нею въ изумрудной дали видѣлись другія просѣки, по которымъ дѣйствующія лица Шекспировой драмы раскаживали взадъ и впередъ медленною или торопливою поступью.

Это былъ настоящій уголокъ счастливой Аркадіи — этой излюбленной романтиками страны. Какъ далеко тутъ было все отъ грубыхъ, мелочныхъ, чисто утилитарныхъ побужденій, управляющихъ нашимъ бѣднымъ міромъ!

Здѣсь былъ именно тотъ міръ, гдѣ воображеніе, „развившееся въ единеніи“, могло создавать фантастическія, веселыя, величественныя или остроумныя сцены. Здѣсь Джекъ, въ длинныхъ монологахъ, излагалъ свои оригинальныя идеи; здѣсь и агнеонекъ мирно пасся на травѣ, и Точетонъ съ Одремъ перекидывались своими грубоватыми шутками. А колокола Кингстонской церкви заунывнымъ аккомпаниментомъ звучали съ высоты и заставляли оживленные и взволнованные лица зрителей обращаться въ сторону этой музыки, звуки которой уносили ихъ въ волшебный міръ фантазіи и прошлаго. Казалось, иллюзіи вполне удалось восторжествовать надъ дѣйствительностью и воскресить времена Шекспира. Этому главнымъ образомъ способствовала удачная постановка пьесы: естественныя декораціи изъ земли, только что омывтой дождемъ, служили вполне подходящей рамкой для величественной фигуры герцога, для неуклюжей деревенской четы, для придворныхъ, послѣдовавшихъ въ изгнаніе за своимъ повелителемъ, и для высокаго, романческаго и вѣчно-влюбленнаго Орlando. Пѣсни встрѣчавшіяся въ пьесѣ, были замѣчательно хорошо исполнены и мелодически разносились по дѣсу, какъ нѣжное щебетанье птицъ.

Публика, оказавшаяся на этотъ разъ далеко не такой равнодушной, какъ обыкновенно бываетъ фешёнебельная публика, принялась горячо аплодировать, а восторженный и до нелзя впечатлительный Габріэль, легко поддававшійся всему, что дѣйствовало на его воображеніе, сидѣлъ, какъ очарованный, и не могъ отвести глазъ отъ сцены. Онъ видѣлъ передъ собою жизнь въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась самому Шекспиру — полную поэзіи и живыхъ образовъ.

Что же касается до Руэн, то ее въ представленіи больше всего интересовало то, что роль Орlando исполняла одна изъ великосвѣтскихъ дамъ, и при томъ исполняла очень хорошо. Она ломала себѣ голову, стараясь отгадать въ великолѣпно за костюмированныхъ персонажахъ пьесы имена титулованныхъ особъ, о ко-

торыхъ ей приходилось слышать или читать въ газетахъ, и эти интересныя соображенія занимали ее больше даже, чѣмъ самая игра. Она совсѣмъ позабыла и „о правахъ женщинъ“, и о своихъ огорченіяхъ по этому поводу, переходящихъ у нѣкоторыхъ женщинъ (какъ думаютъ иные) въ мелкую зависть въ привилегированному положенію мужчинъ въ вопросѣ о падачѣ голосовъ и занятіи общественныхъ должностей; — но ее не увлекало ни содержаніе пьесы, ни ея поэтическая обстановка.

Увидавъ въ первомъ ряду Тиру, она слегка толкнула Габриэля, который весь былъ погруженъ въ созерцаніе того, что происходило на зеленыхъ подмосткахъ сцены. Тира казалась милѣе чѣмъ когда либо въ своемъ бѣломъ нарядѣ съ золотыми украшеніями и обращала на себя вниманіе даже посреди роскошнаго цвѣтника хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ.

„Какое на ней прелестное платьѣ! — со вздохомъ подумала Руэвъ.— Посмотри въ ту сторону, Габриэль, — прошептала она:— тамъ сидитъ Тира съ своей прежней гувернанткой. Но почему-же это М-ше Фрейндъ нѣтъ съ нею?.. А рядомъ Гульельма Эшби. Я нахожу ее очень хорошенькою—похожей на голубку. Она очень богата и принадлежитъ къ „Обществу Друзей“. Тира любитъ ее больше всѣхъ своихъ подругъ, потому что она очень добрая дѣвушка. Какъ странно видѣть квакерну на драматическомъ представленіи! Но хотя квакеры и не строго соблюдаютъ уставы своей секты, однако Гулли все также добра, проста и прямодушна, какъ требуется ихъ старинными правилами. Я очень люблю квакеровъ, а также и Гули Эшби — она такая ласковая, и съ нею такъ весело! А! и м-ръ Адрианъ Бенедиктусъ съ ними?—прибавила она сильно покраснѣвъ.— Это тотъ румынъ, который предпринималъ что-то въ Яссахъ, но румынскіе евреи не разбогатѣли отъ того, что онъ дѣлалъ для нихъ, а самъ онъ обдѣнѣлъ. Какъ это странно, что трое филантроповъ сошлись въ одной ложѣ!—замѣтила Руэвъ, не особенно пріятно пораженная та-

кимъ стеченіемъ обстоятельствъ.—Что могло привлечь м-ра Бенедиктуса въ это веселое собраніе, гдѣ, ужъ конечно, никто не думаетъ о благотворительности?

Но Габріэль, узнавъ въ предместной дѣвушкѣ, на которую указала ему Рузь, любимую подругу своихъ дѣтскихъ игръ, уже не слушалъ болѣе сестру. На лицѣ его появилось выраженіе такой восторженной радости, которую могъ обнаружить только очень молодой и очень впечатлительный человѣкъ, не привыкшій еще сдерживать своихъ ощущений. Красивое лицо его сіяло удовольствіемъ, когда представленіе кончилось, и зрители начали расходиться.

Братъ съ сестрой добрались до двери раньше Тиры, которую задержали подходившіе къ ней знакомые. Но Рузь была слишкомъ горда, чтобы гоняться за нею и искать съ нею встрѣчи, и Габріэль отлично понималъ ее въ этомъ отношеніи. Дѣти д-ра Гоффера вообще ни въ комъ не заискивали. У выхода они увидели столпившуюся публику, въ числѣ которой находился и м-ръ Беккеръ, ни на кого не обращавшій вниманія и съ рѣшительнымъ видомъ пробравшійся къ двери.

ГЛАВА IX.

«Не счастья дѣло, а природы».

«As You like it.»

Рузь представила Беккеру Габріэля, но художникъ былъ заиѣтно не въ духѣ и, хотя улыбнулся, но улыбка вышла натулая.

— Какъ вамъ понравился спектакль? — спросила Рузь. — Не правда-ли, дивное исполненіе?

— Актеры сдѣлали все, что могли, — снисходительно возразилъ м-ръ Беккеръ, — а также и наши великосвѣтскія леди — въ этомъ я долженъ отдать имъ полную справедливость. Но не могу сказать, чтобы представленіе особенно понравилось мнѣ. По правдѣ

вамъ сказать, миссъ, — громко прибавилъ онъ, указывая по направленію одной изъ небольшихъ комнатъ и нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ услышать всѣ присутствующіе: — меня сильно возмущаетъ то, что въ этой свѣтлой, прохладной и убранной комнатѣ пьютъ чай и кушаютъ мороженое и плоды одни привилегированные; для простыхъ-же смертныхъ эта роскошь считается излишней, — проговорилъ онъ съ такимъ раздраженіемъ, что узенькія полоски малиноваго ковра, покрывавшаго песчаную тропинку, должны были-бы съжаться отъ конфуза.

Габріэль посмотрѣлъ въ ту сторону, въ которую м-ръ Беккеръ съ такимъ негодующимъ видомъ и такъ энергично указывалъ пальцемъ. — Да, туда допускаютъ только избранныхъ, повторилъ художникъ; тамъ присутствуютъ младшіе члены королевской фамиліи, и между ними миссъ Фрейндъ.

— Понимаю, — сказала Руеъ, сообразивъ въ чемъ дѣло. — Но въдь и вы могли-бы быть тамъ, м-ръ Беккеръ?

— Я? — иронически вскричалъ художникъ. — Что такое я? — человекъ безъ состоянія и безъ имени!

— Не говорите этого, м-ръ Беккеръ, — возразила Руеъ, которая подчасъ была очень находчива, благодаря своей практической смекалкѣ. — Васъ никакъ нельзя назвать бѣднякомъ, и вы очень хорошо знаете, что вы — знаменитость. Какимъ-бы небеснымъ ангеломъ ни смотрѣла миссъ Фрейндъ и какъ-бы она ни походила на восточную лилію, но и она, я думаю, не пренебрегаетъ тѣмъ, что такъ цѣнятся всѣми другими лиліями... Однако, вы говорили, кажется, что хотите чаю?

— Да, хочу, — откровенно сознался нѣсколько успокоившійся художникъ. — Но меня больше всего раздражаетъ то, что мнѣ нельзя быть тамъ, гдѣ находится мой оригиналъ.

— А? вотъ въ чемъ дѣло! — вскричалъ Габріэль: — вамъ хотѣлось-бы наслаждаться и чаемъ, и лицезрѣніемъ миссъ Фрейндъ!

— Это совершенно неумѣстное замѣчаніе, Габріэль, — настави-

витающим тономъ сказала Рузь.—Ты никогда не позволялъ себѣ дѣлать намековъ на чужой счетъ до тѣхъ поръ, пока не побывалъ въ Берлинѣ. Если о красотѣ Тиры всё заговорили, то этимъ она обязана, главнымъ образомъ, картинѣ и-ра Беккера.

— Да, и тебѣ тоже было известно, пока ты не побывала въ Ганноверѣ, что вашия никогда не можетъ превзойти оригиналь,—отвѣтила Габріэль, удачно копируя ея внушительный тонъ.

Тутъ онъ увидѣлъ Тиру, выходящую изъ внутреннихъ комнатъ, и съ сияющимъ лицомъ бросился на встрѣчу къ ней.

— Тира... М-ше Фрейнды!—восклицалъ онъ, протягивая ей руку.—Узнаете-ли вы меня? Я Габріэль Гоферъ... Братъ Эстеллы... Помните-ли вы меня, Тира?

Волнение Габріэля и его порывистыя слова нѣсколько смутили Тиру и вызвали краску на ея лицо.

— Да, помню,—отвѣтила она.—И вы, Рузь, тоже здѣсь! Я такъ давно не видала васъ, м-ръ Гоферъ, а вы такъ выросли и переимѣнились, что я едва узнала васъ.

— Называйте меня, пожалуйста, по прежнему Габріэлемъ,—сказалъ онъ умоляющимъ и взволнованнымъ голосомъ. Тира съ удивленіемъ, но не совсемъ одобрительно взглянула на него. Она представляла рѣзкій контрастъ съ нимъ и казалась совершенно спокойной. Впрочемъ, и онъ хорошо понималъ, что здѣсь было не мѣсто вдаваться въ воспоминанія.

— Мы оба выросли, и оба стали старше, — тихо замѣтила Тира.— Какъ вы сюда попали?

— Какъ попалъ? Въ своего рода ковчегъ, запряженномъ въ одну лошадь,—говоря проще, въ пролетѣ, если вамъ известно, что это такое. Но вы жалаете, быть можетъ, знать какъ я попалъ изъ Берлина въ Уэрингъ-Кроссъ? Я выѣхалъ въ шесть часовъ—

— Теперь я хорошо вспомнила васъ,—перебила Тира.—Вы не очень переимѣнились: но прежнему усилленно острите.

— О, какая вы строгаая!—сказалъ Габріэль умоляющимъ то-

номъ.—Вы нананиваете мнѣ одного моего вѣтреннаго миставинна, который на каждую мою швольническую нуту невинно замѣчалъ: „Не терплю я вашей веселости“!

Миссъ Эшби, которая, по отъезду Руея, была особой очень милого и веселаго характера, улыбнулась при этихъ словахъ Габріэля. Она шла рядомъ съ Тирой, тогда какъ Руея слѣдовала позади съ бывшей гувернанткой Тирры. Отсутствие г-жи Фрейнды было объяснено легкимъ нездоровьемъ.

Трое молодыхъ людей стали уже добрыми друзьями; похлещность первой встрѣчи прошла. Экипажъ пришлось подождать и у дороги имъ снова встрѣтился Беккеръ. Настроеніе его не улучшилось. Онъ ничего не сказалъ и, бросивъ на Тиру трагическій взглядъ, скрылся между экипажами.

— Что означалъ этотъ взглядъ: благословеніе, или наоборотъ?—спросила миссъ Эшби.—Надѣюсь, Тира, что чудной обожатель вашъ не попадетъ подъ лошадей. Отчего онъ такой свирѣпый? Въ чемъ вы провинились передъ нимъ?

Тира гордо и съ досадою вздернула голову; лице ея немного поблѣднѣло.

— Поведеніе мистера Беккера становится съ каждымъ днемъ недѣлнѣе,—сказала она.—Онъ дѣлаетъ меня смѣшною, и мнѣ придется высказать ему, какъ онъ докучаетъ мнѣ.

— Вы нагоните его, идущаго по грязной дорогѣ; вашъ кучеръ обернется къ вамъ съ почтительно-вопросительнымъ взглядомъ. Вы вспомните, что мистеру Беккеру предстоитъ длинный путь до станціи, что онъ можетъ простудиться, потерять возможность работать, — и вы пригласите его сѣсть съ вами, потому что ваша досада такъ же скоро проходитъ, какъ и приходитъ.

— И какъ вы скоро угадываете характеры, Гули!

— Я слышалъ, что вы будете представлены ко двору,—сказалъ Габріэль, какъ будто не слыжавъ этого разговора. Не прѣдете-ли вы къ намъ хотя на одинъ день, на одинъ часъ?

Вѣдь наши лѣса безопаснѣе
Завистливыхъ, шумныхъ дворовъ...

— Безъ сомнѣнія, Габріэль. Здѣсь дикихъ звѣрей не водятся. Опасность состоитъ только въ томъ, что можно схватить простуду. Но пріѣхать къ вамъ я не могу, да и полагаю, что отказъ мой не очень огорчитъ васъ, въ виду того, что вы такъ проворно сократили ваше приглашеніе съ одного дня на одинъ часъ.

— Тира, милая—миссъ Фрейндъ,—поправился онъ,—не смѣйтесь надо мною. Я знаю, какую веселую жизнь ведете вы, и не хочу отнимать у васъ пріятныхъ часовъ. Вотъ почему я прошу только крошечки вашего времени.

— Веселую, нечего сказать!—съ горечью возразила Тира.— Охотно отдала бы я иногда это веселье за возможность дѣлать то, что мнѣ хочется.

— Я имѣю понятіе о вашихъ вкусахъ; Эстелла говорила мнѣ: Завербуйте меня въ ваше дѣло; позвольте помогать вамъ. Я слышала отъ Эстеллы, что вы устраиваете что-то въ пользу бѣдныхъ дѣвушекъ. Поручите мнѣ давать имъ уроки.

— Хорошо. Чему же?

— Да вѣдь онѣ во всемъ невѣжды. Ну, хоть въ географію.

— Объ этомъ и рѣчи не можетъ быть.

— Отчего же, Тира? Я начну съ начала, упрошу. Земля кругла. Иные философы находятъ, что плоска. А для большей наглядности сравню ее съ апельсиномъ, который мы бросаемъ, когда находимъ, что онъ слишкомъ кисель.

Тира засмѣялась.

— Вы съ чувствомъ сказали это, Габріэль. Не привезете-ли вы сюда, въ будущій разъ, вашу скрипку? Папа говорилъ, что я могу еще разъ пріѣхать сюда, если погода будетъ хорошая.

— О, навѣрно, будетъ хорошая! Конечно, я привезу и буду

играть вамъ. Не привезти-ли и нашъ органъ также? Не поразить-ли здѣсь всѣхъ, сыгравъ имъ „Aufschwung“?

Они незамѣтно перешли другъ съ другомъ на прежній тонъ. Тиру забавляли переходы Габріэля отъ серьезнаго тона къ шутивому, и онъ замѣчалъ это, вслѣдствіе чего настроеніе его, вообще несклонное къ унынію, все болѣе и болѣе оживлялось.

— О, этотъ варварскій вѣкъ (свидѣтель мистеръ Бекверъ)!— театрално воскликнулъ онъ. Я готовъ трудится, изобрѣтать, дѣйствовать, взять на себя какую-нибудь великую обязанность, подвергаться опасностямъ, идти на великіе, геройскіе подвиги, безкорыстно искать истины, пренебрѣгая страданіями и зломъ; готовъ бороться во имя состраданія, во имя правъ красоты, во имя счастья на землѣ; готовъ учить тупыхъ дѣвушекъ, объяснять имъ путь небесной Колесницы, положеніе Плеядъ на серебристо-голубомъ сводѣ небесъ; судьбы и назначеніе человѣка; соотношеніе величинъ; способности Англии пріобрѣтать себѣ союзниковъ; готовъ указать имъ источникъ поэзіи въ любви рыцарей къ дамъ ихъ сердца—и въ моей собственной къ дамъ моего сердца; готовъ доказать свою способность забавлять учениковъ и сводить съ ума членовъ учебнаго совѣта.

— Довольно, довольно!—вскричали, хохоча, обѣ дѣвушки и гувернантка, вслушавшаяся въ спичъ красиваго юноши.

Не смѣялась одна Руэ: ей было совсѣмъ невесело. Вниманіемъ всѣхъ завладѣлъ Габріэль, и на ея долю ничего не осталось.

— Руэ, вѣдь и вы, конечно, прійдете послушать музыку Габріэля?—обратились къ ней.

Форма приглашенія показалась ей очень неудачной. Только для того и зовутъ, чтобы послушать музыки Габріэля! Сама же по себѣ она никому не нужна.

— Не могу обѣщать,—отвѣтила она сухо, въ надеждѣ дать понять, что она уже получила другія приглашенія на этотъ день,

и не находить большаго удовольствія въ забавахъ, предназначаемыхъ для бѣдныхъ дѣвушекъ.—Намъ пора ѣхать, Габріэль, — сказала она въ то время, какъ Гульельма глядѣла на нее, удивляясь ея серьезной миѣ.

Габріэль взялъ руку Тиръ и склонился надъ нею съ почтительнымъ обожаніемъ. Темная голова его составляла контрастъ со свѣтлою головкой Тиръ.

Въ эту минуту маленькая группа была замѣчена Бенедиктусомъ, который и приблизился къ ней.

Онъ съ какимъ-то страннымъ упрямствомъ желалъ видѣть въ Руэи простую, искреннюю дѣвушку, еще сохраняющую ребяческія манеры, чуждую всякихъ высшихъ стремленій и свободно отдающуюся влеченіямъ своей природы. Въ Тирѣ же онъ видѣлъ только богатую, избалованную красавицу. Онъ давалъ себѣ слово избѣгать такихъ женщинъ, въ случаѣ—въ случаѣ—

Онъ не вдавался въ объясненіе себѣ причинъ такого рѣшенія, потому что это значило бы вызывать воспоминанія, которыя были ему ненавистны. Довольно того, что Тира была богата, а онъ, если и не совсѣмъ бѣденъ, то много бѣднѣе ея, благодаря своимъ неудачнымъ начинаніямъ. Онъ полагалъ, что ему не трудно будетъ отказаться отъ своего прошлаго, отъ высокихъ идеаловъ, отъ романтическихъ плановъ, если онъ избиретъ себѣ въ подруги эту простую, добрую, веселую Руэю съ перуджиновскимъ личикомъ.

Бенедиктусъ всегда намѣревался когда нибудь жениться, и съ нѣкоторыхъ поръ его идеалъ женщины понизился.

Не Тирѣ-ли Фрейндъ суждено было снова поднять его? Вѣдь она раздѣляла его стремленіе преобразовать міръ, или хотя часть міра?.. Какъ бы то ни было, а вотъ она передъ нимъ, и онъ не можетъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ обаянію ея красоты, ни даже къ подробностямъ окружающей ее роскоши. Эта роскошь служить въ его глазахъ непреодолимымъ препятствіемъ для честнаго человѣка къ увлеченію этой дѣвушкой. Вопреки

преданія въ восточнаго племени, къ которому онъ принадлежалъ, онъ считалъ недостойнымъ себя жениться на богатствѣ.

Всѣ эти соображенія побудили его отвернуться отъ прелестной, потупившейся головки и холодно прикоснуться къ протянутой ему дрожащей ручкѣ. Тира, такая же гордая, какъ и онъ самъ, почувствовала эту холодность и отдалилась.

А этотъ мальчикъ — Габріэль показался Бенедиктусу мальчикомъ, — какъ онъ веселъ и оживленъ! Очевидно, онъ очень самонадѣянъ. Ну, да и красивъ! Сколько огня! Какая героическая поза, когда онъ наклоняется къ Тирѣ! Словно Геймдаль, герой скандинавской легенды.

— Вы изъ Кингстона, мистеръ Бенедиктусъ? Не подвезти ли васъ?—перѣшительно спросила Тира.

— У меня обратный билетъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

Онъ не желаетъ быть въ ея обществѣ,—это ясно. Если бы желалъ, то неужли не пожертвовалъ бы желѣзно-дорожнымъ билетомъ,—онъ, принесшій столько жертвъ! Впрочемъ, онъ бѣденъ, и поэтому гордъ. Не придалъ ли онъ ея предложенію покровительственный смыслъ?..

— Тира—шепнула ея гувернантка, которой плотное тѣлосложеніе не мѣшало быть идеалисткой и питать восторженное поклоненіе къ таланту мистера Беккера,—развѣ вы забыли?.. Вѣдь мистеръ Беккеръ пошелъ пѣшкомъ. Можетъ опять подняться гроза, а какъ же мы помѣстимся впятеромъ въ экипажѣ?

Гульельма Эшби, вообще чуткая къ юмористическимъ положеніямъ, и понявшая отчасти смыслъ этой интермедіи, невольно засмѣялась. Но никто не поддержалъ ея, кромѣ Габріэля, всегда готоваго смѣяться и не понимавшаго серьезности мотивовъ, двигавшихъ другими дѣйствующими лицами этой сцены. Онъ не подозревалъ, что вопросъ о занятіи мѣста въ экипажѣ Тирѣ былъ въ эту минуту такъ же серьезенъ, какъ вопросъ о занятіи мѣста въ парламентѣ.

Изящное, граціозное видѣніе промелькнуло передъ глазами Руей, уносимое рослыми конями, и оставило въ душѣ ея тайную горечь, воспоминаніе о которой осталось связаннымъ для нея съ видѣніемъ въ этотъ вечеръ піесой. Съ тѣхъ поръ она всегда отзывалась объ этомъ произведеніи Шекспира съ разочарованіемъ, заставлявшимъ иныхъ предполагать въ ней тонкій критическій умъ и оригинальный вкусъ.

А та, которая занимала завидное положеніе обладательницы рослыхъ коней, уносила съ собою въ эту минуту грустную (за что она бранила себя) увѣренность въ томъ, что почему-то Бенедиктусъ не хочетъ знать ея и предпочитаетъ ей общество Гоферовъ. Вонъ онъ идетъ съ ними! Не поѣхалъ и обратный билетъ!

„Кто же его привлекаетъ къ нимъ? Уже конечно не Эстелла“? Въ девятнадцать лѣтъ, двадцати-девятилѣтніе люди кажутся отжившими,—по крайней мѣрѣ, отжившими для любви. При этомъ же Тира слышала отъ матери о прошломъ Эстеллы, и не могла допустить мысли, чтобы Эстелла перестала быть тѣмъ идеаломъ, какой видѣла въ ней Тира. Или Руей? Эта маленькая, некрасивая, круглолицая рѣзвуха Руей, которой ненавистно все, что интересуетъ Бенедуктуса?—Не можетъ быть!

На распросы матери объ игрѣ любителей, Тира отвѣчала далеко не съ тѣмъ энтузіазмомъ, какого та ожидала, а съ какою-то усталою сдержанностью.

Самыми пріятными въ партіи были Гульельма и Габріэль. Бенедиктусъ плохо понималъ піесу, а мистеръ Беккеръ былъ несносенъ. Таковы были отзывы Тиры.

Фрейлейнъ Шталь, гувернантка, дремала, или, какъ она объясняла, только закрывала глаза, утомленные пестротой. Однако, должно быть, они уже отдохнули, потому что теперь смотрѣли очень зорко и пытливо. Она опасалась за своего любимца, мистера Беккера.

— Подвести васъ къ станціи?—спрашивалъ тѣмъ временемъ

Габріэль мистера Бенедиктуса, которому Руеъ представила своего брата.

Тотъ принялъ предложеніе, и черезъ нѣсколько минутъ жалкая колымага Гоферовъ догнала блестящій экипажъ Тирн. Плутоватая лошаденка словно хотѣла поспорить съ рослыми конями.

Облаво пыли, поднятое лошадьми, усилило дурное расположеніе Руеи. Сознаніе, что этой пылью обдають ее лошади Тирн, заключало въ себѣ что-то обидное.

Съ своей стороны, и Габріэль былъ не совсѣмъ пріятно удивленъ, замѣтивъ, что Бенедиктусъ не сводилъ глазъ съ экипажа Тирн, которая подъ этимъ взглядомъ, покраснѣла. Какъ могли они обогнать ее? Не хотѣлъ-ли мистеръ Бенедиктусъ показать, что онъ предпочитаетъ ей общество Гоферовъ даже въ ихъ трясскихъ дрожкахъ?

Сначала Габріэль думалъ, не адресованъ ли долгій взглядъ Бенедиктуса къ мисъ Эшби, или къ сентиментальной фрейлейнъ Шталъ; но румянецъ, зардѣвшійся на щекахъ Тирн, доказалъ ему, что она чувствуетъ этотъ взглядъ на себѣ.

— Такъ вы серьезно предпочитаете тащиться съ нами по мидѣ въ часъ, нежели присоединиться къ этому пышному поѣзду?—спросилъ румына Габріэль, маскируя, по своему обыкновенію, шутивыть тономъ серьезность вопроса.

— Положительно предпочитаю,—отвѣтилъ тотъ, овладѣвъ себою.—Представляю себѣ, какое удовольствіе доставило ваше возвращеніе вашимъ сестрамъ, прибавилъ онъ, съ улыбкой глядя на своего молодого соперника, но не совсѣмъ довольный итливимъ выраженіемъ его глазъ.

— Благодарю за комплементъ. Вы мастеръ говорить любезности.

Онъ подчеркнулъ послѣднія слова, и румынъ, уже раскаявшійся въ рѣзкомъ отказѣ, которымъ, онъ отвѣтилъ на предложеніе Тирн, невольно покраснѣлъ. Габріэль понялъ, что зашелъ слишкомъ

даже, но онъ былъ золъ на ружьна за то, что тотъ смѣлъ думать о Тирѣ.

— Да, — сказалъ онъ равнодушнымъ тономъ, — мое денежное отсу-
ствие принесло хорошіе плоды; сестры мои новали, наконецъ, что
значить — единственный братъ.

— Вы всегда такой веселый? — спросилъ Адрианъ.

— Всегда. Отчего же мнѣ не быть веселымъ? У насъ всецѣло
не обложено налогомъ, какъ у вашихъ соотечественниковъ въ Галаці.

Бенедиктусъ ничего не отвѣтилъ.

— Я всегда доволенъ, — продолжалъ Габріэль, хотя эта фраза
напоминаетъ заглавія нравственныхъ брошюръ. На меня наедитъ
уныніе только тогда, когда у меня вылезъ послѣдній полусавер-
сонъ — цѣлые-то у меня рѣдко ведутся — или, когда мѣна Руеъ
притѣсняетъ, или, наконецъ, когда дождь идетъ, вотъ, какъ се-
годня. Вы еще видите меня въ худшемъ моемъ настроеніи.

— Ну, оно не дурно! — сказалъ Бенедиктусъ, невольно засмѣ-
явшись своимъ шутовскимъ смѣхомъ. — Наужели вы способны кого
нибудь притѣснять? — обратился онъ къ Руею.

— Какое! Это онъ меня постоянно дразнитъ!

— Приходите посмотрѣть, мистеръ Бенедиктусъ, какъ мы
дразнимъ и притѣсняемъ другъ друга. Въ четвергъ намъ минетъ
двадцать дѣтъ. Намъ! Не правда ли, въ этомъ словѣ есть что-то
царственное, или надательское? Старѣемся мы съ тобою, Руею! Помни,
что всякая попытка съ твоей стороны свернуть своей возрастъ тре-
буетъ моего согласія! Мое метрическое свидѣтельство, какъ тѣбѣ,
слѣдуетъ за твоимъ.

— Скажите мнѣ, — перебила Руею, вовсе нерасположенная смѣ-
яться, понравилась вамъ эта пьеса? Я не люблю Шекспира; онъ
случень. Я увѣрена, что много того же мнѣнія.

— Къ сожалѣнію, не я. Шекспиръ — царь поэзій, и я его
вѣрный подданный, хотя иностранцу довольно трудно понимать его.
Но можетъ-ли быть, чтобы онъ вамъ не понравился?

Руэ, только что замѣтившая этотъ фактъ, не могла сѣсть же отпереться, и отъ души сожалѣла, что поторопилась высказать свое мнѣніе, заключивъ, по разсѣянному виду Бенедиктуса, что пѣса и на него также не произвела впечатлѣнія. Она пробормотала только, что, „конечно, Шекспиръ удивительный геній.“

Но Бенедиктусъ былъ не изъ тѣхъ, кто пропускаетъ мимо ушей подобныя поверхностныя замѣчанія, онъ слушалъ внимательно, доискиваясь какой нибудь серьезной причины въ ея нелюбви къ великому драматургу. Быть можетъ литературные вкусы ея испорчены учебниками. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что она учитъ дѣтей, и что всѣ эти имена — Самбо, Джорджъ, Діана — которыя она выкрикала въ саду, когда онъ въ первый разъ подошелъ къ коттеджу Гоферовъ, относились къ дѣтямъ.

Но какая, напримѣръ, скучная игра словъ въ „Loue's Labour's Lost“, (единственная изъ пѣсень Шекспира, которую Руэи удалось одолѣть)? сказала она съ презрѣніемъ. Пажъ Мосъ — это такая вредная гадина! А донъ Адриано — совершеннѣйшій идиотъ.

— Вы забываете о влияніи Армады на фантазію Шекспира.

Руэ смутилась и сурово замолчала. Какая она глупая! Нужна же ей было пугаться на эту незнакомую почву!

— Замолчи, крошка! — хладнокровно виѣкнулся Габріэль. — Тебѣ ли судить о великомъ поэтѣ и бросать въ него грязь? Вознесъ съ твоими современными побрякушвами. Вотъ Эстелла, моя старшая сестра, та очень любитъ сонеты Шекспира. У нее есть поэтическое чутье; она и сама сочиняетъ прѣмілыя стишки о птичкахъ, пьющихъ воду, о ноябрьскихъ или іюньскихъ розахъ.

— Пантестическій энтузіазмъ! пробормотала Бенедиктусъ.

Вѣдная Эстелла! это былъ жестокой оговоръ. Но Бенедиктусу было бы пріятнѣе, еслибы и за Руэю также было признано поэтическое чутье, и въ замѣчаніи его сказалось нѣкоторая досада.

— Ну, а вамъ, случилось писать стихи? — спросилъ онъ Габріэля.

— Разумѣется, — отвѣтилъ тотъ безъ запинки. — Я написалъ оду ко дню рожденія Руеъ.

Выраженіе лица румына смягчилось и онъ, улыбаясь, попросилъ:
— Прочтите, если помните.

Габріэль продекламировалъ длинную оду самымъ самоувѣреннымъ тономъ, какъ будто вовсе не интересуясь мнѣніемъ слушателя. Ода адресовалась: „Къ Брошкѣ, по случаю двадцатой годовщины ея рожденія.“ Въ граціозные и живые стихи Габріэль вплелъ намеки на милое новѣжество той, которая „родилась вѣстѣ съ бабочками,“ и пожеланія, чтобы она отложила всякія претензіи на ученость и умъ и довольствовалась тѣми радостями, которыя даетъ ей Божій міръ въ видѣ цвѣтовъ, плодовъ, солнца и любви.

Кончивъ, онъ скромно опустилъ свои черные глаза. Бенедиктусъ смотрѣлъ на него, не зная понимать ли серьезно то, что онъ высказалъ въ стихахъ, или же все это не болѣе какъ шутка. Какой странный юноша!

— Мы сейчасъ подъѣдемъ къ станціи, — сказала Руеъ, бросая негодующій взглядъ на своего близнеца.

— Ну нѣтъ, не сейчасъ еще, — возразилъ Габріэль. — Не правда ли, мистеръ Бенедиктусъ, что моя ода не уступаетъ произведеніямъ многихъ изъ современныхъ кандидатовъ въ поэты? Быть можетъ, я слишкомъ поторопился знакомить васъ съ плодами моего вдохновенія, такъ какъ вижу васъ въ первый разъ; но Руеъ любитъ мои стихи.

— Этого я тебѣ никогда не говорила, Габріэль.

— Но я вывелъ это заключеніе изъ нѣкоторыхъ твоихъ замѣчаній.

— Я съ удовольствіемъ прослушала вашу оду, хотя она немножко туманна. Есть у васъ еще какія нибудь стихотворенія? Прочтите. Меня интересуетъ вашъ поэтический талантъ.

Габріэль, безъ всякихъ отговорокъ, прочелъ длинную оду „Къ

Белица“, блестящую юморомъ и своеобразными философскими взглядами.

— И вы ириготовляете себя къ духовному званію? — недо-
вѣрчиво спросилъ Адрианъ.

Габріэль промолчалъ, но лицо его разомъ померкло, словно въ
немъ погасили огни.

— Да, — отвѣтила за него Руэ, — и мы радуемся этому.

— А васъ самихъ, — настаивалъ Бенедиктусъ, — радуется эта
перспектива? Не манитъ-ли васъ писательская профессія?

— О нѣтъ, — возразилъ Габріэль, по обыкновенію, предпочи-
тая скрывать до времени свои истинныя дѣла, тѣмъ болѣе отъ
Бенедиктуса, противъ котораго въ немъ увеличилась смутная рав-
ность. — Вотъ, Руэ, такъ будетъ писательницей, — прибавилъ онъ.

Бенедиктусъ недоувѣрчиво посмотрѣлъ на нее. Изъ того, что
она говорила и дѣлала при немъ, онъ никакъ не вывелъ бы по-
добнаго заключенія.

Всегда-ли Габріэль такой своеобразный, веселый и скрытный,
когда чья нибудь мысль силится проникнуть подъ его вышнюю,
блестящую оболочку? Впрочемъ, какое же дѣло до него новому его
знакомому, человѣку тридцати лѣтъ? Адрианъ чувствовалъ, од-
нако, искреннее участіе къ этимъ интереснымъ близнецамъ.

Вдругъ Руэ весело захопала въ ладоши. Что-то особенное
приковало ея вниманіе къ мокрой дорогѣ, на которую заходящее
солнце картинно бросало свои трепетныя лучи. Это была уже не та
кислая, недовольная Руэ, которую мы видѣли за минуту передъ
тѣмъ. Она забыла и о своемъ спутникѣ, и о Габріэлѣ, и о томъ,
что онъ такъ медлитъ отвѣчать на послѣдній сдѣланный ему вопросъ.

— Гляди, Габріэль! вотъ они! — вскрикнула она.

„Не Беккеръ-ли?“ — подумалъ Адрианъ. — „Но съ чего же такая
радость. Вѣдь она была недовольна имъ за то, что тотъ нашелъ
въ ней сходство съ простенькой головкой Перуджино“.

Онъ поглядѣлъ въ ту сторону, куда направился диаволъ Габріель.

По дорогѣ шель человекъ и вѣдь за собою свору собакъ, участвовавшихъ въ представленіи, и теленка, буквально „исполняшаго“ свою роль въ пьесѣ „As Youlike it“.

Въ это время, изъ листвы выглянулъ игрушечный домикъ, обозначающій предѣлъ путешествія Бенедиктуса. Дрожки остановились, подъѣхавъ къ станицѣ на матеръ шиварныхъ экипажей, и пять носильщиковъ бросились къ нимъ, сбивая другъ друга съ ногъ.

Руеъ заботливо провожала глазами увозимыхъ животныхъ, въ то время какъ Габріель, освободившись отъ мимолетной ревности, настоятельно приглашалъ Бенедиктуса къ себѣ, не назначая, впрочемъ, дня.

— Вотъ онъ и скрылся, какъ туманная картина!—сказалъ онъ небрежно, когда поѣздъ отошелъ.—Ну, теперь мы можемъ поболтать съ тобою, какъ двѣ кумушки, Руеинька.

— Напрасно ты такъ легко говоришь о немъ,—возразила Рубеъ.—Хотя, правда, онъ утомителенъ!... Но Эстелла говоритъ, что у него есть исторія.

— Кому же онъ ее рассказывалъ? Или кто ее рассказывалъ за него? По наружности, онъ очень выдающійся. Что же онъ такое? актеръ, или конспираторъ? Однако онъ, кажется, благоволитъ къ тебѣ—по своему.

— Не нужно мнѣ его благоволенія, — возразила она, краснѣя.—Оставимъ это. Такъ ты серьезно намѣреваешься посѣщать бѣдныхъ съ Эстеллой? Это въ видѣ подготовки къ твоей будущей профессіи?

— Моя будущая профессія еще не выяснилась. А ты, Рубеъ, хочешь отправиться съ нами?

— Нѣтъ, благодарю; лѣтомъ можно найти занятія повеселѣе.

— Да, Руонька, и даже цѣлыя сотни.

Къ удивленію Руон, онъ оставилъ свой насмѣшливый тонъ.

— А все же я отправлюсь посмотрѣть на страдающее чело-
вѣчество, — заключилъ онъ, — а тебя оставлю созерцать „плачущихъ
олений“.

Альмондъ.

(Продолженіе будетъ).

О ЧЕРТВЪ ОСЪДЛОСТИ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА ¹.

Ничѣмъ инымъ, какъ существованіемъ такъ называемой черты еврейской осѣдлости, не можетъ объясняться и та шаткость, въ какую во внутреннихъ губерніяхъ ставятся еврейскіе ремесленники, какъ закономъ, такъ особенно его толкованіями, по поводу ихъ *торговель* и *промышленныхъ* занятій тамъ. Собственно евреямъ этимъ, во время ихъ пребыванія внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости, разрѣшено вступать въ обѣ гильдіи и расширять, слѣдовательно, свои торговые и промышленныя операціи до размѣровъ даже первой гильдіи. Но какъ въ законѣ нѣтъ прямого дозволенія заниматься имъ на ихъ новыхъ мѣстахъ водворенія другими родами и видами промысловъ кромѣ ремесленныхъ, и это истолковано на практикѣ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что каждый изъ этихъ евреевъ можетъ заниматься исключительно только тѣмъ ремесломъ, на которое выдано ему свидѣтельство и которое обозначено въ его паспортѣ, то этимъ открывается множество поводовъ къ практикованію высылки такихъ евреевъ въ ихъ черту. Сперва это практиковалось непосредственно самою полиціей. Хотя же впослѣдствіи, въ видахъ недопущенія крайняго произвола въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлано подлежащимъ вѣдомствомъ, на основаніи указаній сената, распоряженіе, чтобы полиція прибѣгала къ этимъ мѣрамъ не иначе, какъ по постановленіямъ мѣстной ремесленной управы объ исключеніи еврея изъ цеха, но и за симъ еврей-ремесленники не могутъ быть признаны достаточно обезпеченными

¹ См. „Восходъ“ кн. I—II.

но ихъ злытїямъ отъ частыхъ случаевъ сказанныхъ высылкъ. Въмѣсто полицїи, еврей въ этомъ отношенїи поставлены нынѣ въ зависимость отъ личнаго произвола тѣхъ членовъ управъ, которые командируются для освидѣтельствванїя ихъ занятїй по квартирамъ или въ ремесленныхъ ихъ заведенїяхъ. Осмотръ этотъ производится обыкновенно по заявленїю оболоточнаго, а иной разъ—даже и дворниковъ, не поладившихъ съ евреемъ. При этомъ представляется для членовъ управъ множество вполне законныхъ предлоговъ къ составленїю неодобрительныхъ о евреѣ актовъ и къ признанїю его подлежащимъ высылкѣ въ черту. Такимъ предлогомъ можетъ служить и то, если бы было обнаружено, что еврей, кромѣ ремесла, обозначеннаго въ его паспортѣ, занимается чѣмъ либо другимъ, хотя бы для всѣхъ вообще не воспрещеннымъ и по свойству занятїя для него весьма подходящимъ, и то, еслибы еврей дозволилъ себѣ продажу постороннихъ издѣлїй, хотя бы того же самого ремесла, каковымъ занимается и онъ, или продажу на сторону материала, изъ котораго онъ выдѣлываетъ свои издѣлїя. Наконецъ, изъ встрѣчающихся на практикѣ случаевъ извѣстно, что еврей можетъ иной разъ быть признанъ вовсе не занимающимся своимъ ремесломъ по одному засвидѣтельствованїю старшаго дворника, что онъ находится въ частныхъ отлучкахъ изъ своей квартиры. Между тѣмъ, по роду ремесла, отлучки эти бывають иногда вполне необходимы, напримеръ, когда еврей-портной бываетъ вынужденъ развозить лично изготовленное платье или являться въ дома для принятїя заказовъ. Въ разсмотрѣнїе обвиненїй по существу полицїя въ этихъ случаяхъ не въ правѣ входить. Разъ ремесленною управою удостовѣренъ фактъ невыполненїя евреемъ-ремесленникомъ исключительныхъ требованїй закона о его ремесленныхъ занятїяхъ,—это признается непреложнымъ доказательствомъ и служитъ достаточнымъ уже для полицїи законнымъ поводомъ для обратной высылки еврея въ мѣста, признающїяся его родиной, хотя бы онъ ни въ какихъ другихъ нарушенїяхъ и вообще ни въ чемъ дурномъ не былъ замеченъ.

Этотъ образъ дѣйствїя, разрушающїй всякую во внутреннихъ губернїяхъ прочность осѣдлаго положенїя евреевъ-ремесленниковъ, не исключая даже тѣхъ, которые нынѣ бы уже продолжительное

пробываніе въ нихъ, жили бы въ ладахъ съ окружающимъ населеніемъ и не пользовались бы репутаціею дурныхъ и порочныхъ людей, находить оправданіе и въ принятомъ толкованіи исключительныхъ постановленій о нихъ. Это усматривается изъ того, что десять и болѣе лѣтъ спустя по изданіи упомянутаго выше закона о евреяхъ-ремесленникахъ, когда весьма многие изъ нихъ могли имѣть уже продолжительное пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ, разъяснено послѣдовательно, что наказанію, по ст. 1171 Улож. о нак. (изд. 1886 г.), т. е. кромѣ немедленной высылки, еще и конфискаціи заключающагося въ товарахъ имущества, подвергнутся изъ евреевъ-ремесленниковъ: и еврей, который занимался бы сбытомъ издѣлій чужихъ ремесленныхъ заведеній или фабрикъ, и еврей, который сбывалъ бы такіа издѣлія по коммисіямъ, и еврей-булочникъ, который продалъ бы на сторону хоть фунтъ муки, и еврей, который, занимаясь приготовленіемъ кониринаго мяса, продалъ бы кусокъ мяса постороннему лицу, и т. п. Въ недавнее время былъ даже такой случай, что еврей-часовыхъ дѣлъ мастеру было воспрещено административными вѣдомствами заниматься фотографическимъ искусствомъ на томъ основаніи, что оно не принадлежитъ къ числу цеховыхъ.

Вообще, при истолкованіяхъ, въ крайне-тѣсномъ смыслѣ, правъ евреевъ-ремесленниковъ по ихъ занятіямъ ремеслами во внутреннихъ губерніяхъ, поводомъ къ ихъ высылкѣ въ черту прежней осѣдлости могло бы, пожалуй, послужить и то, напримѣръ, еслибъ еврей-ремесленникъ, будучи по отгѣченному на его паспортѣ ремеслу сапожникомъ, сталъ выдѣлывать башмаки, или будучи скорнякомъ, обрабатывающимъ кожи, позволилъ себѣ заняться выдѣлкою изъ нихъ какихъ либо общепотребительныхъ издѣлій, и т. п., хотя въ то же время эти ремесленники и не уклонялись бы отъ выборки за право занятія этими вспомогательными для себя промыслами надлежащихъ документовъ, оплачиваемыхъ сборами въ пользу казны. Намъ извѣстенъ только что встрѣтившійся новый случай высылки въ черту осѣдлости еврея-ремесленника, занимавшагося мастерствомъ по изготовленію земледѣльческихъ орудій. Ремесленникъ этотъ приговоренъ къ сказанной высылкѣ за то, что онъ съ ремесленнымъ своимъ занятіемъ соединилъ обязанности приказчика по торговымъ дѣламъ.

Причины, какія могли бы вынудить еврей-ремесленника, при долговременномъ его проживательствѣ на новомъ мѣстѣ водворенія, перемѣнить одно ремесло на другое или обратиться къ другимъ какимъ занятіямъ, хотя не ремесленнымъ, но закономъ всѣмъ икаждому дозволеннымъ,—не принимаются при этомъ въ соображеніе. Между тѣмъ, причинами этими могли бы быть такія уважительныя обстоятельства, какъ физическія къ тому препятствія, преклонность лѣтъ, дряхлость, болѣзнь, увѣчье и т. п., или же столь же мало зависящія отъ воли ремесленника экономическія случайности такого рода, какъ развитіе конкуренціи по ремеслу, которымъ еврею разрѣшено исключительно заниматься, или внезапное почему либо уменьшеніе спроса на издѣлія этого ремесла въ томъ мѣстѣ, гдѣ много лѣтъ передъ этимъ еврей поселился бы, и т. и.

Изъ этого достаточно усматривается, въ какой степени шатаи и непрочны, вслѣдствіе существованія у насъ установленія черты постоянной осѣдности евреевъ, права жительства евреевъ-ремесленниковъ, поселившихся во внутреннихъ губерніяхъ на основаніи своихъ льготъ.

Перейдемъ теперь къ группѣ живущихъ внѣ этой черты евреевъ, которые имѣютъ возможность снабжать себя видами и паспортами внѣ черты осѣдности. Мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которые были бы приняты въ службу и состояли бы въ ней, съ правомъ на награжденіе чинами и орденами, а также о евреяхъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ, такъ какъ узаконенія о нихъ, съ самаго начала ихъ появленія, не давали повода къ возбужденію какихъ либо вопросовъ о кругѣ ихъ занятій внѣ черты осѣдности. Возможность спокойнаго проживательства такихъ личностей во внутреннихъ губерніяхъ по получаемымъ тамъ же видамъ, паспортамъ или аттестатамъ, была всегда несомнѣнною.

Но нельзя сказать то же самое о евреяхъ, принадлежащихъ къ категоріи, указанной въ 1-мъ примѣч. къ ст. 17 т. XIV, по прод. 1881 года, т. е. о евреяхъ, окончившихъ курсъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ и занимающихся различными отдѣльными отраслями врачебнаго искусства. Льготное узаконеніе о нихъ было издано 29 января 1879 года, но такъ какъ въ нихъ ничего не было сказано объ ихъ правѣ на какія либо другія занятія, кромѣ ихъ про-

фессиональныхъ, то до воспослѣдованія указа сената 27 марта 1887 г. (Собр. Узак. и Распор. Правит. № 82,749), было разъяснено, что вообще евреи, которымъ предоставлено право помещикаго въ Имперіи жительства, пользуются повсемѣстно и правомъ заниматься торговлею и промыслами на общемъ основаніи, — т. е. въ теченіи весьма лѣтъ неоднократно встрѣчались предлоги къ возбужденію вопросовъ, стѣсняющихъ права жительства славянскихъ евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Особенно натѣмъ и непрочнымъ въ этомъ отношеніи представлялось положеніе тѣхъ евреевъ этой категоріи, которые занимаются профессіями по врачебной части, какъ-то: аптекарей, провизоровъ, фельдшеровъ, дантистовъ и посивальныхъ бабужь, а также молодежи, изучающей эти спеціальныя знанія. Еврей-ремесленники по своимъ занятіямъ подчинены ремесленнымъ управамъ и, какъ объяснено выше, только по засвидѣтельствованіямъ этихъ управъ могутъ подвергаться нынѣ полицейскими властями административнымъ высылкамъ, за нарушеніе постановленій, касающихся ихъ профессій. Между тѣмъ, всѣ вообще евреи, занимающиеся упомянутыми врачебными профессіями, за исключеніемъ, быть можетъ, тѣхъ немощныхъ, которые успѣли пристроиться въ какихъ либо врачебныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ городскихъ больницахъ, родовспомогательныхъ заведеніяхъ и т. п., состояли, до вышесказаннаго сенатскаго указа, подъ непосредственнымъ надзоромъ самой полиціи. Въ то время, какъ извѣстно, былъ возбужденъ полиціей вопросъ о правѣ провизоровъ содержать аптеки внѣ чертъ ихъ постоянной осѣдлости. Хотя вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ сенатомъ въ утвердительномъ смыслѣ, но это мало чѣмъ ограждало еще тогда какъ этихъ, такъ и другихъ евреевъ однопородной съ ними спеціальности отъ вмѣшательства полиціи въ ихъ занятія и возможности практикованія надъ ними административныхъ высылкъ въ западный край. Всѣ такіе евреи не принадлежать, конечно, къ классу зажиточныхъ людей: Они могутъ имѣть, поэтому, опору только въ личномъ своемъ трудѣ. Если они оставили свою родину, то это само собою свидѣтельствуетъ, что они не могли имѣть тамъ надежды на обезпеченіе себя отъ нищеты—ни своими профессиональными, ни другими занятіями. Но и здѣсь, во внутреннихъ губерніяхъ, одна сказанная профессія

ихъ, при конкуренціи по тѣмъ же спеціальнымъ отраслямъ со стороны лицъ другихъ исповѣданій, а также при господствующемъ еще у насъ общемъ предразсудкѣ и предубѣжденіяхъ противъ евреевъ, могла оказываться въ этомъ отношеніи крайне недостаточною, не только первое время по переселеніи ихъ сюда, но и впоследствии. При всемъ своемъ искусствѣ и знаніи своего спеціальнаго дѣла, сказанные евреи могли часто оставаться болѣе или менѣе продолжительное время безъ практикн и, слѣдовательно, нуждаться въ другихъ дозволенныхъ законами родахъ занятій для возможности дальнѣйшаго прожительства во внутреннихъ губерніяхъ. Въ такой поддержкѣ существованія нуждались еще болѣе изучающіе фармацію, фальдперское и повивальное искусство, такъ какъ лица эти принадлежатъ къ числу молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ нищета принудила оставить на родинѣ свои бѣдныя семьи, для возможнаго обезпеченія своей будущности пріобрѣтеніемъ спеціальныхъ свѣдѣній по сказаннымъ частямъ.

Между тѣмъ, вопросъ о правѣ всѣхъ сказанныхъ евреевъ на торговлю и промышленныя занятія внѣ черты ихъ осѣлости могъ тогда считаться отчасти разрѣшеннымъ развѣ только относительно евреевъ-провизоровъ. Этимъ лицамъ, какъ извѣстно, независимо отъ ихъ спеціальныхъ занятій по части фармаціи въ частныхъ и казенныхъ аптекахъ, было предоставлено упомянутымъ выше сенатскимъ рѣшеніемъ и право содержанія своихъ собственныхъ аптекъ, т. е. такихъ заведеній, которыя, по смыслу ст. 24 Устава о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, относятся къ числу торговыхъ и промышленныхъ. Но изъ этого не слѣдовало еще, однако, чтобы имъ было разрѣшено заниматься другими родами торговой и промышленной дѣятельности. Кругъ занятій этого рода являлся, слѣдовательно, въ весьма ограниченномъ видѣ и для этихъ евреевъ. Что касается остальныхъ евреевъ, занимающихся спеціальными профессіями по врачебной части, то относительно ихъ не имѣлось никакихъ правительственныхъ указаній—могутъ-ли или не могутъ такіе евреи заниматься, внѣ черты ихъ осѣлости, тѣмъ либо другимъ, кромѣ прямыхъ ихъ профессій. Въ узаконеніи 19 января 1879 года ничего объ этомъ не сказано (прил. 1 къ ст. 17 т. XIV, Уст. о пасп., по прод. 1881 г.). Въ виду же

не искоренившася еще у насъ обычая истолковывать права евреевъ въ томъ смыслѣ, что каждому еврею не воспрещено только то, что законами ему буквально дозволено, являлась полнѣйшая возможность къ истолкованію этого узаконенія въ ограничительномъ для тѣхъ евреевъ смыслѣ, а именно въ томъ, что имъ всё, подобно тому, какъ и евреямъ-ремесленникамъ, разрѣшено прожитиельство внѣ черты еврейской осѣдлости исключительно подъ условіемъ занятія ими только одними своими спеціальными профессіями. Отсюда для административно-полицейскихъ властей вытекалъ прямой законный поводъ предназначать къ обратной высылкѣ въ ту черту изъ такихъ евреевъ и провизора, который не содержалъ бы аптеки и не занимался бы исключительно фармаціей, и фельдшера, который не ограничивался бы исключительно своими обязанностями, и повивальную бабку, которая не занималась бы исключительно однимъ повивальнымъ искусствомъ, и дантиста, который не занимался бы исключительно зубною частью, — чѣмъ полицейскія власти и пользовались въ довольно широкихъ размѣрахъ.

То же самое можно сказать и объ участи евреевъ и евреекъ, проживавшихъ въ столицахъ и другихъ городахъ внутреннихъ губерній для изученія всѣхъ этихъ врачебныхъ искусствъ. Изъ нихъ молодая, наиримѣръ, дѣвушка, которая посвятила бы себя изученію родовспомогательнаго дѣла, дѣвушка, которая была бы совершенно безупречнаго поведенія, самую полиціей ни въ чемъ дурномъ не заподозрѣнная, могла быть подвергнута, однако, внезапной высылкѣ въ мѣста своей родины, единственно на основаніи того законнаго къ тому повода, что она для поддержанія своего существованія позволила себѣ имѣть другія какія либо занятія, хотя бы эти занятія заключались, положимъ, въ томъ, что она стала бы выдѣлывать шерстяныя вазанія и торговать ими. Изгнанная, такимъ образомъ, изъ внутреннихъ губерній, она, конечно, могла быть поставлена въ совершенно безпомощное положеніе, такъ какъ въ западномъ краѣ она не имѣла бы уже, быть можетъ, возможности найти себѣ занятій, а если осталась сиротою, то могла бы не найти для себя ни привѣтливаго семейнаго очага, ни надлежащаго приюта. Этимъ способомъ ей пресѣкалась всякая возможность къ снисканію себѣ пропитанія

честными путями, и это, въ сущности, единственно потому только, что она еврейка и что у насъ существуетъ для лицъ ея исповѣданія особая въ государствѣ область, куда они могутъ быть высланы или, вѣрнѣе сказать, ссылаемы подъ видомъ только простого, будто, препровожденія въ мѣста ихъ родины.

Едва-ли не въ худшемъ, сравнительно, положеніи находились, въ то время, принадлежащіе къ той же третьей категоріи еврей, окончившіе *курсы въ высшихъ специальныхъ или техническихъ заведеніяхъ*,—такихъ, напримѣръ, какъ институтъ инженеровъ путей сообщенія, рижское политехническое училище и др. Право повсемѣстнаго жительства предоставлено этимъ евреямъ однимъ и тѣмъ же узаконеніемъ съ предыдущими евреями, безъ разъясненія, какъ въ отношеніи и ихъ, могутъ-ли они внѣ черты постоянной еврейской осѣлости заниматься торговою и промышленною дѣятельностью. Такое отсутствіе въ законахъ прямыхъ и положительныхъ указаній объ этомъ, тогда какъ въ то же время подобныя указанія сдѣланы относительно евреевъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ и евреевъ-врачей, принятыхъ въ государственную службу, имѣло послѣдствіемъ то, что на практикѣ встрѣчались частые случаи отказа тѣмъ евреямъ въ выдачѣ имъ торговыхъ документовъ, какъ на сказанныя занятія, такъ и на открытіе промышленныхъ заведеній, даже изъ числа вполне соответствующихъ ихъ специальнымъ знаніямъ. Вслѣдствіе этого, евреи съ высшимъ специальнымъ образованіемъ, не имѣя такихъ профессиональныхъ занятій, какъ евреи, занимающіеся врачебными искусствами, должны были претерпѣвать весьма продолжительное время крайнюю нужду и лишения. Жалобы, какія по этой причинѣ были принесены многими изъ нихъ, дали поводъ къ возбужденію подлежащими вѣдомствами даже общаго по атому предмету вопроса, который и былъ разрѣшенъ, наконецъ, въ утвердительномъ смыслѣ упомянутымъ указомъ сената 1887 года. Но нельзя, однако, не замѣтить, что и по расширеніи, такимъ образомъ, круга занятій сказанныхъ евреевъ ихъ положеніе внутри Россіи продолжаетъ все-таки носить довольно рѣзкій оттѣнокъ исключительности, такъ какъ они, подобно евреямъ, окончившимъ курсы въ университетахъ, пользуются своими правами и преимуществами на основаніи не *общихъ за-*

коновъ, но особильхъ льготныхъ постановленій, содержащихся въ Уставѣ о паспортахъ и бѣлыхъ (т. XIV Св. Зак.), и тѣмъ какъ бы приурочиваются закономъ, въ принципѣ, во время ихъ проживания внѣ черты осѣдлости, неправильно и совершенно несогласно съ дѣйствительностью—къ разряду людей не осѣдлыхъ и не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій.

Перейдемъ теперь къ евреямъ первой изъ обозначенныхъ выше категорій—*купцамъ первой гильдіи*.

Въ узаконеніяхъ, ихъ касающихся, объяснено, между прочимъ, что вмѣстѣ съ припискою къ городамъ, внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ находящимся, еврей-купцы 1 гильдіи пользуются всѣми правами, коренному русскому купечеству по этой гильдіи присвоенными, не только по торговлѣ, подрядамъ, откупамъ, устройству фабрикъ и заводовъ, учрежденію банкирскихъ конторъ, но и по приобретенію даже недвижимой собственности въ Имперіи. Столь полное, повидимому, уравненіе тѣхъ евреевъ въ правахъ съ русскимъ купечествомъ, ихъ совершенная развязка въ то же время, какъ по актамъ состоянія, такъ и въ паспортномъ отношеніи, съ мѣстами прежней ихъ осѣдлости, наконецъ, уподобленіе ихъ самимъ закономъ коренному русскому купечеству—все это даетъ, на первый взглядъ, понятіе, что еврей изъ купцовъ первой гильдіи, приписавшись однажды къ городамъ внутреннихъ губерній, дѣлается тамъ, съ того времени, дѣйствительно кореннымъ и вполне осѣдлымъ обывателемъ, о принудительномъ возвращеніи которыхъ въ черту еврейскаго областного «гетто» не можетъ быть и рѣчи. Но такое понятіе является въ сущности весьма ошибочнымъ. Еврейское купечество первой гильдіи, напротивъ, первая десятъ лѣтъ со времени приписки къ городамъ въ мѣстахъ новаго своего ведворенія далеко еще не можетъ быть признано обеспеченнымъ въ своихъ правахъ жительства въ одинаковой мѣрѣ съ коренными жителями, состоящими въ той же гильдіи. Въ то время, какъ русскіе купцы первой гильдіи, не только христіанскіе, но и не-христіанскіе исповѣданій, живутъ въ своихъ мѣстахъ и пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства въ качествѣ природныкъ русскихъ гражданъ, т. е. безусловно и совершенно независимо отъ ихъ нахождения или ненахождения въ той гильдіи, — еврей-купцы первой гильдіи до

истечения вынесказаннаго десятилѣтняго срока пользуются, въ сущности, только правомъ *временнаго прожительства* внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости, подъ условіемъ непрерывнаго своего состоянія въ сказанной гильдіи и исправнаго платежа по ней пошлинъ. Такимъ образомъ, спокойное пребываніе каждаго изъ сказанныхъ евреевъ во внутреннихъ частяхъ Имперіи поставлено, верныя десять лѣтъ,—а если принять во вниманіе, что для пріобрѣтенія права переселенія за свою черту онъ долженъ, по закону, еще тамъ состоять въ первой гильдіи не менѣе пяти лѣтъ, то пятнадцать лѣтъ,—въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ постоянное нахожденіе торговаго лица, въ теченіи столь продолжительнаго періода времени, въ положеніи чловѣка, который не долженъ претерпѣвать въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ неудачъ и всегда долженъ обладать достаточнымъ капиталомъ и кредитомъ для производства торговыхъ оборотовъ въ объемѣ, предназначенномъ для купцовъ первой гильдіи. Закономъ какъ бы не допускается мысль о возможности дальнѣйшаго пребыванія еврея-купца первой гильдіи во внутреннихъ губерніяхъ, въ случаѣ усадки его денежныхъ средствъ ранѣе опредѣленнаго срока—но времени, столь продолжительнаго. Вслѣдствіе этого, при малѣйшей его несправности по взносу гильдейскихъ пошлинъ, засвидѣтельствованной подлежащимъ казеннымъ управленіемъ, купецъ тотъ теряетъ тотчасъ свои льготы и преимущества по правамъ жительства и, какъ лицо, превращающееся въ обыкновеннаго еврея, для котораго доступъ во внутреннія части государства закрытъ, долженъ быть предназначенъ къ высылкѣ изъ нихъ, съ семьей и своею прислугой еврейскаго закона, по распоряженію административно-полицейскихъ властей. Изъ этого видно, что первое и весьма продолжительное время, совпадающее обыкновенно съ тѣмъ періодомъ жизни, когда чловѣческая дѣятельность способна проявляться съ наибольшею энергіей и предпріимчивостью, закономъ не присвоивается и такимъ личностямъ изъ евреевъ, какъ купцы первой гильдіи, много значенія, какъ временныхъ выходцевъ изъ западнаго края, какъ какой-то иноземной для Россіи страны, ставя ихъ въ положеніе людей, которымъ постоянно угрожаетъ опасность подвергнуться административной высылкѣ изъ мѣстъ, гдѣ они могли

приобрѣсти уже въ дѣйствительности вполне прочную осѣдлость. Для выхода изъ этого положенія и приобретенія права повсемѣстнаго жительства въ Россіи на общемъ основаніи, т. е. таковаго права, каковымъ пользуется у насъ въ настоящее время каждый простой поселянинъ,—еврей изъ купцовъ первой гильдіи долженъ пройти, слѣдовательно, тяжелое торговое испытаніе, продолжающееся не менѣе пятнадцати лѣтъ. При этомъ требуется, чтобы срокъ этотъ истекъ до самаго конца. Прекращеніе сказаннымъ евреемъ платежа своихъ гильдейскихъ пошлинъ хотя бы за день до истеченія этого срока — не могло бы его избавить отъ выше-сказанныхъ послѣдствій. Въ строгомъ смыслѣ законовъ, и это могло бы быть принято за преждевременное выбытіе еврея изъ первой гильдіи и повлечь за собою для него потерю права повсемѣстнаго жительства съ назначеніемъ его въ административной высылкѣ, не принимая въ уваженіе на той пользы, какую онъ могъ уже принести казнѣ, какъ выборкою цѣнныхъ торговыхъ документовъ, такъ и вообще своими коммерческими операціями, не причинявъ, вынудившихъ его къ выбытію изъ первой гильдіи. Между тѣмъ, нельзя отрицать, что причины эти нерѣдко могутъ заключаться въ обстоятельствахъ совершенно случайныхъ, отъ лица не зависящихъ, т. е. такихъ, которые, не навлекая на еврея никакихъ подозрѣній, не только въ злостномъ банкротствѣ, но и въ торговой несостоятельности, могли бы не лишать его и послѣ выбытія изъ гильдіи значенія полезнаго, въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, дѣятеля.

Изъ сказаннаго видно, что въ теченія цѣлой земной давности купцамъ первой гильдіи изъ евреевъ присвоивается во внутреннихъ губерніяхъ значеніе какъ-бы людей временно-заявленныхъ, людей чужеземныхъ, иностраннаго происхожденія, которые, въ предположеніи объ ихъ неблагонадежности, должны подлежать особому со стороны полиціи надзору. Усвоеніе этого взгляда, какъ равно допущеніе изъясненныхъ мѣръ строгости по отношенію къ евреямъ купцамъ этой гильдіи—лицамъ зажиточнымъ, ничѣмъ не оговореннымъ и такимъ же, въ сущности, русскимъ подданнымъ, какъ и всѣ другіе жители, представляются образомъ дѣйствія, который ничѣмъ инымъ не можетъ объясняться, какъ цѣлію открытія законныхъ поводовъ къ возможно частымъ высылкамъ и этимъ

евреевъ изъ мѣстъ, не признающихся ихъ родиною. Поэтому, въ установленіи черты осѣдлости евреевъ; узаконяющемъ подобныя взгляды и понятія и служащемъ факторомъ, такъ сказать, физически способствующимъ осуществленію такихъ исключительныхъ мѣръ строгости надъ евреями, скрывается главная, если не единственная причина ихъ шаткаго и непрочнаго положенія въ сказанныхъ мѣстахъ. Въ дѣлѣ стѣснительныхъ толкованій права жительства евреевъ, переселившихся, на основаніи дарованныхъ имъ льготъ, во внутреннія части государства, сказанное установленіе, можно сказать, имѣеть всегда *побуждающее* и *разрѣшающее* значеніе. Не будь его, не было бы и поводовъ ни къ такимъ толкованіямъ, ни къ установленію льготныхъ между евреями различій, по ихъ праву жительства,—различій, усложняющихъ законодательство и административную дѣятельность органовъ исполнительной власти и влекущихъ за собою безирестанные случаи разоренія семейныхъ очаговъ евреевъ въ мѣстахъ, гдѣ они водворились и приобрѣли осѣдлое положеніе не самовольно, но въ силу самаго закона.

Столь же неблагоприятно въ этомъ отношеніи отражается установленіе вышеупомянутой черты и на правахъ жительства евреевъ, принадлежащихъ къ пятой и послѣдней изъ рассматриваемыхъ нами категорій—*отставныхъ и бессрочно-отпущенныхъ чиновъ*.

Право повсемѣтнаго жительства этихъ евреевъ въ государствѣ основано на Высочайше утвержденномъ 25 іюня 1867 года Положеніи объ устройствѣ быта всѣхъ вообще такихъ чиновъ, а также на сопровождавшемъ изданіе этого Положенія Высочайшемъ же указѣ о приведеніи его въ дѣйствіе¹.

По важности содержащихся въ этомъ указѣ основаній этого узаконенія приведемъ текстуально главнѣйшія изъ нихъ: «При устройствѣ на нравственныхъ и прочихъ основаніяхъ быта селскаго населенія въ государствѣ,—сказано въ указѣ,—Мы обратили попечительное вниманіе Наше и на положеніе тѣхъ членовъ сего населенія, которые, проведя значительную часть своей жизни на службѣ въ рядахъ войскъ нашихъ, увольняются въ бессрочный отпускъ и отставку. Усматривая, что, съ устройствомъ нихъ всего

¹ 2-е II С. З., т. XLII, № 44745.

сельскаго населенія на равноправныхъ началахъ и съ постепеннымъ сокращеніемъ сроковъ действительной въ рядахъ войска службы, устранены преграды къ возвращенію увольняемыхъ нижнихъ чиновъ въ первобытное ихъ гражданское состояніе, и признавая, что вступленіе ихъ вновь въ сельскія и городскія общества съ правами членовъ оныхъ послужить вѣрнѣйшимъ способомъ къ обезпеченію ихъ быта, Мы повелѣли: для устройства увольняемыхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ принять за основаніе, что солдатъ съ поступленіемъ на службу не долженъ утрачивать пренія: свои гражданскія права въ обществѣ, а по увольненіи изъ войска, возвращаясь въ первобытное свое положеніе, вступаетъ вновь въ пользованіе означенными правами, съ тѣми сверхъ того преимуществами, на которыя онъ приобрѣлъ право вслугую установленнаго срока».

Изъ этого ясно уясняется, что въ основаніе устройства быта всѣхъ вообще увольняемыхъ за вслугую сроковъ нижнихъ чиновъ, какъ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ, такъ и тѣхъ, которые, при предвидѣвшихся преобразованіяхъ въ порядкѣ отбыванія воинской повинности, могли бы получить впоследствии другое наименованіе, было принято, главнымъ образомъ, то, чтобы чины эти, не оставая уже никакого отдѣльнаго сословія въ государствѣ, существовали на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для лицъ: нижнихъ, непривилегированныхъ у насъ классовъ, т. е. сельскихъ или городскихъ.

На этихъ основаніяхъ начертаны и вышеупомянутыя правила о нижнихъ чинахъ, съ предоставленіемъ имъ общаго съ тѣми состояніями права повсемѣстнаго жительства и свободной приписки къ сельскимъ и городскимъ обществамъ. Это же самое право, во всемъ его объемѣ, распространено и на нижнихъ чиновъ еврейскаго закона, хотя, по отношенію къ нимъ, оно могло имѣть значеніе исключительнаго передъ прочими ихъ единовѣрцами преимуществъ.

Въ силу этого, п. 6-мъ тѣхъ правилъ постановлено, между прочимъ, что «съ изданіемъ вышеупомянутаго положенія, отмѣняется запрещеніе нижнимъ чинамъ еврейскаго закона поселяться внѣ мѣстъ, гдѣ евреямъ дозволяется осѣдлость». Сказанныя правила, вмѣстѣ съ этимъ постановленіемъ, вошли въ Сводъ военныхъ по-

становленій, а также въ т. IX Свода Законовъ о состояніяхъ, въ видѣ приложения къ ст. 141 Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и признаются дѣйствующими по настоящее время, какъ не отмѣненные и ни въ чемъ не измѣненные въ законодательномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, на точномъ основаніи дѣйствующаго и теперь узаконенія, при изданіи котораго имѣлись уже въ виду предстоявшія въ то время преобразованія въ порядкѣ отбыванія воинской повинности и значительныя сокращенія ее сроковъ съ цѣлю облегченія всѣхъ классовъ народонаселенія, нижніе чины изъ евреевъ уравнины въ правахъ и преимуществахъ со всѣми другими такими же чинами.

Вслѣдствіе этого, каждый изъ этихъ евреевъ, подобно имъ, въ награду за прохожденіе военной службы извѣстное определенное число лѣтъ, приобретающъ, со дня увольненія въ безсрочный отпускъ или отставку, право свободнаго избранія мѣста жительства, съ припискою къ одному изъ сельскихъ или городскихъ обществъ на всемъ пространствѣ Имперіи, какъ въ чертѣ, такъ и внѣ черты постоянной осѣлости евреевъ.

Но какъ закономъ припискою къ одному изъ установленныхъ въ государствѣ состояній приобретаются, со ірво, и всѣ присвоенныя ему права и преимущества, то очевидно, что нижніе чины изъ евреевъ, по ихъ припискѣ къ обществу сельскихъ или городскихъ обывателей, входя въ равное съ ними состояніе, приобретали и одинаковыя съ ними права по занятію всѣми дозволенными имъ родами и видами торговли и промысловъ, подчиняясь дѣйствию уже *общихъ законовъ*, а не *исключительныхъ* о евреяхъ узаконеній.

Казалось бы поэтому, что на практикѣ не должны были бы уже встрѣчаться какія либо сомнѣнія и недоразумѣнія относительно права повсемѣстнаго жительства сказанныхъ евреевъ, а также ихъ женъ и дѣтей, съ цѣлю ихъ недопущенія во внутреннія губерніи или ихъ обратной высылки оттуда въ мѣста, въ коихъ дозволена евреямъ постоянная осѣлость.

Менѣе всего, конечно, можно было ожидать этого относительно безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ евреевъ, какъ отбывшихъ воинскую повинность по прежнему рекрутскому уставу,

вслѣдствіе продолжительности ея сроковъ, сравнительно, болѣе тяжкую. Этихъ евреевъ, отъ какихъ либо посягательствъ на сказанное ихъ право должно было, между прочимъ, ограждать и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, претерпѣвъ продолжительную разлуку съ своими семьями, имѣли случаи участвовать въ военныхъ кампаніяхъ, слѣдовательно, находиться на полѣ брани, нерѣдко получать раны и увѣчья и удостоиваться знаковъ военного отличія, въ томъ числѣ, иной разъ, и георгіевскаго.

Нѣтъ сомнѣній, что никакихъ посягательствъ на ихъ право повсемѣстнаго жительства и не встрѣтилось бы, если бы у насъ не существовало установленія черты постоянной еврейской осѣдлости.

Но въ виду этой черты и открываемой ею возможности къ высылкѣ евреевъ изъ внутреннихъ губерній, не замедлили явиться стремленія къ изысканію предлоговъ къ этому по отношенію и къ сказаннымъ евреямъ.

Содержащееся въ упомянутомъ выше п. 6-мъ правилѣ о нижнихъ чинахъ постановленіе, касающееся этихъ евреевъ, какъ нельзя болѣе способствовало этому. Во первыхъ, оно не содержитъ въ себѣ ничего иного, какъ только отмѣну прежняго запрещенія нижнимъ чинамъ изъ евреевъ селиться внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости. Во вторыхъ же, въ этомъ своемъ видѣ, при неимѣніи въ виду его законодательныхъ мотивовъ, оно явилось въ главахъ исполнительныхъ властей лишь льготнымъ изъятіемъ въ пользу этихъ евреевъ изъ исключительныхъ узаконеній объ ихъ единообрѣдахъ, т. е. такимъ постановленіемъ, которое издано въ духѣ не искоренившагося еще у насъ вполне обычая предоставлять всѣмъ вообще евреямъ даже самыя естественныя права—въ видѣ особыхъ льготъ и привилегій.

Оба эти обстоятельства давали поводъ и возможность прибѣгнуть, при примѣненіи этого постановленія, и къ обычному способу истолкованія правъ евреевъ, о которомъ упомянуто выше, т. е., въ томъ смыслѣ, что «не воспрещеннымъ для нихъ надеждѣ считать лишь то, что буквальный выраженіемъ закона имъ дозволено». Въ сущности, этотъ способъ толкованія по отношенію къ правамъ собственно евреевъ изъ нижнихъ чиновъ, получившихъ право повсемѣстной приписки къ сельскимъ и городскимъ

обществамъ, никакъ уже не могъ имѣть мѣста, такъ какъ евреи эти, по точному разуму приведеннаго нами выше узаконенія, вошли въ состояніе совершенно равное—не только съ другими такими же чинами, но съ коренными обывателями, въ обществахъ которыхъ они присягнули, и какъ находящіеся, засимъ, подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ, не могли, въ строгомъ смыслѣ, и признаваться составляющими во внутреннихъ губерніяхъ какую либо особую льготную категорію своихъ единоувѣрцевъ, отличающую ихъ отъ прочихъ тамъ жителей, подобно тѣмъ льготнымъ категоріямъ, о которыхъ говорено выше. Доказательствомъ, что и само законодательство имѣетъ взглядъ на сказанныхъ евреевъ, устраняющій возможность примѣненія къ ихъ правамъ обычнаго способа толкованія, служитъ то обстоятельство, что когда, вскорѣ по изданіи правилъ о нижнихъ чинахъ, встрѣтилась надобность въ воспрещеніи изъ нихъ евреямъ питейной торговли въ мѣстахъ, находящихся внѣ черты ихъ постоянной осѣлости, то эта мѣра установлена не путемъ истолкованія упомянутаго выше п. 6-го тѣхъ правилъ, который, какъ не содержащій никакихъ указаній относительно занятій приписавшихся во внутреннихъ губерніяхъ евреевъ нижнихъ чиновъ, могъ, при вопросѣ о питейной торговлѣ, давать самъ по себѣ поводъ къ ограничительному истолкованію ихъ права на нее, но путемъ изданія, въ законодательномъ порядкѣ, особаго объ этомъ правила, составляющаго имѣ примѣчаніе къ подлежащей статьѣ уст. питейнаго. Это ясно указывало, что права тѣхъ евреевъ подлежатъ общему способу толкованія, т. е. совершенно обратному съ обычнымъ по отношенію къ евреямъ, а именно, что «воспрещеннымъ для нихъ слѣдуетъ считать лишь то, что закономъ положительно не дозволено».

Не взирая на это, въ виду искушеній, какія представляетъ существованіе мѣстъ, именующихся родиной евреевъ, для ихъ высылки туда изъ внутреннихъ губерній, на практикѣ встрѣчались неоднократныя попытки къ истолкованію нравъ жительства приписавшихся въ нихъ евреевъ изъ нижнихъ чиновъ обычнымъ, для лицъ этого неповѣданія, способомъ. По представившейся возможности придавать отиѣнѣ запрещеніи этимъ евреямъ селиться внѣ черты ихъ осѣлости значеніе исключительной льготы, а также въ виду отсутствія въ этомъ постановленіи положительнаго

указанія о родѣ ихъ занятій, мѣстными властями, вслѣдъ за изда-
ніемъ правила о воспрещеніи имъ торговли питіями, былъ воз-
бужденъ общій вопросъ объ ихъ правѣ на какія бы то ни было
занятія въ сказанныхъ губерніяхъ, съ видимою цѣлію ихъ изгна-
нія оттуда, такъ какъ было вполнѣ понятнымъ, что жить, ни-
чѣмъ не промышляя, не представляется ни для кого возможнымъ¹.
Другой примѣръ подобной же попытки представляетъ вопросъ, воз-
бужденный повдѣе о правѣ повсемѣстнаго жительства дѣтей без-
срочно-отпущенныхъ и отставныхъ евреевъ, причемъ высказывались
сомнѣнія даже о дѣтяхъ, родившихся послѣ приписки ихъ отцовъ во
внутреннихъ губерніяхъ. Другими словами—возбуждался вопросъ
о сообщеніи, по рожденію, этими евреями ихъ права повсемѣст-
наго жительства не только въ томъ случаѣ, когда они не осущес-
твили бы его при жизни посредствомъ сказанной приписки, но
и въ томъ, когда, по ея воспослѣдованію, они приобрѣли бы видъ
черты ихъ осѣлости права состояній сельскихъ или городскихъ
обывателей.

Первый изъ этихъ вопросовъ—о правѣ торговыхъ и промыш-
ленныхъ занятій нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, за исключеніемъ
продажи питей—не доходилъ до сената и былъ устраненъ подле-
жащими высшими вѣдомствами; но второй—о дѣтяхъ этихъ ев-
реевъ—былъ этими же вѣдомствами доведенъ до сената и потре-
бовалъ со стороны его пространнаго и мотивированнаго рѣшенія,
для устранения недоразумѣній, которыхъ, собственно говоря, не
могло бы и возникнуть, еслибъ у насъ не существовало побуждаю-
щей и способствующей къ тому причины, скрывающейся въ уста-
новленіи черты осѣлости евреевъ.

Хотя, такимъ образомъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ
не было дано хода обычному толкованію правъ евреевъ, тѣмъ не
менѣе едва-ли не этимъ именно способомъ лишены, въ послѣднее
время, права повсемѣстнаго жительства нижніе чины изъ евреевъ
воинскаго запаса. Это послѣдовало по поводу жалобъ нѣкоторыхъ
уволенныхъ въ военный запасъ евреевъ, проживавшихъ въ одной
изъ столицъ и предназначенныхъ полиціей въ выселеніе въ ска-

¹ Цирк. мин. финанс. отъ 27 ноября 1869 г. за № 7068, помѣщ. въ Указат.
прав. расп. по мин. фин. за 1869 г. № 50.

занную черту, какъ не имѣющихъ права пользованія повсѣдственными въ Россіи жительствою. Поводомъ къ истолкованію этого права, по отношенію къ заваснымъ евреямъ, въ ограничительномъ смыслѣ, послужило, главнымъ образомъ, то соображеніе, что эти нижніе чины не составляютъ уже, вѣ службы, таковаго обособленнаго военнаго сословія, какъ отставные и безсрочно-отпускные, и что уволенные отъ службы возвращаются нинѣ въ среду своихъ обществъ и къ своимъ прежнимъ занятіямъ, сохраняя свои прежнія права, по состоянію присвоеннаго, и не видѣлаясь изъ остальнаго населенія ¹.

Между тѣмъ, изъ приведенныхъ выше основаній правилъ объ устройствѣ быта нижнихъ чиновъ, какъ изъ самыхъ правилъ, усматривается, что съ изданіемъ ихъ уволенные изъ службы, за выслугою сроковъ, безсрочно-отпускные и отставные солдаты равнымъ образомъ не составляли уже обособленнаго сословія въ государствѣ, подлежа присягѣ къ сельскимъ и городскимъ состояніямъ, въ указанномъ для нихъ тѣми правилами порядкѣ, и что при этомъ именно условіи не встрѣтилось, въ то время, препятствія къ уравниенію съ ними въ правахъ нижнихъ чиновъ еврейскаго закона. Нынѣшніе чины воинскаго запаса, изъ лицъ низшихъ состояній, хотя и увольняются въ него за выслугою менѣе продолжительныхъ сроковъ, въ сравненіи съ прежними безсрочно-отпускными и отставными солдатами, но будучи обучены въ известной степени воинской дисциплинѣ и не менѣе связанные возможностью призыва къ службѣ вновь, во всякое время, едва-ли утрачиваютъ для государства одинаковое съ ними значеніе солдатъ. Поэтому, не представляется вполнѣ понятнымъ, почему эти солдаты изъ евреевъ могли быть лишены одинаковыхъ правъ съ прочими—путемъ одного лишь истолкованія дѣйствующаго о нижнихъ чинахъ узаконенія, съ приведеніемъ тѣхъ его основаній, въ виду которыхъ это уравниеніе въ правахъ было признано столь же возможнымъ, сколько справедливымъ. Лишеніе или предоставленіе правъ признается, вообще, по основнымъ нашимъ законамъ, мѣрою законодательною. Не требовалось-ли, поэтому, въ данномъ случаѣ испрошенія особаго закона? Но не входя въ болѣе по-

¹ Указъ сената отъ 31 марта 1886 г. за № 3747.

дробное разсмотрѣніе этого предмета, мы замѣтимъ только, что во всякомъ случаѣ, при несуществованіи у насъ установленія черты еврейской осѣдлости, не могло бы и послѣдовать, конечно, истолкованіе упомянутыхъ правилъ о нижнихъ чинахъ въ ограниченномъ, для евреевъ воинскаго запаса, смыслѣ, такъ какъ не было бы и повода къ возбужденію и самаго вопроса о высылкѣ таковыхъ евреевъ изъ мѣста ихъ пребыванія.

То же самое можно сказать и относительно всѣхъ прочихъ стѣсненій и ограниченій въ правѣ повсемѣстнаго жительства, каковыя подвергнутся вообще евреи льготныхъ категорій, съ цѣлію ихъ обратной высылки въ связанную черту.

Такимъ образомъ, установленіе это, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ постоянно грознымъ оружіемъ надъ головами евреевъ, допущенныхъ къ постоянному жительству во внутреннихъ частяхъ Имперіи, колебля это ихъ право и вліяя неблагоприятно на самый характеръ ихъ дѣятельности тамъ, такъ какъ едва-ли можно отвергать, что только при увѣренности каждаго въ возможности спокойнаго пребыванія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, трудъ его можетъ быть направленъ въ хорошую сторону и болѣе или менѣе полезнымъ образомъ. Между тѣмъ, проживая во внутреннихъ губерніяхъ, такой увѣренности лишена большая часть евреевъ, принадлежащихъ къ льготнымъ категоріямъ, особенно же ремесленнаго класса. Осѣдлое положеніе и семейный очагъ ихъ представляются тѣмъ менѣе обеспеченными въ чертѣ осѣдлости, что дарованное имъ право повсемѣстнаго жительства не сообщается ни по рожденію, ни по браку. Вслѣдствіе этого, по смерти еврея-ремесленника его вдова и дѣти, коль скоро ими не приобрѣтено лично сказанное право, подлежатъ высылкѣ въ западный край, не взирая на то, что они давно уже не имѣютъ ничего общаго съ нимъ, а многіе изъ нисходящаго потомства—дѣти, внуки, не родившись тамъ, не имѣютъ и понятія о немъ. Если же принять во вниманіе упомянутыя выше стѣсненія относительно родственниковъ восходящихъ и боковыхъ линий, то можно сказать, что изъ проживающихъ во внутреннихъ губерніяхъ евреевъ никто еще не освобожденъ окончательно отъ тяготѣнія установленія, приковывающаго общую массу евреевъ къ мѣстамъ ихъ постояннаго жительства.

Сопраженный съ этимъ установленіемъ разрывъ семейныхъ

связей съ такими, даже близкими родственниками, какъ отецъ, мать, дѣдъ, влечетъ за собою нежелательныя послѣдствія и въ нравственномъ отношеніи. Взаимная привязанность родителей и дѣтей и вообще крѣпость семейныхъ связей признаются всюду вѣрнѣйшимъ залогомъ гражданскаго благосостоянія. Между тѣмъ, изъ евреевъ льготныхъ категорій, собственно ремесленникамъ разрѣшено брать съ собою при ихъ переселеніи, только женъ, дѣтей и несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ. Евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи разрѣшено брать съ собою лишь тѣхъ членовъ семьи, которые записаны въ одномъ съ ними купеческомъ свидѣтельствѣ. Что касается вообщь прочихъ евреевъ, то хотя въ отношеніи ихъ по поводу этого ничего не сказано, но изъ практики извѣстно, что въ виду дѣйствующаго общаго о евреяхъ постановленія о томъ, что никто изъ евреевъ не имѣетъ права переступать черту осѣдлости, не имѣя на то особой льготы,—пріѣзды туда ихъ родственниковъ, не принадлежащихъ въ числу тѣхъ, которыхъ дозволено льготнымъ евреямъ брать съ собою или которые сами не имѣютъ права постоянного тамъ жительства, вообще не допускается. Такимъ образомъ, еслибъ не только молодой человѣкъ изъ числа окончившихъ курсы въ университетѣ, или молодая дѣвушка, изучающая акушерское искусство, но и евреи болѣе пожилые и высшаго ранга—приняли къ себѣ на квартиру, хотя бы на время, отца, мать или дѣда, которые не пользовались бы лично льготнымъ, по праву жительства, положеніемъ, то сказанные евреи могли бы подвергнуться ответственности, какъ за предержательство безпаспортныхъ людей, а ихъ родные—высылкѣ въ черту осѣдлости. Изъ этого видно, что установленіе этой черты своимъ существованіемъ способствуетъ расторженію самыхъ кровныхъ, самыхъ близкихъ, семейныхъ связей, препятствуя нерѣдко выполненію дѣтьми священнѣйшаго долга по призванію слабымъ и престарѣлымъ родителей. Этимъ какъ бы внушается и поощряется среди евреевъ подавленіе въ себѣ естественнѣйшаго въ человѣкѣ семейнаго чувства, съ которымъ тѣсно связаны тѣ движенія души и сердца, какія ни съ какой точки зрѣнія не могутъ представляться нежелательными и среди евреевъ.

Русскій.

(Продолженіе будетъ).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА ВИШОФС- ГЕЙМА ВЪ ПАРИЖѢ.

(ÉCOLE DE TRAVAIL FONDATION VICHOFFSCHEIM).

Письмо изъ Парижа.

На правомъ берегу Сены, недалеко отъ Бастильской площади, находится профессиональная женская школа, выстроенная семействомъ французскихъ евреевъ Вишофсгеймъ. Она носитъ названіе «школы работъ». Въ ней учатся однѣ только дѣвѣцы, живущія на полномъ пансіонѣ. Цѣль этой школы—дать дочерямъ бѣдныхъ родителей возможность получить всестороннія познанія, необходимыя для вращенія въ обществѣ, достаточное образованіе для воспитанія дѣтей, изучить какую нибудь профессію, могущую дать впоследствии заработокъ, и наконецъ приобрести всестороннія и необходимыя познанія въ хозяйствѣ. Короче говоря, цѣль школы дать дѣвѣцѣ необходимое образованіе, спеціальную профессію и необходимыя хозяйскія познанія. Общеобразовательные предметы въ «школѣ работъ» преподаются сообразно профессіямъ, избраннымъ ученицами. Тѣ изъ нихъ, которыя посвящаютъ себя ремеслу, получаютъ общее образованіе въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ тѣ, которыя занимаются, такъ называемыми, интеллигентными профессіями. Профессіи изучаются въ мастерскихъ и подъ руководствомъ мастерицъ. Хозяйству обучаются ученицы подъ наблюденіемъ надзирательницъ и дирекціи школы.

Школа Вишофсгеймъ за короткое время своего существованія заслужила прекрасную репутацію, какъ образцовое учебное заведеніе, созданное французской еврейской интеллигенціей. Питомцы этого заведенія распространяются не только во Франціи и Бельгіи,

но также и въ восточныхъ странахъ. Въ Малой Азiи, Палестинѣ, Турціи и Африкѣ школа имѣетъ своихъ воспитавницъ, которыя распространяютъ между дѣтьми туземныхъ евреевъ образованіе, полученное ими въ Парижѣ; такимъ образомъ школа приноситъ пользу не только однимъ французскимъ евреямъ, но почти всѣмъ евреямъ восточныхъ странъ, и имя Бишофсгеймской школы становится извѣстнымъ повсюду: въ Константинополѣ и Каирѣ, въ Рущукѣ и Смирнѣ, въ Иерусалимѣ и Тунисѣ. Бѣдный Израиль съ благодарностью вспоминаетъ это имя, которое дало его дочери возможность достигнуть всеобщаго просвѣщенія, о которомъ ему и думать нельзя было. Польза школы—громадная, и средства, потраченныя основателями, пошли въ прокъ еврейскому народу.

Школа Бишофсгеймъ основана 1-го Мая 1872 года на Арсенальной площади въ Парижѣ, въ нанятомъ помѣщеніи. Скоро помѣщеніе это оказалось очень неудобнымъ и тѣснымъ, основатели выстроили специальное зданіе, которое соответствовало всѣмъ требованіямъ школы. Для этой цѣли ими было приобрѣтено мѣсто на бульварѣ Бурдонъ (Bourdon № 13), гдѣ въ 1877 году было воздвигнуто красивое трехъ-этажное зданіе, окна котораго выходятъ на солнечную сторону и на быстро текущую внизу Сену. Съ наружной стороны школа имѣетъ только одну широкую дверь съ каменнымъ крыльцомъ, на верхней части котораго выбиты большими буквами слѣдующія слова: Школа работы — учрежденіе Бишофсгеймъ. 1877 годъ.

При входѣ глазъ посѣтителя останавливается на двухъ большихъ мраморныхъ доскахъ, висящихъ по обѣимъ сторонамъ коридора и на которыхъ золотыми буквами написаны имена основателей и перваго директора съ супругою, первыхъ руководителей этого благого дѣла. Далѣе, длинныя корридоры, широкая лѣстница, ведущая въ покои ученицъ, обширныя классы, мастерскія, залы и службы устроены по всѣмъ правиламъ школьной архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ расположены классы и помѣщенія директора, во второмъ этажѣ мастерскія и въ третьемъ — комнаты ученицъ. Сзади зданія находится довольно большой дворъ съ навѣсомъ, гдѣ ученицы проводятъ рекреационное время.

Всѣ ученицы въ этой школѣ, какъ сказано, содержатся на полномъ пансіонѣ. Принимаются дѣти не моложе 12-ти и не старше

15-ти лѣтъ. Приемъ совершается по конкурсному экзамену. При вступленіи не требуется никакихъ формальностей, исключая того, что родители должны доставить свидѣтельство о своемъ еврейскомъ происхожденіи. Затѣмъ, принятая ученица обязана приносить съ собою бѣлье и одежду по опредѣленному списку. Въ случаѣ-же несостоятельности родители могутъ обратиться за помощью въ «комитетъ для снабженія одеждой и бѣльемъ бѣдныхъ ученицъ въ школахъ работъ». Комитетъ этотъ основанъ въ 1878 году; онъ выдаетъ ежегодно пяти вновь поступившимъ ученицамъ необходимое бѣлье на три года, три пары ботинокъ, зонтикъ и три формулярныхъ платья. Безъ этихъ вещей ученица не можетъ быть принята. Что касается постельнаго бѣлья, то оно дается школой и мѣняется очень часто.

Приемный экзаменъ совершается разъ въ году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Экзаменъ этотъ производится различно для поступающихъ въ классъ учительницъ и коммерсантокъ и для будущихъ ремесленницъ, причемъ для учительницъ и коммерсантокъ конкурсъ труднѣе чѣмъ для ремесленницъ. Невыдержавшимъ перваго конкурса позволяется держать второй. Вообще приемъ зависитъ отъ количества вакантныхъ мѣстъ. Обыкновенно поступаетъ въ школу не болѣе 25% держащихъ экзамены. Ученіе въ школѣ продолжается три года, но ученица можетъ пройти курсъ и въ два года. Если ученица желаетъ перейти изъ одного отдѣленія въ другое, напримѣръ изъ ремесленнаго класса въ отдѣленіе учительницъ, то она подвергается конкурсу наравнѣ со вновь поступающими.

Каждая ученица обходится школѣ въ 900 франковъ (360 руб.) въ годъ, считая расходы на обученіе и полное содержаніе. Всѣхъ ученицъ при открытіи школы было 49, теперь число ихъ одно и тоже 50. Наказаній въ школѣ нѣтъ никакихъ. Да сама ученица старается, чтобы не получать не только наказаній, но и выговоровъ. За то награды и отличія за успѣхи здѣсь въ полномъ ходу. Награды назначаются комитетомъ школы въ видѣ красиво переплетенныхъ книгъ и медалей, и частными благотворителями, въ видѣ книжекъ сберегательной кассы. Самая меньшая изъ этихъ наградъ — 20 фр., а самая большая 100 фр. Награды эти выдаются ученицамъ при переходѣ изъ класса въ классъ. Кромѣ того существуютъ также награды на новый годъ въ видѣ 20-ти

франковнхъ книжекъ сберегательной кассы, выдаваемыхъ благотворительницами-патронессами. Покровительство здѣшней еврейской интеллигенціи широко распространяется надъ ученицами этой школы. Примѣръ семейства Бишофсгеймъ очень уважается всѣми и находитъ много подражателей. Многіе еврейскіе богачи принимаютъ также участіе въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ. По уставу школы, всякому желающему предоставляется право голоса въ комитетѣ, если имъ будетъ внесено въ неприкосновенный капиталъ 10,000 фр., на проценты съ которыхъ можно содержать одну ученицу. Надъ кроватью ученицы, воспитывающейся на счетъ такого жертвователя, прибавляется маленькая дощечка съ именемъ жертвователя. До 1886 года внесено было основнаго капитала разными лицами для 14-ти кроватей, т. е. для содержанія 14-ти ученицъ. Отъ времени до времени число жертвуемыхъ такимъ образомъ суммъ увеличивается. Семейство Бишофсгеймъ тоже учредило 4 кровати.

Благодѣтельное вліяніе на ученицъ школы Бишофсгеймъ оказываетъ дочь основателя, г-жа Бееръ. Кромѣ пожертвованій и нововведеній, дѣлаемыхъ ею безпрестанно, она часто лично посѣщаетъ школу, слѣдитъ, чтобы дѣти хорошо пятались и содержались, присутствуетъ въ классахъ и мастерскихъ во время занятій и даетъ наставленія и совѣты ученицамъ. Она ихъ иначе и не называетъ, какъ дочерьми своими, а себя ихъ матерью. Дѣти съ своей стороны очень любятъ г-жу Бееръ и всегда очень рады ея приходу. Высокая натура ея высказывается на каждомъ шагѣ: тамъ она проситъ учителей не строго относиться къ ученицѣ во время приѣма, тутъ она хлопочетъ о томъ, чтобы увеличить число членовъ комитета для выдачи вещей и бѣлья бѣднымъ ученицамъ, тамъ, чтобы одежда была сдѣлана получше, чтобы пожертвованныхъ подарковъ и наградъ было побольше. Ея энергическая дѣятельность не могла пройти незамѣченной, и года три тому назадъ парижская академія преподнесла ей лавровый вѣнокъ. М-мъ Бееръ основала кромѣ того нѣсколько благотворительныхъ учреждений, изъ которыхъ одно носитъ названіе: «сиротскій домъ Бееръ».

Перехожу къ описанію внутренняго быта школы Бишофсгейма. Общеобразовательные предметы, какъ то: французскій языкъ,

исторія, географія, ариметика и др. преподаются утромъ ученицамъ всѣхъ отдѣленій въ продолженіе двухъ часовъ. Профессіи преподаются въ мастерскихъ и въ классахъ послѣ обѣда въ продолженіе 4 1/2 часовъ. По профессіямъ, преподаваемымъ въ ней, школа можетъ быть раздѣлена на три главныхъ отдѣленія: отдѣленіе учительницъ, коммерческое отдѣленіе и отдѣленіе ремесленницъ. Это послѣднее дѣлится еще на два разряда: разрядъ для цвѣточныхъ мастерицъ и для швейнаго ремесла.

Отдѣленіе для *учительницъ* считается самымъ главнымъ и важнымъ по количеству ученицъ. Цѣль этого отдѣленія создать учительницъ для народныхъ школъ еврейскихъ или христіанскихъ, приготовить будущихъ воспитательницъ дѣтей и такимъ образомъ обезпечить будущность дѣвушки. Кромѣ предметовъ, необходимыхъ для обученія дѣтей, въ этомъ отдѣленіи преподается также музыка (на фортепіано). Музыка преподается послѣ обѣда только тѣмъ ученицамъ, которыя хорошо усвѣиваютъ во всѣхъ предметахъ. Имъ же поручается также помогать отставшимъ подругамъ. Въ свободное время имъ преподается также англійскій языкъ. Отъ времени до времени совершаются репетиціонные экзамены. Лучшія ученицы, по истеченіи года, подвергаются публичному экзамену въ городской думѣ, гдѣ имъ выдается аттестатъ народной учительницы, по которому онѣ пользуются одинаковыми правами со всѣми другими народными учительницами Франціи. Изъ 75 ученицъ школы, державшихъ экзамены за первые 12-ть лѣтъ при городской думѣ, только двѣ имѣли перезыкзаменовки, остальные же выдержали экзаменъ съ большимъ успѣхомъ. Это очень хорошо зарекомендовало ученицъ школы Бишофсгеймъ, и министерство просвѣщенія даетъ имъ охотно мѣста въ своихъ школахъ. Однако комитетъ школы находить, что образованіе, полученное ученицами этого отдѣленія, еще недостаточно для идеальной учительницы, и въ 1883 году онъ учредилъ новый дополнительный классъ для желающихъ продолжать изученіе педагогики уже по окончаніи курса.

Классъ этотъ ведется лучшими учителями парижскихъ лицеевъ и коллегій; въ программу его входятъ:

1) Французская литература и педагогика, 2) древняя исторія (новую и среднюю — ученицы достаточно проходятъ раньше),

3) Всеобщая географія, 4) Физика, 5) Химія, 6) Зоологія и Ботаника, 7) Рисованіе и 8) Музыка.

Посѣщать этотъ классъ дозволяется только тѣмъ, которыя представляютъ аттестаты народныхъ учительницъ. Утромъ ученицы дополнительнаго класса преподають въ низшихъ классахъ школы и такимъ образомъ практически прикладываютъ свои познанія, пріучаются къ технику преподаванія и знакомятся со всѣми трудностями, могущими встрѣтиться въ ихъ будущей педагогической дѣятельности. Практическіе уроки эти ведутся подъ наблюдениемъ опытнаго учителя. По окончаніи этого курса ученица получаетъ дипломъ учительницы «перваго разряда», который открываетъ ей уже болѣе широкую дорогу. Обладая хорошими познаніями, какъ въ области общеобразовательныхъ предметовъ, такъ и въ музыкѣ, учительница съ дипломомъ перваго разряда можетъ очень легко устроиться въ казенномъ учебномъ заведеніи, а еще лучше въ частной школѣ или даже на частныхъ урокахъ. Большинство Бишифгеймовскихъ воспитанницъ основываетъ собственные школы, гдѣ наравнѣ съ общими предметами преподають музыку. Нѣкоторыя изъ ученицъ занялись спеціально преподаваніемъ музыки и преподають ее не хуже ученицъ консерваторіи. Разнообразіе предметовъ и музыка привлекаетъ въ это отдѣленіе большое количество ученицъ, такъ что въ этомъ году число ихъ больше въ два раза, чѣмъ при открытіи школы: въ 1872 году въ этомъ отдѣленіи было только 14 ученицъ, а съ 1886 года число ихъ дошло до 33.

Ученицы *коммерческаго* отдѣленія идутъ почти параллельно съ ученицами учительскаго отдѣленія: только въ послѣобѣденное время имъ преподается бухгалтерія и, обязательный для нихъ, англійскій языкъ. Преподаваніе бухгалтеріи производится по программѣ коммерческихъ школъ. Обязательное изученіе англійскаго языка даетъ дѣвушкамъ въ послѣдствіи возможность устроиться на коммерческомъ поприщѣ: въ конторахъ, въ магазинахъ и другихъ торговыхъ заведеніяхъ. Число ученицъ въ этомъ отдѣленіи постепенно уменьшалось, такъ, на примѣръ: при открытіи школы въ этомъ отдѣленіи было 15 ученицъ, теперь ихъ всего трое. Это уменьшеніе объясняется тѣмъ, что поступающія ученицы скорѣе выбираютъ учительскую карьеру, нежели коммерческую, хотя

коммерсантки находятъ мѣста въ лучшихъ конторахъ. Очевидно, ученицы совсѣмъ не расположены къ коммерческой дѣятельности, и чуть только имъ дадутъ возможность достигнуть другой цѣли, онѣ предпочитаютъ коммерціи всякую другую профессию. За 14 лѣтъ существованія школы ученицъ этого отдѣленія уменьшилось на 75⁰/₁₀; даже тѣ изъ нихъ, которыя оканчиваютъ коммерческое отдѣленіе, стараются перейти на учительское. Фактъ этотъ очень много говоритъ въ пользу стремленій еврейскихъ дѣтей къ благодарнымъ занятіямъ.

Ученицамъ учительскаго и коммерческаго отдѣленій, также какъ и ремесленнаго отдѣленія, преподается разъ въ недѣлю урокъ кройки. Затѣмъ разъ въ недѣлю ученицы всѣхъ отдѣленій собираются въ одной мастерской, гдѣ имъ мастерицей преподается бѣлошвейное искусство. Здѣсь онѣ также сами поправляютъ свое бѣлье и платья, подъ наблюденіемъ той же мастерицы. Такимъ образомъ, учительница и коммерсантка изъ школы Бишофсгеймъ умѣютъ и кроить и шить бѣлье, что составляетъ необходимость въ жизни небогатой женщины. Обучение этихъ ремеслъ совершается здѣсь аккуратно и строго: ученицы получаютъ за эти работы такіе же баллы, какъ и за работу по своей профессіи.

Ремесленное отдѣленіе въ настоящее время дѣлится, какъ я уже говорилъ раньше, на два класса: цвѣточный и швейный. Въ цвѣточномъ отдѣленіи дѣвушки научаются дѣлать цвѣты и перья къ шляпамъ. Мастерской этой завѣдываетъ мастерица-учительница, которая обязана приносить для ученицъ свою работу и свой матеріалъ. Это дѣлается, между прочимъ, для того, чтобы освободить дирекцію школы отъ лишнихъ хлопотъ о помѣщеніи выдѣланныхъ предметовъ. Въ этой мастерской ученицы постепенно научаются красить полотно, трико и ленты въ разные оттѣнки, собирать эти листки и составлять искусственные цвѣты. Затѣмъ ученицы занимаются приготовленіемъ трудныхъ цвѣтовъ и комбинаціей ихъ съ искусственными фруктами и зеленью, которые онѣ же готовятъ. Ученицы, умѣющія хорошо работать, готовятъ цвѣты для продажи.

Швейное отдѣленіе состояло до 1881 года изъ двухъ частей: изъ модной мастерской и шляпочной. Въ мастерской-же модистокъ дѣвицамъ преподаютъ все, что касается портняжнаго искусства.

Здѣсь ихъ обучаютъ также кройкѣ платьевъ и верхней дамской одежды. Ученіе происходитъ подъ руководствомъ одной изъ лучшихъ парижскихъ портнихъ. Насколько Бишофсгеймовскія ученицы-модистки знаютъ свое ремесло, можно судить потому, что онѣ почти всегда тотчасъ по окончаніи школы получаютъ мѣста съ платою отъ 4-хъ до 6-ти франковъ въ день, что считается максимальной платой для модистки-подмастерья въ парижскихъ модныхъ магазинахъ. Всѣхъ ученицъ въ этомъ отдѣленіи 18. За все существованіе школы окончило 120 ученицъ-ремесленницъ; изъ нихъ нѣкоторыя перешли потомъ въ учительское отдѣленіе, остальные поступили въ мастерскія или же сами открывали мастерскія.

Такимъ образомъ, ученицы ремесленного отдѣленія приготавливаются къ своей профессіи на столько, что по окончаніи онѣ уже зарабатываютъ себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Онѣ ничуть не уступаютъ другимъ товаркамъ по ремеслу и превосходятъ ихъ своей интеллектуальностью. Общеобразовательные предметы, преподаваемые имъ утромъ въ классѣ, даютъ имъ тѣ необходимыя познанія, которыя нужны человѣку для его умственного развитія и для его житейскаго обихода. Какъ ученицамъ учительскаго и коммерческаго отдѣленій школа старается дать хорошія познанія въ кройкѣ и шитьѣ, такъ она старается, чтобы ученицы ремесленного отдѣленія получили подробныя элементарныя свѣдѣнія по правописанію, ариметикѣ, исторіи и т. д. Какъ однѣмъ, такъ и другимъ школа преподаетъ пѣніе. Пѣніе признается дирекціей школы однимъ изъ условій, благопріятствующихъ физическому развитію дѣтей; также всѣмъ преподается гимнастика. Словомъ, школа Бишофсгейма воспитываетъ ученицъ своихъ также, какъ въ гимназіяхъ и лицеяхъ, притомъ еще даетъ имъ профессію, помощью которой онѣ устраиваются въ жизни. Это учрежденіе одно изъ лучшихъ школъ высшаго профессиональнаго образованія въ Парижѣ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ школы—это малое количество ученицъ и отсутствіе приходящихъ ученицъ на утреннихъ и послѣобѣденныхъ занятіяхъ, что мѣшаетъ расширенію дѣятельности школы. Но этотъ недостатокъ имѣется въ виду устранить, и допущеніемъ экстерната въ дополнительномъ учительскомъ классѣ сдѣланъ первый шагъ въ этомъ направленіи.

Всѣ ученицы поочередно разъ въ недѣлю занимаются хозяй-

ствомъ въ помѣщеніяхъ ученицъ. На обязанности дежурной и хозяйки лежитъ наблюденіе за чистотой въ столовой, кухнѣ и покоехъ ученицъ. Лучшія изъ ученицъ завѣдываютъ гардеробами, выдачей ученицамъ бѣлья и одежды. Разъ въ недѣлю ученицы выходятъ гулять въ Булонскій лѣсъ или въ сосѣдніе парки, конечно подъ наблюденіемъ надзирательницы и старшихъ ученицъ.

Рядъ взрослыхъ дѣвушекъ, идущихъ попарно и направляющихся въ паркъ, останавливаетъ ваше вниманіе. Взгляните въ нихъ и вы увидите между ними лица, не похожія на остальныхъ: смуглыя, загорѣлыя лица эти болѣе изобличаютъ восточный типъ, чѣмъ лица французскихъ евреекъ, и человекъ, хорошо знакомый съ восточными странами и тамошними евреями, тотчасъ отличаетъ пріѣзжихъ ученицъ отъ парижскихъ подругъ: это дочери евреевъ Малой Азіи, Болгаріи, Турціи, Египта и пр. Эти дѣти присланы сюда въ Бишофстеймовскую школу Alliance'омъ для приготовленія къ учительской профессіи. Для этого въ восточныхъ городахъ избираются лучшія ученицы школъ Alliance'a (по конкурсу) и увозятся въ Парижъ; по окончаніи курса онѣ отправляются обратно на родину, гдѣ занимаютъ мѣста начальницъ и учительницъ при школахъ Альянса или открываютъ частныя школы. Изъ числа питомицъ Бишофстейма, мы видимъ теперь учительницъ въ школахъ Константинополя, Рущука, Смирны, Бейрута, Каира, Туниса и пр.—Ученицы, присланныя изъ восточныхъ странъ, часто оказываются лучше приготовленными, чѣмъ ихъ подруги изъ французскихъ провинцій и Парижа. Теперь въ Бишофстеймовской школѣ 12 восточныхъ ученицъ. Онѣ занимаются очень усердно и ни чуть не отстаютъ отъ своихъ подругъ не только вообще въ занятіяхъ, но даже въ знаніи французскаго языка. Возвращаясь домой, онѣ являются тамъ истинными распространительницами просвѣщенія.

Въ школахъ Альянса или своихъ частныхъ онѣ начинаютъ разводить плоды французскаго просвѣщенія, которое, благодаря имъ, далеко проникаетъ въ глубь восточныхъ странъ. Таково громадное значеніе школы Бишофстеймъ, этого столь мощнаго и безспорно хорошаго учрежденія, дающаго десяткамъ дѣвочекъ и образованіе, и профессію, и будущность. Въ весьма симпатичномъ видѣ является товарищеская жизнь питомицъ Бишофстейма, какъ

въ стѣнахъ школы, такъ затѣмъ—въ жизни. Въ школѣ нѣтъ разницы между людьми разныхъ профессій; всѣ равны: и будущая цѣточница, и будущая учительница находятся въ училищѣ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ и на одинаковыхъ правахъ. Какъ бы для укрѣпленія этого союза и строгаго соблюденія принципа равенства, окончившими ученицами было основано еще въ 1876 г. «общество бывшихъ ученицъ школы Бишофсгеймъ». Общество это представляетъ собою ничто иное, какъ обширную семью дѣтей одной матери-школы. Общество имѣетъ цѣлью являться на помощь своему члену во время его болѣзни или болѣзни его родныхъ и также во время его крайней нужды деньгами и совѣтами. Въ члены общества принимаются всѣ имѣющія свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса въ школѣ Бишофсгейма; общество заботится главнымъ образомъ, чтобы его члены не оставались безъ работы и не нуждались бы. Для этого общество поддерживаетъ сношенія со всѣми выдающимися торговыми фирмами, мастерскими большихъ европейскихъ городовъ, слѣдитъ за вакантными мѣстами для учительницъ и всегда почти тотчасъ опредѣляетъ своихъ членовъ на мѣсто. Члены общества, въ случаѣ неимѣнія заработка, заявляютъ объ этомъ администраціи общества, которая и отправляетъ ихъ на вакантныя мѣста насчетъ кассы общества. Они обязуются, помянуто, уплатить истраченную сумму. Рѣшенія и отчеты засѣданій общества высылаются каждому члену, гдѣ бы онъ ни былъ и, такимъ образомъ, товарищеская связь между бывшими ученицами никогда не разрывается. Вновь окончившая ученица принимается тотчасъ въ члены общества; о ней уже заботятся, ей ищутъ получше мѣсто, и молодая дѣвушка устраивается легко на первыхъ порахъ ея самостоятельной жизни, благодаря своимъ старшимъ подругамъ. Кромѣ того обществомъ бывшихъ ученицъ назначается особая сумма въ награду той ученицѣ, которая лучше всѣхъ работала впродолженіи всего года. Награда эта главнымъ образомъ сосредоточиваетъ вниманіе ученицъ на этомъ обществѣ и считается самой высшей наградой для нихъ. Она называется «преміей общества бывшихъ ученицъ». Общество работаетъ очень хорошо и всегда является на помощь своему члену во время; оно во-истину служитъ однимъ изъ лучшихъ

украшеній школы работъ для евреевъ въ Парижѣ, надъ которой ореоломъ вѣшаетъ добрый геній семейства Бишофсгеймъ.

Описанная мною школа, какъ видите, читатель, не даромъ заслужило репутацію образцоваго учебнаго заведенія среди парижскаго населенія и уваженіе и благодарность еврейскаго народа на востокѣ. Она также заслужила вниманія правительства, которое пригласило администрацію школы принимать участіе въ международной выставкѣ въ Лондонѣ въ 1884 году. На этой выставкѣ школа получила въ награду почетный дипломъ. Въ слѣдующемъ 1885 г. школа фигурировала на всемірной выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ и здѣсь также получила почетный дипломъ. На этихъ выставкахъ школа фигурировала работами ученицъ мастерскихъ и классовъ, т. е. вмѣстѣ съ работами своего ремесла, онѣ представляли также свои работы по географіи, исторіи, ариметикѣ и пр. Ученицы коммерческаго и учительскаго отдѣленія представили на выставки, кромѣ работъ по своей специальности, выкройки и бѣлошвейную работу, которыя исполнѣ заслужили похвалы.

Въ заключеніе, мнѣ остается только пожелать, чтобы богатые евреи другихъ государствъ послѣдовали примѣру Бишофсгейма, особенно въ Россіи, гдѣ такія школы крайне необходимы.

Петръ Кувиджи.

4 января 1869.

Парижъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЕВРЕЙСКІЯ ИДИЛЛИ ЗАХЕРЬ-МАЗОХА.

(*Еврейскіе рассказы Захеръ-Мазора, переведенные А. С. Размадзе. Москва, 1887*).

Захеръ-Мазохъ принадлежитъ къ той небольшой, но очень характерной группѣ австро-нѣмецкихъ писателей, которая занимается изображеніемъ внутренняго быта евреевъ въ Галиціи и другихъ западно-славянскихъ земляхъ и представители которой довольно вѣтко названы «бытописателями Гетто». Названіе это присвоено имъ не потому, чтобы они занимались картинами изъ давно прошедшей жизни евреевъ, когда гетто еще существовало *de jure*, а потому, что они описываютъ быть хоть и современный, но въ высшей степени своеобразный, строго замкнутый, составляющій рѣзкій контрастъ съ формами окружающей европейской жизни, являющійся прямымъ продолженіемъ, а нерѣдко живымъ воплощеніемъ преданій прошедшаго. Еврейская Галиція—это уголокъ полу-патріархальнаго Востока, вставленный въ цивилизованный Западъ. Культурнымъ сынамъ Запада этотъ уголокъ представляется чѣмъ-то диковиннымъ, таинственнымъ и загадочнымъ. Эта таинственность привлекаетъ къ нему и къ его обитателямъ особенное вниманіе, она разжигаетъ любопытство,—и мы дѣйствительно видимъ, что произведенія «бытописателей гетто», въ родѣ Кошперта, Францова и Захеръ-Мазоха, принадлежатъ къ числу наиболее популярныхъ въ Европѣ книгъ, а авторы ихъ слывутъ открывателями новыхъ, невѣдомыхъ странъ, какими-то Колумбами «полу-Азіи» (какъ одинъ изъ нихъ называетъ область своихъ наблюденій).

Совсѣмъ иной, даже прямо противоположный интересъ представляютъ для насъ, русскихъ евреевъ, произведенія названныхъ писателей. Не диковинность и загадочность изображаемаго въ нихъ быта, а напротивъ родственность его нашему собственному быту — вотъ что особенно зани-

масть насъ въ ихъ произведеніяхъ. Для насъ жизнь галиційскихъ евреевъ—не загадка, а совокупность болѣе чѣмъ знакомыхъ явленій, повседневно нами переживаемыхъ: это — кость отъ кости и плоть отъ плоти нашей; это—наша собственная жизнь, жизнь любого уголка русской Польши, Подолин и Волыни... Еврейская Галиція, оторванная отъ насъ въ политическомъ отношеніи, все еще тѣсно связана съ нами въ отношеніи бытовомъ, какъ была связана до раздѣла Польши. Картина галицко-еврейскаго быта, если только она вѣрна дѣйствительности, должна отражать въ себѣ все существенное и въ жизни русско-еврейской массы. «Картинны Гетто» Комперта, «Мендель Гиборъ» Бернштейна или «Барновскіе евреи» Францоza, переведенные на русскій языкъ, являются какъ-бы оригинальными произведеніями нашей беллетристики. Русско-еврейская литература, дѣйствительно, какъ-бы усыновила эти произведенія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія изъ нихъ, давно имѣющіяся въ рускомъ и древнееврейскомъ переводахъ, и читаемыя наравнѣ съ твореніями оригинальныхъ нашихъ писателей—Вогрова, Леванды или Смоленскаго.

Не смотря, однако, на популярность этихъ произведеній и на то, что у насъ болѣе всего компетенты критически оцѣнивать ихъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ столько-нибудь обстоятельной критической ихъ оцѣнки. Одному только Францозу нѣсколько посчастливилось: о немъ кое что писалось у насъ, да и то, конечно, не можетъ претендовать на полную характеристику этого даровитаго писателя. Другіе же «бытописатели гетто» почти совершенно обойдены нашей критикой. Менѣе всего оцѣненъ у насъ Захеръ-Мазохъ—писатель старый, пользующійся, заслуженно или незаслуженно, европейскою извѣстностью. Правда, эта извѣстность основана не на однихъ только «еврейскихъ рассказахъ» его, но также на его общей беллетристической и журнальной дѣятельности (Захеръ-Мазохъ, какъ извѣстно, христіанинъ, авторъ многочисленныхъ романовъ изъ галиційской и вѣнецкой жизни и издатель журнала «Auf der Höhe»), но нельзя отрицать, что рассказы изъ еврейской жизни занимаютъ въ его литературной дѣятельности самое видное мѣсто. Да и то особенное положеніе, которое занимаетъ Захеръ-Мазохъ въ упомянутой группѣ писателей, въ качествѣ не-еврея, горячо сочувствующаго еврейству,—самая эта особенность должна была усугубить наше къ нему вниманіе. А между тѣмъ критика наша совершенно обошла его и не рѣшила даже существеннаго вопроса: *заслуживаютъ-ли еврейскіе рассказы Захеръ-Мазоха той славы, которою они пользуются въ Европѣ и у насъ?*

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены хоть отчасти исправить это упущеніе. Пользуемся случаемъ выхода въ свѣтъ въ русскоиъ переводѣ, отдѣльною книжкою, нѣкоторыхъ еврейскихъ рассказовъ Захеръ-Мазоха (до сихъ поръ разбросанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, особенно же въ «Восходѣ») для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о художественномъ и бытовомъ значеніи этихъ рассказовъ и о литературной фязіономіи Захеръ-Мазоха вообще¹.

Одинъ нѣмецкій критикъ (повидимому, очень мало знакомый съ еврейскими бытомъ) выразился слѣдующимъ образомъ о Захеръ-Мазохѣ: «На всемъ пространствѣ между Лембергомъ и Черновицами Захеръ-Мазохъ чувствуетъ себя дома не менѣе самаго отчаяннаго хасида, совершающаго по пяти разъ ежегодно, по образу нѣшаго хожденія, странствіе къ садогур-

¹ Мимоходомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ и о содержаніи переведенной книжки, равно какъ о качествѣ самаго перевода. Въ лежащей передъ нами книжкѣ (содержитъ 308 страницъ in 16°) помѣщены переводы слѣдующихъ десяти рассказовъ Захеръ-Мазоха: 1) Пинчевъ и Минчевъ, 2) Ципра Гольдфингеръ, 3) Браницкая Венера, 4) Продажа фамиліи, 5) Просвѣщенный, 6) Малахъ Шнейфусъ, 7) Разводный листъ, 8) Дебора изъ Нагій-Немеги, 9) Волшебное зеркало раввина, 10) Мірской судъ. Большинство ихъ—коротенькіе эскизы въ десятокъ-два страницъ. Крупице по объему — первая и послѣдняя повѣсти, вмѣстѣ занимающія ббльшую половину книги. «Мірской судъ», впрочемъ, нельзя называть «еврейскимъ» рассказомъ, такъ какъ въ немъ преимущественно описывается жизнь галиційскихъ крестьянъ-русиновъ. Болѣе обширныя повѣсти Захеръ-Мазоха, въ родѣ «Илуй» и «Гомана-Раба» не вошли почему-то въ книжку. Что касается самаго перевода, то надо сказать, что въ общемъ онъ удовлетворителенъ: языкъ по большей части гладкій, литературный; нѣрѣдка лишь встрѣчаются шероховатости и недоловкіе обороты. За то много ошибокъ, и грубыхъ фактическихъ ошибокъ, встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ рѣчь идетъ о специально-еврейскихъ обрядахъ или религиозныхъ терминахъ. Такъ, слово «Тора» опредѣляется въ примѣчаніи переводчикомъ какъ «еврейская священная исторія—матеріалъ (sic!), обработанный христіанскимъ ученіемъ въ Библію» (стр. 5),— что и неважно, и неграмотно, и непонятно. Еврейскіе термины исковерканы до нельзя: талмудическіе трактаты «Таанитъ» и «Берахотъ» превращены въ «Фадритъ» и «Берахолъ» и объявлены «отдѣлами еврейскаго вѣроученія» и т. п. Переводчикъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ еврейской жизни и литературы и отъ незнанія путается, умножая неточности, встрѣчающіяся въ этомъ отношеніи и въ самомъ оригиналѣ. Во многихъ мѣстахъ переводъ неточенъ и только приблизительно передаетъ мысль подлинника; это бываетъ именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какомъ нибудь специально-еврейскомъ обычѣ.

скому равнину. Онъ также хорошо читаетъ въ сердцѣ еврейскаго фактора, какъ и въ мрачной душѣ галиційскаго крестьянина, и мѣстныя условія ему очень хорошо извѣстны. Взглядъ его на изображаемыя имъ національности можетъ быть резюмированъ такъ: онъ ненавидитъ поляковъ, относится съ состраданіемъ къ руснякамъ и любитъ евреевъ». Можно ли вполне согласиться съ этою характеристикомъ Захеръ-Мазоха? Мы думаемъ, что нѣтъ. Вѣрно въ этой характеристикѣ, по нашему мнѣнію, только послѣднее предположеніе, т. е. указаніе на отношеніе бытописателя къ тремъ національностямъ Галиціи. Захеръ-Мазохъ, дѣйствительно, любитъ евреевъ и съ необыкновенною любовью занимается ихъ внутреннимъ бытомъ, въ которомъ находитъ много — пожалуй даже чрезчуръ много — симпатичныхъ явленій и идеальныхъ типовъ. Но знаетъ ли онъ описываемую имъ еврейскую жизнь, и если знаетъ, то понимаетъ ли ее, какъ слѣдуетъ? Дѣйствительно ли онъ такъ хорошо «читаетъ въ еврейской душѣ», какъ это утверждаетъ его нѣмецкій критикъ?

Возьмите хотя бы одинъ изъ крупнѣйшихъ его рассказовъ—«Пинчевъ и Минчевъ». Какіе жизненные, реальные типы изображены въ этомъ рассказѣ? Тутъ представлены два чудака, два маніака, одержимые манією словопренія, препирающіеся постоянно о всевозможныхъ религіозныхъ вопросахъ по духу и методу Талмуда. «Никто, говоритъ авторъ, не понималъ, не зналъ ихъ иными, какъ вѣчно состоящими въ препирательствѣ» (стр. 23). Ихъ преніями наполненъ почти весь рассказъ. Кто же такіе были эти два чудака? *Дамскій портной* Пинчевъ и *извозчикъ* Минчевъ,—откровенно объявляетъ авторъ на четвертой страницѣ своего рассказа. Читатель, знакомый съ еврейскимъ бытомъ, конечно, только ахнетъ, когда прочтетъ подобную вещь. Портной и извозчикъ, диспутирующие по вопросамъ Талмуда! — такіе странныхъ сочетаній въ еврейской жизни не встрѣчается. Еврейскіе ремесленники хотя и всегда грамотны, какъ вся еврейская масса, но никогда не отличаются ни знаніемъ Талмуда, ни склонностью къ сложнымъ богословскимъ диспутамъ. До сихъ поръ еще слова «ремесленникъ» и «невѣжда» считаются синонимами въ еврейскомъ быту. Если гдѣ либо и встрѣтятся портной, либо извозчикъ, свѣдущій въ Талмудѣ, то это будетъ крайне рѣдкое исключеніе, диковинна, на которую будутъ указывать пальцами. Пинчевъ и Минчевъ, дѣйствительно, являются не нормальными типами, а исключеніями, и не только по отношенію къ еврейской жизни, но также по отношенію къ нормальной человѣческой жизни вообще. Мы назвали ихъ выше маніаками — и ни чуть не преувеличили:

самъ авторъ выставляетъ ихъ таковыми, доводя ихъ чудачество и страсть къ преніянь до невѣроятныхъ крайностей. Такъ, авторъ представляетъ своихъ героевъ спорящими даже въ тотъ моментъ, когда они, въ качествѣ вольныхъ пожарныхъ, сидятъ на крышѣ охваченнаго пламенемъ деревяннаго дома, гдѣ они, въ увлеченіи споромъ, навѣрное сгорѣли бы, если бы ихъ насильно не стащили, и то одного изъ нихъ порядочно обожженнымъ. Въ другой разъ Пинчевъ и Минчевъ совершаютъ виѣстѣ поѣздку въ ближайшій городъ; извозчикъ Минчевъ, въ разгарѣ преній съ своимъ alter ego, плохо правитъ лошадьми, которыя въ потемкахъ и завезли нашихъ героевъ въ болото; но они не унываютъ: лежа и барахтаясь въ болотѣ, они не перестаютъ азартно спорить о томъ, почему Моисей запретилъ ѣсть свинину! Есть ли во всемъ этомъ хоть доза вѣроятности, просто возможно ли это? Намъ кажется, что даже у людей душевно-больныхъ манія рѣдко доходитъ до такихъ уродливыхъ разиѣровъ.

А между тѣмъ авторъ, умышленно преувеличивая и выходя изъ предѣловъ возможнаго и вѣроятнаго, виѣстѣ съ тѣмъ старается во многихъ отношеніяхъ выставить своихъ героевъ похуже на нормальныхъ людей. Онъ увѣряетъ, что окружающіе не только не смотрѣли на Пинчева и Минчева какъ на юродивыхъ, но даже относились къ нимъ съ уваженіемъ. Самъ герой въ обыденной жизни вели себя совсѣмъ какъ бы живые люди: одинъ кроилъ и шилъ платья, другой занимался извозомъ. Минчевъ даже влюбился въ одну дѣвушку, дочь богатаго виноторговца, и въ концѣ концовъ женился на ней, взявъ въ придачу десять тысячъ гульденовъ, причеиъ ремесла извозчика все-таки не оставилъ. Портному Пинчеву тоже повезло въ дѣлѣ женитьбы, ибо за него отдали дочь мѣстнаго богатаго купца виѣстѣ съ крупнымъ приданымъ, которое, однако, не отвлекло Пинчева отъ портняжнаго ремесла. Тутъ опять читатель, виѣющій хотя бы смутное понятіе о порядкахъ еврейской жизни, пошепчетъ плечами и скажетъ: этого еще никогда не бывало, чтобы «богатый виноторговецъ» выдалъ свою дочь за извозчика, или чтобъ дочь «богатаго купца», хотя бы и кривая, вышла за портного; да и того не бывало, чтобъ еврей, обладающій десяткомъ тысячъ гульденовъ, занимался ремесломъ портнаго или извозчика. Но мы уже видѣли, что то, что невозможно въ еврейской, даже простѣ въ человѣческой жизни, вполне возможно въ разсказахъ Захеръ-Мазоха. Стало быть—nil admirari!...

Въ дополненіе нашихъ свѣдѣній о Пинчевѣ и Минчевѣ надо прибавить, что подъ конецъ жизни они обнищали и умерли въ глубокой ста-

рости, въ богадѣльнѣ, такъ же необыкновенно и странно, какъ жили. Умерли они въ одинъ и тотъ же часъ, въ разгарѣ какого-то талмудическаго спора.

Вообще все необыкновенно въ рассказѣ Захеръ-Мазоха: необыкновенные люди, необыкновенныя страсти, необыкновенная жизнь, необыкновенныя бытовые и общественныя отношенія. Необыкновенно и феноменально также незнакомство автора съ еврейскою жизнью, какъ это мы видѣли сейчасъ, и какъ можно еще видѣть изъ слѣдующихъ, напримѣръ, выраженій: «Минчевъ праздновалъ девяностый день (тутъ ужъ переводчикъ напуталъ; въ подлинникѣ, вѣроятно, сказано «девяностую годовицину») своего рожденія» (стр. 64), или: «Еще ни разу ни одинъ еврей не умираетъ съ голода, какъ не былъ вынужденъ протягивать руку за милостыню» (стр. 62). Вѣтъ извѣстно, что у евреевъ нѣтъ обычая праздновать день рожденія, и что между евреями больше нищихъ, просящихъ милостыни, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Самыя пренія, влагаемыя авторомъ въ уста своихъ героев-спорниковъ, также слѣдуетъ признать не совсѣмъ обыкновенными; во всякомъ случаѣ они не обличаютъ въ авторѣ знакомства съ талмудомъ и раввинскою казуистикою. Примѣры завели бы насъ слишкомъ далеко; кому любопытно, того отсылаемъ къ самому рассказу, гдѣ онъ найдетъ ихъ въ изобиліи.

Итакъ, рассказъ «Пинчевъ и Минчевъ» отнюдь не свидѣтельствуетъ о знакомствѣ его автора съ еврейскою жизнью, такъ какъ этотъ рассказъ весь сотканъ изъ необычайностей, небывальщинъ, гиперболъ и вообще погрѣшностей противъ жизненной правды. Но этотъ рассказъ, надо замѣтить, занимаетъ исключительное положеніе въ собраніи рассказовъ и эскизовъ Захеръ-Мазоха: онъ имѣетъ претензію на юморъ, написать слишкомъ легко, и такъ мало похожъ по своему характеру и тону на прочія произведенія того же автора, что мы весьма оотно признали бы его шалостью художника, чѣмъ-то въ родѣ сложнаго lapsus linguae, растянушагося на 70 страницъ. Призовемъ же въ свидѣтели другіе рассказы Захеръ-Мазоха, написанныя по обыкновенной его манерѣ: что-то они скажутъ о себѣ и о своемъ авторѣ?

Вотъ небольшой рассказецъ «Просвѣщенный», — кажется, довольно популярный. Именемъ «просвѣщенный» окрещенъ герой его, Абуфель-Рехенъ — богатый галиційскій еврей, жившій тихою, счастливою жизнью вмѣстѣ со своею красавицею женою. Умственное «просвѣщеніе» Абуфеля собственно не плодъ дальнѣ умнѣнія читать и писать, но онъ, по нѣткому заявленію

автора, былъ просвѣщенъ, не умомъ, а сердцемъ, «не снаружи, а изнутри». «Онъ любилъ челоуѣчество, любилъ добро, готовъ былъ дѣлать скорбь со слабымъ, больнымъ и несчастнымъ челоуѣкомъ, и это независимо отъ того, имѣлась-ли у челоуѣка этого лѣйса, или нѣтъ; было-ли покрыто его чело перьями, или парижской шляпой новѣйшаго фасона». Словомъ, онъ былъ образецъ толерантности. И вотъ этому Абурилю—ни забыли сказать, что онъ былъ бѣдѣтель — однажды по дорогѣ, въ лѣсу, попадаетъ крещенный ребенокъ—подкиднись, при которомъ имѣлась записка, что онъ крещенъ по католическому обряду. Ребенокъ оказался маленькою прелестною дѣвочкою, которую Абуриль и взялъ къ себѣ на воспитаніе, къ величайшей радости своей жены. Циора—такъ назвали дѣвочку ея пріемные родители—воспитывалась въ домѣ Абуриля, развивалась физически и умиственно и, наконецъ, стала восемнадцатилѣтнею красавицею и умницею, всѣмъ на диво. О тайнѣ своего происхожденія она еще не подозрѣвала и продолжала считать себя родною дочерью Абуриля. Но вотъ она становится героинею любовной исторіи: сынъ богатаго пана Медриновскаго влюбляется въ Циору, а она—въ него. Молодые люди вадыхаютъ и страдаютъ: различіе вѣроисповѣданій мѣшаетъ ихъ взаимному счастью. Узнавъ объ этомъ Абуриль и рѣшаетъ, что пришло время открыть тайну. Торжественно объявляетъ онъ Циорѣ, что она можетъ смѣло выйти замужъ за Медриновскаго, ибо она не еврейка, а христіанка,—и тутъ же показываетъ ей и ея возлюбленному документъ, удостоверяющій это заявленіе. Молодые люди, конечно, вступаютъ въ бракъ и счастливы до безконечности; счастливы и Абуриль тѣмъ, что совершилъ великое доброе дѣло.

Этотъ разсказъ, какъ видите, куда серьезнѣе «Пинчева и Минчева». Въ немъ нѣтъ прямыхъ и грубыхъ погрѣшностей противъ жизненной правды; въ немъ гораздо меньше невѣроятнаго и фантастическаго. Но вѣдь все это—отрицательныя качества; гдѣ же положительныя? Изображены-ли въ немъ какія-нибудь характерныя явленія дѣйствительности, какія-нибудь черты, присущіе именно еврейскому быту? Нѣтъ. Герой разсказа, Абуриль, все таки необыкновенный челоуѣкъ и, по призванію самого автора, составлялъ исключеніе среди мѣстныхъ евреевъ и даже христіанъ. Да и самое содержаніе — исторія христіанскаго ребенка, воспитаннаго на правахъ еврейскаго—представляетъ собою также нѣчто необыкновенное и случайное, что опять-таки признаетъ самъ авторъ, называя въ концѣ разсказа эту исторію «удивительною». Эта необычайность дѣлаетъ разсказъ очень поэтичнымъ, нравоучительнымъ и высоко-гуманнымъ, но качества эти ку-

племени слишковиъ дорогов: ради нихъ авторъ пошертвовалъ дѣйствительнѣею частью, вѣроятностно и естественностно. Ибо чѣмъ же гнѣтитъ Абураля, какъ сврей? Это просто идеальнѣй, добросердечнѣй человѣкъ, какіе встрѣчаются крайне рѣдко, но могутъ встрѣчаться одинаково и у евреевъ, и у католиковъ, и даже у ашкенизовъ. Самая жизнь Абураля: каналь-то идеалическая, и если бы авторъ какъ не сказалъ, что его герой жилъ въ Палестинѣ и велъ хлѣбную торговлю, мы бы могли думать, что онъ жилъ на островѣ Ниафѣ и нитался манною небесною: такъ божественна и безцѣлѣна его жизнь. Такъ же безцѣлѣны и сладки до приторности другія лица: разсказа: добрая и «нравительно красивая» жена Абураля, «роскошная молодая красавица» Ципора, «рыцарски-прекраснѣй» Медриновскій (слава въ ковычкахъ принадлежать автору). И какъ, читая все это, сдается, что тутъ же рядомъ съ «прекрасными» героями и героинями, незримо присутствуютъ добрейшій докторъ Панглоссъ, и въ ушахъ нашихъ раздаются его классическій припѣвъ: «Да, все прекрасно въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ»!...

Объ этомъ разсказѣ Захеръ-Мавоха можно коротко и ясно сказать: въ немъ есть идея, хорошая благородная идея, достойная «Натана Мудраго», есть и поэзія, но нѣтъ дѣйствительной жизни и живыхъ лицъ.

То же самое можно сказать о многихъ другихъ разсказахъ этого писателя. Въ нихъ поражаетъ идеалическій тонъ, стилистичность, выдуманность. Идеалія—любимѣйшее занятіе Захеръ-Мавоха. Есть у него въ этомъ родѣ цѣлая серія разсказовъ, сгруппированныхъ всё по одному типу и такъ поразительно похожихъ другъ на друга и по формѣ, и по содержанию, что сдается, будто въ нихъ дѣйствуютъ одни и тѣ же лица, только именуемые различными именами. Таковы пять разсказовъ, посвященныхъ заглавія: «Браницкая Венера», «Малахъ Шнейфусъ», «Разводный листъ», «Волшебное Зеркало равнина» и «Дебора изъ Нагій-Неметти». Фасонъ, по которому всё они скроены, въ общемъ такой: изображается семейная жизнь; мужъ—талмудистъ или торговецъ, погруженный въ свои занятія, добрый и хорошій человѣкъ, но слаботарактерный; жена—идеаль красоты, живущая тихо и безпечно, энергичная и страстная натура, не удовлетворяющаяся рѣдкими ласками мужа и мечтающая о богѣ страстной любви; происходитъ нѣкоторый раздоръ въ семействѣ, но въ концѣ концовъ дѣло улаживается болѣею частью къ вышему благополучію обѣихъ супруговъ; иногда происходитъ и разрывъ. Простейшимъ образчикомъ такого пріема можетъ служить вромечный разсказецъ «Браницкая Венера». Въ вѣсточкѣ

Браницагъ жилъ ученѣйшій талмудистъ; у него была жена—«рѣдчайшая красавица съ величественною царскою осанкою». Мужъ былъ вѣчно погруженъ въ изученіе Талмуда, жена же вѣчно сидѣла у окна, въ своей иѣловой кацавейкѣ, «и мечтала и гѣвала отъ скуки». Однажды спросила она мужа: «Когда же прійдетъ Мессія? и получила отвѣтъ: «когда всѣ евреи станутъ или поголовно добродѣтельными, или *положено мероччымъ*» (извѣстное талмудическое изреченіе). Вскорѣ послѣ того мужъ, вернувшись домой, засталъ тамъ свою жену съ гусарскимъ офицеромъ въ полеметѣ, не оставлявшемъ иѣста сомнѣнію. Мудрецъ, конечно, начинаетъ упрекать жену, но та, гордо выпрямившись, отвѣчаетъ ему: «Развѣ не обманна я, какъ честная еврейка, сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобъ Мессія пришелъ поскорѣе освободить бѣдный народъ израильскій?» Этотъ разговоръ и оканчивается. Мы, однако, необдуманно назвали эту вещь «разказомъ»: это не разказъ, даже не легкій эскизъ, а просто анекдотъ, основанный на одномъ парадоксальномъ изреченіи Талмуда. Въ герон такихъ анекдотовъ вовсе не нужны живыя лица, ибо роль ихъ могутъ исполнять всякіе несмыслы и игреки. Отъ такой невинной вещи большаго и требовать нельзя; только зачѣмъ было назвать ее «разказомъ»?

Хотячій анекдотомъ сильно отдастъ и другая вещь, болѣе крупная по объему,—«Малахъ Шнейфусъ». Тутъ опять на сцену выступаютъ мужъ каббалистъ и талмудистъ, «мудрецъ» Малахъ Шнейфусъ, и жена-красавица, Амри; первый погруженъ въ науку, послѣдняя сидитъ лѣтомъ въ саду, зимою у окна, «закутавшись въ иѣловую кацавейку» и «мечтаетъ», — тотъ въ точь какъ супруга въ «Враницкой Венерѣ». Въ одно прекрасное утро мужъ застаётъ жену въ саду съ незнакомымъ кавалеромъ. Амри не оправдывается, подобно Враницкой Венерѣ, желаніемъ ускорить пришествіе Мессіи, но благоразумно ретируется и, покидая мужа, удаляется въ домъ своего отца. На Малаха этотъ казусъ дѣйствуетъ одновременно и потрясающимъ, и отрезвляющимъ образомъ: онъ начинаетъ понимать, почему жена измѣнила ему и наконецъ убѣждается, что жизнь его до сихъ поръ была ненормальна. Онъ перестаетъ жить затворникомъ, оставляетъ каббалу и принимается за свое физическое и умственное перевоспитаніе. По совѣту иѣстнаго доктора, онъ много гуляетъ, «живетъ съ природою», читаетъ новыя научныя книжки, кони снабжаетъ его тотъ же докторъ, просвѣщается и переиѣняетъ даже покрой своего платья по новому. Это навлекаетъ на него нареканія, всѣ евреи иѣстечка называютъ его вѣроотступникомъ, и раввинъ хотеть предать его анасемѣ. Чтобы избѣгнуть такихъ непріятностей, Малахъ совер-

иметь публично нѣсколько каббалистическихъ чудесъ (вызываетъ животою одну старуху, дѣлаетъ изъ глины живого автомата, «вызываетъ» солнечное затмѣнiе,—все разумеется посредствомъ ловкой инстификаціи)—и тѣмъ наводитъ такой страхъ на суевѣрную толпу, что къ нему начинаютъ относиться даже съ благоговѣніемъ. Эти фокусы влияют и на бѣглянку-жену, Апри. Въ моментъ солнечнаго затмѣнiя, вызваннаго, согласно общей молвѣ, каббалистическими манипуляціями Малаха, Апри въ испугѣ приближаетъ къ мужу и умоляетъ наказатъ ее, но пощадитъ городъ. Малахъ пользуется случаемъ, чтобы объяснить женѣ въ любви, все разъясняетъ ей—и супруги замываютъ любовно и счастливо, гораздо счастливѣе чѣмъ прежде.

Видѣйте изъ этого разсказа всю анекдотическую сторону его,—все эти несообразности, внезапныя перемены, смѣшныя чудеса,—и что же остается?—Два блѣдныя, безжизненные фигуры—Малахъ Шнейфусъ и его жена, живущіе какъ-бы внѣ условій времени и мѣста, словно «на какомъ-то необитаемомъ островѣ среди океана» (какъ выражается самъ авторъ о жизни своего героя), занимающіеся только или наукою или любовью, предающіеся сладкимъ мечтамъ, сидя въ саду, или у окна. Развѣ это — настоящіе люди и настоящая жизнь? Развѣ это—жизнь галлиційскихъ евреевъ, темныхъ, трудящихся, большую частью бѣдствующихъ и каботищихъ тяжеломъ борьбою за существованіе? И развѣ среди темныхъ даже галлиційскихъ евреевъ возможна эта великая исторія о женѣ, повернувшейся мужу подъ влияніемъ каббалистическихъ фокусовъ, и о другихъ несообразностяхъ, составляющихъ все содержаніе разсказа «Малахъ Шнейфусъ»? Нѣтъ, Захаръ-Мазохъ вовсе не наблюдалъ въ жизни того, что описываетъ, а только собралъ воедино обрывки разнѣхъ, слышанныхъ имъ, курьезныхъ еврейскихъ анекдотовъ и составилъ изъ нихъ столь же курьезный разсказъ, въ нѣкоторомъ фантастическомъ и нестройномъ, хотя и очень красивый.

Въ третьемъ разсказѣ изъ той же серии, въ «Разводномъ Ластѣ», мы опять наталкиваемся на тѣ же, излюбленные Захаръ-Мазохомъ, фигуры. Здѣсь—тоже смиренный мужъ-галлиціецъ и та же гордая красавица-жена; только обстановка тутъ нѣсколько измѣнена. Афра Рабиновичъ выходитъ замужъ за Илю, не спросивъ, а съ опредѣленною тенденціею, Дѣло было такъ. Афра однажды видѣла въ домѣ своихъ подругъ, за одну изъ которыхъ сватали молодого галлиціецъ Илю. Последній былъ тутъ же, въ другой компаніи съ мужчинами, и за разговоръ какъ-то высказался, что въ дѣлѣ замужества нѣчто спрашивается: нѣтъ ли невесты, которая какъ женщина не съберетъ нитѣ своего сужденія и вылезетъ заветна отъ воли родителей.

Афра случайно подслушала эту фразу и, когда ей подруга отказалась войти замужъ за человѣка съ такими дикими взглядами, объявила что сама согласна войти замужъ за Илия. Сказано-сдѣлано: тотчасъ же совершается свадьба—и вскорѣ образованная и красивая Афра становится женою набожнаго еврейскаго Илия, — но становится ею только номинально. На самомъ же дѣлѣ она съ перваго же вечера брака ставится по отношенію къ мужу въ положеніе вооруженнаго врага: она его не и дѣло дразнить своею красотою, распалаетъ его страсть—и когда бѣднѣга вздыхаетъ у нея ногъ и молить о пощадѣ, она осмываетъ его стрѣлами своего остроумія, разбиваетъ и приводитъ къ абсурду всё его вѣрваніи, доказываетъ нецѣлѣбность его талмудическихъ воззрѣній (для сей окказіи Афра еще накануне брака «изучила Талмудъ», намъ утѣраетъ авторъ), а въ концѣ концовъ, заштыгивъ, что возмѣтила дѣйствіе на утомленный кругозоръ мужа, требуетъ отъ него развода. Илия волей-неволей даетъ женѣ разводный листъ. Но во время прощанія, которое было особенно трагательно, Афра вдругъ сбрасываетъ съ себя маску, разрываетъ разводный листъ и падаетъ въ объятія мужа. «На этотъ разъ — вончасъ авторъ — вошлія слова были лишніи между ними».

Искусственность построения и невѣроятность фабулы въ этомъ разсказѣ бросаются въ глаза. Образованная и красивая дѣвушка, выходящая замужъ изъ за одной случайно подслушанной фразы, для того только, чтобы пойти будущему мужу, котораго она и въ глаза не видала, и исправить его, — развѣ это не баснословно? Развѣ это—фактъ дѣйствительности, а не литературная выдумка? Отбросьте эту выдумку — и что же получится? Бездѣльный фонъ, лирический всякой бытовой окраски, и на этомъ фонѣ—двѣ отвлеченности, въ образѣ мужчины и женщины. Больше ничего. Илия и Афра — двѣ простые противоположныя идеи, поставленныя авторомъ въ малоподходящее ему положеніе и идущія къ желательной цѣли. Все гладко, все совершается, какъ автору хочется: Афра вдругъ захотѣла войти замужъ за Илію—и тотъ, не зная ея, немедленно женится на ней; захотѣла передѣлать нравъ мужа—и передѣлала. Все неслучкию ей желанно. Даже Талмудъ, на изученіе коего требуется десятии лѣтъ, Афра изучаетъ въ нѣсколько нѣдель, передъ свадьбою, и нарочно для того, чтобы побѣдить мужа въ умственномъ турнирѣ. Это доказываетъ только, что авторъ либѣтъ весьма смутное понятіе о Талмудѣ; равно никакъ объ обичаяхъ еврейскихъ. Тамъ, надприниръ, Илия у него самъ выдаетъ разводный листъ и самъ же вручаетъ его женѣ въ ея комнату, съ глупою на глазъ (стр. 171).

Заполь-Мавошъ, видно, не знаетъ даже и того, что разводные листы не пишутся тѣмъ, кто ихъ даетъ, и вручаются разводнымъ женамъ не иначе, какъ въ присутствіи раввина и свидѣтелей, при очень торжественной обстановкѣ и послѣ многихъ сложныхъ формальностей.

Не останавливаясь на невинномъ и совершенно дѣтскомъ разсказѣ «Волшебное зеркало раввина» (гдѣ повѣствуется, какъ у одного еврея была красивая, но злая жена, которая постоянно его ругала; какъ злополучный мужъ досталъ у раввина зеркальце и, по совѣту послѣдняго, подставлялъ его женѣ въ лицу всякій разъ, что та принималась ругаться; и какъ, наконецъ, злая жена, убѣдившись, что гнѣвъ искажаетъ ей лицо, перестала браниться и сдѣлалась доброю женою, — крошечная вещь, но огромная важность!) — перейдемъ къ послѣдней вещи въ намѣченной нами серіи — къ «Доборѣ изъ Нагій-Немети». Этотъ разсказъ имѣетъ историческую подкладку (дѣйствіе его относится ко времени венгерскаго возстанія 1848—49 г.), но лица — такія же, какъ въ предыдущихъ разсказахъ: мужъ, богатый и гнѣбный торговецъ Адольфъ Зонненфельдъ, и жена, «роскошная и величественная красавица» Сарра-Эгла. Между ними было рѣзкое несходство въ характерахъ: мужъ былъ человѣкъ практическій, умственно ограниченный и, такъ сказать, «торгово-нравственный»; жена же была существо гораздо высшее и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, стремилась къ идеалу и таила въ себѣ громадный запасъ душевной энергіи. Несходство это, которое сглаживалось въ обыденной жизни, получило вдругъ рѣзкій и роковой оборотъ въ моментъ общественнаго броженія въ Венгріи (мы забыли сказать, что семейство Зонненфельдъ жило въ венгерскомъ городѣ Нагій-Немети) въ 1848 г. Во время послѣдовавшей затѣмъ венгерской войны выяснилось, что Эгла была «ярою венгерскою патриоткою», между тѣмъ какъ мужъ ея былъ приверженцемъ правительственныхъ австрійскихъ войскъ, на сторонѣ которыхъ предвидѣлъ побѣду. И въ то время, когда Эгла всею душою порывалась помогать проходившимъ черезъ мѣстечко венгерскимъ войскамъ, Адольфъ Зонненфельдъ, изъ за личныхъ выгодъ, шпионилъ и передавалъ тайны венгерцевъ австрійскимъ властямъ, вслѣдствіе чего австрійцамъ удалось врасплохъ напасть на одинъ отрядъ венгерцевъ и разбить его. Это уже взорвало фанатическую венгерскую патриотку Эглу: въ ней проснулась дремавшая энергія. Убѣдившись въ шпионствѣ мужа и заставъ его на мѣстѣ преступленія, она торжественно обличаетъ его и объявляетъ, что за свой подлый поступокъ онъ долженъ умереть. Она хочетъ тутъ же застрѣлить

его изъ пистолета, но трусливыя мольбы мужа останавливаютъ ее. Она запираетъ его, идетъ къ начальникамъ венгерскаго гусарскаго отряда, вступавшаго въ мѣстечко, и требуетъ отъ нихъ привѣрной казни для шпіона-мужа. Адольфа немедленно вздергиваютъ на висѣлицу, на глазахъ его жены, пожелавшей непремѣнно присутствовать при этомъ. «Послѣ того—говоритъ авторъ—Эгла быстро вскочила на присвоенную для нея лошадь и ускакала изъ мѣстечка вмѣстѣ съ гусарами. И не разъ послѣ того видѣли красавицу-женщину впереди венгерскаго батальона. То была еврейка Эглантина Сарра Зоннефельдъ изъ мѣстечка Нагій-Намети. Въ послѣдній разъ видѣли ее въ день того памятнаго пораженія венгровъ, когда штыки польскихъ полковъ пронизывали венгерскіе ряды, и когда еврейка, уже раненая двумя пулями, упала, проворонная штыкомъ, а вмѣстѣ съ нею упало и венгерское знамя, обогренное ея кровью, пролитой въ страшной междуусобной войнѣ» (стр. 187).

Что это? Историческій фактъ или сплошная выдумка, быль или небылица? Дѣйствительно ли существовала, всего лѣтъ 40 тому назадъ, эта еврейско-венгерская Дебора, сражавшаяся въ авангардѣ венгерской арміи, или все это—плодъ неумѣренной фантазіи автора? Если бы такая «Дебора» дѣйствительно существовала, то исторія о ней не уцѣлала бы и имя ее сохранилось бы въ памяти современниковъ, изъ коихъ многіе еще живы, и потомства, какъ необычайный примѣръ женскаго мужества, патриотизма и неслыханнаго героизма. Въ такомъ случаѣ эскизъ Захеръ-Мазоха былъ бы не болѣе, какъ нѣсколько подкрашенныхъ пересказомъ историческаго событія, но вмѣстѣ съ тѣмъ *только* въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ бы raison d'être. Если же подобнаго событія никогда не было въ дѣйствительности,—что вѣроятнѣе всего, такъ какъ о немъ ничего неслыхано,—то рассказъ Захеръ-Мазоха является или чистою поэтическою фантазіею, или поучительною сказкою, и въ обоихъ этихъ случаяхъ никакого серьезнаго бытового значенія имѣть не можетъ.¹

¹ Среди рассказовъ Захеръ-Мазоха, не помнящихся въ книгу г. Рамадзе, имѣется еще одна вещь, поразительно похожая на „Дебору изъ Нагій-Намети“. Это — „Юднѣе изъ Бѣлополя“, историческій рассказъ изъ польско-турецкой войны 1675 года. Еврейская женщина здѣсь также являетъ необычайный примѣръ героизма. Тѣмъ же способомъ, какъ библейская Юднѣе, она спасаетъ осажденный турками городъ посредствомъ убіенія ихъ предводителя — наши. Ея трусливый мужъ, Абрамакъ, играетъ здѣсь роль, аналогичную съ ролью Адольфа въ „Деборѣ“. Къ „Юднѣе“ вполне примѣнно все то, что мы сейчасъ сказали о

Мы мончили обзоръ той серии рассказовъ, которая заключаетъ въ себѣ знось о смиренномъ мужѣ и о гордой жемъ-красавицѣ. Мы видѣли, что во всѣхъ этихъ рассказахъ, скроенныхъ на одинъ наворъ, нѣтъ ни еврейской бытовой, ни вообще жизненной правды; что лица въ нихъ безцвѣтны, поминения — выдуманы и фантастичны, жизнь — сладко-идиллическая, обстановка — приличествующая какой-нибудь буколической Аркадіи или Эльдорадо. Напрасно будемъ мы искать ясныхъ признаковъ еврейскаго быта и въ прочихъ рассказахъ, отличающихся нѣсколько по своему типу отъ сейчасъ рассмотрѣнныхъ. «Цицра Гельдфингеръ», новѣсть про любовь крестьянскаго парня и еврейской дѣвушки, кончиннаяся дѣтубійствомъ, ничего кромѣ обыкновеннаго романческаго сюжета въ себѣ не заключаетъ. Въ картинѣ деревенской жизни, нарисованной въ этомъ рассказѣ, нѣтъ ровне ничего характернаго. Авторъ, повидному, хотѣлъ вложить всю соль рассказа въ заключительныя слова его — въ слова Цицры, сказанныя ею предъ судомъ: «Я совершила великій грѣхъ, полюбивъ христіанина; не хотѣла я, чтобъ дѣтя мое жили и, живя, было мнѣ вѣчными укоромъ въ этомъ грѣхѣ», — но мы и въ этомъ не видимъ ничего особенно типичнаго, хотя нельзя сказать, чтобы этотъ фактъ противорѣчилъ жизни. Такія вещи бывають сплошь и рядомъ, во суть не въ нихъ, а въ той душевной драмѣ, которою они вызываютъ и которою вызваны, а этой-то драмы авторъ не представилъ намъ въ своемъ бѣгомъ очеркѣ.

Другой очеркъ «Продажа фамилій» есть собраніе невнятныхъ анекдотовъ, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, когда по повелѣнію императора Іосифа II галиційскіе евреи должны были избирать себѣ семейныя прозвища или фамилии, которыхъ доволъ не имѣли. Чиновники, которымъ поручено было привести въ исполненіе этотъ приказъ, сдѣлали изъ него выгодный торгъ, награждая красивыми фамиліями тѣхъ, кто платилъ имъ подороже, и неблагозвучными или оскорбительными тѣхъ, кто ниле платилъ или вовсе не платилъ. Такого рода дѣтскіе анекдоты могутъ, пожалуй, сдѣлать иногда, но едва-ли способны нанести на серьезныя размышленія.

На большомъ рассказѣ «Міромой судья» ничего устанавливаться, такъ какъ въ немъ описывается не еврейскій бытъ, а бытъ галиційскіхъ крестьянъ-русиновъ, который изображается Захеръ-Мазохомъ хотя не безъ

„Деборъ“. (Рассказъ „Юдѣе изъ Вилленель“ помѣщенъ въ переводѣ въ 11-й книжкѣ „Восхода“ за 1886 г.).

идеализаци, но несколько иначе, чѣмъ еврейскій¹. Въ числѣ второстепенныхъ лицъ разсказа есть «жидъ-шникарь», пособникъ воровской шайки и сбытчикъ краденнаго, и жена его Хайна. Это — единственное еврейское семейство, выставленное Захеръ-Мазохъ (и выставленное сираведливо) въ непримлекательномъ свѣтѣ. Но такъ какъ «жидъ-шникарь» въ разсказѣ — лицо эпизодическое, то онъ не заслуживаетъ никакого вниманія.

Теперь, послѣ сдѣланнаго нами фактическаго разбора большинства еврейскихъ разсказовъ Захеръ-Мазоха, имъ, кажется, вправдѣ, даже не останавливаясь на прочтѣ его разсказовъ (къ коимъ, можетъ быть, мы еще вернемся), отнѣзаться прямо на поставленный въ началѣ этой статьи вопросъ: Знаетъ-ли Захеръ-Мазохъ описываемую имъ еврейскую жизнь, а если знаетъ, то понимаетъ-ли онъ ее? Отвѣтъ нашъ таковъ: Захеръ-Мазохъ много и существеннаго въ еврейской жизни вовсе не знаетъ, а то немногое, что онъ знаетъ (т. е. что ему случилось наблюдать) онъ много понимаетъ и потому неправильно освѣщаетъ. Не знаетъ же онъ еврейской жизни и не понимаетъ ее какъ должно потому, что самъ эту жизнь не жилъ, не испыталъ лично ее радостей и печалей, а только видѣлъ ее со стороны, видѣлъ внѣшніе факты, не понимая ихъ причинъ, кроющихся въ глубинахъ еврейскаго народнаго духа, и принималъ эти факты совсѣмъ другими причинами, имъ самимъ изобрѣтенными. Да и изъ наблюденныхъ внѣшнихъ фактовъ онъ выбралъ лишь тѣ, которые его особенно поразили, и оторвавъ ихъ отъ естественной бытовой почвы, пересадилъ въ теплицу своей фантазіи, гдѣ изъ нихъ выросло нѣчто отвлеченное, мистическое, не похожее на действительность. Еврейскій бытъ, сложившійся тысячелѣтнимъ, такъ сложенъ и своеобразенъ, что даже самый проникательный изъ наблюдателей-исоврезовъ не въ состояніи постичь его вполне. Недостаточное же знакомство съ этимъ бытомъ можетъ вызвать двойное къ нему отношеніе со стороны исоврезовъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно вызываетъ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ еврейству; въ самыхъ же рѣдкихъ случаяхъ оно порождаетъ другую крайность — чрезмѣрную идеализацию еврейской жизни, чрезчуръ сентиментальное отношеніе

¹ Напримѣръ, крестьянинъ Кирилла, глава воровской шайки, и мельничиха Федосья представлены авторомъ въ качествѣ грандіозныхъ демоническихъ натуръ — à la „Разбойники“ Шиллера. Но сельская обстановка, равно какъ самій „мірской судъ“, изображены въ общемъ вѣрно, съ небольшою лишь дозою аффектаціи.

къ евреямъ (не говоримъ о среднемъ, безразличномъ отношеніи, свойственномъ многимъ и въ данномъ случаѣ неинтересномъ). Психологически такое явленіе вполнѣ объяснимо. Одни, не находя въ еврейской жизни того, къ чему привыкли въ собственномъ быту, съ чѣмъ сроднились, что полюбили, и, наоборотъ, встрѣчая въ ней явленія чуждыя, непонятныя, на первый взглядъ бессмысленныя — рѣшаютъ, что эта жизнь ненормальна, неинтересна, и относятся съ осужденіемъ или съ сожалѣніемъ къ тѣмъ, которые ведутъ такую жизнь. Другіе же, болѣе сознательные люди изъ евреевъ, видя многія печальныя неурядицы въ собственномъ быту и не извѣдая таковыхъ въ жизни евреевъ, гдѣ къ немалому своему удивленію (ибо съ ранняго дѣтства были вродубѣждены противъ евреевъ) находятъ многія въ высшей степени симпатичныя стороны, субъективно обобщаютъ свои наблюденія, возводятъ еврейскій бытъ въ идеалъ и становятся тѣмъ дружелюбнѣе и нѣжнѣе къ евреямъ, чѣмъ враждебнѣе относится къ нимъ большинство. Эти двѣ группы исходятъ изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, но обѣ — одинаково субъективны и неправы. Захеръ-Мазохъ принадлежитъ къ послѣдней группѣ — къ благородному меньшинству: онъ любить евреевъ всѣмъ сердцемъ; онъ — великодушный рыцарь еврейства. Но какъ ни пріятно намъ такое нѣжное расположеніе, какъ ни высоко цѣнимъ тѣ честныя и гуманныя побужденія, которые лежатъ въ его основаніи, тѣмъ не менѣе мы не должны закрывать глаза на тѣ крайности и уклоненія отъ правды, къ которымъ оно приводитъ Захеръ-Мазоха въ его «еврейскіе» рассказы. И, дорожа больше всего правдою, мы должны прямо сказать, что еврейскіе рассказы Захеръ-Мазоха, произведя курьезное впечатлѣніе на людей, хорошо знающихъ еврейскую жизнь, могутъ внушить незнакомому съ нею большинству совершенно ложныя и превратныя понятія объ этой жизни. Тотъ, кто будетъ судить о еврейской жизни по рассказамъ Захеръ-Мазоха, проникнется несомнѣнно искреннею симпатіею къ евреямъ, но симпатія эта будетъ основана не на дѣйствительныхъ хорошихъ сторонахъ этой жизни, а на ниничихъ фантазахъ, на фантомахъ. Онъ будетъ знать не настоящую, а сочиненную еврейскую жизнь, жизнь идиллическую, гдѣ люди живутъ счастливо, обезпеченно и безмятежно; гдѣ тишь, да гладь, да Божья благодать; гдѣ въ семейной жизни нѣтъ другихъ заботъ и горестей, кромѣ любовныхъ недоразумѣній между супругами; гдѣ всѣ дѣвушки и жены — «цвѣтущія розы Сарона» (любимое выраженіе Захеръ-Мазоха), величественныя красавицы, гордыя, мужественныя и полныя героизма, которыми только то и дѣлаютъ, что сидятъ по цѣлымъ

дьякъ въ тѣнистомъ саду, либо у окна и предаются сладкимъ мечтаніямъ о романтической любви, о блестящихъ кавалерахъ и о шумномъ, веселомъ свѣтѣ; гдѣ всѣ мужья — смиренныя и придурковатыя, хотя и добрыя малые, наивныя, непрacticalные люди, живущіе безвѣчно и замкнуто, «какъ бы на необитаемомъ островѣ», и вздыхающіе у ногъ своихъ красивыхъ жень... Какая роскошная идиллія! Тутъ и впрямь подумаешь, будто еврейская Галиція—это какая-то обѣтованная земля, текущая молокомъ и медомъ, какой-то поэтической

Чудный, свѣтлый міръ. Ни вьютъ въ немъ, ни туманы.
Вѣчная весна въ немъ радостью царитъ...

Ахъ, какъ хороша была бы еврейская жизнь, если бы она дѣйствительно была похожа на ту, которую представляетъ Загоръ-Мазохъ въ своихъ разсказахъ! Мы были бы тогда счастливейшіе изъ смертныхъ, мы бы осуществили тогда идеалъ первороднаго Эдема на землѣ, мы бы мало чѣмъ отличались отъ нашихъ праотцевъ изъ прекрасной книги Бытія! Но, увы! все это вовсе не такъ на самомъ дѣлѣ; все это — не реальная жизнь, а бредъ фантазіи, сладкій лепетъ младенца, невѣдающаго печали жизни. На самомъ дѣлѣ нѣтъ жизни болѣе горестной, болѣе тревожной и суетливой, чѣмъ жизнь еврейская (мы говоримъ о галиційскихъ и русскихъ евреяхъ и говоримъ о среднемъ, обыкновенномъ уровнѣ жизни); нѣтъ такой семейной жизни, гдѣ любовь, въ романтическомъ смыслѣ слова, играла бы такую ничтожную роль и гдѣ напротивъ трезвый практицизмъ такъ рѣшительно господствовалъ бы, какъ въ жизни еврейской; и нигдѣ женщина замужняя не принимаетъ столь дѣятельнаго участія въ семейныхъ трудахъ и заботахъ, какъ въ еврейскомъ семейномъ быту, гдѣ она обыкновенно является энергичною помощницею мужа въ дѣлахъ, а верѣдка сама всѣмъ орудуетъ и дѣлаетъ мужа своимъ помощникомъ. Тутъ не предаются сладкимъ мечтаніямъ о любви, не сидятъ безвѣчно въ саду, или у окна, а трудятся, заботятся, суетятся, борются за свое существованіе, и борются не всегда съ успѣхомъ. И красивыя куклы Загоръ-Мазоховскихъ идиллій не могутъ дать даже отдаленнаго представленія о дѣйствительныхъ, живыхъ евреяхъ и еврейкахъ, какими мы ихъ видимъ повседневно, на каньдовъ шагъ.

Идиллія—сказалъ давно уже одинъ замѣчательный критикъ—всегда обличаетъ въ своемъ авторѣ незнакомство съ описываемымъ бытомъ; она вызывается стремленіемъ неподнять вымысломъ то, что не исследовано или не понято въ дѣйствительной жизни; ближайшее знакомство съ дѣ-

ловъ всегда вытѣсняетъ идиллію (такъ, напримѣръ, внимательное изученіе крестьянскаго быта въ новѣйшее время вытѣснило изъ литературы нѣкогда столь распространенный видъ ея—сельскую идиллію). Это замѣчаніе, вполнѣ пригодно и къ Захеръ-Мазоху. Но надо сказать, что у Захеръ-Мазоха идиллическое описаніе еврейскаго быта вызывается не однимъ только незнакомствомъ этого быта, но также общими художественными и литературными наклонностями автора. Захеръ-Мазохъ, какъ большая часть нѣмецкихъ романистовъ, идеалистъ въ романѣ; трезвый реализмъ, свойственный напримѣръ русской беллетристикѣ, совершенно чуждъ ему; онъ не столько бытописатель, сколько поэтъ; искусственная красота вымысла ему дороже естественной, простой красоты правды. Стремленіе къ поэтизированію жизни составляетъ существенное свойство его таланта. Это бросается въ глаза въ его разсказахъ: они красивы, изящно отдѣланы, проникнуты какою-то тихою мечтательностью, обоятельно дѣйствующею на людей, незнакомыхъ съ еврейскою дѣйствительностью,—вообще въ литературномъ отношеніи они не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но что проку въ этой красивой формѣ, когда подъ нею скрывается пустота. Нарядите манекенъ какъ хотите, — а онъ все таки живымъ человѣкомъ отъ этого не станетъ. Первое условіе художественнаго творчества есть вѣрность дѣйствительности; разъ это условіе не удовлетворено, произведеніе не можетъ жить, ибо нѣтъ въ немъ души, нѣтъ жизни, нѣтъ правды. Другое дѣло, когда красивая художественная форма соединяется съ жизненною правдивостью: тогда произведеніе имѣетъ двойную прелесть—какъ вѣрная картина дѣйствительности и какъ эстетическая вещь. Такое сочетаніе видимъ мы въ извѣстной степени въ разсказахъ лучшаго изъ «бытописателей гетто», Карла Эмиля Францога. Стремленіе къ поэтизированію жизни и страстный лиризмъ свойственны этому таланту не менѣе, если не болѣе даже, чѣмъ Захеръ-Мазоху; а между тѣмъ эти качества не только не вредятъ произведеніямъ Францога, но даже возвышаютъ и украшаютъ ихъ. Это—потому, что у Францога лирическое настроеніе вызывается не выдумками и фантазіями, какъ у Захеръ-Мазоха, а подлинными трагическими явленіями дѣйствительности. Женщины Францога, какъ напр. Эсэвръ Фрейденталь (въ повѣсти «Шейлокъ изъ Барнова»), Лея (въ «Безъ Надписи»), Миріамъ (въ «Дети Искупленія»), также въ высшей степени поэтичныя созданія, но вѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего онѣ — созданія реальныя, живыя, судьба которыхъ поэтому потрясаетъ насъ до

глубины душа ¹: женскіе же образы Захеръ-Мазоха, всё эти Аяри, Эгли, Аяри, суть не болѣе какъ призраки, блѣдые фантомы, прекрасныя феи, годящіяся въ героини волшебныхъ сказокъ, а не серьезныхъ бытовыхъ очерковъ. Ту же разницу вы замѣтите, если сопоставите мужскіе типы у обоихъ названныхъ писателей: Французъ отлично знакомъ съ исторіей умственнаго развитія галлійскихъ евреевъ и умѣетъ ясно устанавливать связь между представителями стараго, переходнаго и новаго поколѣній, между тѣмъ какъ Захеръ-Мазохъ не отличаетъ новыхъ наслоеній жизни отъ старыхъ и валитъ все въ одну кучу.

Значить, популярность Захеръ-Мазоха въ качествѣ еврейскаго «бытописателя» есть не болѣе какъ простое недоразумѣніе?—спросить насъ читатель. Да! отвѣтимъ мы прямо. Но на чемъ же основана эта популярность?—спросить насъ опять. Эта незаслуженная популярность основана на двухъ вещахъ: на незнакомствѣ съ еврейскимъ бытомъ той части европейской публики, которая читаетъ Захеръ-Мазоха, и на той красивой, поэтической внѣшности, которая дѣлаетъ чтеніе рассказовъ (точнѣе: идиллій) этого писателя въ высшей степени пріятнымъ. Людямъ, незнакомымъ съ еврейскою жизнью, должно быть въ высшей степени пріятно читать «описанія» этой жизни въ произведеніяхъ, напоминающихъ волшебную Шехеразаду. Такія описанія, въ которыхъ тѣмъ больше дѣльности и яркости, тѣмъ меньше правды, поражаютъ воображеніе и болѣе всего способны вдохновлять поэтовъ или художниковъ. Вотъ и въ Парижѣ появилось наднякъ роскошное изданіе еврейскихъ рассказовъ Захеръ-Мазоха во французскомъ переводѣ, иллюстрированное рисунками лучшихъ французскихъ художниковъ. Изданіе это лежитъ передъ нами—большой томъ in quarto, заключающій въ себѣ около 25 мелкихъ рассказовъ Захеръ-Мазоха изъ еврейскаго быта (преимущественно новыхъ) и массу рисунковъ и гравюръ внутри и внѣ текста ². Рисунки прекрасны, текстъ же рисунковъ отличается тѣми же свойствами, какія мы отмѣтили въ разобранныхъ нами болѣе крупныхъ произведеніяхъ Захеръ-Мазоха ³.

¹ Ср. «Трагизмъ еврейской жизни въ рассказахъ К. Э. Францова», «Восхода», 1886, кн. 2.

² *Sacher-Masoch. Contes juifs. Recits de famille. Vingt-huit héliogravures hors texte et cent desins dans le texte par Gerardin, Alphonse Lévy, Emile Lévy etc. Paris, Quantin, 1886.*

³ Къ этимъ новымъ рассказамъ мы еще, можетъ быть, вернемся въ другой статьѣ.

Парижская публика, пожалуй, раскунить это издвнiе и не безъ удовольствiя узнаеть, что въ шумной Европѣ имѣется одинъ счастливый и тихій уголокъ, напоминающій благословенную Аркадiю, а именно—еврейская Галицiя. Она, конечно, скажетъ спасибо автору, доставившему ей такое удовольствiе, и вилететь свой лавръ въ его вѣнокъ. Такъ-то составляются репутацiи... Насъ же съ вами, читатель, знающихъ еврейскую жизнь доподлинно, живущихъ этою жизнью вполне или отчасти, вся эта красивая мишура, плѣняющая европейцевъ, не можетъ ввести въ заблужденiе. И какъ ни благодарны мы Захеръ-Мазоху за его естественное, гуманное отношенiе къ еврейству, но долгъ истины обязываетъ насъ сказать, что его рассказы не только не даютъ никакого точнаго понятiя о еврейской жизни, но даютъ совершенно превратное о ней понятiе, способное ввести въ заблужденiе всякаго, кто лично не знакомъ съ еврейскимъ бытомъ и съ оригинальными особенностями этого быта.

Критикусъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

А. П. Субботинъ. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости». Отрывки изъ экономическихъ изслѣдованій въ западной и юго-западной Россіи за лѣто 1887 года. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. Минскъ, Вильна, Ковна и ихъ районы.

Передовныя статьи «Хроникъ» неоднократно обращали вниманіе на интересныя путевыя очерки А. С. изъ черты еврейской осѣдлости. Теперь авторъ ихъ, редакторъ «Экономическаго Журнала» А. П. Субботинъ, выпустилъ часть этихъ очерковъ отдѣльнымъ изданіемъ. Первый выпускъ этого изданія, лежащій теперь передъ нами, есть оттискъ статей, помѣщенныхъ въ 8—12 номерахъ «Экон. Журн.» за 1887 г. Намъ не зачѣмъ возвращаться къ тому интересу, который представляютъ эти очерки, онъ резюмируется словами самого автора: «изложеніе наше, пишетъ онъ, будетъ по возможности объективное: постараемся воздержаться отъ какихъ-либо общихъ соображеній и жалкихъ словъ, чѣмъ любить заниматься наши многочисленныя анти-семитическія и немногочисленныя юдофильскія органы; постараемся позабыть, что евреи представляютъ такую исключительную группу въ средѣ остальныхъ обывателей Россійской имперіи, надъ которой надо дѣлать какіе то эксперименты—по поводу которой надо разрубать какой-то гордіевъ узелъ въ видѣ пресловутаго еврейскаго вопроса. Оглянемся бѣгло на то, что въ дѣйствительности представляетъ собою, для безпристрастнаго сторонняго наблюдателя, эта несчастная еврейская осѣдлость». Такая полная безпристрастность у изслѣдователя, знакомаго вполнѣ съ литературой вопроса (что очевидно изъ многочисленныхъ примѣчаній) и добросовѣстно изучившаго на мѣстѣ дѣйствительную жизнь, ручается за интересъ и поучительность изслѣдованія. Система путевыхъ очерковъ, принятая А. П. Субботиннымъ, имѣетъ однако и серьезныя недостатки: цифры,

изобильно имъ приводимыя, остаются разрозненными среди частныхъ и деталей, отъ чего, конечно, страдаетъ научное значеніе очерковъ, ихъ, такъ сказать, ослепительная доказательность. Мы поэтому подождемъ послѣдующихъ выпусковъ и только затѣмъ сгруппируемъ весь тотъ статистическій матеріалъ, который разбѣивъ авторомъ среди отдѣльныхъ картинъ и описаній. Пока пожелаемъ возможно болѣе широкаго ознакомленія общества съ очерками г. Субботина.

А. К.

II.

Слѣдующее слово: Собраніе надгробныхъ надписей на еврейскихъ кладбищахъ г. Одессы. Издано старшинами Одесскаго еврейскаго погребальнаго братства. Варшава, 1888 (96 стр. in 12^o).

Одесса—городъ сравнительно еще очень молодой и еврейская община въ немъ не насчитываетъ еще даже ста лѣтъ. Стало быть, надгробные памятники одесскаго еврейскаго кладбища не могутъ имѣть того общаго историческаго интереса, какой обыкновенно имѣютъ памятники общинъ болѣе древнихъ, въ родѣ Вильны, Вреста, Острога или Гродны. Тѣмъ не менѣе нельзя отказать въ нѣкоторомъ, если не въ общемъ, то въ мѣстномъ, значеніи и памятникамъ, собраннымъ въ книжкѣ одесскаго погребальнаго братства. Первый памятникъ еврейскаго кладбища г. Одессы относится въ 1793 году, когда тамъ, повидимому, вскорѣ по основаніи города, впервые утвердилась небольшая еврейская община. Второй и третій памятники поставлены уже значительно позже, въ 1806 г.; Подписи на нихъ гласятъ, что подъ ними похоронены трое мучениковъ, убитыхъ въ одинъ день, мужчина и двѣ женщины. Эту загадочную надпись издатели сборника не сочли нужнымъ снабдить никакимъ пояснительнымъ примѣчаніемъ, забывая, что въ такихъ то именно поясненіяхъ—вся сила подобныхъ документовъ. Тоже можно сказать и относительно памятника подъ № 40, вѣщающаго въ красивыхъ стихахъ о мученической смерти отъ руки грековъ нѣкоего Симона Скрилевецкаго изъ Бердичева, убитаго въ 6-й день еврейской пасхи 1859 года. Изъ другихъ строкъ памятника видно, что въ этотъ день былъ большой погромъ евреевъ въ Одессѣ; объ этомъ погромѣ, кажется, почти ничего неизвѣстно, а между тѣмъ и тутъ издатели сборника, несомнѣнно знающіе эту исторію, не обмолвились о ней ни словомъ и задали такимъ образомъ читателямъ неразрѣшимую загадку. Нехорошо это, небрежно и ненаучно, а главное, обнаруженіе документовъ при такой небрежности не достигаетъ своей главной цѣли.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ помѣщены всего 110 надгробныхъ памятниковъ лицъ, болѣе или менѣе выдающихся въ исторіи одесской еврейской общины. Тутъ есть памятники крупныхъ раввиновъ, прославляемыхъ надиковъ и рядомъ—славныхъ борцовъ новаго просвѣщенія, въ родѣ директора перваго еврейскаго училища въ Россіи В. Штерна, учителя Финкеля, историка и ученаго С. Пинскера и т. п. Памятники взяты изъ обонихъ кладбищъ Одессы, стараго и новаго, и обнимаютъ періодъ отъ 1798 до 1886 г. Въ концѣ книжки помѣщена ода извѣстнаго поэта Эйхенбаума по поводу прекращенія чумы, свирѣпствовавшей въ Одессѣ въ началѣ 1838 года.

Гг. старшины одесскаго погребальнаго братства надѣются, какъ сказано въ предисловіи, издать еще одинъ сборникъ еврейскихъ надгробныхъ памятниковъ, не вошедшихъ въ разсмотрѣнную нами книжку. Желательно, чтобы при изданіи этой второй коллекціи издатели руководились указаніями, сдѣланными нами выше.

С. М.

III.

ДВА СЛОВА ОБЪ ОДНОЙ «НАРОДНОЙ» КНИЖКЪ.

(Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ отца Иоанна Наумовича. Переводъ съ галицко-русскаго нарѣчія. 3-е изданіе П. К. Прияшниковъ. Москва, 1889 г.)

Книжка, заглавіе которой здѣсь выписано, принадлежитъ перу извѣстнаго галицкаго дѣятеля—о. Наумовича. Составлена она въ видѣ бесѣды дѣда съ внукомъ; дѣдъ читаетъ поучительныя наставленія внуку и въ этихъ наставленіяхъ излагаетъ свои взгляды и религіозно-нравственныя, и экономическія и др. До всѣхъ этихъ взглядовъ и поученій «Восходу» нѣтъ никакого дѣла, какъ нѣтъ дѣла и до другихъ подобнаго же рода проповѣдей, въ изобиліи издаваемыхъ въ настоящее время для народа. Если мы и рѣшились познакомить читателей «Восхода» съ книжкой Наумовича, такъ потому лишь, что встрѣтили въ ней весьма знаменательныя взгляды національныя. Книжка эта, написанная первоначально на южно-галицкомъ нарѣчій, предназначалась авторомъ для народа; для народа же только не галицкаго, а русскаго предназначенъ и переводъ ея, изданный г. Прияшниковымъ. Намъ извѣстно, что распространеніе этой книжки признано кѣмъ слѣдуетъ желательнымъ, и она разослана по многимъ школамъ Петербургской губерніи и, разумѣется, и въ другихъ губерніяхъ и, при извѣстной скудости школьныхъ библиотекъ, несомнѣнно будетъ читаться. Казалось бы, что г. издатель, не принадлежащій къ любочникамъ Никольскаго

рынка, могъ бы серьезнѣе отнестись къ содержанию книжки и, прежде чѣмъ пускать ее въ народъ, долженъ былъ посмотрѣть внимательнѣе, какому богу она служить, стоитъ ли ее переводить цѣликомъ, принимая во вниманіе неодинаковыя условія жизни русскаго и галицкаго народа. Народъ относится къ книжкѣ весьма довѣрчиво; лубочники-торговцы, служащіе пятаку, могутъ безъ зазрѣнія совѣсти валить въ народъ все, что влѣзетъ; никто отъ нихъ и требовать большаго не будетъ, а прямо станутъ бороться съ ними; исторія народной литературы послѣдняго времени какъ разъ и показываетъ факты этой борьбы. Но совсѣмъ другое дѣло издатель интеллигентный: къ нему необходимо предъявлять совершенно нынѣшнія требованія; болѣе строгія въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ, книжка, изданная г. Прянишниковымъ, весьма замѣчательна въ томъ отношеніи, что она относится къ еврею совершенно во вкусъ «Новаго времени». Еврей представляется исчадіемъ ада, плутомъ, воромъ, убійцей, всѣмъ, чѣмъ хотите. Напр., кабатчикъ-еврей Мендель продаетъ дѣду Онуфрию (отъ лица котораго ведется рассказъ) три лотерейныхъ билета и даетъ въ нихъ росписку (читатель въ недоумѣніи: какую росписку? Зачѣмъ она? Какія тамъ особенности въ Галиціи?). Всѣ три билета выигрываютъ (оттого поясняетъ рассказчикъ, что въ этомъ дѣлѣ помогаетъ Богъ). Какъ узналъ это еврей Мендель, «поблѣднѣлъ и весь затрясся» (стр. 22) и вмѣстѣ съ прогнаннымъ со службы полицейскимъ Бартушкевичемъ задумываетъ украсть росписку у дѣда Онуфрія. Инициатива сего добраго дѣла, разумѣется, исходитъ отъ Менделя, а не отъ полицейскаго. Мендель предлагаетъ поднести Онуфрию медку «покрѣпче, съ бѣлымъ порошкомъ». Бартушкевичъ колеблется, его душа свѣтлѣе еврейской, еврей—ни сколько. Онъ знаетъ, что «доктора скажутъ, ежели съ ними сначала побесѣдовать хорошенько... скажутъ,—ударъ, померъ скоропостижно». «Судья нашъ Подгурскій тоже не станетъ мѣшать, когда получить, что будетъ слѣдовать «на его часть» (24 стр.). Словомъ исчадіе ада знаетъ всѣ ходы и ни предъ чѣмъ не остановится. Онъ торгуется съ Бартушкевичемъ и ударляетъ по рукамъ; затѣмъ идетъ къ Онуфрию. А того, между тѣмъ, высшія силы уже предупреждали во свѣ, чтобы онъ кой чего худаго ждалъ. Только дѣдъ непонялъ предостереженія. Мендель проситъ у Онуфрія денегъ въ долгъ 200 р. подъ росписку. Дѣдъ даетъ... подъ проценты; еврей приглашаетъ его къ себѣ выпить могоарычи и преподноситъ ему стаканъ медку съ нышыакомъ. Дѣдъ уже понесъ ядъ ко рту, да не донесъ. Раздались страшные крики на улицѣ: «мужиченко какой то стащилъ у

еврея иъшокъ съ голѣги и бросился сбѣжать по улицѣ. Поднялась кутерьма. Евреи его догнали, схватили, бьютъ, таскаютъ за волосы, топчутъ ногами, мужикъ реветъ благими матомъ... Сбѣжался цѣлый кагалъ евреевъ со всего посада, всякій кричить: «а бій! а бій!» и колотить несчастнаго тѣмъ подало» (стр. 27). Сердце читателя изъ народа необходимо должно возмущаться на весь кагалъ, на всѣхъ евреевъ въ мірѣ. А Менделевъ сынъ въ это время «смекулъ, что въ шинкѣ никого нѣтъ, — хватъ изъ одного стакана, хватъ изъ другаго, да изъ отравленнаго то больше всѣхъ. Чтобы не замѣтили его плутовство, онъ взялъ и перепилъ стаканъ Бартушкевича съ Онуфріевымъ. Результатъ сего: смерть Бартушкевича, смерть Менделева сына (27). У читателя изъ народа поднимается злорадное чувство: «а, голубчикъ, самъ попался! Сына потерялъ!». Умирая, Бартушкевичъ говоритъ дѣду: «ты выигралъ три номера; жидъ меся въра, хотѣлъ тебя, отравить, а отравилъ меня». Затѣмъ происходитъ слѣдующая сцена, снова наполняющая душу читателя негодованіемъ: «Мендель стремглавъ бросается на улицу, запираетъ свое заведеніе на замокъ и поднимаетъ ужаснѣйшую тревогу. На крикъ сбѣжались евреи... всѣ разомъ устремляются въ избу, чтобы *убить дѣда какъ вѣтовника будто смерти двухъ человекъ*. Изорвали на немъ всю одежду, избили, испаривали, изувѣчили, точно аманову куклу въ жидовскій свой праздникъ Пуримъ, вытащили на улицу и связали по рукамъ веревками... Дѣдъ очнулся въ арестантской, безъ одежи, безъ шапки, безъ кошелька. Долго сидитъ дѣдъ въ тюрьмѣ. А «жиды такую брехню про него распустили, что послушать ихъ—волось дыбомъ становится» (стр. 33). Въ тюрьму входитъ докторъ и полицейскій чиновникъ-полякъ. «Ну, какъ поживаете, панъ Грушкевичъ (фамилія Онуфрія)? спрашиваетъ докторъ.—Плохо поживаю, избили меня, а вотъ теперь голодомъ морять.—Немножко попоститься не иъшаетъ; *тому жъ вы «настоящій твердый русскій»*, къ постами привычны, говоритъ докторъ съ «усмѣшкой».—У читателя поднимается негодованіе все сильнѣе и сильнѣе на протяженіи почти цѣлаго печатнаго листа. «Путка Тимошей, говоритъ полякъ-чиновникъ, надѣнь-ко ты на него рукавички и носочки! На Онуфрія одѣваюсь кандалы... Вотъ вы въ рукавичкахъ какъ *настоящій баринъ*» (стр. 34). У читателя негодованіе растетъ и на евреевъ, и на поляковъ. Затѣмъ поляки требуютъ съ Онуфрія взятку и, получивъ отказъ, приговариваютъ дать Онуфрію 20 палокъ. А евреи подсылаютъ къ его женѣ, съ такимъ предложеніемъ: «сына все равно не подынешь... Дайте 500 руб. на докторовъ и полицейскихъ, такъ

мы все передѣлаешь по своему, тебя не погубишь» (35). Мы не станемъ описывать всего что происходитъ съ Онуфріемъ въ тюрьмѣ. Картина получается возмутительная и тенденціозная. Онуфрія величаютъ «твердый руссакъ, песья кровь» (37). Онуфрій опасается, какъ бы не набѣсться «арестантской каши съ мышькомъ». Великое ли дѣло для пана полицейскаго чиновника отравить меня и закопать!» (стр. 37). Его бьютъ по лицу (стр. 39) и было бы еще хуже, если бы не выручилъ его окружной полицейскій начальникъ. Мендель въ концѣ концовъ умеръ въ тюрьмѣ, подъ слѣдствіемъ (стр. 42). Подобная исторія, въ высшей степени тенденціозная, рассказывается болѣе чѣмъ на 20 страницахъ! Полякъ и еврей выставлены въ такомъ свѣтѣ, что не только русская душа возмутится противъ нихъ,—нѣтъ, возмутится всякая душа, крогѣ польской и еврейской. Но полякъ и еврей «всѣ они таковы». Въ томъ то и суть, что выставленные образцы поляка и еврея представляются народу какъ типы; мы ничего не имѣли бы противъ того, чтобы въ рассказѣ или повѣсти выставять и печальныхъ представителей того или иного народа, — дурные образцы вездѣ есть. Но встрѣчать въ книжкѣ, изданной для народа, такого рода вещи, какъ мы выше описали, весьма печально. Вотъ они евреи, смотрите! Вотъ они, поляки, смотрите! «*Всѣ они таковы!*» говоритъ книжка. Да неужели же гг. авторы и издатели не понимаютъ, что значить играть на дурныхъ чувствахъ народа? Неужели они не понимаютъ, что назначеніе книжки для народа—бороться съ этими чувствами, искоренять ихъ, назначеніе ея—не возбуждать національную вражду, а погашать ее, научать отыскивать и цѣнить хорошее гдѣ бы оно ни было, въ какомъ угодно народѣ, и порицать и бороться съ дурнымъ, въ какомъ угодно народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода книжки не пройдутъ безслѣдно безъ вліянія на югъ Россіи, не причиняющъ, о которыхъ въ «Восходѣ» писалось неоднократно. Свою долю къ расшатанію общаго благополучія они прибавятъ, являясь въ народныя школы изъ рукъ начальства, вмѣсто голубицъ, несущихъ во рту пальмовыя вѣтви мира и любви.

На стр. 114 читаемъ: «Императоръ Іосифъ объѣхалъ всю Галичину ужаснулся, увидѣвъ бѣдность тамошняго народа, какой не было нигдѣ въ другомъ мѣстѣ во всей его имперіи. Сталъ онъ спрашивать своихъ министровъ да чиновниковъ, что за причина такой ужасной бѣдности, и тутъ одинъ изъ нихъ, *самый странный слуга его* (sic), сказалъ такія слова: В. В-во, Галичина будетъ богатѣйшая страна во всемъ вашемъ царствѣ,— надо только дать народу грамотность и книжку. Но грамотности у него никакъ не можетъ быть, *покуда по корчмамъ сидятъ евреи*, что пор-

тять, дурачать народъ, спавняютъ его и отвращаютъ отъ грамотности. Видь еврей живетъ безграмотностью да тешитюю народа! Коли хотите (sic), В. В., поднять народъ отъ гибели, повелите сначала завести семинарію для подготовки хорошихъ священниковъ, а потомъ выдайте указъ, чтобы ни одинъ еврей не смѣлъ торговать водкой въ сельской корчмѣ». (114 стр.). И такъ, корень зла цѣлой страны — евреи. Слѣдующія странички поясняютъ, какими образомъ евреи всему дѣлу голова, и какими способомъ они поднадули австрійскаго кесаря. Опять еврейство выставляеть чѣмъ то вродѣ язвы. Затѣмъ идутъ цѣлыхъ 20 страницъ, на которыхъ описывается борьба добродѣтельнаго священства съ ненавистнымъ еврействомъ, заключившимъ союзъ съ панами. (Стр. 119 — 139). Когда проповѣдь священника противъ водки начинаетъ оказывать дѣйствіе, къ номѣщику-пану прибѣгаетъ еврей-арендаторъ корчины: Вельможный панъ, кричитъ онъ, вы не знаете, что тутъ дѣлается. Дѣлается то, чего никогда не бывало! Ай вай! Это грабежъ, это разбой, это ужасъ, что такое. Я аренду плачу, а музыкантамъ плачу, а весь народъ въ церкви!.. Если такъ пойдетъ дальше: мы оба останемся въ дуракахъ! Затѣмъ учить мужика? (127). Подобныя рѣчи въ народной книжкѣ смахиваютъ на подускиванье. На стр. 132 иноснуация автора идетъ еще далѣе. Онъ влагаетъ въ уста еврея-корчмаря слѣдующія недѣльные слова: «а мужикъ, ну что такое мужикъ? *Мужикъ все равно, что скотъ!* Вы его не вычите, потому что его самъ Богъ сотворилъ, чтобы онъ работалъ на пана и на вась... Оборони насъ Богъ отъ богатаго народа. Мужикъ потуда только и хорошъ, откуда онъ бѣденъ». (132 стр.). На стр. 132—139 выставлены новыя прорѣзки Янкеля. Мы не ставемъ выписывать ихъ. Того, что сказано здѣсь, вполне достаточно, чтобы видѣть, съ какого рода книжкой мы имѣемъ дѣло. Вся грязь, которую можно собрать тамъ и самъ ходя по свѣту, дѣйствительно здѣсь собрана, олицетворена въ видѣ Менделя и Янкеля и преподнесена русскому мужику въ обществ. видѣ, съ замѣчаніемъ «всѣ они таковы». Насколько это добросовѣстно — пусть судить читатель. Мы же съ своей стороны не можемъ не отмѣтить появленія подобной книжки, предназначенной для народа, какъ одно изъ печальныхъ явленій народной литературы, какъ на признакъ того, до чего еще далеки радѣтели народнаго просвѣщенія отъ повинанія своей задачи.

Намъ же г. Наумовичъ весьма напоминаетъ того средневѣковаго аббата, который шепталъ молитву любви, говорилъ проповѣди милосердія и тутъ же призывалъ громы и молніи на главы «нечестивыхъ» людей.

Н. Рубакинъ.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

III.

Правильно, или неправильно, на основаніи закона, или вопреки закону, но въ чертѣ осѣдлости евреевъ происходитъ въ большихъ размѣрахъ выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень. Однихъ выселяютъ потому, что они вновь поселились въ деревняхъ послѣ 1882 года, другихъ—потому, что представителямъ администраціи кажется, что евреямъ вообще пребываніе въ деревняхъ не дозволено въ настоящее время. Если прибавить къ этому, что въ той же чертѣ осѣдлости имѣется еще одна заветная черта, въ предѣлахъ которой евреи не имѣютъ права пребывать,—а именно пограничная 50-ти верстная полоса въ западныхъ губерніяхъ и Бессарабіи; если вспомнить далѣе, что изъ одного Белецкаго уѣзда Бессарабской губерніи, именно на этомъ основаніи выселено было въ 1887 году около 5,000 человекъ, что и въ прошломъ году выселеніе изъ 50-ти верстной черты производилось довольно усердно, то нельзя не придти къ заключенію, что свобода передвиженія евреевъ въ самой чертѣ ихъ осѣдлости, для добыванія средствъ существованія, сводится къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ. Не трудно, далѣе, себѣ представить, каково должно быть матеріальное положеніе того населенія, которому отведено мѣстопребыванія лишь въ мѣстечкахъ и городахъ черты осѣдлости, минусъ тѣхъ мѣстечекъ и городовъ, которые находятся въ 50-ти верстной пограничной полосѣ.

И выселеніе изъ селъ и деревень, и высылка изъ 50-ти верстной черты не представляютъ собою новыхъ небывалыхъ явленій. Alles schon dagewesen, могъ бы сказать пренудрый Акиба и притомъ недавно, въ непосредственно ближайшіе годы. Но уже не говоря о томъ, что эта «старая исторія» отнюдь не потеряла своего «животрепещущаго» интереса

для тѣхъ, которымъ приходилось переживать ее, слѣдуетъ отмѣтить, что прошлый годъ кое-что придавалъ къ этой «суровой исторіи».

Въ одно прекрасное утро, участковый стражникъ посада Граево Щучинскаго уѣзда, получилъ отъ начальника этого уѣзда предписаніе—обязать подпискою мѣстныхъ жителей евреевъ удалиться изъ Граева въ теченіи 10 дней. «По истеченіи же этого срока, если кто изъ нихъ останется, то арестовать и доставить въ уѣздное управленіе, для отправленія его на родину, по этапу черезъ городъ Ломжу». Такъ гласило предписаніе. Удивляться тому, что Щучинская полиція предписываетъ арестовать и высылать по этапу, не приходится, такъ какъ это дѣлается сплошь и рядомъ, вопреки судебнымъ уставамъ, на зло постановленіямъ, гарантирующимъ неприкосновенность личности и допускающимъ взятіе подъ стражи лишь по постановленіямъ судебныхъ слѣдователей. И изъ 50-ти верстной пограничной черты выселеніе производится посредствомъ ареста и высылки по этапу лицъ, выпроваживаемыхъ изъ этой черты. Но вотъ чему нельзя не удивляться: хотя посадъ Граево есть пограничное поселеніе, но въ Царствѣ Польскомъ, по существующимъ нынѣ законамъ, никакой черты не полагается. Удивленіе наше должно еще болѣе возрасти, если вспомнимъ, что въ предписаніи начальника Щучинскаго уѣзда сдѣлана ссылка на статью и на приложенія къ этой статьѣ. Статья эта будто бы находится въ таможенномъ уставѣ.

Оказывается, что начальникъ Щучинскаго уѣзда «собственною властью» возстановилъ когда то существовавшую 46 статью Устава Таможеннаго съ приложеніемъ къ ней, отмѣненную больше четверти вѣка тому нарядъ, а именно—24 мая 1862 года. Въ отмѣненномъ приложеніи къ отмѣненной 46 статьѣ дѣйствительно воспрещалось извѣстнымъ категоріямъ евреевъ жительство въ 21 верстной чертѣ отъ границы. Такое явленіе, какъ возстановленіе полицейскою властью давно отмѣненныхъ законовъ, нельзя не признать, конечно, выходящимъ изъ ряда вонъ. Если можно найти какое либо объясненіе для этого своеобразнаго явленія, то развѣ въ томъ, что начальникъ Щучинскаго уѣзда, отыскивая ограничительныя мѣры по отношенію къ евреямъ, которыми можно бы воспользоваться, набралъ въ томъ VI св. законовъ *изд. 1857 г.*, на интересную статью, съ еще болѣе интереснымъ приложеніемъ, но не озаботился справиться въ продолженіяхъ къ этому тому, не отмѣнены ли и статья и приложеніе къ ней. Это, конечно, случайность, но когда отъ такой случайности и однообразныхъ съ нею, образчики которыхъ мы представили выше, зависить благополучіе дѣ-

ныхъ десятковъ и, пожалуй, сотенъ тысячъ людей, то эти случайности должны быть признаны непростительными, а положение населенія, сплошь и рядомъ зависящаго отъ этихъ случайностей, — совершенно безвыходнымъ.

Любопытна еще одна подробность, имѣющая отношеніе къ 21 верстной чертѣ. Евреи, приписанные къ мѣстностямъ, входящимъ въ составъ 50-ти верстной черты, имѣютъ право переселяться изъ одной мѣстности въ другую, находящуюся въ той же 50-ти верстной чертѣ. До тѣхъ поръ, пока въ Царствѣ Польскомъ существовала 21 верстная пограничная черта, евреи, приписанные къ поселеніямъ, входящимъ въ составъ этой черты, имѣли право переселяться и въ тѣ мѣстности западныхъ губерній, которыя входятъ въ составъ 50-ти верстной черты. Но вотъ въ 1862 году 21 верстная черта въ царствѣ польскомъ уничтожена. Всѣ польскіе евреи получили право поселенія въ этой чертѣ, но за то при переселеніи въ западныя губерніи, имъ возбраненъ доступъ въ 50-ти верстную черту. На этомъ основаніи изъ городовъ, находящихся въ 50-ти верстной чертѣ въ западныхъ губерніяхъ, выслано много лицъ, которые въ прежнія времена перешли сюда изъ 21 верстной черты.

Ясно, что всѣ пути ведутъ въ Римъ, т. е. каковы бы ни были мѣры, предпринимаемыя мѣстными полицейскими властями для блага евреевъ, онѣ сводятся къ выселенію изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ. Спрашивается, куда же дѣться выселяемымъ, какъ и гдѣ имъ жить?

IV.

Въ прошломъ году вышла изъ печати книжка, которая несомнѣнно была бы событіемъ дня, если бы наше общество—еврейское, или исеверейское, — обладало болѣе чувствительными нервами. Я говорю о книжкѣ А. П. Субботина. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости». Не ищите въ этой книжкѣ сентиментальныхъ фразъ. Она вся состоитъ изъ описаній, иллюстрированныхъ по временамъ цифрами. Тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое ею. Прочтите хоть бы слѣдующее мѣсто. Авторъ въ Вильнѣ. «Спустившись 18 ступенекъ внизъ», пишетъ онъ, «мы увидѣли передъ собою подземелье въ 5 аршинъ длины и 3 ширины, еле освѣщаемое отверстіемъ въ видѣ трубы, продланной изъ мостовой двора; изъ подземелья сбоку выдолблена еще пещера въ 16 квадратныхъ аршинъ (4×4), гдѣ устроены три досчатыхъ ложа, покрытыя невыразимымъ тряпьемъ. Все

это помѣщеніе занимаетъ одна еврейка за 50 руб. въ годъ, а отъ себя пускаетъ пятерыхъ жильцовъ по 10 руб. съ каждаго, въ «свѣтлой» комнатѣ двѣ нищенки съ дѣтми; обѣ находились тутъ же на лицо; у одной барахтался на лавкѣ краснощекий ребенокъ, здоровый видъ котораго совершенно не гармонировалъ съ обстановкою; въ пещерѣ живутъ трое нанятокъ изъ шести душъ» (стр. 92).

Скажутъ, что это относится къ Литвѣ, гдѣ евреи искони бѣдствовали. (Первый выпускъ книги г. Субботина касается исключительно матеріальнаго положенія евреевъ въ Литвѣ). Но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы въ юго-западномъ край положеніе евреевъ въ настоящее время многімъ отличалось отъ положенія евреевъ въ сѣверо-западномъ край. По крайней мѣрѣ, тотъ же А. П. Субботинъ рассказываетъ въ одной изъ своихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Экономическомъ журналѣ», не менѣе ужасныя вещи о Бердичевѣ. «Даже въ бѣднѣйшихъ трущобахъ Вильно и Гродно, говорятъ онъ, мы не видѣли ничего подобнаго; грязныя, невыбѣленные стѣны, корявый полъ съ расквашенными половицами, пустота; стѣны голыя, не видно ни книгъ, ни утвари; вмѣсто мебели—жалкая скамья и столъ; въ большинствѣ жилищъ нѣтъ кровати и во многихъ нѣтъ мебели, а вмѣсто ея свалено на полу какое то тряпье. На всемъ лежитъ печать подавленности и безнадежности». А вотъ и нѣкоторыя цифры, касающіяся Бердичева: «Взрослые ремесленники зарабатываютъ отъ 1—2 р. въ недѣлю, а дѣти и женщины 50 к.—1 р. въ недѣлю, т. е. два, три раза меньше, чѣмъ напримѣръ въ Вильнѣ и Ковнѣ».

И такъ, куда же дѣтись высвѣленнымъ изъ селъ и деревень, изъ 50-ти верстной полосы, изъ вновь сочиненной 21 верстной пограничной черты? Ихъ препровождаютъ по этану все въ тѣ же мѣстечки и города, гдѣ и среди аборигеновъ происходитъ ожесточенная борьба изъ-за куска хлѣба, изъ-за лохматень.

Жизнь давно уже успѣла отвѣтить на этотъ вопросъ. За принудительными выселеніями идутъ добровольныя переселенія: въ Америку, Палестину, куда глаза глядятъ. Эти переселенія идутъ постоянно, непрерывно, изъ массы городовъ черты осѣдлости и самыхъ различныхъ мѣстностей. Идутъ они изъ Чернигова, изъ Кременца, изъ Сѣдлецкаго уѣзда, изъ Гайсинскаго уѣзда, изъ Бѣлцкаго уѣзда, изъ Одессы, изъ Ольковикъ, изъ Брестъ-Литовска, словомъ отовсюду. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, предо мною лежитъ статистика русскихъ евреевъ, высадившихся въ нью-іоркской гавани въ прошлomorphic году. Ихъ оказывается

33,000. По увѣреніямъ газеты, напечатанной это свидѣніе, оказывается, что число переселившихся въ Америку въ прошлой году возросло вдвое, сравнительно съ годами, непосредственно слѣдовавшими за погромами и въ пятнадцать разъ сравнительно съ годами, предшествовавшими погромамъ, когда число переселившихся въ Америку евреевъ едва достигало микроскопической цифры въ 2—3 тысячи. А какъ велика эмиграція въ Палестину? На этотъ вопросъ мы, конечно, отвѣта не получимъ, но если мы примемъ общую цифру переселенцевъ въ 50,000 душъ, то ее нельзя будетъ назвать преувеличенной. Краснорѣчивѣе всякихъ фразъ эта цифра свидѣтельствуетъ о житьѣ-бытьѣ русскихъ евреевъ на ихъ родинѣ, въ чертѣ ихъ осѣлости.

Впрочемъ, людской недобросовѣстности нѣтъ предѣла. Казалось бы, что такой фактъ, какъ усиленная эмиграція евреевъ въ Америку, не можетъ найти себѣ объясненія ни въ чемъ иномъ, какъ только въ полнѣйшей безвыходности матеріальнаго положенія тѣхъ, которые рѣшаются уйти за тридевять земель; разубѣдится въ надеждѣ на то, что на новомъ мѣстѣ имъ все таки удастся устроиться хоть какъ нибудь. Эти надежды часто оказываются тщетными, въ особенности въ послѣднее время, когда и въ Америкѣ трудовой рынокъ оказывается переполненнымъ. Случается, поэтому, что еврей-переселенцы, добравшись до Америки, вынуждены, для того, чтобы избѣгнуть голодной смерти, вернуться на родину: среди своихъ можно жить и подаяніемъ. И вотъ, по поводу такого факта обратнаго переселенія, кое-кто умудрился сочинить слѣдующій комментарий: еврей-де, (слѣдуютъ ихъ имена) движимые стремленіемъ къ наживѣ и желаніемъ воскорѣе разбогатѣть, переселиться въ Америку, но ошиблись въ расчетѣ и должны были вернуться. Тутъ только маленькая подтасовка: вмѣсто словъ: «движимые чувствомъ самосохраненія», подставлены слова «движимые стремленіемъ къ наживѣ», но отъ такой постановки одного мотива вмѣсто другаго, исторія получаетъ совершенно иной смыслъ. Евреевъ гонять въ Америку не голодъ, не нужда, не безнадежность ихъ положенія, а стремленіе разбогатѣть. Конечно, приведенный комментарий пущенъ въ ходъ лишь по отношенію къ 30-ти переселенцамъ. Но что же нѣшаетъ признать его и къ тремъ тысячамъ и къ тридцати тремъ тысячамъ. Повторяю, людской недобросовѣстности нѣтъ предѣла, и нѣтъ основанія думать, чтобы такой, казался бы, вполне обезоруживающій аргументъ, какъ усиленное переселеніе евреевъ, наглядно свидѣтельствующій о бѣдственномъ положеніи ихъ, не былъ бы обращенъ, въ случаѣ надобности, въ пунктъ обвиненія

противъ евреевъ, въ особенности противъ тѣхъ, которые, послѣ неудачныхъ попытокъ утвердиться на новомъ мѣстѣ, возвращаются на свою родину, въ ту же черту осѣдлости.

V.

Скученность еврейскаго населенія въ чертѣ осѣдлости, не есть, конечно, новость. Она никогда не доходила до такихъ ужасающихъ размѣровъ какъ въ настоящее время, но она тѣмъ не менѣе сознавалась даже въ то время, когда о правлахъ 3 мая 1882 года не было еще и помину и когда постановленія о 50-ти-верстной чертѣ не примѣнялись еще съ такою изумительною щепетильностью, несвойственною русской администраціи. Въ виду скученности еврейскаго населенія въ западномъ краѣ принимались и мѣры къ разрѣженію этого населенія, и никто до послѣдняго времени не сомнѣвался въ необходимости такихъ мѣръ. Если въ прежніе годы и шелъ споръ о чемъ либо по данному вопросу, то лишь о томъ, слѣдуетъ-ли сразу уничтожить черту осѣдлости или съ извѣстной постепенностью, т. е. дозволить переходъ за черту различнымъ категориямъ лицъ, число которыхъ можетъ все болѣе и болѣе увеличиваться и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, обнять, если не все еврейское населеніе, то значительную часть его. Разъ переходъ за черту осѣдлости былъ поставленъ въ зависимости отъ степени образованія, приобретенной евреями, отъ того, занимаютъ-ли они тѣмъ или другимъ ремесленнымъ трудомъ или промысломъ, то въ сущности никакого ограниченія численности евреевъ внѣ черты осѣдлости не было дано и, слѣдовательно, не ставилось рѣзкихъ препятствій къ разрѣженію населенія внутри черты. Такъ оно было, но не такъ оно дѣлается въ настоящее время, не смотря на то, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо, ощущается потребность въ уменьшеніи еврейскаго населенія въ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края. Незачѣмъ распространяться здѣсь о тѣхъ ежедневныхъ придаркахъ ко многимъ изъ тѣхъ, которые перешли за черту подъ предлогомъ, что они только фактивно, но не на самомъ дѣлѣ приобрѣли право на это. Эти вѣчныя ревизіи, вислиція надъ головою ремесленниковъ изъ евреевъ, предпринимаемыя съ тою цѣлью, чтобы доказать, что именующіе себя ремесленниками—на самомъ дѣлѣ не ремесленники; эти строгіе розыски, дѣйствительно-ли состоящій приказникомъ при купцѣ первой гильдіи является таковымъ на самомъ дѣлѣ или только номинально носить этотъ титулъ, эти усмивающіяся стремленія

ограничить число приващивовъ, содержаніе которыхъ можетъ быть представлено первой гильдіи купцамъ, — все это и многое другое свидѣтельствуеъ о томъ, что въ настоящее время почему-то пробудилось съ особою силою и страстью желаніе соблюдать законъ во что бы то ни стало. Если не на самомъ дѣлѣ, то вѣншимъ образомъ всѣ эти мѣры могутъ быть поставлены на счетъ усердія и ревности въ исполненіи закона. Но этого нельзя сказать, конечно, о такого рода мѣрахъ, какъ ограниченіе числа, могущихъ получить образованіе. Ограниченіе доступа еврейскихъ мальчиковъ въ гимназін и юношей въ университеты, независимо отъ всего прочаго, прямо ведетъ къ уменьшенію числа лицъ, имѣющихъ право перейти за черту. Очевидно, что въ настоящее время мысль о необходимости разрѣженія еврейскаго населенія въ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края, если не брошена сознательно, то совершенно улетучилась изъ умовъ лицъ, власть имущихъ.

Времена и нравы мѣняются, и ны мѣняея вмѣстѣ съ ними. Это давно извѣстно. Но что же измѣнилось въ данномъ случаѣ? Въ объективномъ отношеніи, въ фактическомъ положеніи дѣла — ничего. Скученность еврейскаго населенія въ западномъ краѣ, какъ уже сказано, не только не уменьшилась, но увеличилась, благодаря правиламъ 3 мая. Благодаря тѣмъ же правиламъ, средства существованія еврейскаго населенія въ чертѣ осѣлости значительно сѣзались, сведены почти на «нѣтъ». А между тѣмъ, всѣ предпринимаемыя мѣры ведутъ именно къ переполненію ими городовъ и мѣстечекъ западнаго края. Въ Дорогобужѣ, смоленской губерніи, переселилось около 30 еврейскихъ семействъ. Говорятъ, — это наплывъ евреевъ, надо принять мѣры. Изъ деревень въ города западнаго края переселяются не десятки, а сотни евреевъ, не по доброй волѣ, конечно, а по принужденію. Наплыва нѣтъ и никто о немъ не говоритъ. Впрочемъ, нѣтъ, говорятъ, но не о вынужденномъ наплывѣ, конечно, а о томъ, что евреи «захватываютъ» въ городахъ западнаго края всѣ отрасли промышленности, труда, дѣлаютъ все, занимаютъ всѣмъ. Но что же имъ дѣлать, умирать съ голоду? И это бываетъ и весьма нерѣдко, при чемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится количество мрущихъ съ голоду.

Признаться, я нѣсколько уклонился отъ первоначальнаго плана. Я предполагалъ обзрѣвать отдѣльные факты, а вмѣсто того даю здѣсь общій итогъ. Факты, несомнѣнно, гораздо болѣе поучительны, чѣмъ общія рассужденія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите, напримеръ, хотя бы такой фактъ. Въ кievскомъ театрѣ дебютируетъ артистка. Публика въ антрактѣ судитъ и

радуть объ ея игрѣ. Въ этихъ разговорахъ принимаетъ участіе и полицейскій чиновникъ, и рѣшительно заявляетъ, что ее можно «оставить», такъ какъ она весьма недурно играетъ. Можно было бы подумать, что этотъ отзывъ объ игрѣ артистки не лучше и не хуже всякаго другаго отзыва: все таки отъ антрепренера будетъ зависть, оставить артистку или нѣтъ. Оказывается, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Артистка приглашена антрепренеромъ, но не отъ него зависитъ «оставить» ее, каковъ бы не былъ приѣздъ, оказанный ей публикой. Она еврейка, и потому отзывъ полицейскаго чиновника дѣйствительно имѣетъ рѣшающее значеніе для нея. Вотъ почему онъ и сдѣлалъ его съ такимъ ономлобимъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ имѣетъ полную возможность выселить ее, не смотря на ангажементъ и сочувственный приѣздъ публики.

Повторяю, этотъ и подобнаго рода факты весьма поучительны. Но вѣдь они, въ то же время, глубоко потрясающее, и я, право, не чувствую себя въ силахъ мысленно переживать подобнаго рода факты, для того, чтобы воспроизвести ихъ въ моемъ обзорѣннѣ.

Мнѣ остается теперь остановиться еще нѣсколько на нѣкоторыхъ явленіяхъ внутренней жизни русскихъ евреевъ, — что я и сдѣлаю въ ближайшей главѣ.

М. Кулинеръ.

(Окончаніе будетъ).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. (Историческая легенда). (Продолженіе). Проф. С. А. Бершадскаго.	3
II. Я МОЛИЛСЯ: «БОЖЕ ПРАВЫЙ!»... Стихотвореніе С. Г. Фруга.	18
III. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА. (Продолженіе). Е. Хисина.	20
IV. ЦАРЬ СІОНСКИЙ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Носсяга.	33
V. * * * Стихотвореніе И. Тагера	47
VI. ЕВРЕИ-ГОРЦЫ. (По поводу соч. «Кавказскіе еврей-горцы» Ильи Анисимова). (Окончаніе). А. К—м—и.	49
VII. ГАМЪ-ЗУ-ЛЕТОВО. Очеркъ захолустной жизни. (Окончаніе). С. Живова.	65
VIII. ЗАВЛУДШИЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). Съ англійскаго. Альмонда.	84
IX. О ЧЕРТѢ ОСѢДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка. (Продолженіе). Русскаго.	109
X. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Съ примѣчаніями А. Я. Гарнави (въ особомъ приложеніи).	
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
XI. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА ВИШОФСГЕЙМА ВЪ ПАРИЖѢ. (École de travail fondation Vichoffsheim). Письмо изъ Парижа. Петра Нуинджи	1

ХІІ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЕВРЕЙСКІЯ ИДИЛЛИ ЗАХЕРЬ- МАЗОХА. (Еврейскіе рассказы Захеръ-Мазоха, переведенные А. С. Размадзе). Критикуса	12
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

ХІІІ. БИБЛЮГРАФІЯ:

1) А. П. Субботинъ. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости». Отрывки изъ экономическихъ изслѣдованій въ западной и юго-западной Россіи за лѣто 1887 года. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. Минскъ, Вильна, Ковна и ихъ раіоны.	32
2) <i>עלמא עלמא</i> : <i>Собраніе надгробныхъ надписей на еврей- скихъ кладбищахъ г. Одессы. Варшава, 1888 (96 стр. in 12^o)</i>	33
3) ДВА СЛОВА ОБЪ ОДНОЙ «НАРОДНОЙ» КНИЖКѢ. (<i>Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ отца Іоанна Наумовича. Переводъ съ галицко-русскаго нарѣчія. 3-е изданіе П. К. Пра- вишниковъ. Москва, 1889 г.</i>).	34
ХІV. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. (Продолженіе). М. И. Кулишера.	39

По недостатку мѣста продолженіе нѣкоторыхъ статей отла-
гается до слѣдующей книжки.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

А П Р Ъ Л Ъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольшого Театра, 2.

1899.

СЛАДКАЯ СМЕРТЬ.

(Восточная легенда).

I.

„— Неземно, чудной силой
И волшебной красотой
Вьютъ въ сердце человека
Эти вѣщія страницы...

О, гори, моя лампада!
Лейся тихій, кроткій свѣтъ
Въ душу, полную глубокой,
Свѣтлой радости!...”

Сто лѣтъ,
Сто счастливыхъ лѣтъ онъ прожилъ,
Этотъ блѣдный, хилый рави—
И теперь, какъ въ дни былые
Въ той-же хижинѣ убогой

И надъ той-же ветхой книгой
Неустанно онъ сидитъ;
Та-же блѣдная лампада
• На столѣ его горитъ.

И на острые изгибы
 Буквы темной съ темнымъ смысломъ
 Взоръ пыльный устремляя,
 Въ думу долгую уходитъ

Посѣдѣвшій, хилый равви.
 О, какой великій свѣтъ
 Льется на сердце изъ этой
 Темной харти!..

Сто лѣтъ,
 Сто отрадныхъ лѣтъ онъ прожилъ.
 И душа сѣдаго равви,
 Словно бѣлая голубка
 Золотымъ весеннимъ утромъ,

Тихо крылышки расправилъ,
 Окропленная росой,
 Улетѣть уже готова
 Въ блескъ лазури голубой...

Тихій ангель, тихій, кроткій
 Ангель мира и покоя,
 Тотъ, котораго мы, люди,
 Духомъ смерти называемъ,

Къ бѣдной хижинкѣ нисходитъ
 Неизвѣданной тропой,
 Душу — чистую голубку
 Въ путь далекій взять съ собой...

II.

Часъ урочный бьетъ. Но тщетно:
 Всепобѣдный ангель смерти
 Подойти не можетъ къ равви,—
 Оттого, что душой свѣтлой

Въ книгу мудрую вникая,
 Человѣкъ непобѣдимъ—
 Страхъ и тьма надъ нимъ безсильны,
 Не властна и смерть надъ нимъ.

И дабы отвлечь вниманье
 Старца мудраго отъ книги,
 Ангель смерти радъ видѣній
 Чередой предъ нимъ проводить:

Звуки лиръ, тимпановъ, лютевъ
 Раздаются въ тишинѣ...
 Весь въ каменьяхъ драгоценныхъ
 И въ коронѣ, на конѣ,

Царь грядеть, могучій, гордый...
 Вкругъ него толпою пышной
 Царедворцы и пророки...
 Дѣти, отроки и дѣвы

Вьются шумнымъ хороводомъ,
 И левитовъ стройный хоръ,
 Вторя звукамъ флейтъ и лютевъ,
 Будить эхо дальнихъ горъ...

Но, взглянувъ съ улыбкой ясной,
 Вѣреть древнему завѣту,
 Равви мудрый поднялъ къ небу
 Кроткій взоръ свой и промолвилъ:

„— Славься, Господи, отнынѣ
 И во вѣкъ Творецъ всего,
 Удѣлившій человѣку,
 Отъ величья Своего!..“

Звуки трубъ и барабановъ,
 Колесницъ тяжелый грохотъ,
 И доспѣховъ лягъ несутся
 Надъ дружиной боевою...

Вотъ слоны въ блестящихъ сѣткахъ
 И пестрѣющихъ коврахъ,
 Блещетъ рядъ стрѣлковныхъ башенъ
 На могучихъ ихъ спинахъ...

Мчатся съ грохотомъ тараны...
 Гулъ стоитъ въ горахъ, въ долинахъ...
 Но, взглянувъ съ улыбкой кроткой,
 Тихо молвилъ старецъ мудрый:

„— Славься, Царь, владыко воинствъ
 И небесныхъ, и земныхъ,
 Удѣлившій человѣку
 Отъ могучихъ силъ Своихъ!..“

Вотъ струя благоуханій
 Пронеслась... Дыша и вѣя
 Упоительной нѣгой,
 Обольстительною страстью,

Въ полумгльъ лачуги бѣдной
 Ослѣпительной звѣздой,
 Вспыхнувъ, ярко засвѣтился
 Образъ дѣвы молодой...

Кудри черныя развилысь...
 По румянымъ, сочнымъ губкамъ
 Легкій трепеть пробѣгаетъ...
 Ниже, ниже съ плечъ лилейныхъ

Тихо пестрый шелкъ сползаетъ...
 Красоты такой во вѣкъ
 Не выдашь и не увидишь
 Ни единый человѣкъ.

Но съ привѣтомъ кроткимъ, чистымъ,
 Съ тихой, ласковой улыбкой
 На волшебное видѣнье
 Бросивъ взоръ свой, мудрый рави

Прошепталъ съ благоговѣнъемъ:
 „— Славься, Господи, такой
 Надѣлившій челоуѣка
 Лучезарной красотой!..“

И опять надъ книгой вѣщей
 Онъ склонился. Мигъ за мигомъ
 Чередой текутъ обычной,
 Но не спать, не дремлетъ равви.

Съ каждымъ мигомъ глубже, глубже
 Въ мѣръ высокихъ грѣзъ и думъ
 Погружается пылливый,
 Не старѣющійся умъ...

Видитъ онъ... О, какъ бессильно
 Человѣческое слово!
 Кто расскажетъ, кто опишетъ
 Эти чудныя видѣнья,

Чтобъ могли восторгъ достойный
 Пробудить въ сердцахъ людскихъ?
 Нѣтъ, у сердца человѣка
 И восторговъ нѣтъ такихъ!..

III.

Глубже, глубже мысль уходитъ...
 И не видитъ старнй равви
 И не слышитъ онъ, какъ тихо
 Отворяется окошко

И, покрытая цвѣтами,
 Проникая полутьму,
 Розмариновая вѣтка
 Тихо тянется къ нему...

Съ каждымъ мигомъ все пышнѣе
И пышнѣе расцвѣтая,
За отроутками отроутки
Отъ нея идутъ повсюду...

Свѣтлою яркой и душистой
Оплетая все кругомъ
Легкимъ, розовымъ навѣсомъ
Ужъ трепещутъ надъ столомъ...

Все въ цвѣтахъ душистыхъ, сочныхъ—
Потолокъ и полъ и стѣны...
Вѣетъ сладкимъ ароматомъ,
Вѣетъ нѣжною прохладой...

Кто-то свѣтлый, кроткій, ясный
Наклоняется надъ нимъ,
Нѣжною розовою дремой,
Обаяньемъ неземнымъ

Обвѣваетъ грудь и очи...
Какъ далекій звонъ свирѣли,
Какъ журчанье струекъ сонныхъ
Въ глубинѣ зеленыхъ гротовъ,

Убаюкивая сердце
Въ тихомъ, сладкомъ полуснѣ,
Звуки пѣсни колыбельной
Раздаются въ тишинѣ...

И вторя,

Болокольчиковъ хрустальныхъ
Переливчатая трели
Звонко сыплются и таютъ

Въ мягкомъ, розовомъ сянны...
Полночь бьетъ. Все спитъ кругомъ.
Ярко звѣзды, Божьи очи,
Свѣтять въ небѣ голубомъ...

Тихій ангелъ, тихій кроткій
Ангелъ мира и покоя,
Тотъ, котораго мы, люди,
Духомъ смерти называемъ,

Всходитъ къ небу голубому
Неизвѣданной тропой—
Душу—чистую голубку
Въ свѣтлый рай неся съ собой...

С. Фругъ.

ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

ШАУЛЬ ЮДИЧЪ ВАЛЬ ИЗЪ ВРЕСТА-ЛИТОВСКАГО, ПРЕЕМНИКЪ
СТЕФАНА БАТОРІЯ ¹.

(Историческая легенда).

Погибель значительной части книгъ брестскаго градскаго, земскаго и магистратскаго судовъ лишають насъ возможности познакомиться подробнѣе съ дѣятельностью Шауля Юдича въ остальные годы царствованія Стефана Баторія.

Что занятія Шауля состояли, однако, главнымъ образомъ въ завѣдываніи таможенными откупами, въ этомъ мы убѣждаемся изъ грамоты Сигизмунда III, выданной вскорѣ послѣ восшествія на престолъ своему легендарному предшественнику.

«Нѣкоторые изъ совѣтниковъ Нашихъ, — говоритъ король, — рекомендовали Нашему вниманію старательное отношеніе къ дѣламъ (uczciwу sprawy) Сауля Юдича, еврея города Бреста, который въ царствованіе Нашихъ предшественниковъ весьма часто своимъ умѣніемъ и опытностью въ дѣлахъ таможенныхъ, податныхъ и различныхъ сборовъ (вообще), оказывалъ услуги и трудился вѣрно, старательно и съ выгодой для Нашей казны» ².

Если принимать слова привилегіи буквально, то слѣдуетъ предположить, что эта дѣятельность Шауля началась еще во

¹ См. „Воеходъ“, кн. III.

² *Актовая книга Метрики Литовской, Записей № 79, листъ 282. Документъ отъ 11 февраля 1588 г., въ Краковѣ, съ притиснутою печатью. . . „Za zaleceniem od niektorzych panow Rad Naszich uczciwich spraw Saula Judicza, żyda miasta Brzesc, kiego yz on za Krolowania S. pamięci prodkow Naszich w sprawach mytnych, poborowych y celnych częstokroć dowcipem i umiętnością swą wiernie, zyczliwie y pozytecznie skarbowi Naszemu służył y pracował».*

времена Сигизмунда-Августа, или, по крайности, Генриха Валуа, но за потерю отчетовъ государственнаго казначейства отъ этого времени, мы не можемъ рѣшить, какую роль игралъ тогда Шауль Юдичъ; по дошедшимъ же къ намъ свидѣніямъ, мы въ правѣ предположить, что если дѣйствительно Шауль Юдичъ уже въ 60 г. XVI ст. занимался собираніемъ таможенныхъ или иныхъ какихъ либо казенныхъ доходовъ, то не иначе, какъ въ подчиненной роли, такъ какъ его имени мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ откупныхъ контрактовъ временъ Сигизмунда-Августа; затѣмъ въ 70 г., какъ мы видѣли уже, онъ является лишь товарищемъ другихъ, болѣе извѣстныхъ откупщиковъ.

Дальнѣйшее содержаніе грамоты короля Сигизмунда III также убѣждаетъ насъ въ томъ, что Шауль Юдичъ лишь начинаетъ болѣе широкую дѣятельность.

«Для дальнѣйшаго поощренія полезной государственному казначейству дѣятельности Шауля Юдича», король отдастъ ему въ аренду на 10 лѣтъ нѣкоторые доходы, принадлежащіе брестскому замку, т. е.: мостовой сборъ, со всѣми доходами къ нему, «гребельный» сборъ (т. е. за провѣздъ по плотинѣ) и мостовое Кобылянское, мучныя мельницы, согодовню (заведеніе для приготавливанія солода) и раздробительную продажу водки.

«Поощреніе» это, впрочемъ, не было со стороны короля какою либо наградою для Шауля: онъ обязанъ былъ вносить ежегодно въ казну по 1,000 злотыхъ арендной платы, т. е. около 15,000 нынѣшнихъ рублей.

Гораздо болѣе важнымъ вознагражденіемъ за услуги, оказанные Шаулемъ Юдичемъ королю Сигизмунду III, было пожалованіе ему въ слѣдующемъ, 1589 г., грамоты на званіе королевскаго слуги.

Мотивомъ этого пожалованія были заслуги Шауля не въ качествѣ откупщика государственныхъ доходовъ, а какія-то иныя.

«Мы, Государь, убѣдившись въ особенномъ усердіи и способностяхъ Нашего подданнаго Шауля Юдича, приняли его въ число нашихъ слугъ для того, чтобы и онъ убѣдился въ Нашей къ нему Монаршей милости. Поэтому изъедемъ *пожиз-*

нѣмю его самого и его недвижимое и движимое имущество отъ подчиненія присуду какого бы то ни было изъ судовъ земскихъ, замковыхъ («городскихъ») и городскихыхъ («мѣстскихъ») и вообще отъ всякаго суда подданныхъ Нашихъ, какого бы то ни было чина и званія. Такъ, что если бы онъ былъ приглашенъ въ судъ передъ какого бы то ни было судью, въ какомъ бы то ни было повѣтѣ или же землѣ, въ какой бы ни было судъ, по какому бы то ни было дѣлу большому или малому, *уголовному* («о речъ кривавую») или всякому иному,—то онъ не обязанъ отвѣчать по мѣсту своей осѣдлости; на движимость же его не можетъ быть налагаемъ арестъ, а самъ онъ и его движимость не могутъ быть принуждаемы къ представленію поручительствъ, онъ же самъ не можетъ быть арестованъ и заключенъ въ тюрьму.

Равнымъ образомъ неявка его въ судъ или непредставленіе поручительствъ не могутъ быть основаніемъ для наложенія на него какого бы то ни было штрафа и не имѣетъ никакой юридической силы.

Въ случаѣ же предьявленія къ нему какой либо жалобы или иска, подданные Наши и иностранцы, какого бы то ни было званія и по какому бы то ни было дѣлу, должны обращаться къ Намъ самимъ, Государю, а Шауль обязанъ будетъ явиться передъ Нами, отвѣчать на Нашемъ судѣ и сдѣлать надлежащее по суду удовлетвореніе».

О представленіи Шаулю указанныхъ правъ, король настоящею грамотою навѣщаетъ: Князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державцевъ, тивуновъ, всѣхъ чиновниковъ земскихъ, городскихыхъ и придворныхъ и ихъ намѣстниковъ, всѣхъ городскихыхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ лицъ, всякаго состоянія, всѣхъ кому вѣдать надлежитъ.

Грамота выдана Шаулю за собственноручною королевскою подписью и съ королевскою печатью ¹.

Весьма возможно, что королевскіе слуги, сверхъ пергаментныхъ грамотъ, снабжались и какими нибудь видимыми знаками принадлежности къ королевскому дому — поэтому весьма возможно, что и Шауль Юдичъ, получивъ такой значекъ, ме-

¹ Акты Запад. Росс., т. I, № 190.

даль, напр., носить ее на золотой цѣпи, какъ видимое изъятіе его отъ тѣхъ положеній Третьяго Литовскаго Статута, которыми возбранялось евреямъ «ходить въ дорогихъ платьяхъ, и украшать серебромъ или *золотомъ* сабли, *носа*, носить болѣе двухъ перстней, украшать себя *золотыми цѣпями*».

Снабженный такою грамотою, Шауль Юдичъ быстро расширяетъ свои операціи и занимаетъ первое мѣсто среди членовъ старѣйшей еврейской общины В. Княжества Литовскаго.

Въ 1592 г. онъ не ограничивается уже арендою доходовъ Брестскаго замка, но получаетъ на откупъ сборъ пошлинъ на брестской таможенѣ на 5 лѣтъ, съ уплатою ежегодно по 600 копѣ грошей ¹.

Въ 1593 г. онъ получаетъ право на открьтіе воскобойни въ собственномъ домѣ.

Торговля воскомъ въ Литвѣ составляла долгое время Великокняжескую регалию, которую иногда только уступали они городамъ при пожалованіи онимъ Магдебургскаго права, оставляя за собою, во всякомъ случаѣ, право взиманія высокой вывозной пошлины; такъ, напр., въ началѣ XVI ст. съ каждаго 30 фунтовъ воску взималось 10 грошей, или около 10 рублей на наши деньги. А изъ одного только Полоцка въ началѣ XVI ст. вывозилось ежегодно до 11,000 пудовъ воску ².

Для отправки за-границу воскъ стапливался въ особыхъ для того приспособленныхъ помѣщеніяхъ, въ полукруглыя, значительныхъ размѣровъ, до 50 пудовъ, массы, которыя затѣмъ и выпускались въ продажу за городскою печатью. Помѣщенія для сплавки воску назывались: «капницами», позже «воскобойнями» и «топницами».

Доходъ съ воскобойни составлялъ въ магдебургскихъ городахъ доходъ города.

Мы видѣли раньше, что въ 1582 г. Шауль Юдичъ тщетно хлопоталъ о признаніи за брестскими евреями, въ числѣ прочихъ правъ, и права на четвертую часть доходовъ съ городской воскобойни.

¹ *Акт. кн. Метрики Литовской, Судныхъ Дѣлъ, № 69, листъ 131.*

² *Ibid, Записей, № 8, листъ 105.*

Теперь онъ получаетъ право имѣть эту воскобойню для своихъ нуждъ въ собственномъ домѣ въ Брестѣ. При этомъ ему предоставляется готовить воскъ для продажи какъ самою, такъ разрѣшать это приготовленіе и другимъ брестскимъ евреямъ, буде они сами пожелаютъ заняться этимъ дѣломъ.

Разрѣшая открыть воскобойню, король не обязываетъ ни Шауля, ни его потомство, къ какому бы то нибыло платежу въ королевскую казну.

Такимъ образомъ, къ прежнимъ учрежденіямъ Брестская община получила еще одно новое; а такъ какъ ограниченій въ правѣ распоряженія этимъ пожалованіемъ не было, то Шауль Юдичъ могъ распорядиться воскобойнею, какъ ему было угодно. Весьма вѣроятно, что подобно праву на баню, выданному Сигизмундомъ I Брестскому еврею Коню, и право на воскобойню перешло затѣмъ въ руки общины.

Въ томъ же 1593 г. Шауль Юдичъ сослужилъ своей общинѣ весьма важную службу.

Пользуясь своимъ званіемъ королевскаго слуги, онъ конечно, могъ найти удобнѣйшее время, чтобы надлежащимъ образомъ обставить свое ходатайство. Такимъ временемъ оказалось засѣданіе генеральнаго сейма въ Варшавѣ.

Мотивомъ ходатайства представлялось на первый взглядъ нарушеніе денежныхъ интересовъ Брестскихъ евреевъ: Старосты Брестскіе, въ противность постановленію ревизоровъ, брали съ евреевъ за «сохачки» (право торговли съ столовъ) не по 50 злотыхъ, а гораздо больше; сверхъ того эти же старосты собирали ежегодно съ евреевъ не на Короля, а въ свою собственную пользу судебныхъ пошлинъ («пересуду») болѣе 200 злотыхъ. А между тѣмъ въ привилегіяхъ Королей и В. Князей Литовскихъ: Александра и Сигизмунда I точно определено: «что если какой либо еврей въ чемъ бы то ни было считаетъ себя обиженнымъ со стороны другого еврея, то обиженному предоставляется потребовать виновнаго, сообразно еврейскому обычаю, къ суду своей общины и отыскивать предъ этимъ судомъ свое право»¹.

¹ Акты Южн. и Запад. Россіи т. I, № 209.

Такъ излагалъ, въ нѣсколько свободной передачѣ, Шауль Юдиць старое положеніе Витовтовской грамоты Брестекимаъ евреямъ отъ 1388 года.

Истинное, представленіе о «жидовскомъ судѣ», которымъ быть назначаемаый Королемъ или Великимъ Княземъ шляхтичь, замѣняется въ изложеніи Шауля еврейскою общиною— «зборомъ», который становится единственно компетентнымъ судьей по дѣламъ евреевъ между собою.

Дѣйствительно, въ грамотѣ повсюду говорится о судѣ жидовскомъ, не обозначая ближе, кто онъ такой, напр. «Если бы еврей былъ *приморенъ къ уплатѣ своему судѣ* денежнаго штрафа, или же къ какому нибудь иному старшному штрафу, то онъ долженъ это заплатить» «Судья жидовскій» не долженъ привлекать къ своему суду возникшіе между евреями споры, буде одна изъ сторонъ не обратится къ нему съ жалобою.» «Если бы еврей выбрали для засѣданія суда синагогу, то судебное разбирательство и должно происходить здѣсь» и т. д.

Въ началѣ XVI в. «судья жидовскій» судилъ, по общему правилу, съ ассессорами одного состоянія съ тяжущимися лицами, т. е. по еврейскимъ дѣламъ съ еврейскими старшинами¹. Къ концу XVI в. въ Литвѣ этотъ порядокъ начинаетъ выходить изъ обыкновенія: на участіе старосты или же подстаросты еврей начинаютъ уже смотрѣть какъ на фактъ насилія, юрисдикцію надъ евреями старость представляютъ себѣ превышеніемъ власти, «кривдою надъ право и вольности».

Король Сигизмундъ III совершенно склоняется къ этому пониманію привилегіи Витовта. Поэтому-то, отмѣняя неправильное взиманіе старостами пошлинъ за право торговли со словъ («сохачки»), онъ воспрещаетъ въ то же время старостамъ взимать съ евреевъ какіе бы то ни были «пересуды», на томъ основаніи, «что, разсмотрѣвъ привилегіи евреевъ и находя обжалованіе оныхъ вполне соответствующими цѣли, и заботясь по

¹ Сравни наше изслѣдованіе: „Литовскіе евреи“, главы II и VI, гдѣ мы старались, на основаніи сравненія съ западно-европейскими источниками и данными актовъ XV и начала XVI стол., доказать что *судья жидовскимъ* былъ первоначально „староста“, а потомъ обыкновенно „подстароста“.

Нашему Монаршему долгу, чтобы права и льготы, кому бы то нибыло дарованныя издревле, не были нарушаемы, ... предписываемъ воеводамъ и старостамъ Берестейскимъ, и обеспечиваемъ Наше распоряженіе настоящею грамотою, чтобы ни они сами, ни ихъ намѣстники не смѣшивались ни въ чемъ во всю ту дѣла, которыя касаются самихъ евреевъ, все равно какого бы рода эти дѣла ни были».

Въ подтвержденіе чего Король приказалъ выдать «Шаулю Юдичу, жиду места Нашого Берестейскаго и всимъ жидамъ того места Берестейскаго листъ, привилей Нашъ, съ подписомъ руки Наше Господарское, до котораго и печать Нашу В. Князства Литовскаго приестьи есмо велми». —

Этотъ привилегію Брестская община сравнивалась въ правахъ надъ своими единовѣрцами съ Польскими общинами, гдѣ уже на основаніи грамотъ Сигизмунда-Августа аппеляція отъ еврейскаго суда къ нееврейскому была запрещена безусловно.

Такъ какъ евреи всѣхъ большихъ городовъ были исключительно Королевскими поданными и высшій судъ для нихъ былъ особый отъ шляхетскаго, то опредѣленія только что указаннаго рода имѣли полную силу безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія со стороны сейма. Поэтому грамота, только что приведенная нами, устанавливая, повидимому, толкованіе привилегіи Витовта для однихъ только Брестскихъ евреевъ, на самомъ дѣлѣ освобождала всѣхъ литовскихъ евреевъ отъ подсудности по еврейскимъ дѣламъ какому либо иному суду, кромѣ еврейскаго же.

И это вотъ на какомъ основаніи:

Брестскіе евреи представили грамоты, пожалованныя имъ *Королями Польскими и Великими Князьями Литовскими: Александромъ и Жигимонтомъ*. Затѣмъ, по словамъ Короля, въ указанныхъ грамотахъ оказался параграфъ о неподсудности евреевъ не еврейскимъ судамъ.

Теперь является вопросъ, о какомъ Александрѣ идетъ рѣчь? Король Александръ дѣйствительно далъ евреямъ привилегію, но въ ней ни слова не говорится объ изъятіи евреевъ отъ подсудности христіанскимъ судьямъ, а равнымъ образомъ нѣтъ ни

одного параграфа, сколько нибудь похожаго на приведенный Шаулемъ Юдичемъ.

Король же Сигизмундъ I дѣйствительно подтвердилъ грамоту Витовта, данную Брестскимъ евреямъ, въ которую включены параграфы о «судьяхъ жидовскихъ», истолкованные, какъ мы видѣли, въ смыслѣ неподсудности евреевъ христіанамъ. Дѣйствіе этой грамоты распространено было королемъ Сигизмундомъ на всѣ еврейскія общины Литвы, *подлинникъ подтвердительной грамоты хранился вмѣстѣ съ оригинальной привиллеіей Витовта* въ тайникѣ Брестской еврейской общины, въ помѣщеніи, очевидно, настолько надежномъ, что оно осталось не тронутымъ, не смотря на рядъ пожаровъ, уничтожившихъ г. Брестъ до самаго основанія ¹.

Поэтому мы въ правѣ предположить, что подъ грамотою Александра, о которой шла рѣчь передъ Королемъ Сигизмундомъ III, понимался именно подлинникъ привилегіи *Александра*, иначе Витовта, отъ 1388, представленный вмѣстѣ съ подтвержденіемъ Сигизмунда I отъ 1507 г.

Поэтому королевская грамота брестскимъ евреямъ весьма легко могла быть примѣнена и ко всѣмъ остальнымъ еврейскимъ общинамъ, между которыми было раздѣлено еврейское населеніе В. Княжества Литовскаго. Со времени Стефана Баторія почти каждая община имѣла у себя копію привилегіи 1507 г. со спеціальнымъ указаніемъ, что эта привилегія служить и для

¹ Срав. наше изслѣдованіе, гл. II, гдѣ мы, на основаніи имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи *печатныхъ источниковъ*, старались доказать, что въ 1507 г. королю Сигизмунду была представлена евреями брестскими привилегія В. К. Витовта, пожалованная *только ихъ общины*; король же Сигизмундъ въ своемъ подтвержденіи замѣнилъ слова „жидовъ Берестейской“ словами „жидовъ вышеназванной“, т. е. упомянутымъ во вступленіи главнѣйшимъ еврейскимъ общинамъ Литвы. Въ силу чего произошла замѣна—сказать было трудно и оставалось предположить, что счастливая случайность сгладила въ привилегіи Витовта слова *Берестейской*. Открытый нами *вслѣдствіи подлинный текстъ* привилегіи Витовта, писанный по латыни, съ одной стороны, подтверждаетъ сдѣланное нами предположеніе, что грамота была пожалована брестскимъ евреямъ—съ другой, даетъ основаніе утверждать, что *замѣна словъ* „жидовъ Берестейской“ словомъ „жидовъ вышеназванной“ произошла благодаря не порчѣ подлинника, а по инымъ причинамъ.

этой именно общины ¹. Важно было разъ установить опредѣленное толкованіе, однообразное примѣненіе закона вытекало уже само собою.

Это постановленіе Сигизмунда III заключаетъ долгую борьбу между старыми русскими воззрѣніями, среди которыхъ выросли литовскіе евреи, и новыми, принесенными съ запада черезъ Польшу: Представленіе о томъ, что надъ всѣми свободными людьми, безъ различія вѣры и происхожденія, юрисдикція принадлежитъ одному только Государю В. Князю и уполномоченнымъ отъ него лицамъ, такъ было сильно между евреями Литвы, что они въ теченіи почти цѣлаго вѣка постоянно протестуютъ противъ подчиненія ихъ особенному національно-сословному, хотя бы и собственному суду. Такимъ образомъ, верховный раввинатъ Михеля изъ Бреста потерпѣлъ полное крушеніе, усилія раввина Менделя Франка подчинить евреевъ Брестскихъ своей юрисдикціи кончилось тѣмъ, что онъ, для обезпеченія своей личной неприкосновенности, долженъ былъ искать особаго покровительства королевы Боны; для приданія силы рѣшеніямъ раввиническихъ авторитетовъ Польши требовалось особенное вмѣшательство короля и т. д.

Правда, послѣ Люблинской уніи настроеніе еврейскихъ умовъ мало-по-малу измѣняется; мы видимъ, какъ община запрещаетъ давать показанія своему члену, подъ опасеніемъ исключенія «изъ жидовства», какъ сами евреи обезпечиваютъ выполненіе даннаго обязательства предоставленіемъ кредитуру права требовать отъ общины наложенія на еврея проклятія и отлученія ².

Но противъ этой тенденціи становились воеводы и старосты,

¹ См. Акты Виѣ. Археогр. Ком. т. I, грамоты Гродненскихъ евреевъ. Гдѣ евреи Гродненскіе въ 1576 г. объясняютъ, что хотя они и упомянуты въ грамотѣ 1507 г. и въ подтвержденіяхъ послѣдующихъ королей, но такъ какъ подлинникъ хранится въ Брестѣ, то они исходатайствовали у короля особый списокъ для нуждъ своей общины.

² Такъ, напр., товарищи Шауля Юдича: Юзефъ Монсеевичъ и Шмерля Якубовичъ въ упомянутомъ выше контрактѣ общаются своимъ обязательствамъ „Zdierżecz i spelnicz i. m. rąpu Wojewodzie (Нк. Саперѣ)... *pod klatwa i wygnaniem z zidowstwa naszego*» (1578).

для которыхъ юрисдикція надъ евреями составляла одинъ изъ значительныхъ источниковъ дохода ¹.

Мы видимъ, что воеводы и старосты ревниво оберегаютъ этотъ источникъ доходовъ и въ Брестѣ, напр., еще въ 70 гг. XVI ст. грозятъ тажущимся евреямъ наказаніями, за то, что они осмѣливаются, помимо старостинскаго суда, обращаться къ суду своихъ старшинъ.

Устраненіе вотъ этого-то внѣшняго препятствія полному торжеству еврейскаго національнаго суда и произведено упомянутой выше грамотою Сигизмунда III.

Съ этого времени не существовало болѣе ни противодѣйствія извнутри, ни препятствія извнѣ къ установленію полного господства выборнаго еврейскаго суда по дѣламъ между евреями. А такъ какъ компетенція этого суда опредѣлялась одними еврейскими законами и обычаями, то естественно, что грамотою Сигизмунда былъ положенъ одинъ изъ послѣднихъ камней для завершения полной обособленности евреевъ:

Община съ этого момента становилась самодовлѣющимъ цѣлымъ, государствомъ въ государствѣ, подобно существующимъ рядомъ съ нею цехамъ, корпораціямъ, духовенству, шляхтѣ и т. д. Но такъ какъ государственная власть В. Княжества продолжала все же предъявлять нѣкоторыя требованія, общія для всѣхъ евреевъ, безъ исключенія, обложенія податями и т. д., то для опредѣленія отношеній всего еврейства къ государственной власти, явилось учрежденіе, отчасти скопированное съ дѣйствительности, отчасти созданное по талмудическимъ воспоминаніямъ: это были синоды, сеймы, съѣзды всѣхъ литовскихъ еврейскихъ общинъ.

Хотя документы говорятъ намъ о сеймахъ литовскихъ ев-

¹ Такъ, въ 1569 г. Сигизмундъ-Августъ предоставляетъ воеводѣ Волинскому кн. Александру Чарторыйскому, по образцу польскихъ воеводъ, право суда надъ евреями: Луцкими, Владимірскими и Кременецкими. Но такъ какъ право суда надъ евреями на Волыни принадлежало и другимъ должностнымъ лицамъ, то отсюда возникаетъ долготѣннй споръ между могущественнѣйшими Волинскими магнатами, споръ, который еще не былъ разрѣшенъ въ 90 гг. XVI в. — Въ 1589 г. кор. Сигизмундъ III, пожаловавъ Скумину должность Гродненскаго старосты, объявляетъ особо, что вмѣстѣ съ этой должностью ему представляется юрисдикція какъ надъ евреями г. Гродна, такъ и надъ всѣми иными, проживающими въ мѣстечкахъ, которыя „прислухаютъ къ Городну“.

реевъ лишь въ 30 г. XVII в., но есть полное основаніе предполагать, что они получаютъ самостоятельное значеніе уже въ началѣ этого столѣтія: Грамота Владислава IV даетъ свою санкцію явленію, давно уже практикуемому жизнью.

Такимъ образомъ Шауль Юдичъ сумѣлъ исполнѣть оцѣнить требованія своего времени, когда въ грамотѣ, пожалованной, на первый взглядъ, для освобожденія евреевъ отъ нѣкоторыхъ произвольныхъ поборовъ со стороны старостъ, успѣлъ провести такой взглядъ правительства на компетенцію еврейскаго суда, какой, согласно требованіямъ времени, дѣлалъ еврейскую общину исполнѣ автономическою, а каждого члена оной безусловно подчиненнымъ требованіямъ еврейскихъ властей.

Въ послѣдній разъ съ именемъ Шауля Юдича мы встречаемся въ актахъ подъ 1596 г.¹ На этотъ разъ онъ является въ товариществѣ брестскихъ мѣщанъ-христіанъ ходатайствовать передъ королемъ отъ лица всѣхъ брестскихъ евреевъ о подтвержденіи за ними старинной льготы, пожалованной еще В. Княземъ Витовтомъ брестскимъ мѣщанамъ христіанамъ и брестскимъ евреямъ, т. е. освобожденія отъ уплаты «старого мыта» на брестской таможенѣ со всѣхъ товаровъ, провозимыхъ черезъ оную мѣщанами и евреями.

Поводомъ для ходатайства послужило то обстоятельство, что во время пожара г. Вреста 15 ноября 1595 г. въ числѣ пяти домовъ, сгорѣвшихъ на самомъ рынкѣ, находился и домъ радцы Брестскаго Андрея Слупскаго, гдѣ вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ сгорѣлъ городской сундукъ съ различными мѣщанскими привилегіями, въ числѣ которыхъ находилась и грамота В. Князя Витовта на освобожденіе мѣщанъ и евреевъ отъ уплаты «старого мыта» на Брестской таможенѣ.

Участіе Шауля Юдича въ этой депутаціи объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ есть по прежнему глава общины, съ другой—тѣмъ, что онъ, арендуя съ 1592 г. таможенные пошлины въ Брестѣ, естественно могъ лучше всякаго другого объяснить—пользовались или нѣтъ мѣщане и евреи отыскиваемыми

¹ Акт. кн. *Метрики Литовской, записей № 83, листъ 81 (оборотъ), 1596 г., мая 7.*

ими льготами, и представить обыкновенное въ этихъ случаяхъ доказательство, такъ называемые «реестры поборовые».

Съ 1595 года мы не встрѣчаемся болѣе съ Шаулемъ Юдичемъ, а подъ 1629 г. видимъ въ актахъ, въ качествѣ самостоятельнаго члена общины, уже Майера Шаулевича, т. е. сына Шауля, извѣстнаго раввина Мейера изъ Бреста.

О томъ, что случилось съ Шаулемъ Юдичемъ послѣ 1595 г. мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ пока никакихъ официальныхъ свѣдѣній.

Если однако принять во вниманіе, что въ 1642 г. внукъ Натана Гановера женился на правнучкѣ Шауля Валя, а рав. Моше Гальперинъ упоминаетъ, что Шауль Юдичъ дожилъ только до внуковъ, то полагая правнучкѣ Валя максимальный возрастъ, до котораго могла остаться въ дѣвушкахъ дочь извѣстнаго раввина въ то время, до казацкихъ войнъ, когда всѣ и каждый заботились о благочестивомъ дѣлѣ умноженія Израиля ¹, т. е. 20 лѣтъ, мы получимъ 1622 г.

Предполагаемъ поэтому, что Шауль Юдичъ умеръ приблизительно въ 20 гг. XVII ст., въ возрастѣ, слѣдовательно, около 80 лѣтъ, такъ какъ, съ одной стороны, товарищемъ по солидной откупной операціи 1578 г. онъ не могъ сдѣлаться юношей, съ другой стороны, Давидъ Друкеръ, на дочери котораго былъ женатъ Шауль Юдичъ, становится извѣстнымъ, какъ владѣлецъ дома въ Брестѣ, въ 1566 г. Поэтому не будетъ большою ошибкою предположить, что въ 1578 г. Шаулю Юдичу могло быть отъ 30 до 40 лѣтъ ².

Если ветхій лѣтами старецъ и не могъ принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ общины, то, во всякомъ случаѣ, изъ факта вліятельнаго положенія его сына и словъ ближайшихъ современниковъ видно, что Шауль Юдичъ не переставалъ быть въ своей общинѣ «воеводою Израиля».

Весьма возможно поэтому, что двѣ грамоты Сигизмунда III брестскимъ евреямъ отъ 1622 г. получены евреями не безъ содѣйствія стараго королевскаго слуги.

¹ Ср. напр. *Яванъ-Мециула*, послѣсловіе.

² Наше предположеніе немногимъ отличается отъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ *Gedulas Szaul*, гдѣ сообщается, что Сауль умеръ въ 1617 г. на 76 году отъ рожденія.

Первая изъ нихъ, отъ 29 іюля, въ Варшавѣ, гласить слѣдующее:

«Нашимъ брестскимъ евреямъ.

«Мы желаемъ, а по сему и приказываемъ вамъ, чтобы для лучшаго и болѣе надежнаго обезпеченія отъ огня вы *подняли бы повыше кровли вашей синагоги*, а равнымъ образомъ низкіе стѣны вокругъ синагоги сравняли бы съ болѣе высокими, *оградивъ хорошенько крыши каменною стѣною* ¹, для того, чтобы впредь изъ-за вашей неосторожности, чего Боже упаси, нашъ городъ не пострадалъ бы отъ огня.

Желаемъ при этомъ, чтобы предписаніе наше было исполнено неперемѣнно и немедленно же» ².

Въ сентябрѣ того же года Сигизмундъ III даровалъ брестскимъ евреямъ новую грамоту.

«По просьбѣ подданныхъ нашихъ, брестскихъ евреевъ,—говоритъ король,—усердно ходатайствовавшихъ о томъ, чтобы послѣ пожара нѣкоторыхъ изъ еврейскихъ домовъ въ г. Брестѣ дозволено было вновь выстроить богадѣльню для убогихъ, мы, находя просьбу ихъ основательною, охотно дозволяемъ имъ выстроить снова эту богадѣльню и отправлять въ ней по прежнему богослуженіе» ³.

С. Бершадскій.

(Продолженіе будетъ).

¹ Метр. лит. Судныхъ дѣлъ № 83, актъ 124.

² Въ виду темноты текста грамоты, приводимъ изъ него выдержку: „aby się dla lepszego y warowniejszego od ognia niebezpieczeństwa wierchy w bożnice waszey wyniesli y ze wszystkich stron około bożnice nizsze mury z wyszszemi porówniali i dachy murem dobrze obwarowawszy“. Отсюда, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ предположить, что какъ сама синагога состояла изъ ряда возвышенныхъ частей, въ родѣ башенокъ и т. п., такъ на шкельномъ дворѣ находился рядъ зданій, изъ которыхъ многія возвышались надъ стѣною, окружавшею синагогу и дворъ.

³ Метр. литовская, судныхъ дѣлъ, № 83, актъ 527, отъ 1 сентября 1622, въ Варшавѣ... „rozwolili“ говоритъ король „szpital budować y nabożenstwo w nim według dawnego zwyczaju odprawować“...

ЦАРЬ СІОНСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ ¹.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната во дворцѣ Баръ Кохба).

Баръ Кохба, отдыхающій на ложь; возгъ него на низкомъ стулѣ Абимелехъ.

Баръ Кохба.

Послушай, пріятель; страдалъ ли ты когда нибудь лихорадкой?

Абимелехъ.

Очень часто.

Баръ Кохба.

И тогда тебя трясло что-то, не правда-ли? Кровь твоя бурлила, какъ рѣка, въ которую падаетъ огромный камень? Тебя мучили тяжелые безпокойные сны? И даже на яву какія-то горячечныя привидѣнія сновали передъ твоими глазами?

Абимелехъ.

Нѣтъ, царь. У меня было какъ то иначе. Но я читалъ когда-то о подобной лихорадкѣ; ею страдалъ Александръ Македонскій послѣ извѣстнаго несчастнаго случая съ другомъ его Клитомъ.

¹ См. „Восходъ“ кн. III.

Баръ Кохба.

А! быть можетъ. Александръ, должно быть, былъ крѣпко сложенъ, подобно мнѣ.

Абимелехъ.

Такъ? у тебя горячка, царь?

Баръ Кохба.

Да, во время послѣдняго пиршества я, вѣроятно, испортилъ себѣ желудокъ. Да, безъ сомнѣнія, это такъ. Съ того времени я не могу переваривать надлежащимъ образомъ, не могу заснуть; къ тому еще эта лихорадка мучить меня! (*Зажутывается въ плащъ, лежащій у ногъ его*).

Абимелехъ.

Прежде ты говорилъ, царь, что у тебя есть лекарство противъ всякой болѣзни: женщина.

Баръ Кохба.

Странно! Съ того времени я забылъ о женщинахъ. Даже не снилась мнѣ ни одна изъ нихъ. Я видѣлъ во снѣ инныя вещи. Слушай, Абимелехъ. Времена наши такъ тревожны!.. Убилъ ты когда когонибудь?

Абимелехъ.

Когда я былъ молодъ, то убивалъ небольшихъ животныхъ.

Баръ Кохба.

Съ той ночи мнѣ снилось, что я убилъ какое-то небольшое животное. Это была жаба, отвратительная жаба; она лежала на спинѣ, а бѣлый, какъ снѣгъ, животъ ея, обращенный ко мнѣ, раздражалъ мои глаза. Я выпелъ изъ себя, поднялъ ногу, чтобы раздавить ее, а она маленькими глазками своими посмотрѣла на меня такъ презрительно, такъ нахально, — негодная жаба! Она высунула языкъ и начала плевать на меня желтой своей слюной. Я вздрогнулъ, — ахъ, отвратительная жаба! (*Ударяетъ рукою о ложе*).

Абимелехъ.

Ахъ, такой сонъ очень неприятенъ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ повторяться то съ жабой, то съ какимъ нибудь другимъ неприятнымъ существомъ, наконецъ, съ неприятнымъ человекомъ...

Баръ Кохба.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не повторяется. Никогда, впрочемъ, у меня не бываетъ такихъ сновъ. Откуда бы имъ быть? Я видалъ часто во снѣ женщинъ, прекрасныхъ женщинъ. Когда я убилъ жабу, я почувствовалъ какое-то отвращеніе; я упалъ безъ чувствъ. Потомъ мнѣ казалось, что я нахожусь въ какой-то прелестной ваннѣ. Теплая вода окружила мои члены, сладострастно ихъ раздражая; воздухъ былъ наполненъ чуднымъ ароматомъ; чьи-то мягкія руки расчесывали мою бороду. Я самъ ласкалъ прелестныхъ женщинъ, изъ которыхъ одна имѣла розовую одежду, вторая только золотую цѣпочку на шеѣ. Все это мягкое и теплое,—вода и женщины, — мнѣ было хорошо. Вдругъ, ахъ! я снова вздрагиваю.

Абимелехъ.

Кто-то вынырнулъ изъ воды.

Баръ Кохба.

Какая-то большая ящерица открыла свои челюсти и бросила мнѣ на колѣни голову убитаго человека...

Абимелехъ.

Убитаго?

Баръ Кохба.

Понятно, мертваго. Я вскочилъ и побѣжалъ домой, сюда, на мое ложе... ахъ!

Абимелехъ.

Можетъ быть тебѣ принести какихъ нибудь охлаждающихъ плодовъ?

Баръ Кохба.

Нѣтъ.

Абимелехъ.

Вина?

Баръ Кохба.

Нѣтъ.

Абимелехъ.

Женщину?

Баръ Кохба.

Женщину? Нѣтъ. Открой священную книгу и читай.

Абимелехъ (*беретъ со стоящаго рядомъ стола Ветхій Заветъ и открываетъ его*).

Такъ говоритъ проповѣдникъ: Участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка предъ животнымъ нѣтъ, потому что все суета.

Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все обратится въ прахъ.

Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходить ли къверху, а духъ животныхъ сходить ли внизъ, въ землю?

Баръ Кохба.

Прибавь: Такъ говоритъ Баръ Кохба, послѣдній царь Израиля: Не вѣруй ни во что и истребляй все.

Абимелехъ.

То же сказалъ и проповѣдникъ. (*Продолжаетъ читать*).

И такъ я вижу, что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими; потому что это доля его; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него?

А потомъ еще сказалъ (*читаетъ*): Наслаждайся жизнію съ женою, которую любишь, во время суетной жизни твоей.

Баръ Кохба (*прерываетъ чтеніе*).

Абимелехъ, позови Деяниру. (*Садится на ложь; Абимелехъ удаляется*). Наслаждайся жизнію съ женою, которую любишь; проповѣдникъ этотъ имѣлъ тысячу женъ. Любилъ ли онъ всѣхъ ихъ? Или, быть можетъ, не любилъ ни одной?

ЯВЛЕНІЕ II.

Баръ Кохба. Деянира (*выходитъ*),

Баръ Кохба (*приближаясь къ Деянирѣ*).

Вотъ и ты, прекрасная подруга моя!

Деянира.

Вотъ и я, мой гадкій другъ. (*Прикасается рукой къ его лбу*). Абимелехъ говоритъ, что у тебя жаръ. Я превращусь въ благоухающій вѣтерокъ и буду охлаждать лицо твое...

Баръ Кохба (*взявъ ее за руку*).

Вотъ уже и жаръ исчезъ, Деянира. Твое прикосновеніе въ одинъ мигъ излечило меня!

Деянира (*садится на стулъ; Баръ Кохба становится возлѣ нея на колычи*).

Мнѣ кажется, царь, что твой жаръ перешелъ въ меня. Слушай, я буду бредить. Но не смѣйся надо мной.

Баръ Кохба (*цѣлуя обнаженное плечо ея*).

Милая моя!

Деянира.

Я люблю тебя, Баръ Кохба; скажи мнѣ, мой милый, любишь ли ты меня?

Баръ Кохба.

Люблю ли я тебя? Не знаю. Я знаю только, что ты проникла въ кровь мою, какъ неизлечимая болѣзнь; когда ты го-

воришь, мнѣ кажется, что твои бѣлые зубы сладострастно кусаютъ меня; когда ты молчишь, то твои мягкія губы притягиваютъ меня къ себѣ, какъ магнитная гора притягиваетъ корабли; взглядъ твой заставляетъ кровь мою быстрѣе кружиться въ жилахъ, подобно тому, какъ луна заставляетъ море подниматься и опускаться; мои руки тоскуютъ за твоими, моя грудь за твоей грудью, какъ близнецы другъ за другомъ. Смотри, я у ногъ твоихъ ожидаю твоего роскошнаго прикосновенія.

Деянира.

А, значить я побѣдила! Ты будешь мой, мой, Баръ Кохба, великій, могущественный мой возлюбленный, мой Аполлонъ, мой Юпитеръ! Ты пойдешь за мной всюду и всегда, не правда ли?

Баръ Кохба.

Нѣтъ, ты должна идти за мной!

Деянира.

Мой милый, ты вождь народа, который завтра прекратитъ свое существованіе; ты живешь въ укрѣпленномъ городѣ, который завтра будетъ кладбищемъ.

Баръ Кохба.

Въ такомъ случаѣ и я завтра окончу мою жизнь.

Деянира.

О, тебѣ я не позволю погибнуть! Ты долженъ поклясться мнѣ сейчасъ всѣмъ святымъ для тебя, что спасешь свою жизнь. Мой милый, мой дорогой! (*Ласкаетъ его*).

Баръ Кохба.

Ты женщина. Не касайся этихъ дѣлъ. Говори о любви.

Деянира.

Это любовь говорить устами моими. Смотри, вся наша любовь похожа была бы на завядшую траву, которая вырастаетъ

на могилахъ; я хотѣла бы насадить ее въ саду жизни. Это зданіе потрясется, камни разрушатся; пусть они погребутъ подъ собой несносныхъ сѣдобородыхъ вашихъ жрецовъ, вашихъ скучныхъ женъ, но ты, милый, уйдешь со мной. Тебѣ можно будетъ поселиться въ Римѣ, ты будешь пользоваться почестями и богатствомъ, и я буду возлѣ тебя!

Баръ Кохба.

Деянира! Я снова слышу голосъ Севера.

Деянира.

Послушайся его, несчастный, иначе погибнешь и ты!

Баръ Кохба.

Исходъ борьбы не рѣшенъ еще.

Деянира.

Онъ уже рѣшенъ за спиною твоихъ воиновъ. Вы уже погибли. Нечего терять времени. Въ первый разъ, когда я тебя увидѣла, я лицомѣрила, но теперь я люблю, люблю тебя! Не спрашивай больше. Ты долженъ быть моимъ!

Баръ Кохба.

Ты начинаешь возбуждать во мнѣ отвращеніе къ тебѣ. Твое тѣло начинаетъ издавать какой-то неприятный запахъ. Этотъ запахъ господствуетъ въ домахъ Астарты.

Деянира.

Я прекрасна и люблю тебя. Что тебѣ до остального?

Баръ Кохба.

Я посадилъ тебя за одинъ столъ съ Верурией...

Деянира.

Благородный мужъ! Ты не лучше меня. Ты убилъ невиннаго Элеавара, а я...

Баръ Кохба.

А ты...

Деянира.

Еще разъ говорю тебѣ: иди со мной и отдайся мнѣ, потому что завтра римляне будутъ уже въ Бетерѣ.

Баръ-Кохба.

А!

Деянира.

Не сдвигай такъ грозно бровей...

Баръ-Кохба.

О, о!

Деянира.

Не кусай такъ губъ своихъ. Я боюсь тебя.

Баръ-Кохба.

Войся, бойся, измѣнница, потому что я не убью тебя сразу. Я буду издѣваться надъ тобой, потому что чувствую къ тебѣ страсть. Я буду издѣваться надъ тобой, какъ если бы я былъ судьей своихъ поступковъ и самъ наказывалъ свое грѣшное тѣло. Я не буду ласкать тебя, но разрывать на куски. *(Ударяетъ ее кинжаломъ).*

Деянира. *(Падаетъ и обнимаетъ колѣни Баръ-Кохбы).*

Я люблю тебя, Баръ-Кохба.

Баръ Кохба *(обнимаетъ ее).*

И я тебя люблю. *(Поражаетъ ее опять кинжаломъ).*

Деянира *(падая на ложе).*

Я люблю тебя, Баръ Кохба! *(Умираетъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Домъ молитвъ въ Бетеръ.

(Народъ, законоучители, между ними Измаилъ и Меиръ;
левиты).

Первый изъ народа.

Не знаете ли, почему богослуженіе сегодня будетъ такъ торжественно?

Второй изъ народа.

Говорять, что самъ царь будетъ присутствовать при немъ.

Третій изъ народа.

Царь? Это неслыханное дѣло! Вѣдь онъ молится всегда въ своемъ дворцѣ.

Второй изъ народа.

Сегодня царь будетъ молиться громко и передъ народомъ.

Первый изъ народа.

Посмотрите, сколько здѣсь сегодня левитовъ, сколько законоучителей!

Второй изъ народа.

Да услышитъ Богъ сегодняшнія мольбы! Я слышала, что вчера прекратился подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Бетеръ.

Третій изъ народа.

О, Боже! Мы погибнемъ! (*Разговариваютъ тише*).

Первый законоучитель (*Измаилу*).

Кто же успѣлъ убѣдить царя, чтобы онъ здѣсь публично покаялся передъ Господомъ?

Измаилъ.

Мы живемъ въ очень тѣсной дружбѣ съ царемъ...

Меиръ.

Но убѣдилъ царя Акиба.

Измаилъ.

Ты находишься въ удаленіи отъ дѣла, Меиръ. Увѣряю тебя, что если бы не я...

Меиръ.

То Элеазаръ жилъ бы и теперь, а народъ не приходилъ бы въ отчаяніе. О, Измаилъ! Ты долженъ былъ бы жить съ одними дьяволами или съ одними ангелами, которыхъ терпѣніе больше человѣческаго.

Измаилъ.

Я не понимаю словъ твоихъ. Что же касается сегодняшняго молебствія, то на него слѣдуетъ возлагать большія надежды. Всемогущій Богъ, безъ сомнѣнія, снова обратитъ къ намъ лицо Свое.

Первый левитъ.

Посмотрите на этого противнаго Измаила. Онъ старается въ словахъ и движеніяхъ подражать жрецамъ, лѣзетъ къ царю и говоритъ съ нимъ о дѣлахъ религіи, а насъ, дѣйствительныхъ жрецовъ, устраняетъ совершенно.

Второй левитъ.

Царь пользуется совѣтами только свѣтскихъ людей.

Первый левитъ.

И однако, какъ и всякій человѣкъ, хотѣлъ бы быть въ сношеніи съ Богомъ.

Второй левитъ.

Измаилъ хочетъ показать, что онъ служитъ между ними посредникомъ.

Первый левитъ.

И, безъ сомнѣнія—выигрываетъ отъ этого.

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Тѣ-же, Баръ Кохба, за нимъ Акиба и Абимелехъ. Баръ Кохба и Акиба приближаются къ алтарю, находящемуся въ глубинѣ сцены. Абимелехъ становится рядомъ съ Измаиломъ и Меиромъ).

Измаилъ (*шепотомъ*).

Пропустите меня, друзья мои, я долженъ привѣтствовать царя (*Проталкивается къ амвону*).

Меиръ (*тѣмъ же голосомъ*).

Измаилъ, не говори здѣсь, въ домѣ Божьемъ, рѣчей!

Абимелехъ (*также шепотомъ*).

Измаилъ, царь убьетъ тебя, если ты будешь надоѣдать ему!

Измаилъ (*ставъ на возвышеніи, разстроеннымъ голосомъ*).

Привѣтствую тебя, великій, благородный нашъ царь; привѣтствую тебя, святой помазанникъ Божій, въ этомъ священномъ храмѣ Божіемъ! Трижды благословенъ да будетъ путь, по которому ты пришелъ сюда; порогъ, черезъ который ты перешагнулъ; алтарь, у котораго ты стоишь, звезда Израиля! Всемогуцій Богъ, къ которому, тронутый до глубины души, я посылаю мольбы мои, да благоволитъ простереть руку Свою надъ головой твоей, свѣтильникъ нашъ, елей милости Его и медь Его благоволенія да прольются на тебя и на всѣхъ насъ! Какъ нѣтъ ни одного изъ сыновъ этой земли, который любилъ бы ее больше или съ большимъ самопожертвованіемъ, чѣмъ я, такъ не было царя, который больше любилъ бы свой народъ, котораго народъ обожалъ бы больше, чѣмъ тебя, вождь, отецъ, источникъ нашей силы! Богъ всемогуцій да услышитъ твою просьбу; да укрѣпитъ Онъ нашъ измученный народъ и поразитъ враговъ нашихъ! Господи, разсѣй этихъ невѣрныхъ язычниковъ, пошли благословеніе Твое дорогому царю нашему и его храбрымъ полководцамъ, каждому храброму солдату нашему, всѣмъ, кто погибъ въ священной борьбѣ за свободу и

вѣру, намъ всѣмъ, живущимъ въ готовности каждую минуту посвятить свою жизнь отечеству и религіи. Аминь, аминь, аминь! (*Сходитъ съ возвышенія*).

Абинелехъ (*тихо Меиру*).

Если Измаила когда нибудь повѣсятъ, то висѣлица его должна быть сдѣлана изъ дерева, изъ котораго построены были амвоны!

Меиръ.

Такихъ, какъ онъ, не вѣшаютъ: имъ народы ставятъ памятники.

Акиба (*передъ алтаремъ, вынимая изъ за занавѣса Тору*).

Вотъ священная наша Тора, царь; помолимся Всевышнему! (*Подаетъ Тору царю, предварительно поцѣловавъ ее*).

Баръ Кохба (*беретъ Тору и также цѣлуетъ ее*).

Боже, я пришелъ помолиться Тебѣ! Я еще не настолько глупъ, чтобы вѣрить, что Ты милостивѣе для людей въ этомъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ. Однако, какъ меня просили, надоѣдали, мучили, чтобы я въ этомъ мѣстѣ помолился Тебѣ, такъ и я прошу Тебя, надоѣдаю, мучу: Боже, я прошу Тебя, будь милостивъ къ намъ!

Акиба (*сполмолася Баръ Кохбъ*).

Царь, молись иначе!

Баръ Кохба.

Боже! Мнѣ велятъ жаловаться предъ Тобою, что войско наше уменьшилось, что крѣпости наши пали, что жители Бетера вскорѣ будутъ умирать съ голоду... Боже, я упрекаю Тебя лишь въ томъ, что Ты поступилъ со мною несогласно предсказаніямъ пророковъ.

Акиба (*съ отчаяніемъ*).

Царь, молись иначе!

Баръ Кохба.

Боже, какъ рано Ты сдѣлалъ меня старикомъ и суевѣрнымъ! Прежде, бывало, я вынивалъ чашу вина, собиралъ своихъ воиновъ и поражалъ враговъ. Теперь я прихожу сюда къ Тебѣ и умоляю Тебя дать силу мнѣ и народу моему. О, Боже, какъ рано человекъ дѣлается дряхлымъ и суевѣрнымъ!

Голосъ сверху.

Богоотступникъ! Будь трижды проклятъ! Ты погубилъ себя и народъ! (*Между присутствующими смятеніе и шумъ*).

Левиты.

Бать-Коль! Это голосъ съ неба!

Абимелехъ.

Съ чердака!

Народъ.

Богъ, Богъ говорить! Мы погибли! (*Тѣснится къ выходу*).

Акиба.

Иудея погибла!

Баръ Кохба.

Отъ вашихъ молитвъ.

Народъ.

Проклятъ, проклятъ, проклятъ! (*Удаляется со сцены*).

(*Занавѣсъ*).

А. Нессигъ.

(*Окончаніе будетъ*).

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ.

КЪ ГОДОВЩИНѢ РЕВОЛЮЦІИ 1789 ГОДА.

Il faut finir des juifs le honteux esclavage.

Racine.

Великій историческій переворотъ, совершившійся во Франціи ровно сто лѣтъ тому назадъ, открылъ собою новый періодъ въ исторіи образованныхъ европейскихъ народовъ вообще. Этотъ же переворотъ знаменуетъ собою новую эру и въ исторіи многострадальнаго народа еврейскаго—въ частности. Французская революція 1789 года, провозгласивъ общіе принципы «свободы, равенства и братства», впервые провозгласила и частный принципъ — полного гражданскаго равноправія евреевъ. Иначе она и не могла поступить, оставаясь послѣдовательною и вѣрною себѣ.

Замѣчательно, однако, вотъ что: эмансипація евреевъ во Франціи, будучи *логически*, какъ сейчасъ сказано, необходимымъ слѣдствіемъ общихъ принциповъ революціи, *фактически* вовсе не была простымъ выводомъ изъ этихъ принциповъ, не была утверждена сразу и мимоходомъ, какъ простой частный случай, самъ собою опредѣляемый и подразумеваемый общимъ положеніемъ. Нѣтъ, эта эмансипація имѣла свою особую исторію и явилась результатомъ цѣлаго ряда обсужденій, преній и специальныхъ изслѣдованій. Еврейскій вопросъ, благопріятное рѣшеніе котораго должно было подразумеваться самой конституціей и основой ея въ образѣ «Деклараціи правъ человѣка», тѣмъ не менѣе обсуждался въ Учредительномъ Національномъ

Собраніи совершенно особо и, сравнительно, долго; слишкомъ два года (съ 3 августа 1789 по 27 сентября 1791 г.) обдумывался этотъ вопросъ, и въ эти два года онъ породилъ массу преній, петицій и предложеній, выдвинулъ много ораторовъ, говорившихъ за и противъ эмансипаціи евреевъ, словомъ, разрабатывался основательно и спеціально — и былъ наконецъ рѣшенъ лишь наканунѣ закрытія Учредительнаго Собранія. Этотъ любопытный фактъ доказываетъ, съ одной стороны, какъ туго вкорененные вѣками предрасудки поддаются даже самымъ сильнымъ преобразовательнымъ стремленіямъ, а съ другой — что на рѣшеніе еврейскаго вопроса во Франціи слѣдуетъ смотрѣть не какъ на мгновенную вспышку революціоннаго духа, не какъ на увлеченіе, свойственное эпохамъ могучихъ переворотовъ, но какъ на зрѣло обдуманый шагъ, какъ на актъ государственной важности, могущій служить примѣромъ для людей съ самыми различными убѣжденіями, лишь бы эти люди были искренни и не глухи къ голосу правды.

Это послѣднее положеніе подтвердится еще больше, если мы вспомнимъ, въ какой именно періодъ революціи рѣшался еврейскій вопросъ во Франціи. Это былъ первый періодъ революціи, періодъ Учредительнаго Собранія, когда Франція еще не знала тѣхъ крайностей и ужасовъ, какими ознаменовали себя впоследствии Конвентъ и Терроръ. Идеи и стремленія Учредительнаго Собранія были основаны на строгой законности, на монархически-конституціонныхъ принципахъ въ англійскомъ духѣ; они были направлены на преобразование коренныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ легальныя и сравнительно умѣренные. Дѣятелей этого лучшаго періода революціи воодушевляли великіе и вѣчные идеалы, благородное рвеніе къ свободѣ и братству людей, стремленія, прямо проистекавшія изъ философской проповѣди второй половины XVIII вѣка, — этой юности возрожденнаго, проснувагоса отъ долгаго средневѣковаго сна человѣчества. И эти-то люди защищали евреевъ и ратовали за ихъ эмансипацію! Мирабо, аббатъ Грегуаръ, Клермонъ-Тоннеръ, Дюпоръ, — всѣ эти столпы новаго порядка вещей, люди, возбуждающіе удивленіе потомства величіемъ своей души и благородствомъ стремленій, стремленій положительныхъ, зиждительныхъ, а не разрушитель-

ныхъ,—эти-то люди защищали евреевъ, боролись за ихъ эмансипацію и рѣшили еврейскій вопросъ. Они рѣшили его, не какъ вожди революціи, однимъ почеркомъ пера, а какъ истинные государственные люди, послѣ продолжительныхъ специальныхъ изслѣдованій, долгихъ преній и всесторонняго обсуждения. Подробный рассказъ о томъ, какъ обсуждался и какъ рѣшенъ былъ этотъ вопросъ,—рассказъ, составляющій главный предметъ нашего очерка—окончательно подтвердитъ справедливость нашего мнѣнія и убѣдитъ людей, даже нерасположенныхъ такъ думать, въ томъ, что эмансипація евреевъ во Франціи была не простымъ революціоннымъ актомъ, а легальнымъ, государственнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Само собою разумѣется, что допущеніе такого положенія придаетъ уже совсѣмъ другую цѣнность и поучительность исторіи эмансипаціи французскихъ евреевъ.

Эмансипація евреевъ была не отрицательною, а положительною, творческою стороною французской революціи, и этимъ объясняется то, что она легла въ основу эмансипаціи всѣхъ западно-европейскихъ евреевъ. Универсальность французской революціи вообще обуславливаетъ собою и универсальное значеніе еврейской эмансипаціи, ею провозглашенной. Первоначально эта эмансипація коснулась лишь небольшой части еврейства, но самый принципъ равноправія евреевъ, разъ получивъ жизнь, сталъ жить, и развиваться, и крѣпнуть, и если нынѣ нельзя еще сказать, что онъ вездѣ и вполнѣ осуществленъ, то полное торжество его въ будущемъ несомнѣнно, ибо справедливость и любовь составляютъ бессмертную душу этого принципа эмансипаціи...

Есть что-то классическое, величественное въ исторіи великихъ переворотовъ, что-то страстно-героическое и драматическое, придающее имъ особенно глубокой и захватывающей интересъ. Такіе перевороты—это тѣ рѣдкіе, торжественные моменты, когда въ таинственной лабораторіи Кліо зарождаются новыя формы жизни и общественныхъ отношеній. Эти торжественность и классичность обнаруживаются и въ исторіи эмансипаціи французскихъ евреевъ; онѣ проявляются въ рѣчахъ ея ораторовъ.

ровъ, въ дѣяніяхъ ея борцовъ, въ преніяхъ, происходившихъ въ Национальномъ Собраніи и внѣ его. Человѣчество дорожитъ всѣмъ тѣмъ, что относится къ исторіи той знаменательной эпохи, дорожитъ даже ея мельчайшими подробностями. Весьма естественно, что и для насъ, евреевъ, особенно дороги тѣ страницы этой многозначительной исторіи, которыя повѣствуютъ о провозглашеніи нашего равноправія, о прекращеніи нашего многовѣкового рабства. И тѣмъ дороже, тѣмъ важнѣе для насъ эти страницы, что онѣ имѣютъ для насъ не только значеніе пріятныхъ и возвышающихъ душу воспоминаній, но представляютъ для насъ также животрепенущій интересъ, затрогивая наши боли, наши повседневныя горести... Еврейскій вопросъ въ своихъ основаніяхъ всегда и вездѣ одинаковъ; доводы за и противъ эмансипаціи евреевъ поражаютъ своимъ сходствомъ при различныхъ условіяхъ и въ различныя времена. Гдѣ и когда бы ни обсуждался этотъ роковой вопросъ, сущность его остается одна и та же. Вотъ почему и въ исторіи рѣшенія еврейскаго вопроса во Франціи найдутся многія страницы (ихъ даже большинство), которыя могутъ казаться какъ бы вырванными изъ современной исторіи этого вопроса. Разница только въ окраскѣ содержанія, да еще въ томъ, что сто лѣтъ тому назадъ защитники евреевъ составляли громадное большинство, а противники—ничтожное и отверженное меньшинство, между тѣмъ какъ нынѣ мы видимъ нѣчто прямо противоположное: ряды борцовъ за свободу евреевъ все больше и больше рѣдѣютъ, а станъ ихъ враговъ, антисемитовъ и юдофобовъ, умножается новыми силами, служащими дѣлу челоѣконенавистничества, сѣющими гибельную ровнь между людьми-братьями, т. е. борющимися противъ всего того, что завѣщаль намъ историческій переворотъ прошлаго вѣка. Скорбь, глубокая скорбь охватываетъ душу, когда подумаешь объ этомъ грустномъ явленіи, да посравнишь минувшее и нынѣшнее. Отвернемся отъ этого безотраднато настоящаго и обратимся за утѣшеніемъ къ прошлому.

Мы будемъ подробно разсказывать исторію эмансипаціи французскихъ евреевъ на основаніи всѣхъ подлинныхъ документовъ, относящихся къ тому времени, т. е. къ концу про-

шлаго столѣтія ¹. До сихъ поръ нѣкоторые историки пользовались ими лишь мимоходомъ, но никто не сдѣлалъ изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, надлежащаго и полного употребленія, т. е. не составилъ на ихъ основаніи полной исторіи предмета. Первая глава нашего очерка будетъ посвящена краткому обзору положенія евреевъ во Франціи до революціи, такъ какъ безъ этого обзора было бы непонятно многое въ исторіи эмансипаціи французскихъ евреевъ, да и значеніе эмансипаціи не обрисовывалось бы достаточно ярко. Послѣдующія главы будутъ повѣствовать о ходѣ рѣшенія еврейскаго вопроса въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ августа 1789 до сентября 1791 года.

I.

Положеніе евреевъ во Франціи до 1789 года.

Исторія евреевъ во Франціи до революціи представляетъ собою не болѣе, какъ длинный мартирологъ, печальную повѣсть о мукахъ, униженіяхъ и преслѣдованіяхъ, перенесенныхъ евреями въ теченіе почти тысячи лѣтъ. Исторія эта распадается на два главныхъ періода: до и послѣ изгнанія евреевъ изъ Франціи въ 1394 году.

Въ первый изъ этихъ періодовъ евреи жили во Франціи въ значительномъ количествѣ. До конца XI вѣка, совпавшаго съ началомъ крестовыхъ походовъ, они жили тамъ хотя замкнуто, какъ бы подъ опалою, постоянно унижаемые католическимъ духовенствомъ, но все-таки имѣли сносное существованіе. Преслѣдованія начались въ царствованіе короля Филиппа I, кото-

¹ Ихъ немного, но вотъ все существенное: 1) *Moniteur*, официальная газета революціоннаго правительства отъ 1789, 1790 и 1791 г.; 2) *Ha-Meassef*—еврейскій литературный сборникъ, отъ 1789—90 годовъ; 3) *Halphen: Recueil des lois, decrets, ordonances etc., concernant les Israelites depuis la Révolution de 1789. Paris, 1851* (на этотъ сводъ узаконеній о французскихъ евреяхъ намъ чаще всего придется ссылаться). Какъ побочнымъ источникомъ мы пользовались новою книгой *Кана: «Les juifs à Paris depuis le VI siècle, Paris, 1889.* Кромѣ того мы справлялись со всѣми классическими исторіями революціи, съ трудами Тьера, Луи Блана, Шлоссера и др., а также съ ненабѣжною „Исторіей“ Грегца.

рый въ 1096 г. изгналъ множество евреевъ изъ Франціи. Изгнавіе, повидимому, было не полное и временное, ибо, спустя нѣкоторое время, евреи добились терпимости и возвратились въ прежнія мѣста. Настоящая кровавая эра началась для французскихъ евреевъ въ царствованіе Филиппа-Августа (1180—1223) и не прекращалась почти до самаго конца XIV столѣтія. Одинъ историкъ замѣтилъ, что отношенія къ евреямъ въ эту позорную эпоху можно характеризовать тремя словами: хищеніе, грабежь, убійство. Евреи считались рабами, частью государственнаго имущества, и съ ними обращались гораздо хуже, чѣмъ съ рабами въ древности и съ крѣпостными въ новѣйшее время. Имъ запрещали всѣ ремесла и промыслы, кромѣ торговли деньгами. Какъ только они наживались, ихъ имущество отбиралось въ казну, а самихъ ихъ изгоняли. Когда короли опять нуждались въ деньгахъ, они опять призывали евреевъ, опять давали имъ наживаться, и опять въ удобные моменты конфисковали ихъ имущества, изгоняли etc. Такая процедура повторялась въ теченіе двухъ вѣковъ. Достаточно дать самый краткій перечень важнѣйшихъ распоряженій относительно евреевъ, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ положеніи въ то ужасное время. Въ 1182 г. Филиппъ-Августъ приказываетъ имъ выселиться изъ государства въ трехмѣсячный срокъ и конфискуетъ ихъ имущество, движимое и недвижимое. Въ 1198 г. тотъ же король заключаетъ съ графомъ Шампанскимъ договоръ о томъ, чтобы евреи одного изъ нихъ не переходили на землю другого. При Людовикѣ IX Святѣмъ евреи подвергались еще худшимъ гоненіямъ. Этотъ набожный король стремился искоренить самое сѣмя израильское; ибо ненавидѣлъ евреевъ и тѣшилъ ихъ страданіями. Лѣтописецъ-современникъ Жуанвиль рассказываетъ, что Людовикъ однажды такъ выразился о евреяхъ: «Я вамъ говорю, что никто, за исключеніемъ высокихъ духовныхъ лицъ и отличныхъ богослововъ, не долженъ вступать въ пренія съ евреями; каждый мірянинъ долженъ защищать дѣло своей вѣры не только словами, но и добрымъ острымъ мечомъ, которымъ долженъ поражать этихъ хуителей и невѣровъ, пронизая имъ тѣло насквозь, насколько мечъ продѣзетъ» (Mais doit l'omme loy... defendre la chose non pas seulement de parolles, mais à bonne espée

tranchant et en frapper ces medisans et mescréans à travers du corps tant qu'elle y pourra entrer) ¹. Вѣрный своему воззрѣнію, Людовикъ IX всячески терзалъ евреевъ: то объявляетъ, что христіане, должные евреямъ, освобождаются отъ уплаты долговъ или части ихъ (1234 г.); то велитъ сжигать Талмудъ и другія еврейскія книги (1254 г.); то позволяетъ всякому помѣщику захватывать силою «своего еврея», отлучившагося отъ своего мѣстожителства, какъ собственнаго раба. Въ 1269 г. Людовикъ устанавливаетъ особый поворный знакъ на одеждѣ евреевъ: кружокъ изъ желтаго сукна, который всѣ евреи должны были пришивать къ наружной части одежды сверху и носить подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній.

То, что дѣлалъ Людовикъ Святой ради прославленія церкви и отмщенія «еретикамъ», то дѣлалъ король Филиппъ Красивый ради корыстныхъ видовъ. Этотъ король просто торговалъ евреями какъ живымъ товаромъ, и наконецъ, когда они ему стали не нужны, изгналъ ихъ въ 1311 году изъ королевства. Но спустя четыре года, евреи опять понадобились—и вотъ въ 1315 г. преемникъ Филиппа, Людовикъ X, издаетъ декретъ, призывающій ихъ обратно во Францію. Призывъ этотъ объясняется въ началѣ декрета, между прочимъ, и «ропотомъ народа», требовавшаго допущенія евреевъ въ королевство (*de commune clamour du peuple*). Нечего говорить, что евреевъ призвали не ради ихъ собственнаго блага. Вернувшись во Францію, евреи въ XIV вѣкѣ страдали не меньше, чѣмъ въ предыдущемъ, а, пожалуй, даже и больше. Въ это время начались поголовныя избіенія евреевъ по поводу ложнаго обвиненія въ отравленіи ими колодцевъ; посыпались и другія обвиненія, избрѣтенныя дикимъ изувѣрствомъ католическихъ священниковъ и грубымъ суевѣріемъ народа,—и жизнь французскихъ евреевъ дѣлалась все болѣе невыносимою. Лишь немного они передохнули отъ гоненій при Карлѣ V (1364—1380 г.), который былъ милосерднѣе къ евреямъ и давалъ имъ—не права, но кой-какія привилегіи. Эти нѣсколько лѣтъ отдыха евреямъ пришлось,

¹ Приведено у Halphen: Recueil des Lois и пр. (Paris, 1851), во введеніи, стр. XIV.

однако, искупить ужасными страданіями при преемникѣ его, Карлѣ VI. Тотчасъ по вступленіи на престолъ этого короля, население Парижа устроило проживавшимъ въ городѣ евреямъ настоящую вареломеевскую ночь—страшную рѣзню съ разграбленіемъ имущества (1380 г.). Послѣ цѣлаго ряда притѣсненій, направленныхъ противъ евреевъ и окончательно отравившихъ имъ жизнь, этотъ сумасшедшій (по свидѣтельству исторіи) король увѣнчалъ свои дѣянія славнымъ дѣломъ—полнымъ изгнаніемъ всѣхъ евреевъ изъ предѣловъ Франціи въ 1394 году. Этимъ актомъ достойно кончается средневѣковая мартирология евреевъ во Франціи.

Послѣ этого цѣлыхъ сто лѣтъ вовсе не слыхать было о евреяхъ во Франціи. Несчастные, повидимому, и сами избѣгали той страны, которая такъ долго мучила и травила ихъ. Но въ концѣ концовъ горькая нужда и преслѣдованія въ другихъ странахъ загнали нѣкоторую—правда, ничтожную—часть евреевъ во Францію. Это было къ концу XV столѣтія, послѣ знаменитаго изгнанія всѣхъ евреевъ изъ Испаніи и Португаліи въ 1492 и 1496 годахъ. Изгнанники разсѣялись по всей Европѣ и Азіи — и малая частица ихъ попала также въ закрытую для евреевъ Францію. Эта небольшая группа состояла почти вся изъ маррановъ—португальскихъ евреевъ, принявшихъ католичество для виду изъ страха предъ инквизиціей. Поселились они на югѣ Франціи не подъ именемъ евреевъ, а подъ именемъ *новыхъ христіанъ*, и только въ качествѣ таковыхъ ихъ и терпѣли въ «наихристіаннѣйшей» странѣ. Въ серединѣ XVI в. въ южныхъ городахъ Франціи, особенно же въ Бордо, мы замѣчаемъ порядочную колонію, состоящую изъ португальскихъ и испанскихъ евреевъ, все еще извѣстныхъ официально подъ именемъ «новыхъ христіанъ». Члены этой колоніи занимались преимущественно торговлей и промышленностью въ обширныхъ размѣрахъ; среди ихъ было много крупныхъ негоціантовъ и фабрикантовъ. Ихъ коммерческія предпріятія приносили не мало выгоды и казнѣ, и району, гдѣ они жили—и къ нимъ стали относиться довольно благосклонно. Въ 1550 г. обнародована была замѣчательная грамота, данная евреямъ (т. е. псевдохристіанамъ) южной Франціи королемъ Генрихомъ II. Въ этой

грамотѣ разрѣшается имѣ поселиться окончательно въ королевствѣ съ семействами, свободно вести торговлю и даже пользоваться всѣми правами, присвоенными прочимъ обывателямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ. Эта грамота и въ послѣдствіи подтверждалась преемниками Генриха II, а именно: Генрихомъ III въ 1575 г., Людовикомъ XIV въ 1656 г., Людовикомъ XV въ 1723 г. и Людовикомъ XVI въ 1776 г. Только при Людовикѣ XIII южно-французскіе евреи терпѣли гоненія и даже однажды (въ 1615 г.) были временно изгнаны изъ страны, такъ какъ обнаружилось, что подъ маскою «новыхъ христіанъ» они исповѣдуютъ свою іудейскую вѣру. Вскорѣ, однако, мы опять видимъ ихъ въ различныхъ городахъ южной и западной Франціи. Людовикъ XIV, великій самодержецъ и творецъ Нантскаго эдикта, не могъ, конечно, особенно жаловать евреевъ, но тѣмъ не менѣе онъ не слишкомъ стѣснялъ ихъ, считая ихъ полезными для промышленности ¹.

Во всякомъ случаѣ, горсть евреевъ испано-португальскаго происхожденія жила собственно не на основаніи законовъ, общихъ всѣмъ гражданамъ, а на основаніи особыхъ привилегій, выдававшихся королями, подобно тому какъ это было въ старину съ евреями въ Польшѣ. Ихъ терпѣли ради ихъ коммерческихъ способностей, въ которыхъ нуждались. Они пользовались этою терпимостью и жили въ Бордо и нѣкоторыхъ другихъ городахъ южной Франціи тѣсно замкнутою колоніей, подобно караймамъ на югѣ Россіи. Мы употребили сравненіе, которое, какъ сейчасъ убѣдимся фактически, окажется вѣрнымъ не только по существу, но и во всѣхъ подробностяхъ. Евреи португальскаго толка играли во Франціи въ законодательномъ

¹ Знаменитый министръ этого короля Кольберъ, по поводу жалобъ христіанскихъ купцовъ на евреевъ, даетъ слѣдующую инструкцію одному своему чиновнику (въ 1681 г.): «Промышленное соперничество всегда будетъ побуждать купцовъ (христіанъ) къ тому, чтобы гнать евреевъ; но вамъ слѣдуетъ стать выше этихъ побужденій чисто-личныхъ и здраво рассудить, насколько полезна государству обширная промышленная дѣятельность евреевъ, охватывающая, благодаря ихъ письменнымъ сношеніямъ съ единоувѣрцами своими, всѣ части земного шара». См. „Lettres, instructions et memoires de Colbert“, Paris, 1859, t. II, p. 722. Цитируемъ по *Revue des etudes juives*, 1888, t. XVII, p. 126—127.

отношеніи роль караимовъ у насъ: на нихъ смотрѣли сначала какъ на полу-христіанъ, а затѣмъ какъ на «особенныхъ» евреевъ, не имѣющихъ ничего общаго со всѣмъ прочимъ еврействомъ, нѣмецкимъ и польскимъ. Мало-по-малу и они сами пріучились смотрѣть на себя какъ на особую, лучшую и привилегированную отрасль еврейскаго народа и стали свысока смотрѣть на прочихъ своихъ единовѣрцевъ изъ нѣмецкихъ земель, а затѣмъ—прямо враждебно относиться къ нимъ.

А между тѣмъ приливъ нѣмецкихъ евреевъ во Францію все болѣе усиливался. Въ этомъ были повинны отнюдь не евреи, а само французское правительство. Это наихристіаннѣйшее правительство было предубѣждено только противъ евреевъ, но вовсе не противъ захвата чужихъ земель. И вотъ, начиная съ Тридцатилѣтней войны, въ продолженіе цѣлаго столѣтія (1648—1750), оно мало-по-малу оттягиваетъ сосѣднія нѣмецкія провинціи, Эльзасъ и часть Лотарингіи, присваиваетъ себѣ въ нихъ одинъ городъ за другимъ и наконецъ присоединяетъ обѣ провинціи къ своей территоріи. Но вотъ бѣда: въ прекрасныхъ провинціяхъ, отторгнутыхъ отъ Германіи, оказывается масса евреевъ, которая подъ нѣмецкимъ владычествомъ жила хоть униженно, но все-таки сносно, а въ католической Франціи не могла быть терпима (NB. Аналогичное явленіе—въ Польшѣ въ 1772 г., но присоединеніи нѣкоторыхъ ея провинцій «съ евреями» къ Россіи, гдѣ раньше терпѣлось лишь незначительное количество евреевъ). Подвергнуть ихъ поголовному изгнанію, какъ это дѣлали частенько въ средніе вѣка, было неудобно, да и вдобавокъ приближался «вѣкъ просвѣщенія», и понятія нѣсколько измѣнились. Осталось только держать новыхъ подданныхъ въ черномъ тѣлѣ, дѣлать имъ жизнь несносною,—и вотъ создается цѣлое запретительное и ограничительное законодательство, опутывающее своею сѣтью всю жизнь эльзасо-лотарингскихъ евреевъ до мельчайшихъ ея сторонъ и держащее ихъ какъ въ тискахъ. Это законодательство дѣйствовало особенно строго въ теченіе XVIII вѣка, вплоть до 1789 года, и на немъ стоитъ подольше остановиться.

Самое большое число евреевъ проживало въ двухъ главныхъ городахъ названныхъ провинцій—въ Мецѣ и Страсбургѣ, изъ

которыя первый заселенъ французами еще въ XVI в. и съ 1648 г. формально присоединенъ къ Франціи, а второй присоединенъ къ ней въ 1681 г. Евреи, жившіе въ этихъ городахъ, занимались преимущественно торговлей; но такъ какъ тамъ жило немало и христіанъ, занимавшихся также торговлей, то евреи, какъ невыгодные конкуренты, всячески притѣснялись, и торговыя права ихъ часто ограничивались по ходатайствамъ купцовъ-христіанъ. Предоставленныя имъ ничтожныя права они должны были оплачивать крайне дорого. Налоги съ нихъ брались громадныя. Въ Мецѣ, согласно указу 31 декабря 1715 г., со всякаго еврейскаго семейства взимался налогъ въ 40 ливровъ ежегодно за право проживанія; въ слѣдующемъ году весь этотъ доходъ съ мецкихъ евреевъ подаренъ былъ королемъ герцогу Бранка и графинѣ Фонтенъ съ потомствомъ. Въ 1718 г. христіанскіе купцы Меца ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ ограниченіи числа евреевъ, имѣющихъ право проживать въ городѣ, опредѣленнымъ числомъ и о запрещеніи имъ всякихъ торговыхъ занятій кромѣ ссуды денегъ. Вслѣдствіе этого ходатайства, регентъ герцогъ Орлеанскій издалъ слѣдующее положеніе о евреяхъ: число ихъ въ Мецѣ не должно превышать 480 семействъ; строго слѣдить за тѣмъ, чтобъ это число не увеличивалось; всѣ евреи обязаны жить въ одномъ особомъ кварталѣ (Saint-Ferron); кромѣ ежегоднаго налога въ 20,000 ливровъ въ пользу герцога Бранка и графини Фонтенъ, они должны платить разныя другіе налоги въ пользу городскихъ и церковныхъ учрежденій; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ имъ запрещается ходить по городу (*aller par la ville*) и работать публично; ихъ ссудный промыселъ обставленъ массою мелкихъ ограниченій, etc., etc.¹. Въ прочихъ городахъ Лотарингіи также дѣйствовали подобныя ограничительныя законы относительно евреевъ съ 1766 года (въ этомъ году, какъ извѣстно, большая часть Лотарингіи вышла изъ управленія нѣмецкихъ князей и польскаго короля, владѣвшихъ ею временно между 1697 и 1766 годами, и окончательно присоединена къ Франціи).

Не лучше обстояло еврейское дѣло въ Страсбургѣ и вообще

¹ Подробно см. Halphen, Recueil des Lois etc., pp. 174—177.

въ Эльзасѣ. Одинъ историкъ справедливо замѣчаетъ, что «быть можетъ, ни въ одной странѣ Европы евреи не страдали такъ сильно, какъ въ присоединенной къ Франціи нѣмецкой провинціи Эльзасѣ»¹. Всѣ причины заклѣтой ненависти: церковная нетерпимость, антипатія расъ, произволь дворянъ, корыстолюбіе, цеховая зависть и грубость нравовъ—все соединилось здѣсь для того, чтобы превратить существованіе евреевъ, въ столѣтіе просвѣщенія, въ непрерывную цѣпь адскихъ мученій, которыя притомъ были такого мелочного характера, что не могли вызвать со стороны угнетаемыхъ героическаго отпора. Дворянство и городскія сословія въ Эльзасѣ не хотѣли внять голосу гуманности, который такъ краснорѣчиво раздавался въ тогдашней французской литературѣ, и не отступали ни на іоту отъ дарованныхъ имъ въ старое время привилегій, которыя превратили для нихъ евреевъ чуть-ли не въ доходную орду крѣпостныхъ. Въ Эльзасѣ жило около трехъ-четырехъ тысячъ еврейскихъ семействъ (15—20 тысячъ душъ). Дворяне имѣли право принимать новыя семейства и прогонять старыя. Число евреевъ въ Эльзасѣ не должно было увеличиваться. Это постановленіе имѣло тѣ же послѣдствія, какъ таковыя же постановленія въ Австріи и Пруссіи: младшіе сыновья были осуждены на безбрачіе или на изгнаніе изъ отечества, а младшія дочери на вѣчную дѣвственность. Положеніе евреевъ въ этой провинціи было даже хуже, потому что здѣсь нѣмецкое мѣщанство—коренное населеніе Эльзаса—ревностно оберегало этотъ фараоновскій законъ и наблюдало за французскими чиновниками, чтобы они не смѣли дѣлать какія либо послабленія въ пользу несчастныхъ. Само собою разумѣется, что евреи были замкнуты въ своихъ гетто и только въ исключительныхъ случаяхъ могли показываться въ другихъ частяхъ города. За то они обязаны были платить подати въ непосильныхъ размѣрахъ. Въ Эльзасѣ они обязаны были платить королю за покровительство, подати епископу Страсбурга и графу Гагенау, и сверхъ того квартирный налогъ дворянамъ, въ помѣстьяхъ которыхъ они жили, и военныя повинности. Право жительства не переходило здѣсь

¹ Грецъ, Исторія евреевъ, т. XI, стр. 54 (рус. перев.).

даже отъ отца къ старшему сыну, и по смерти отца сынъ, точно чужестранецъ, пришедшій умолять о кровѣ, долженъ былъ покупать съизнова у помѣщика право жить въ его помѣстьи. Кромѣ того, евреевъ могли выгонять во всякое время, когда бы помѣщику ни вадумалось отказать имъ въ своемъ покровительствѣ. Поэтому они должны были поддерживать доброе расположеніе къ себѣ не только помѣщика, но и его прислужниковъ подарками къ новому году и при другихъ случаяхъ. Почти всѣ ремесла и всѣ роды торговли были запрещены евреямъ. Они по закону могли торговать только скотомъ и заниматься золотыми и серебряными издѣліями. Если они хотѣли выѣзжать по дѣламъ въ другія провинціи, то должны были подвергаться всѣмъ тягостямъ паспортной системы и платить подушную пошлину. Въ главномъ городѣ Эльзаса, въ Страсбургѣ, ни одинъ пріѣзжій еврей не могъ оставаться на ночь. Страшныя ограниченія въ промыслахъ бросили ихъ въ омутъ ростовщичества. Болѣе состоятельные изъ нихъ давали въ долгъ мелкимъ ремесленникамъ, крестьянамъ и виноградарямъ, подѣ страхомъ потерять свои деньги, и потому требовали себѣ большихъ процентовъ или пускали въ ходъ хитрости. Это вызвало противъ нихъ раздраженіе; ихъ обвиняли въ обѣднѣніи народа, и это обвиненіе сдѣлалось для нихъ источникомъ несказанныхъ страданій. «Они находились въ такомъ плачевномъ положеніи, что были вынуждены губить и себя и другихъ»¹. То зло, которое было необходимымъ слѣдствіемъ ихъ ненормальнаго положенія, приписывалось имъ—и такимъ образомъ они одновременно страдали и отъ мѣропріятій правительства, и отъ вражды народа.

Очень худо жилось и той небольшой колоніи евреевъ, которую судьба занесла въ самую столицу королевства—въ Парижъ. Полиція ихъ страшно преслѣдовала и когда находила евреевъ, «незаконно» проживавшихъ въ столицѣ, то немедленно таковыхъ высылала. Эти строгости не касались португальскихъ евреевъ, къ которымъ были снисходительны и которые имѣли вліятельнаго покровителя въ лицѣ своего единовѣрца *Родрига*

¹ Ibid., стр. 55—56.

Перейра, знаменитаго филантропа, перваго учредителя институтовъ для глухонѣмыхъ. Отъ жестокихъ предписаній парижской полиции страдали больше всего несчастные нѣмецкіе евреи, пріѣзжавшіе въ Парижъ изъ Эльзаса и Лотарингіи. Впрочемъ, благородный *Перейра* оказывалъ помощь и многимъ изъ нихъ, и людямъ, снабженнымъ подлежащими рекомендаціями мѣстныхъ властей и разными другими документами, часто разрѣшалось жить въ Парижѣ, благодаря лишь его ходатайствамъ предъ полиціймейстеромъ (*lieutenant de police*)¹.

Король Людовикъ XVI оказался въ еврейскомъ вопросѣ такимъ же нерѣшительнымъ и непостояннымъ, какимъ былъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ вопросамъ величайшей государственной важности. Онъ то подъ вліяніемъ новѣйшихъ вѣяній старался облегчать положеніе евреевъ, то, наоборотъ, подтверждалъ прежніе суровые о нихъ законы. Такъ, въ одномъ и томъ же году (1784) онъ издалъ два противорѣчащихъ другъ другу распоряженія. Въ одномъ изъ нихъ онъ уничтожаетъ позорный «тѣлесный налогъ» (*réage corporel*), взимавшійся исключительно съ евреевъ. Въ королевскомъ приказѣ по этому поводу говорится, между прочимъ: «мы слышали, что въ Эльзасѣ и при вѣздѣ въ городъ Страсбургъ съ евреевъ взимаютъ тѣлесный налогъ, приравнивающій ихъ къ скотамъ. Но такъ какъ нашимъ чувствамъ, простираемымъ нами на всѣхъ подданныхъ, противно существованіе такого налога, оскорбляющаго человѣческое достоинство, то мы сочли нужнымъ освободить ихъ отъ этой пошлины» etc. Другой королевскій приказъ, отъ 10-го іюля того же года—прямо противоположнаго свойства. Въ немъ предписывается рядъ запретительныхъ мѣръ относительно эльзасскихъ евреевъ. Предписывается выселять изъ Эльзаса въ трехмѣсячный срокъ всякаго еврея, который не заплатитъ налога «за покровительство» королю, налоговъ за «допущеніе и право жительства» — помѣщикамъ и городскимъ магистратамъ, и контрибуціи на общинныя потребности; никакой помѣщикъ и никакое городское общество не имѣетъ права допускать у себя на жительство иноземнаго еврея, подъ страхомъ большой пени.

¹ Ср. *L. Kahn*, *Les juifs à Paris*, стр. 59 и др.

Ни одинъ эльзасскій еврей не имѣетъ права вступать въ бракъ, не испрашивая на это королевскаго разрѣшенія, и за нарушеніе этого предписанія грозить... изгнаніе изъ Франціи и пеня въ 3,000 ливровъ ¹.

Такая противорѣчивая политика, конечно, могла только еще больше запутать еврейскій вопросъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ уже назрѣлъ и требовалъ неотложнаго рѣшенія, наряду съ прочими общегосударственными вопросами. Литература содѣйствовала еще большому обостренію этого вопроса. Стали появляться полемическія брошюры и книги за и противъ евреевъ. Одна юдофобская книжка, авторомъ которой оказался *Гелль*, отставной эльзасскій чиновникъ и шантажистъ (заглавіе ея—«*Observations d'un Alsacien sur les affaires des juifs en Alsace*»), надѣлала въ 1780 году цѣлый переполохъ среди евреевъ и христіанъ, благодаря низкой агитаціи ея автора, который, однако, вскорѣ поплатился и по декрету короля былъ высланъ изъ Эльзаса. Но къ чести тогдашней литературы надобно сказать, что такіе памфлеты были все-таки рѣдки и лучшею частью общества клеймились, какъ противные гуманному духу времени. Этотъ духъ времени выдвинулъ на литературное поприще рядъ борцовъ за еврейскую эмансипацію, громкія имена которыхъ доселѣ благоговѣнно чтить потомство, между тѣмъ какъ имена гонителей евреевъ давно преданы позору и забвенію. То были славные люди: *Мирабо*, *аббатъ Грегуаръ*, *Адольфъ Тьерри*—изъ христіанъ; *Битъ* и *Залкиндъ Гурвицъ*—изъ евреевъ. Мирабо горячо защищалъ евреевъ въ своей книгѣ «*О Мендельсонѣ и политической реформѣ евреевъ*» ². «Вы хотите, — восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ этой книги,—чтобы евреи сдѣлались лучшими людьми, полезными гражданами! Такъ изгоните же изъ общества всякія унизительныя различія, откройте имъ всѣ пути къ приобрѣтенію и существованію; не запрещайте евреямъ заниматься земледѣліемъ, ремеслами и механическими искусствами, а, напротивъ, поощряйте ихъ къ этому. Старайтесь, чтобъ

¹ *Halphen*, назв. соч., стр. XXXIV.

² *Sur Moses Mendelsson et la réforme politique des juifs, par le comte de Mirabeau, Londres, 1787.*

евреи, не оставяя священной религіи своихъ отцовъ, изучали природу и ея законы, основанія общественнаго благоустройства; разъясните имъ интересы человѣчества и того великаго народа, часть котораго они составляютъ. Поставьте еврейскую школу на равную ногу съ христіанской во всемъ, что не касается религіи; оставьте имъ полную свободу исповѣданія. Словомъ, дайте имъ всѣ права гражданъ—и они сейчасъ же двинутся по пути гражданскаго развитія. Государство поможетъ имъ этимъ излечиться отъ тѣхъ пороковъ, которые оно же имъ привило и въ которыхъ ихъ сдѣлала виновными поневолѣ».

Съ большимъ жаромъ и краснорѣчіемъ защищали евреевъ также и аббатъ Грегуаръ, Тьерри и Гурвицъ. Сочиненія этихъ трехъ лицъ вызваны были особымъ случаемъ. Въ 1785 году «Королевское Общество наукъ и искусствъ» въ Мецѣ назначило премію за лучшее сочиненіе на тему: *«Есть-ли средства сдѣлать евреевъ болѣе полезными и болѣе счастливыми во Франціи»*. Конкурсъ былъ назначенъ на 25-е августа 1787 года. Къ этому сроку поступило въ «Общество» девять записокъ, изъ коихъ удостоились преміи три самыя замѣчательныя, принадлежавшія перу трехъ названныхъ авторовъ¹. Всѣ три записки стояли за безусловную эмансипацію евреевъ. Наболѣе выдающеюся изъ нихъ была записка Грегуара, вполнѣдствіи напечатанная подъ заглавіемъ: «Опытъ о физическомъ, нравственномъ и политическомъ возрожденіи евреевъ». Грегуаръ былъ аббатъ, т. е. членъ французскаго духовенства, но ратовалъ за евреевъ какъ свободный мыслитель. Въ этомъ благородномъ челѣвкѣ воплотилась и сосредоточилась какъ-бы проснувшаяся совѣсть католическаго духовенства, многіе вѣка терзавшаго и мучившаго евреевъ; ему страстно хотѣлось загладить это тысячелѣтнее преступленіе своихъ предковъ, искупить его борьбою за евреевъ, за ихъ благо и успокоеніе. Онъ любилъ евреевъ всѣмъ сердцемъ не только какъ потомковъ великаго народа, учителя человѣчества, но еще больше какъ страждущихъ и несчастныхъ. Въ своемъ сочиненіи онъ еще до

¹ Подробно объ этомъ эпизодѣ можно найти въ нашей статьѣ: «Коммисія по еврейскому вопросу во Франціи въ 1785—1788 гг.» «Восходъ» 1883 г., кн. X.

революціи защищалъ евреевъ, и онъ же первый поставилъ еврейскій вопросъ на очередь, по возникновеніи революціи, въ Национальномъ Собраніи. Въ упомянутой нами запискѣ онъ говорилъ совершенно въ духѣ Мирабо, только съ болѣе религіознымъ, евангельскимъ оттѣнкомъ. Въ такомъ же духѣ написано и сочиненіе Адольфа Тъери, парламентскаго адвоката изъ Нанси, озаглавленное «Разсужденіе о вопросѣ: можно-ли сдѣлать евреевъ болѣе счастливыми и полезными во Франціи». Записка Залкинада Гурвица (ученаго польскаго еврея, достигшаго высокаго званія бібліотекаря при Королевской парижской бібліотекѣ) имѣетъ болѣе научную, историческую подкладку, но направлена къ той же цѣли ¹.

Эта литературная агитація, происходившая въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, выдвинула еврейскій вопросъ впередъ и сдѣлала его однимъ изъ неотложныхъ «вопросовъ дня». Въ правительственныхъ сферахъ также стали чувствовать необходимость скорѣйшаго рѣшенія этого вопроса, ибо положеніе евреевъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи было дѣйствительно вопіющее. Въ виду всего этого, была учреждена, еще въ 1784 г., особая коммисія подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ *Мальзерба*, человека благороднаго и гуманнаго. Коммисія должна была выработать проектъ улучшенія еврейскаго быта во Франціи. Мальзербъ пригласилъ въ эту коммисію не чиновниковъ, не знающихъ жизни еврейской и умѣющихъ только строить, а свѣдущихъ людей изъ среды самихъ евреевъ. Представителями эльзасъ-лотарингскихъ евреевъ въ коммисіи были: извѣстный дѣятель и ходатай за права евреевъ *Серфъ Берръ* и будущій ратоборецъ за эмансипацію во время революціи— *Исаакъ Берръ*; были также уполномоченные и отъ привилегированныхъ южно-французскихъ евреевъ, какъ-то: Фуртадо, Градисъ, Исаакъ Родригесъ, Лопесъ-Дюбекъ etc. Коммисія работала нѣсколько лѣтъ. Главные ея члены Серфъ Берръ и Фуртадо представили Мальзербу, 15 іюня 1788 года, подроб-

¹ Выдержки изъ всѣхъ этихъ трехъ записокъ, равно какъ исторіи ихъ, можно найти въ статьѣ, означенной въ предыдущемъ примѣчаніи, куда мы и отсылаемъ любопытныхъ читателей, освобождая себя отъ лишнихъ цитатъ.

ный проектъ, въ которомъ они требовали для евреевъ: права повсемѣстнаго въ королевствѣ жительства, полной свободы промысловъ, права покупать и обрабатывать землю, допущенія къ общественнымъ и судебнымъ должностямъ¹ и т. п. Этотъ проектъ показался, вѣроятно, слишкомъ смѣлымъ нерѣшительному правительству, вдобавокъ потерявшему голову въ путаницѣ событій, предшествовавшихъ революціи. А между тѣмъ великій переворотъ былъ уже на порогѣ—и когда онъ, наконецъ, совершился, еврейскій вопросъ вошелъ въ новый фазисъ, въ которомъ мы увидимъ его въ слѣдующихъ главахъ.

II.

Французскіе евреи при наступленіи революціи.

Ко времени открытія генеральныхъ штатовъ (5-го мая 1789 г.) положеніе евреевъ во Франціи представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Численность евреевъ въ королевствѣ доходила всего до 50,000 человекъ. Около половины этого числа приходилось на Эльзасъ; приблизительно десять тысячъ евреевъ жило въ Мецѣ, Нанси и прочихъ городахъ Лотарингіи, 500 евреевъ жило въ самомъ Парижѣ, а остальные были разбѣяны на югѣ и западѣ Франціи, въ Бордо, Авиньонѣ, Байонѣ, Руанѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Послѣдніе принадлежали къ *сефардскому* (испано-португальскому) толку, между тѣмъ какъ первые, т. е. огромное большинство, состояло изъ *ашкеназимъ*—нѣмецкихъ евреевъ двухъ провинцій. Какъ мы уже говорили выше, немногочисленные южно-французскіе евреи находились въ привилегированномъ положеніи и *de jure*, по крайней мѣрѣ, считались почти полноправными гражданами, между тѣмъ какъ многочисленные нѣмецкіе евреи считались паріями и больше всего страдали отъ исключительныхъ законовъ. Пропастъ, вырытая такимъ образомъ законодательствомъ между двумя частями еврейства, еще болѣе углублялась внутреннимъ

¹ Свѣдѣніе объ этомъ проектѣ, до сихъ поръ почти неизвѣстномъ, мы нашли въ недавно вышедшей книгѣ *Кана* «Les juifs à Paris» etc. (Paris, 1889), pp. 62—63.

разладомъ между обѣими группами. Португальскіе евреи, эти французскіе караимы, считали себя аристократіей еврейства и не хотѣли знаться съ отверженнымъ плебействомъ, съ евреями нѣмецкими; плебеи же, въ которыхъ было гораздо больше умственныхъ способностей и энергіи, чѣмъ въ «аристократіи», смотрѣли на послѣднюю не безъ зависти и отвѣчали непріязнью на непріязнь. Эта печальная рознь очень вредила дѣлу евреевъ во Франціи, особенно же наканунѣ и при наступленіи революціи. Все тогда находилось въ движеніи; составлялись проекты всевозможныхъ реформъ и улучшеній, тщательно диктовались инструкціи (cahiers) депутатамъ генеральныхъ штатовъ, причемъ депутатамъ Эльзаса и Лотарингіи вручены избирателями большою частью враждебныя евреямъ инструкціи, — а между тѣмъ евреи сидѣли сложа руки и ничего не предпринимали для улучшенія своего невыносимаго положенія. За два слишкомъ мѣсяца до открытія штатовъ, 23 февраля 1789 года, поборникъ еврейской эмансипаціи аббатъ Грегуаръ пишетъ слѣдующее къ эльзасскому еврею Исакъ Бингу, автору упомянутой выше апологіи евреевъ: «Скажите мнѣ на милость, любезный, неужели же наканунѣ открытія генеральныхъ штатовъ вы не считаете нужнымъ соединиться съ другими членами вашей націи для того, чтобы требовать для нихъ правъ гражданства? Богъ чѣмъ когда либо это необходимо одѣлать теперь: теперь-то и самое время для этого!»¹ Евреи, можетъ быть, остались бы глухи и къ этому дружественному голосу извнѣ и продолжали бы сидѣть сложа руки, еслибъ неожиданныя печальныя событія не вывели ихъ изъ такого состоянія.

Исторія и даже самая близкая современность убѣждаютъ насъ въ томъ постоянномъ фактѣ, ставшемъ почти закономъ, что въ эпоху общественнаго броженія, смуты или анархіи евреи, находящіеся въ безправномъ состояніи, обыкновенно являются первыми жертвами разнузданности черни. Въ людяхъ, особливо же въ подонкахъ общества, есть, къ несчастью, эта звѣрская наклонность давить слабыхъ, угнетать гонимыхъ и беззащитныхъ и вымещать на нихъ свою злобу. Евреи, обижаемые за-

¹ Ср. «Archives Israélites» 1844 г., стр. 416, прив. у Греца XI, 170, прим.

кономъ или, точнѣе, находящіеся внѣ общаго закона, являются въ такіе смутные моменты удобными объектами всякихъ разрушительныхъ упражненій толпы. Такъ было и во Франціи въ первый моментъ всеобщей смуты, наступившей вслѣдъ за разрушеніемъ Бастиліи (14 іюля 1789 г.). Этотъ первый взрывъ революціи воспламенилъ умы во всей странѣ — и рядомъ съ хорошими чувствами, которыя онъ долженъ былъ вызвать, онъ породилъ немало и дурныхъ, стихійныхъ и грубыхъ. Раздраженный многовѣковымъ угнетеніемъ подъ игомъ феодаловъ-крупныхъ и деспотическаго духовенства, народъ, почувявъ новыя вѣянія, сталъ во многихъ мѣстахъ страны разрушать и сжигать замки дворянъ, монастыри, хоромы богатей, сталъ даже убивать многихъ помѣщиковъ, грабилъ ихъ добро, громилъ и свирѣпствовалъ. Эта месть, хотъ и неразумная, была по крайней мѣрѣ психологически объяснима: народъ мстилъ своимъ тиранамъ. Но вотъ въ Эльзасѣ нашлись безсердечные люди, которые подстрекали толпу къ нападеніямъ на евреевъ, т. е. на наиболѣе обдѣленную и угнетенную часть народа — и подстрекательство не замедлило оказать свое дѣйствіе. Въ концѣ іюля 1789 г. въ Эльзасѣ, во многихъ мѣстахъ, низшіе классы народа нападали на евреевъ, разрушали ихъ дома, грабили имущество, словомъ — устраивали погромы настоящіе, въ родѣ тѣхъ, какіе происходили на нашихъ глазахъ. Евреи — по мѣткому выраженію одного историка — до сихъ поръ унижаемые и притѣсняемые дворянами и духовными, сдѣлались по страданіямъ товарищами своихъ тирановъ. Охваченные паникой, эльзасскіе евреи покидали свои жилища и спасались большею частью въ Базель, гдѣ населеніе отнеслось къ нимъ съ состраданіемъ и пріютило ихъ, не смотря на то, что по закону они не имѣли права тамъ жить.

Національное Собраніе получало точныя свѣдѣнія о происходившихъ въ Эльзасѣ еврейскихъ погромахъ. Получало оно массу жалобъ и отъ евреевъ, воспрянувшихъ отъ своего бездѣйствія въ виду грозившей имъ опасности. Въ то же время эльзасскіе евреи обратились съ просьбой о заступничествѣ и къ аббату Грегуару — и послѣдній въ Національномъ Собраніи, въ засѣданіи 3-го августа, произнесъ горячую рѣчь,

въ которой нарисовалъ картину неслыханныхъ преслѣдованій, которымъ евреи только что подверглись въ несчастной провинціи. Грегуаръ заявилъ, что, какъ служитель религіи, предпринимающей смотрѣть на всѣхъ людей какъ на братьевъ, онъ считаетъ долгомъ требовать внимательства Собранія въ пользу гонимаго и несчастнаго еврейскаго народа ¹. Собраніе выслушало рѣчь Грегуара, выразило сочувствіе евреямъ и готовность облегчить ихъ положеніе, но не высказало ничего рѣшительнаго по поводу возбужденнаго вопроса. Оно находилось тогда въ крайнемъ напряженіи. Заявленіе Грегуара совпало почти съ однимъ изъ торжественнѣйшихъ моментовъ въ исторіи революціи. Въ ночь того же дня, въ знаменитую ночь на 4-е августа, происходили въ Собраніи страстныя пренія о редакціи основъ конституціи—такъ называемой «Декларациі правъ чело-вѣка». Всѣ были разгорячены, возбуждены представлявшейся грандіозною перспективою будущаго, судьба котораго рѣшалась въ этотъ моментъ. Въ порывѣ восторга и великодушія, депутаты дворянъ и духовенства торжественно отреклись отъ своихъ правъ и привилегій и наперерывъ «приносили ихъ въ жертву (какъ тогда выражались) на алтарь отечества». Всѣ сословныя перегородки были разомъ разрушены. Въ этомъ возбужденномъ состояніи все вниманіе Собранія было сосредоточено на общихъ, основныхъ вопросахъ, а потому оно не могло спеціально заниматься вопросомъ еврейскимъ.

Между тѣмъ происходило сильное броженіе и среди евреевъ. Всеобщаго единодушія между разными ихъ группами еще не было, но все-таки интересъ къ общему дѣлу былъ возбужденъ. Въ Парижѣ около ста евреевъ, въ пылу патриотизма, вступили въ національную гвардію; то же было и въ Бордо. Стали организоваться депутаціи для ходатайства предъ Національнымъ Собраніемъ о равноправности евреевъ. Каждая группа имѣла свою депутацію. Бордоскіе евреи послали въ Парижъ четырехъ депутатовъ: Фуртадо (который былъ кандидатомъ въ депутаты еще при выборахъ въ генеральныя штаты), Градиса, Лопесь-Дюбека и Родрига, и поручили имъ хлопотать о при-

¹ Moniteur отъ 1-го до 3-го августа. Halphen, стр. 179.

знаніи закономъ ихъ равноправности, до тѣхъ поръ существовавшей лишь на бумагѣ. Парижскіе евреи послали одиннадцать депутатовъ въ Национальное Собраніе (съ Гольдшмитомъ и Лопецъ-Лагуномъ во главѣ); они имѣли ходатайствовать объ уничтоженіи всѣхъ исключительныхъ, позорящихъ евреевъ законовъ и о признаніи ихъ полноправными гражданами. Депутатія отъ мецскихъ евреевъ имѣла спеціальную просьбу—о снятіи съ ихъ общины прежнихъ тяжелыхъ налоговъ и недоимокъ, которыхъ они не въ состояніи уплатить. Ходатаемъ за лотарингскихъ евреевъ былъ Беръ-Исаакъ Берръ, который добивался, кромѣ равноправія гражданскаго, и внутренней общинной автономіи для евреевъ. Другіе депутаты, напримѣръ, люневильскіе, сопротивлялись отреченію къ автономіи и желали только трехъ вещей: аванія гражданъ, свободы жительства и промысловъ и свободы религіи. Всѣ депутатіи выжидали только удобнаго момента, чтобы явиться съ своими просьбами предъ Национальнымъ Собраніемъ.

Первою представилась Собранію депутатія отъ парижскихъ евреевъ, которые сильнѣе всѣхъ были воодушевлены стремленіемъ къ свободѣ и другими принципами великой революціи. Въ адресѣ, представленномъ ими Собранію 26-го августа 1789 г., они хлопотали не о корпоративныхъ своихъ интересахъ, а объ интересахъ всего еврейства. Они требовали рѣшенія еврейскаго вопроса въ смыслѣ строго согласномъ съ новыми началами, управлявшими Франціей. Вообще, адресъ парижскихъ евреевъ отличался краснорѣчіемъ и убѣдительностью¹.

Аббатъ Грегуаръ между тѣмъ также не дремалъ и продолжалъ бороться за дѣло евреевъ. Вскорѣ послѣ своего заявленія

¹ Текстъ этого адреса былъ въ свое время напечатанъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ «Adresse présentée à l'Assemblée Nationale le 26 août 1789 par les juifs résidant à Paris» (1789), какъ видно изъ книги «Les juifs à Paris» Леона Кана, который пользовался этою брошюрой. Мы видѣли этотъ адресъ въ древне-еврейскомъ переводѣ, въ журналѣ «Гамаеасефъ» 1789 года, стр. 366—371. Здѣсь говорится, что адресъ поданъ 4-го Элула, что по сдѣланному нами вычисленію точно совпадаетъ съ датой 26-го августа. Адресъ парижской депутатіи имѣеть подъ собою слѣдующія подписи: Яковъ Гольдшмитъ, Абрамъ Лопецъ-Лагона, М. Вейль, І. Бенжаменъ, І. Фернадесъ, Мардохей Леви, Лазарь Жакоби, Тренель, Мардохей Эли, Жозефъ Перейра-Брандонъ и Делькампо.

отъ 3-го августа, онъ обнарудовалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Предложеніе въ пользу евреевъ» (Motion en faveur des juifs). Въ этомъ сочиненіи онъ снова излагаетъ мотивы необходимости скорѣйшей эмансипаціи евреевъ и, между прочимъ, обращаясь къ Національному Собранію, патетически восклицаетъ: «Пятьдесятъ тысячъ французовъ проснулись сегодня рабами; отъ васъ вполне зависитъ, чтобы онѣ легли спать свободными людьми!»¹.

Желаніе благороднаго энтузіаста сбылось, но далеко не такъ скоро, какъ онъ думалъ. Евреямъ предстояло еще цѣлыхъ два года бороться за свою эмансипацію, и вопросъ о ней еще долго волновалъ умы какъ въ Національномъ Собраніи, такъ и внѣ его.

С. Мстиславскій.

(Продолженіе будетъ).

¹ *Kahn, Les Juifs à Paris, p. 64.*

МАКАРКА.

ЭСКИЗЪ.

(Изъ жизни незамѣтныхъ людей).

...Весна въ томъ году наступила рано. Лужи и цѣлые ручьи грязи, еще недавно широкой волной заливавшiе улицы, сразу высохли подѣ палящими лучами солнца и вмѣсто нихъ ужъ завилась столбомъ пыль...

По одной изъ кривыхъ улицъ Бабьяго городка, за Москвой-рѣкой, шелъ, согнувшись подѣ ранцемъ и опустивъ голову, гимназистъ — черноватый юноша, средняго роста, лѣтъ шестнадцати-семнадцати. Онъ былъ, повидимому, сильно удрученъ, то и дѣло вздыхалъ, останавливался... Простоявъ минуты двѣ на одномъ мѣстѣ, онъ вошелъ въ церковный дворъ и въ изнеможенiи почти упалъ на скамью. Кругомъ было совершенно тихо... Пахло талой землей, свѣжей травкой... На нераспустившейся еще березѣ, неутомно чиркая, прыгали воробьи. «Не допущенъ, — прошепталъ гимназистъ, ломая руки, — не допущенъ, не допущенъ», — повторилъ онъ еще и еще разъ съ возрастающимъ отчаяньемъ. Губы его искривились и слезинки быстро-быстро закапали изъ его уже заплаканныхъ черныхъ глазъ. Все его существо наполняла лишь одна мысль — какъ теперь показаться домой. Эта мысль сверлила въ его мозгу съ того самаго рокового момента, когда до ушей его долетѣла ужасная фраза инспектора «не допущены: Кабалкинъ Макаръ, Гавриловъ Алексѣй» и т. д. Онъ отлично зналъ, что ничего не придумаешь, что идти домой нужно, и все-таки ни о чемъ, кромѣ этого, думать не могъ. «Нечего дѣлать», произнесъ онъ вслухъ, всталъ, подтянулъ ранецъ и побрелъ дальше медленнымъ ша-

гомъ, словно надѣясь увеличить разстояніе, отдѣлявшее его отъ дома. Не глядя завернулъ онъ въ грязный переулокъ, весь уголокъ котораго занималъ неуклюжіи деревянный домъ съ мезониномъ. У открытыхъ настежь воротъ стояла женщина. Увидавъ гимназиста, она обратила къ нему свое смуглое, худое лицо съ тонкими чертами и проговорила пѣвучимъ гортаннымъ голосомъ: «Что, Макарка, выдержалъ?»—Макарка ограничился кивкомъ головы и молча пропыхнулъ въ калитку. Добравшись до своей комнаты, онъ съ ожесточеніемъ сбросилъ съ себя гимназическіе доспѣхи, далъ тумака визжавшимъ и вившимся на полу братишкамъ и сестренкамъ, и сорвавъ такимъ манеромъ сердце, бросился ничкомъ на жесткій диванъ...

Отецъ Макарки, Абрамъ Марковичъ Кабалкинъ, принадлежалъ къ тому довольно многочисленному разряду столичныхъ евреевъ, который слыветъ зажиточнымъ, хотя зажиточность эта весьма проблематическая. Всю жизнь эти «богачи» бѣгаютъ, хлопчутъ, суетятся, *создаютъ дѣла* и—умираютъ нищими. Абрамъ Марковичъ торговалъ то мукой, то шерстью, то кожей, то дровами, заводилъ сыроварни и мыловарни, нѣсколько разъ прогоралъ до нитки и, точно по щучьему велѣнію, опять всплывалъ на поверхность. Хитрый, пронырливый, вкрадчивый, онъ умѣлъ отгадывать слабыя стороны нужныхъ людей и билъ на нихъ. По роду своихъ занятій ему больше приходилось сталкиваться съ мелкимъ купечествомъ, аферистами, мѣщанами... Постигъ онъ ихъ до тонкости и презиралъ отъ всей души. При всемъ томъ ему не везло. Онъ часто жаловался на судьбу, и не безъ основанія. Семья съ каждымъ годомъ увеличивалась, потребности росли и заработокъ поглощался съ изумительною быстротой. Дома Абрамъ Марковичъ являлся безграничнымъ самодуромъ и тираномъ. Онъ, казалось, хотѣлъ выместить на домашнихъ тѣ униженія и разочарованія, которыя ему приходилось выносить на рынкѣ житейской суеты. Послѣ долгодѣтней и упорной междоусобной войны, — онъ смирилъ жену, ревнивую, пылкую и очень неглупую женщину. Она опустилась, состарѣлась, охладѣла ко всему и выходила изъ себя только при слишкомъ очевидной

невѣрности супруга или особенно экстраординарныхъ потасовкахъ, которыя онъ задавалъ дѣтямъ. Сама она, впрочемъ, никогда не переставала бранить и щипать своихъ «разбойниковъ». Разбойники смотрѣли на эти проявленія родительской нѣжности совершенно равнодушно, даже презрительно. Не то было съ отцомъ. Его отношенія къ дѣтямъ были чрезвычайно своеобразныя. Пока они были малы—онъ ихъ обожалъ и баловалъ самымъ безмысленнымъ образомъ; заливался отъ восторга, когда сынишка на его ласкательное: «ахъ ты жуликъ»,—шепелявилъ: «ти самъ зюликъ», прославлялъ ихъ необычайный умъ, мечталъ, что они покроютъ славой его имя. Но наступалъ школьный возрастъ и съ нимъ цѣлый рядъ неудачъ, переэкзаменовокъ и всевозможныхъ мученій. Безтолково веденныя и не особенно способныя дѣти учились вяло. Отецъ билъ ихъ безпощадно. Такъ было съ старшимъ сыномъ, который, ожесточенный, сбѣжалъ изъ родительскаго дому въ странствующую труппу акробатовъ и пропалъ безъ вѣсти; такъ было со старшей дочерью, которую онъ безуспѣшно клялся «сгнѣить» въ гимназiи. Ее выключили и онъ въ отместку выдалъ ее замужъ въ захолустье за глуповатаго парня, надъ которымъ, при рѣдкихъ посѣщенiяхъ, глумился всласть...

Теперь очередь была за Макаркою. Когда мальчикъ съ грѣхомъ пополамъ выдержалъ экзаменъ въ гимназiю—отецъ подарилъ ему три рубля и заявилъ: «Ну, смотри у меня, умри, а будь докторомъ». И потянулась для бѣднаго Макарки цѣлая вереница тяжелыхъ лѣтъ. Онъ былъ тихій, робкiй, мечтательный мальчикъ, любилъ стихи, музыку, удачно подбиралъ на старенькомъ, купленномъ по случаю фортепiано разныя мелодiи и даже рѣшился однажды наемннуть отцу о консерваторiи, но получивъ лаконическiй отвѣтъ, что и безъ него много *клезмеровъ* въ Москвѣ, больше ужъ не заикался объ этомъ предметѣ. Существованiе Макарки распалось на двѣ половины: съ утра до трехъ часовъ онъ трепеталъ въ гимназiи, послѣ трехъ—трепеталъ дома. Ученiе ему не давалось. Онъ не питалъ ни малѣйшаго интереса къ гимназическимъ наукамъ. Греческiй языкъ и латынь представлялись ему карой Божiей, воплощенной въ образѣ двухъ изверговъ-учителей. Особенно ненавидѣлъ онъ

греческаго учителя—рыжаго, толстаго нѣмца, безбожно кверкавашаго русскій языкъ. Этотъ почтенный педагогъ любилъ поострить въ классѣ и предметомъ своего остроумія охотнѣе всего избиралъ жидковъ.—Господинъ Кабалкинъ Мордко,—вызываетъ онъ, напримѣръ.—Мордко или Мошко?—переспрашиваетъ онъ какъ-бы въ недоумѣніи.

Макарка, весь пунцовый, молчитъ.

— А, мошеть бить, ви Хаймъ или Шмуль, а по русску это выходитъ Евгений,—продолжаетъ глумиться учитель.

Макарка по прежнему безмолвствуетъ.

— Господинъ Мордко-Хаймъ-Шмуль, отшего ви молшить, какъ отравленній криса? Ушитель съ вами разговаривайтъ, а ви молшить? или ви приѣхалъ вчера изъ Бердичевъ и не умѣйтъ говорить по русску?

— Лучше васъ умѣю,—неожиданно выпаливаетъ Макарка.

Нѣмецъ подымается на каедрѣ, дрожа отъ гнѣва.

— Што ти сказалъ? Du Taugenichts! Што ти смѣлъ сказать? Ви не уважайтъ нашальство! Du Judenfratze...

Вышла цѣлая исторія. Учитель требовалъ исключенія Макарки изъ гимназіи. Когда объ этомъ казусѣ узналъ Абрамъ Марковичъ, онъ выпоролъ сына до крови и собственною персонею потащилъ его въ гимназію просить прощенья у разъяреннаго нѣмца. Нѣмецъ смиловался, но при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ срѣзалъ Макарку на экзаменѣ. Макарка остался на второй годъ. Учился онъ изъ рукъ вонъ плохо. Онъ просиживалъ цѣлые часы надъ учебниками, ничего не видя, ничего не понимая, въ какомъ-то тупомъ отчаяніи, съ тяжелою тоской, давившей его дѣтское сердце. Локти его какъ-то сами собой упирались на замавленную, загнутую по угламъ греческую грамматику, на эти локти опускалась черноволосая голова Макарки и... онъ отдавался мечтамъ. Воображеніе уносило его далеко-далеко отъ окружающей дѣйствительности въ уютную, чистенькую квартирку. На окнахъ дешевенькіе цвѣты, клѣтка съ краснозобымъ снигиремъ; на полиняломъ диванѣ шитая гарусомъ подушка; въ переднемъ углу образокъ въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ. На стулѣ сидитъ женщина съ добрымъ, преждевременно поблекшимъ лицомъ, и шьетъ что-то.

Иголка быстро мелькаетъ въ ея проворныхъ пальцахъ. Рядомъ съ ней два мальчика—одинъ худой и жалкій—Макарка, другой русый и румяный—ея сынъ — пишутъ наклонившись надъ тетрадами.

— Дѣти, отдохните, — говоритъ женщина, — ишь заморились! Митя, прикажи самоваръ! Макарушка, куда ты? Погоди, съ нами чаю напьешься.

— Благодарю васъ, Аксинья Ивановна, мнѣ пора домой, — говоритъ Макарка, и такъ ему не хочется уходить изъ этого теплаго гнѣздышка... Но онъ боится оставаться. Оповдаешь домой, начнется брань: гдѣ таскался... — Ахъ, какъ Макарка любилъ Аксинью Ивановну, какъ плакалъ, когда она переѣхала въ какой-то уѣздный городъ. И Митя тоже какой былъ славный мальчикъ, какой товарищъ! Никогда его жидомъ не называлъ и въ extempore всегда помогаль... А впрочемъ, ему не мудрено было быть хорошимъ — мать ласкаетъ, ободряетъ... Бывало, онъ скажетъ: «Мама, ну, какъ я срѣжусь?» А она ему: «Богъ милостивъ, не срѣжешься, а случится грѣхъ, что же дѣлать! Посидишь еще годикъ»...

Былъ у Макарки еще товарищъ или, вѣрнѣе, другъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ, — студентъ Давидъ Блюмъ. Родители Давида, богатые люди, были старинные знакомые Макаркиныхъ родителей. Макарка съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ видѣть съ какимъ подобострастіемъ его отецъ и мать относились къ Блюмамъ, какъ они готовились къ ихъ рѣдкимъ посѣщеніямъ, что не мѣшало имъ, конечно, за глаза бранить ихъ за непомятую гордость и важничанье. — «И чего они носъ деруть, — говаривала его мать, — такіе же евреи, какъ и мы, тоже въ Шкловѣ родились, не въ Парижѣ»... Но Макарка не вѣрилъ матери. Онъ былъ влюбленъ въ домъ Блюмовъ и ему казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы джентльменъ Блюмъ, у котораго дѣти послѣ обѣда такъ чинно цѣлуютъ руку, и его отецъ, раздающій направо и налево оплеухи — были одно и то же. Нѣтъ, Блюмъ — настоящіе аристократы. У нихъ такая чудесная квартира, такая чистая, вѣжливая прислуга, учителя, гувернантки... Дочки хоть и шалуньи, но такія прелестныя, ласковыя дѣвочки, особенно Лина... и такъ хорошо говорятъ по французски... Совѣмъ,

совсѣмъ не похожее на евреевъ... Правда, Макарка смущался, когда въ дѣтскіе апартаменты неожиданно входила мадамъ Блюмъ и, поговоривъ съ гувернанткой, скользила равнодушнымъ взглядомъ по его робкой фигуркѣ, точно онъ не живой мальчикъ, который такъ почтительно ей кланяется, а табуретъ или графинъ. То-ли дѣло Аксинья Ивановна! Та всегда встрѣчала его привѣтливою улыбкой:

— Здравствуй, мой голубчикъ!... Но вѣдь Аксинья Ивановна — простая акушерка, а мадамъ Блюмъ — такая важная, богатая дама!

Но Давидъ! Макарка обожалъ его. Это былъ его идеаль. Какой онъ умный, образованный, честный... Какъ онъ говоритъ! какъ пишетъ! Какой онъ красавецъ! Макарка гордился имъ, былъ счастливъ малѣйшимъ знакомъ его вниманія. Ни тѣни зависти не питалъ онъ къ своему блестящему другу. О, напротивъ! Онъ отдалъ бы все, все, пожертвовалъ бы жизнью, чтобы видѣть его на вершинѣ славы, почестей... Особенно блаженствовалъ Макарка, когда, благодаря какому нибудь торжественному событію, въ родѣ именинъ, его оставляли ночевать у Блюмовъ. Днемъ онъ бѣгалъ по порученіямъ всѣхъ членовъ семейства, въ томъ числѣ и своего друга, который гонялъ его за перчатками, галстуками, духами... За то ночи — ночи искупали все! Только, бывало, разѣдутся гости и онъ съ Давидомъ улягутся по кроватямъ — между ними начинались безконечныя бесѣды. Говорилъ, конечно, Давидъ, а Макарка внималъ. Давидъ говорилъ о еврействѣ и о томъ, что молодежь еврейская должна посвящать всѣ силы на служеніе своему несчастному, гонимому народу, что въ эпоху народнаго бѣдствія позорно думать о личной карьерѣ, личномъ счастьи... и еще много, много хорошаго говорилъ онъ. Макарка былъ пламенный патриотъ. Онъ весь дрожалъ, весь горѣлъ, слушая Давида, не сводилъ съ его лица восторженныхъ глазъ; онъ упивался его словами и чуть не плакалъ отъ умиленія, что такой возвышенный, такой безкорыстный человекъ удостоиваетъ его, бѣднаго Макарку, своей откровенности...

И ни разу не пришло ему въ голову усомниться въ Давидѣ; ни разу не задалъ онъ себѣ вопроса, насколько въ этихъ крас-

норѣчивыхъ тирадахъ правды и насколько онѣ—повтореніе того, что онѣ нашептывалъ за ужиномъ хорошенькой барышнѣ; ни разу не поставилъ онѣ мысленно своего героя въ неблагоприятную обстановку, подобную, напримѣръ, его собственной... И теперь, замечтавшись о немъ, Макарка забылъ свое горе, свои неудачи, забылъ о надвигающейся грозѣ.. Раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ шаги заставили его разомъ очнуться. Это припелъ отецъ—обѣдать. Макарка вспомнилъ, что онѣ «не допущенъ», «не допущенъ на второй годъ»—и почувствовалъ какъ у него по спинѣ забѣгали мурашки. Что сказать отцу? Соврать? сказать, что еще не было совѣта? Нѣтъ, догадается... Эхъ, кабы Давидъ тутъ былъ, выручилъ бы,—подумалъ онѣ, хотя Давидъ никогда ни изъ чего его не выручалъ... А вдругъ отецъ не спроситъ,—мелькнуло смутной надеждой въ его душѣ. Онѣ присѣлъ на кончикъ стула и ждалъ, какъ приговоренный, что вотъ сейчасъ, сію секунду—дверь раскроется и его поведутъ на расправу...

— Макарка! обѣдать! — прозвучалъ сильный голосъ матери. Онѣ не отозвался. Дверь скрипнула и въ отверстіе просунулась взъерошенная голова семилѣтняго Левушки. — Макарка, иди обѣдать,—пропищаль онѣ фистулой и скрылся. Макарка съ трудомъ поднялся. Семья ужъ была за столомъ. Левушка и Сонька хлебали изъ одной тарелки, задѣвая другъ друга ложками. Младшія дѣти сидѣли подлѣ матери. Абрамъ Марковичъ углубился въ ѣду, не обращая, повидимому, никакого вниманія на копошащуюся около него мелкоту. Макарка усѣлся за свой приборъ и принялся машинально глотать жиденькій супъ. Отецъ бросилъ на него изподлобья пристальный взглядъ.

— Вызывали тебя сегодня?—спросилъ онѣ.

— Да,—тихо отвѣтилъ Макарка, не поднимая глазъ.

— Изъ чего?

— Изъ математики.

— Сколько?

— Тройка.

— Тройка! — презрительно повторилъ Абрамъ Марковичъ, — больше не могу, голова бы лопнула?

Макарка ничего не возразилъ, только еще ниже наклонился надъ тарелкой. Въ эту минуту онъ пламенно жаждалъ лишь одного, чтобы обѣдъ поскорѣ кончился и ему удалось улизнуть въ свою комнату. Подали жаркое и кашу. Не смотря на полное отсутствіе аппетита, онъ уписывалъ съ такимъ усердіемъ свою порцію, точно три дня голодалъ. Онъ надѣялся, что такъ онъ будетъ менѣе подозрителенъ. И въ самомъ дѣлѣ, туча, казалось, на сегодня пройдетъ мимо. У Макарки совсѣмъ ужъ было-отлегло отъ сердца, онъ съ облегченіемъ сталъ осматриваться вокругъ, какъ вдругъ отецъ опять обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что, Макарка, — спросилъ онъ, — перейдешь въ этомъ году? — я странное дѣло, въ суровомъ голосѣ Абрама Марковича точно дрогнула просительная нотка.

— Не знаю, папаша, — робко прошепталъ Макарка.

Лице Абрама Марковича моментально приняло столь знакомое его семьѣ деревянное выраженіе.

— То есть, какъ же это ты не знаешь? — произнесъ онъ, отчеканивая каждое слово. — Кому же это нужно знать? Мнѣ, что-ли? Видь я не спрашиваю у тебя, почему дрова, или вѣсы, или сколько звѣздъ на небѣ... Я спрашиваю, довольно-ли для такого болвана, какъ ты, сидѣть по два года въ одномъ классѣ?

Макарка, поблѣднѣвшій какъ полотно, нервно вертѣлъ пуговицы на своемъ мундирѣ и упорно глядѣлъ въ полъ. Отецъ подошелъ къ нему ближе.

— Ты чего молчишь, негодяй! Языкѣ проглотилъ, ослухъ? Ты не слышишь, что я съ тобой говорю?

— Слышу...

— А! слышите? слава Богу! Можетъ быть, ты удостоишь отвѣтить?

— Я не знаю, чего вы хотите, — растерянно проленеталъ Макарка, озираясь какъ пойманный звѣрь.

Абрамъ Марковичъ пронически засмѣялся. — Онъ не знаетъ, чего я отъ него хочу! Слышишь, Хана, какъ твой милый сы-

нокъ разговариваетъ?—обратился онъ къ женѣ.—Онъ не знаетъ, чего я отъ него хочу! Сумасшедшій отецъ требуетъ, чтобы онъ сдѣлался профессоромъ или министромъ, а онъ не можетъ! Бѣдняжка!—Абрамъ Марковичъ плотно придвинулся къ сыну.—Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю,—проговорилъ онъ, схвативъ его за воротникъ:—выдержишь ты экзаменъ, или тебя выгонятъ вонъ?

Макарку вдругъ будто толкнуло въ голову и грудь.—Все равно умирать,—подумалъ онъ и, поднявъ свои черные, глубокіе глаза, казавшіеся еще чернѣе на его помертвѣвшемъ лицѣ, онъ тихо, но совершенно отчетливо вымолвилъ: «Я не допущенъ».

—Что?!—вскрикнулъ Абрамъ Марковичъ какъ ужаленный.

—Я не допущенъ,—такъ же тихо и такъ же внятно повторилъ Макарка.

На мгновенье всѣ застыли. Еще мгновенье — и раздался оглушительный трескъ пощечины. Дѣти залились промокшимъ плачемъ и прижались къ матери. Она бросилась къ мужу, стараясь освободить изъ его бѣшеныхъ рукъ Макарку. Но онъ оттолкнулъ ее однимъ взмахомъ кулака. Онъ билъ Макарку, какъ изстуженный, по чамъ цокала. Тотъ не издавалъ ни одного звука, ни одного стога, и только когда совершенно обезумѣвшій отецъ сталъ таскать его за волосы по полу, онъ не выдержалъ мученій и, поймавъ его палецъ, впился въ него зубами.

—Ахъ ты щенокъ! кусаться! Ахъ ты мерзавецъ! Жена!—крикнулъ онъ,—зиви дворника, мы сейчасъ его выпоремъ...

Макарка разжалъ зубы и однимъ прыжкомъ очутился у двери.

—Ступай вонъ, подлецъ, ступай вонъ!—прокричѣлъ Абрамъ Марковичъ.—Если придешь назадъ — я тебѣ всѣ кости переломаю.

Макарка обратилъ къ нему свое истерзанное, избитое лицо.—Я васъ ненавижу,—крикнулъ онъ надорваннымъ, осипшимъ голосомъ и, раскрывъ дверь, исчезъ.

Макарка бѣжалъ, точно за нимъ гнался легионъ демоновъ. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился въ какомъ-то глухомъ переулкѣ и, сообразивъ, что здѣсь его не поймаютъ, оставилъ перевести духъ. У забора какого-то строящагося дома возвышалась куча щебня. Макарка сѣлъ на эту кучу. Голова у него горѣла и кружилась, тѣло ныло отъ побоевъ. Онъ провелъ рукой по спутаннымъ волосамъ и тутъ только замѣтилъ, что ушелъ безъ шапки. Чувство оскорбленія, влобы, переполняло все его существо, душило его. Онъ еще не могъ разобратъся въ хаосъ волнованныхъ его ощущеній. Его охватила неудержимая, ягучая, чисто физическая потребность въ свою очередь сдѣлать больно, раздавить, убить, уничтожить... Кого!?—отца и всѣхъ, всѣхъ... Весь миръ представлялся ему жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, созданнымъ на его, Макаркину, погибель. Сдавленное обидой и негодованіемъ сердце билось и замирало въ его груди, какъ раненая птица. «Все кончено, все кончено,—шептала онъ, *вослѣ этого нельзя жить*». Ему стало страшно жалко самого себя, изъ глазъ брызнули слезы. Все его избитое тѣло заколыхалось отъ рыданій... Сырая вечерняя свѣжесть охлаждала его пылающую голову. Безвыходность положенія впервые предстала предъ нимъ—и онъ содрогнулся.—Куда идти?.. Къ кому обратиться?.. Къ Давиду?.. Нѣтъ, нѣтъ... значъ ему видѣть такого несчастнаго... Умереть!.. ничего больше не остается... Но какъ?.. броситься въ воду?... Макарекъ вспомнился: одинъ утопленникъ, котораго онъ видѣлъ;—слѣпый, распухшій, съ стекляннымъ, неподвижнымъ взоромъ... Нѣтъ! это слишкомъ ужасно... Отравиться?—нечѣмъ... Вдругъ его точно ошарило... *Простудиться*. Да... это самое лучшее... Онъ подумалъ еще немного, потомъ всталъ и рѣшительнымъ шагомъ отправился обратно къ дому. Ворота были еще открыты. Онъ осторожно проскользнулъ за деревянной сарай, гдѣ, онъ зналъ, стояла кадка съ водой. Тутъ же рядомъ стояла тѣлѣга. Макарка влѣвъ на нее, разулся, подобралъ пятны выше колѣнъ и спустилъ ноги въ кадку. По пивкамъ, потомъ все выше и выше точно забѣгали итолки. Макарка надрегнувъ, но скрѣпился и еще глубже спустилъ ноги въ воду.

— Простужусь,—думалъ онъ,—простужусь и умру.—И злоба

къ отцу все разрасталась въ его душѣ. Отомстить ему хоть своей смертью... пусть радуется! Одного сына ужь загубилъ, теперь другого. И зачѣмъ жить!... вѣчная ругань, никогда добраго слова не услышишь, цѣлый день будто въ котлѣ кипишь. Учиться не могу... гимназія эта—чистая каторга... Будетъ, намучился... Одну только мать и жалко, не сладко ей тоже... Ну, ничего! поплачетъ и забудетъ. Еще вѣдь цѣлая четверка остается на утѣшеніе и на сѣдленіе.

У Макарки начали нѣмѣть ноги. Онъ ихъ вынулъ на минуту, но тутъ же разсвердился на себя.—Струсила, подвѣцъ,—процѣдилъ онъ сквозь стиснутые зубы,—холодно стало, домой, на кровать закопѣлось—такъ вотъ нѣтъ! Околѣвалъ, ноги жить не умѣлъ... и онъ съ остервененіемъ заболталъ ногами въ кадлѣ. А ноги кочевѣли все больше. Онъ ужь не чувствовалъ холода и вообще пересталъ чувствовать и думать о чемъ либо. Безконечная усталость сковала его члены, глаза сами собой сомкнулись... Последнимъ проблескомъ воли онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы ихъ раскрыть, но утомленіе побѣдило. Онъ свалился, какъ спонъ, въ тѣлѣгу и ментально заснулъ глубокимъ сномъ.

И приснился Макаркѣ сонъ. Онъ увидалъ большую,—залитую огнями залу, сверкающую бѣлыми мраморными колоннами, наполненную нарядной публикой. На обитой краснымъ сукномъ эстрадѣ развѣстился оркестръ. Шумъ смолкъ. На эстраду вышелъ пѣвецъ. И вотъ прозвучалъ первое звуки. О, какая чудная мелодія! Нѣжная и могучая, жалобная и торжественноющая... Вся зала припала, какъ одинъ человекъ, и жадно внимаетъ каждому звуку, вылетающему изъ груди пѣвца. И лицо у этого пѣвца—какъ у Макарки, только ниже его: не узнаешь... а онъ поетъ все лучше... Царственно-прекрасная женщина, вся въ бархатѣ, цвѣтахъ и бриллиантахъ, и куденьная, бѣдная Акулиня Ивановна—примкнули другъ къ другу какъ сестры и обѣ слушаютъ умиленныя, точно зачарованныя, пѣсню-молитву, посвященную о вѣчной любви, для которой нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ... Во всей залѣ только одно лицо остается суровымъ и утробнымъ—это лицо отца. Но Макарка теперь самобогиня. Онъ ясно видитъ, какъ въ

сердцѣ отца его вѣяетъ рана и изъ этой раны сочится теплая кровь. Эта кровь сочится за потерянныхъ дѣтей... Онъ потерялъ всѣхъ дѣтей, всѣ его покинули... Онъ одинокъ, одинокъ. И Макарка заглѣлъ для него одного! Въ пѣснѣ слышался дѣтскій плачь, и дѣтскія ласки, и смѣхъ... И рана въ сердцѣ отца стала исчезать, глубокія морщины разгладились у него на лбу, онъ поднялъ на Макарку радостныя, просіявшіе глаза, онъ узналъ его и ужъ бросился къ нему съ восторженнымъ кликомъ... Но въ этотъ мигъ разверзлась страшная, мрачная бездна, Макарка полетѣлъ туда съ ужасающею быстротою и все, все пропало...

Макарку на разсвѣтѣ отыскала работникъ, шедшій за дровами въ сарай. Ему почудился чей-то голосъ, онъ оглянулся и увидалъ Макарку полусидѣвшаго въ тѣлѣ и оживленно жестикулировавшаго. Онъ подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ и, убѣдившись, что тотъ его не понимаетъ, подумалъ: Ужъ не рехнулся-ли хозяйскій сынъ, — и побѣжалъ будить хозяйку. Когда Хана увидала Макарку, у нея подкосились колѣни. Онъ лежалъ, разметавшись въ тѣлѣ, съ голой грудью и ногами, и что-то быстро и невнятно бормоталъ. На его пылающихъ щекахъ видѣлись слѣды слезъ.

— Федоръ, носи его въ домъ, я тебѣ помогу, — приказала она работнику.

— И одинъ снесу, — возразилъ тотъ, взявъ мальчишка въ олану. — Ишь ты, какъ распалился, сердешный; аспидъ-то языкъ совсѣмъ заглѣлъ паренька, — прибавилъ онъ откровенно.

Хана не отвѣчала и, вся въ слезахъ, поплывала за работникомъ. У крыльца они наткнулись на Абрама Марковича. Онъ собирался уходить, но, увидавъ эту группу, невольно остановился. Жена повернула къ нему искаженное, гнѣвное лицо.

— Радуйся, — проговорила она, — доведь ребанка до могилы.

— Ладно, не подохнетъ, — справисто отвѣтилъ отецъ, но на суровомъ лицѣ его что-то дрогнуло, когда передъ его глазами промелькнули бесцельно болтавшіеся Макаркины ноги. Эти бѣдныя, голыя ноги полеснули его по сердцу какъ ножомъ. Онъ прошелся нѣсколько разъ по двору; валявшіеся возлѣ

кадки съ водой Макаркины сапоги объяснили ему безъ словъ въ чемъ дѣло. Онъ бросился въ конюшню, самъ заложилъ лошадь въ шарабанъ и во весь духъ помчался за докторомъ.

У Макарки открылся тифъ. Нѣсколько дней онъ безпрерывно бредилъ, никого не узнавая. Придя въ сознание, Макарка очень удивился, увидавъ себя въ своей комнатѣ, въ кровати. На столѣ горѣла лампа подъ бумажнымъ колпакомъ. По стѣнамъ скользили какія-то тѣни. Мать наклонилась надъ нимъ.

— Макалочка, тебѣ лучше?—проговорила она и ея сухая, загрубѣлая отъ работы рука поправила на его головѣ пузырь со льдомъ. Онъ вскинулъ на нее удивленный взглядъ, очевидно стараясь припомнить, что такое съ нимъ произошло. И вдругъ онъ вспомнилъ... Обглоданное жаромъ лицо изобразило испугъ.

— Отецъ,—пробормоталъ онъ,—я боюсь его; зачѣмъ ты меня привела домой...

— Отецъ не сердится,—сказала она,—онъ жалѣеть, что погорячился, онъ тебя вѣдь любитъ, Макаркичъ...

— Оставь, оставь,—прошептала онъ, впадая въ забытье.

Прошло еще нѣсколько дней. Макарка больше не бредилъ, онъ былъ въ полномъ сознании, но страдалъ больше прежняго. Тифъ осложнился воспаленіемъ легкихъ. Пользовавшій его докторъ, смущенный такимъ оборотомъ болѣзни, предложилъ созвать консилиумъ. Пригласили двухъ знаменитостей, которыя, заставивъ домашняго врача прождать два часа сверхъ назначеннаго срока, наконецъ пріѣхали. Онѣ ючили бѣднаго Макарку на разные лады, выстукали его, выслушали, потомъ немножко испорили между собою: одна знаменитость утверждала, что у больного обыкновенная чахотка, другая настаивала на просовидной бугорчаткѣ. Обѣ, однако, согласились, что субъектъ безнадеженъ. Когда обѣ этомъ объявили Абраму Марковичу, онъ затрясся, какъ листъ.

— Умреть... скоро?—прошепталъ онъ, глубоко переводя духъ.

— Нѣтъ, онъ можетъ протянуть еще пять-шесть недѣль, даже два мѣсяца,—отвѣтилъ докторъ, стоявшій за бугорчатку, пряча въ боковой карманъ двадцатипяти рублевую бумажку.

Абрама Марковича точно ударили обухомъ по головѣ. Онъ отлично слышалъ медицинскій приговоръ, но не повѣрилъ ему, не могъ повѣрить. — Врутъ, врутъ они,—утѣшалъ онъ самого себя и побѣждалъ къ сыну, какъ бы желая убѣдиться воочию, что доктора соврали. Макарка узналъ шаги отца. У него упало сердце и колючая боль въ груди, которая теперь никогда его не покидала, сдѣлалась до того невыносима, что онъ зажмурился и закусилъ губы. Отецъ присѣлъ на край кровати и осторожно взялъ его за руку. Макарка вздрогнулъ, раскрылъ глаза и встрѣтилъ прямо устремленный на него взоръ отца. И столько было въ этомъ взорѣ нѣжности, горя, страха, что у Макарки еще сильнѣе сжалось сердце,—но теперь ужъ отъ жалости къ отцу. Ввалившіеся глаза наполнились слезами, а сухія, истрескавшіяся губы прошептали: «Простите меня, папаша».

— Не волнуйся, не волнуйся,—говорилъ отецъ, оправляя дрожащей рукой одѣяло;—выздоровлявай только, все будетъ хорошо.

Странное дѣло! и голосъ у Абрама Марковича былъ не тотъ, и лицо не то... Неужели же Макарка не зналъ своего отца? Неужели онъ ошибся? Ему вдругъ представилась та минута, когда онъ, избитый, окровавленный, крикнулъ отцу: «я васъ ненавижу!» Гдѣ эта ненависть? Она растаяла, испарилась отъ одной неожиданной ласки отца. Какъ онъ благодаренъ ему за эту ласку. Макарка схватилъ его руки и покрылъ ихъ поцѣлуями. «Простите меня, папаша,—защепталъ онъ опять,—я буду учиться день и ночь, я вѣдь и прежде не лѣнился, но мнѣ ничего не давалось»... Я попробую еще разъ... И Макарка такъ горько разрыдался, что только съ большимъ трудомъ удалось его успокоить.

Лѣто стояло въ полномъ разгарѣ. Макарка лежалъ въ своей постели и умиралъ—отъ обыкновенной чахотки, или отъ просо-видной буторчатки—не все-ли равно... Его окружала нѣжность, къ которой онъ совсѣмъ не привыкъ. Мать не отходила отъ него, но особенно поражалъ его отецъ. Доктора, лекарства, лавомства, дорогія вина... Абрамъ Марковичъ ничего не жалѣлъ. Каждую свободную минуту онъ проводилъ у кровати больного, разговаривалъ съ нимъ, измѣрялъ температуру, и только по

тому, какъ дрожали его руки, Макарка могъ безошибочно судить, что жаръ увеличился...—Вѣрно опять сорокъ,—думалъ онъ,—и ему гораздо больше было жаль отца, чѣмъ себя, и все яснѣе становилось ему, что онъ слишкомъ поторопился его осудить...

О гимназiи и всемъ, что предшествовало той ужасной ночи—не было помину. Въ домѣ царствовала тишина. Девушка и остальные дѣти по цѣлымъ днямъ возились въ палисадникѣ и никто ихъ не бранилъ за бездѣлничанье. Иногда Макарка просилъ, чтобы ихъ привели къ нему. Они приходили, усаживались вокругъ его кровати и боязливо глядѣли на него—такъ онъ былъ худой и необыкновенный. Онъ ласкалъ ихъ, отдавалъ имъ свои лакомства, прижималъ ихъ ручки къ своимъ багровымъ, горячимъ щекамъ... Дѣти молчали: имъ было не по себѣ въ этой комнатѣ, пропитанной запахомъ лекарствъ. Макарка замѣчалъ это, вздыхалъ и отпускалъ ихъ въ садъ.—Ступайте, ступайте, дѣточки, играйте,—говорилъ онъ имъ съ грустной и нѣжной улыбкой.

Никто ни разу не слыжалъ отъ него ни одного слова, ни одной жалобы.

— Тебѣ хуже, Макарчикъ,—скажетъ ему мать, когда, обессиленный мучительнымъ приступомъ кашля, онъ приклонится головой къ высоко-поднятымъ подушкамъ.

— Нѣтъ, мамочка, ничего, не безнокошен.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть Давида,—скажетъ онъ однажды отцу.—Ты ему не писалъ, что я боленъ?

— Я самъ ѣздилъ къ Влюмалъ. Они всѣ теперь на дачѣ; Давидъ былъ тутъ разъ, но ты въ это время спалъ.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ меня не разбудили!—воскликнулъ Макарка съ невыразимой тоской.—Неужели я больше его не увижу?—прибавилъ онъ и, отвернувшись къ стѣнкѣ, заплакалъ.

— Не плачь, Макарчикъ, я тебѣ сегодня же привезу твоего друга,—утѣнялъ его отецъ.

Красивое, свѣтлое лицо Давида Влюма изобразило сильнѣйшее изумленiе, жалость и даже страхъ при видѣ несохнутаго, маленькаго личика Макарки, съ которымъ отъ радости отдѣлялся такой припадокъ кашля, что онъ не могъ выколотить ни одного

слова. Наконецъ онъ успокоился, кашель стихъ, онъ взялъ въ обѣ свои худенькія, влажные руки бѣлую, выколченную руку Давида и произнесъ:

— Спасибо, что прѣіхалъ. Вотъ другъ... а то бы и не увидались.

— Не говори, голубчикъ, тебѣ вредно.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, позволь мнѣ съ тобой поговорить!—взмолился Макарка, и значительно прибавилъ:

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Вѣдь ты задыхаешься!

— Ничего, ты только наклонись ко мнѣ.

Давидъ почти приникъ къ подушкѣ.

— И какъ это ты такъ раскворался?—спросилъ онъ.

Съ остановками и перерывами Макарка рассказалъ исторію своей болѣзни. — Видишь, — закончилъ онъ тяжелымъ шепотомъ, — я самъ во всемъ виноватъ.

— Ты?! Нѣтъ, не ты, а этотъ самодуръ, тятенька твой.

Макарка глубоко вздохнулъ.

— Вотъ, вотъ... я зналъ, что ты такъ скажешь, — произнесъ онъ горестно, — я хотѣлъ и хотѣлъ тебя видѣть, чтобы попросить тебя... чтобы объяснить, что она совсемъ не такъ виновата. О, Давидъ! я теперь все, все понимаю... Нужно еѣ пожалѣть, а не унижать презрѣніемъ. Иначе все дѣти погибнутъ! — воскликнулъ онъ.

Давиду показалось, что у Макарки начинается бредъ.

— Вотъ съ тобой, усюшкой, какія дѣти?!

— Да вышло! — истеричкиво возразилъ Макарка. — Когда я умру, все скажутъ, что отецъ меня умерилъ, будутъ глядѣть на него какъ на зѣбра... Онъ еще больше ошесточится... и бѣдные Левушка, Семя, Лиза и Миша пропадутъ и будутъ съ нами то же, что со мною. Заступитесь некому, а когда они поймутъ, что отецъ не извергъ, что онъ просто не знаетъ, какъ едѣлать лучше — будутъ пождать. Я теперь все ненавижу. Развѣ онъ для себя желалъ, чтобы я былъ утоннымъ? Ему хотѣлось, чтобы мнѣ жилось полегче, чтобы я не гулялъ съ утра до ночи синику какъ онъ, чтобы какойнибудь купчина не говорилъ мнѣ какъ ему: — вы, жиды, съ отца родного рады рубашку снять.

Онъ мечталъ, чтобы я былъ такой, какъ ты. Милый, милый! Нельзя же обвинять его въ томъ, что онъ не понимаетъ, что я тебѣ—не ровня, что одному Богъ даетъ все, чтобы вознести его надъ толпой, а другой—весь вѣкъ проживаетъ червякомъ... Онъ видѣлъ, какъ твой отецъ гордится тобой, и ему, бѣдному, было больно, что я такой неблестящій.

Давиду вдругъ стало невыразимо стыдно передъ этимъ умирающимъ мальчикомъ. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ въ теченіи многихъ лѣтъ принималъ какъ нѣчто должное: его безпредѣльную любовь, его простодушное обожаніе. Онъ вспомнилъ, что въ сущности никогда не интересовался Макаршей—какъ Макарой, никогда пальцемъ не пошевеливалъ для облегченія его тяжелой доли и любилъ въ немъ лишь терпѣливаго, благодарнаго слушателя, восторженнаго поклонника своей особы.

Все это разомъ промелькнуло передъ нимъ.

— Макарушка,—воскликнулъ онъ, и въ голосѣ у него слышались искреннія слезы.—Макарушка, да ты во сто разъ лучше меня и цѣлаго легіона такихъ молодцовъ, какъ я.

— Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты это говоришь?—застигнуто пролепеталъ Макара. — Ты—и я!—Онъ даже засмѣялся, но сейчасъ же опять принялъ серьезный видъ.—Ахъ, не въ этомъ дѣло: Я хочу просить тебя... Помнишь, Давидъ, сколько разъ ты говорилъ мнѣ о еврейскомъ народѣ, о томъ, какъ онъ несчастенъ, какъ давить его невѣжество, грубость... Ты говорилъ, что образованная еврейская молодежь должна работать для этихъ несчастныхъ. О, милый!—закричалъ онъ дрожащими губами и крупныя слезы полетѣли одна за другой изъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ,—милый, вѣдь мои маленькія сестры и братья—тоже еврейскій народъ; не оставь ихъ, помоги имъ сдѣлаться людьми, если ты когда-нибудь меня хоть немного любишь...

Голосъ Макары оборвался. Онъ сильно закашлялся. Давидъ подаль ему воды и успокоительныя камели.

— Еще одна просьба,—промолвилъ онъ,—привѣдай вмѣстѣ съ сестрами на мои похороны. Онъ маленькая дѣвочка и я ихъ очень люблю, особенно Ниночку. Мнѣ кажется, что я почув-

ствую; какъ вы на прощанье бросите гореть земли въ мою могилу. И не жалѣйте меня. Мнѣ вовсе не странно умирать...

Нервы Давида не выдержали.

— Праведникъ ты, Макарушка, мученикъ!—говорилъ онъ возликая и припадая къ Макаркиной рукѣ.

Макарка умеръ тихо, точно заснулъ. Въ домѣ немедленно поднялся тотъ шумъ и гамъ, который неизбежно сопровождаетъ еврейскія похороны. Въ комнатѣ какъ-то удивительно скоро появились чужіе люди, стали бѣгать, разговаривать, распоряжаться; развязно подходили къ постели, гдѣ лежалъ, вытянувшись во весь свой небольшой ростъ, блѣдный Макарка, рамаживали руками, соображали...

Безмолвный, блѣдный мальчикъ точно перешелъ въ ихъ собственность. Не успѣли оглянуться, какъ онъ ужъ лежалъ на полу, подъ чернымъ сукномъ, и въ изголовьи его ужъ печально колыхалось желтоватое пламя свѣчи, вставленной въ высокій серебряный подсвѣчникъ. Мать и отецъ громко плакали. Дѣти, прижавшись другъ къ другу, забились въ дальній уголокъ и глядѣли оттуда какъ спугнутыя птички. Тотъ, кто лежалъ подъ чернымъ сукномъ, внушалъ имъ какой-то таинственный ужасъ. Они знали, что это Макарка, но это былъ ужъ не ихъ братъ, съ которымъ они возились, играли, дрались, который ихъ такъ нѣжно ласкалъ во время своей болѣзни, а что-то другое, неподвижное, величавое, безучастное и... страшное.

Пріѣхалъ Давидъ съ отцомъ и сестрами. Завидѣвъ ихъ, Хана зарыдала еще громче, какъ бы вызывая къ этимъ свидѣтелямъ своего горя.

Старикъ Блюмъ серьезно и сосредоточенно остановился у порога. Къ нему подошелъ Абрамъ Марковичъ, отвелъ его въ другой конецъ комнаты и усадилъ въ кресло. У Давида дрожали губы, онъ старался совладать съ собою, но не смогъ и порывисто расплакался. Нѣмая фигура его скромнаго товарища казалась ему жертвой такой вопіющей и такой неумолимой бессмыслицы. Его сестра, высокая, тоненькая дѣвочка въ изящномъ черномъ платьѣ, видимо не знала, что дѣлать. И жутко

ей было, и плакать хотѣлось. Она вынула изъ круглаго картоннаго огромнаго вѣнокъ изъ иммортелей и бѣлыхъ розъ и робко положила его къ ногамъ покойника. Ей очень хотѣлось неглядѣть на него, но она не смѣла. Съ одного бока сувно подвернулось и обнажило высохшую, маленькую, потомвѣвную руку. Дѣвочка поглядѣла на нее и вспомнила, какъ Макарка изъ пятачковъ, которые выдавались ему на завтраки, накопилъ три рубля и купилъ ей серебряный наперстокъ къ имянншамъ. Ея кроткое личико затуманилось, ей вдругъ стало всёхъ ужасно жалко.

На дворѣ послышался стукъ въѣзжавшихъ дрогъ. Лѣсенка вся затрещала подъ напоромъ тяжелыхъ ногъ. Дверь распахнули настежь и два челоѣка втащили длинный черный ящикъ—общій гробъ, въ которомъ везуть на кладбище всёхъ евреевъ. При видѣ зловѣщаго ящика всё притихли. А чужіе люди дѣлали свое дѣло. Они подхватили Макарку за голову и за ноги, положили въ ящикъ и прихлопнули крышкой. Все это было такъ просто, такъ обыкновенно и такъ ужасно-горько... Давидъ приподнялъ гробъ съ одного конца, съ другого и по бокамъ стали «священные братья».

— Не такъ держите,—сердито крикнулъ одинъ изъ нихъ на Давида, — подымайте выше! — Наконецъ гробъ поставили на дроги и печальная процессія тронулась. Въ наемной каретѣ ѣхала Хана съ какою-то пожилой женщиной, въ собственной—Влюмъ съ дочкой. Давидъ и Абрамъ Марковичъ шли пѣшкомъ. Было начало августа. День стоялъ ясный, солнечный. Путь лежалъ по оживленнымъ торговымъ улицамъ. Одни прохожіе останавливались съ любопытствомъ, другіе крестились и проходили мимо.

— Жиды хоронять,—громко замѣтилъ какой-то разнощикъ...

Миновали заставу; грохоту стало меньше; показалась поросшая травой, немощенная дорога...

— Нѣтъ мнѣ счастья, — вдругъ произнесъ Абрамъ Марковичъ, до сихъ поръ угрюмо молчавшій.

Давидъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ мнѣ счастья, — повторилъ онъ, — такой сынъ — и умеръ.

— О, какой онъ былъ славный мальчикъ!—воскликнулъ Давидъ.

Абрамъ Марковичъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на него.—Славный!—проговорилъ онъ обиженно.—Это былъ гений! Его разговоры, его поведеніе... Душу, понимаете, душу онъ у меня вырывалъ своими разговорами.

Абрамъ Марковичъ утеръ клѣтчатымъ платкомъ слезы.

— У васъ остались еще дѣти,—сказалъ Давидъ, желая его утѣшить.

Абрамъ Марковичъ махнулъ рукой.

— Э!—проговорилъ онъ,—какое сравненіе!...

Дроги свернули на мостикъ, за которымъ виднѣлись бѣлыя кладбищенскія ворота. Процессію встрѣтилъ сторожъ, дюжей рыжій мужикъ, и помогъ отнести тѣло въ домикъ, специально назначенный для омовенія и послѣдняго туалета усопшихъ.

Давидъ съ сестрой пошли бродить по могиламъ. На нѣкоторыхъ выселись мраморные мавзолеи съ горделивыми надписями, что тутъ, молъ, погребенъ первой гильдіи купецъ, блиставшій всевозможными гражданскими доблестями, а здѣсь почіетъ надворный совѣтникъ, докторъ медицины... Это была кладбищенская аристократія. Она занимала центръ кладбища. А тамъ, по окраинамъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, тѣсно налегая другъ на друга, ютилось цѣлое поле холмиковъ, осѣненныхъ сѣрыми каменными плитами и деревянными дощечками. О, эти деревянные дощечки! Сколько пролитыхъ слезъ, сколько замученныхъ сердець укрылось подъ ними, сколько скорбныхъ повѣстей могли бы онѣ повѣдать міру!... Тутъ же неподалеку вырыли могилу и Макареѣ. Наскоро прочитавъ молитвы, опустили туда его тѣло, совершенно скрытое подъ широкимъ бѣлымъ саваномъ. Присутствующіе бросили на него по кому земли. Всѣхъ утомила тяжелая процедура похоронъ, каждый спѣшилъ поскорѣе уйхать... Только мать, нагнувшись надъ вѣнующей могильной частью, смотрѣла, какъ она пожирала ея дѣтище, и тихо стонала. Надъ могилой уже поднялся бугорокъ. Всѣ развѣхались, даже нищіе, получивъ щедрую милостыню, разбрелись во-своиcя, а она все не трогалась съ мѣста. Абрамъ Марковичъ взялъ ее за руку: — Перестань,

Хана,—сказаль онъ,—это грѣхъ, ты ему не даешь покою... И онъ почти насильно увелъ ее.

И остался Макарка въ гостепріимной, общей всѣмъ людямъ, чертѣ осѣдлости. Старая, расщепленная ракета склонила къ нему позолоченную заходящимъ солнцемъ вѣтку, и птицы, слетѣвшіеся на красивый вѣнокъ изъ иммортелей и розъ, удивленно защебетали надъ нимъ свою вѣчную пѣсню...

Р. М.—хитъ.

О ЧЕРТВЪ ОСѢДЛОСТИ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА ¹.

Что касается всѣхъ прочихъ евреевъ, сосредоточенныхъ чертою ихъ осѣдлости въ 15-ти губерніяхъ западнаго края, то для всего ихъ населенія, простирающагося до 2,800,000 душъ, внутреннія части Имперіи признаются безусловно закрытыми, съ незначительными исключеніями для купцовъ обѣихъ гильдій и нѣкоторыхъ другихъ промышленниковъ, которымъ въ извѣстныхъ, указаныхъ закономъ случаяхъ, разрѣшается лишь *временный прїездъ*, на кратковременные сроки, изъ которыхъ наибольшій, допущенный для однихъ купцовъ первой гильдіи, не превышаетъ шести мѣсяцевъ.

Вытекающія изъ установленнаго, такимъ образомъ, порядка жительства евреевъ въ Россіи ближайшія и общія для всѣхъ ихъ послѣдствія въ политико-гражданскомъ отношеніи—очевидны. Формально, всѣ вообще евреи, живущіе, какъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, такъ и внѣ ея, признаются одинаково *русскими подданными*. Вслѣдствіе этого отъ нихъ, въ равной мѣрѣ со всѣми, требуется строгое выполненіе обязанностей по отношенію къ обществу и государству. На евреевъ падаютъ скорѣе большія, чѣмъ меньшія тягости по отбыванію всѣхъ установленныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и воинской, по защитѣ отечественной территоріи, въ рядахъ войскъ, на всемъ ея пространствѣ, на всѣхъ ея окраинахъ. Между тѣмъ, существованіе такого установленія, какъ сказанная черта, лишая ихъ въ то же время одинаковыхъ съ прочими подданными выгодъ

¹ См. „Восходъ“ кн. III.

Восходъ, кн. 4.

по правамъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи и создавая искусственно, изъ извѣстныхъ ея частей, какъ бы отечественную для евреевъ территорію, къ землямъ которой, на самомъ дѣлѣ, евреи сами никогда не имѣли никакихъ національныхъ отношеній, ни національныхъ притязаній, способствуетъ къ укорененію и господству у насъ неправильно установившагося взгляда, что *отечественной родиной* состоящихъ въ русскомъ подданствѣ евреевъ, какъ замѣчено уже выше, слѣдуетъ признавать не всю Россію, но лишь исключительно мѣста, гдѣ ихъ застигло русское владычество. Вслѣдствіе этого, если прежде говорилось, что евреи составляютъ «націю въ націи», то теперь можно сказать, что, благодаря сказанному установленію, они имѣютъ въ Россіи «*родину въ родинѣ*». Въ этомъ именно скрывается преимущественно причина, что у насъ никто еще изъ евреевъ, не исключая и тѣхъ немногихъ личностей, о которыхъ сказано выше и которыя какъ бы вошли уже въ состояніе равное съ прочими подданными, не имѣетъ, въ сущности, по настоящее время, значенія вполне натурализованнаго въ Россіи подданнаго. Этимъ поддерживается и тотъ ни съ чѣмъ несообразный и сбивчивый взглядъ, вслѣдствіе котораго всѣ вообще русскіе подданные еврейскаго происхожденія являются въ общественныхъ и законодательныхъ понятіяхъ, и въ наше время, такими *иностранцами*, какъ *киргизы*, *самоѣды*, *калмыки*, къ числу которыхъ они, по законамъ о состояніяхъ, въ дѣйствительности, у насъ и отнесены, уподобляясь, слѣдовательно, племенамъ *кочующимъ* и *бродячимъ*, покореннымъ силою оружія и платящимъ дань. Этотъ взглядъ, какъ совершенно извращающій дѣйствительность, едва-ли могъ представляться когда либо полезнымъ для правильнаго хода законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ. Между тѣмъ, онъ не только поддерживается у насъ законами принципиально, но находитъ и свое реальное осуществленіе въ установленіи черты осѣдлости евреевъ, и какъ установленіе такой черты имѣетъ вовсе не мирную цѣль опредѣленія какихъ либо естественныхъ для нихъ территориальныхъ границъ, но цѣль чисто *репрессивную* — изгнанія евреевъ изъ однихъ частей государства для ихъ заточенія въ другихъ, то положеніе еврея въ Россіи дѣлается, сравнительно, гораздо хуже, чѣмъ киргиза, самоѣда или калмыка. Въ то время, какъ

такой, напримѣръ, инородецъ, какъ сибирскій киргизъ, пользуясь разными облегченіями по отбыванію государственныхъ повинностей, имѣеть, въ то же время, право повсемѣстно селиться внутри Имперіи, вступать въ службу, записываться въ гильдіи, гдѣ пожелаетъ, на общемъ основаніи, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, — еврей, потому только, что онъ еврей, исповѣдующій свою вѣру, или вовсе лишень такихъ же повсемѣстныхъ въ государствѣ правъ, или пользуется ими, какъ ми видѣли, на основаніи *исключительныхъ льготъ*, при условіяхъ, иной разъ, до крайности стѣснительныхъ, не будучи въ дѣйствительности ни кочевымъ, ни бродячимъ человекомъ, т. е. такимъ, который могъ бы справедливо быть уподобленъ инородцу, приведенному въ покорность оружіемъ и живущему природныя отношенія къ землямъ, на которыхъ застигнутъ.

Средневѣковой обычай присвоенія еврею такого значенія среди общества, въ которомъ онъ живетъ, давно уже исчезъ въ политической сферѣ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ, гдѣ въ настоящее время евреи признаются вообще такими же природными гражданами, какъ и всѣ другіе жители, и не только ни въ чемъ не различаются отъ нихъ по своимъ правамъ, но и не именуется даже евреями, ни въ актахъ состоянія, ни въ публичныхъ актахъ, нося одно общее названіе съ жителями каждой страны. Въ этомъ отношеніи не представляютъ никакихъ исключеній и сосѣднія съ нами державы: *Пруссія и Австро-Венгрія*, которыя, подобно всѣмъ другимъ, не отступаютъ отъ началъ гражданскаго равенства евреевъ, не взирая ни на обнаруживающіяся въ нихъ, отъ времени до времени, антисемитическія движенія, ни на то, что тамъ относительный процентъ еврейскаго населенія весьма значителенъ, а въ послѣдней изъ этихъ державъ, Австро-Венгріи, онъ является даже болѣе значительнымъ, чѣмъ въ Россіи¹.

Но этого еще мало, что евреи не признаются у насъ природными гражданами. Установленіе черты ихъ осѣдлости превращаетъ всю почти ихъ массу, въ тѣхъ мѣстахъ государства, кото-

¹ По отношенію къ общему народонаселенію еврейское населеніе составляетъ въ Россіи 8%, а въ Австро-Венгріи 4,08%. Ср. Стат. Россіи и Запад. Евр. госуд. профессора Ясона, стр. 67.

рыя для нихъ закрыты, т. е. въ большей его части, въ людей *безправныхъ*, которые, какъ изгнанные оттуда, поставлены какъ бы совершенно вѣ закона. Одно появленіе тамъ еврея, безъ особаго льготнаго на те права, признается дѣйствіемъ, которое, само по себѣ, составляетъ проступокъ, наказуемый по закону и влекущій за собою немедленную высылку виновнаго обратно въ вышесказанную черту, не входя въ разборъ его личныхъ качествъ. Каждый изъ такихъ евреевъ, вѣ сказанной черты, имѣеть, слѣдовательно, вмѣстѣ и значеніе личности, находящейся для всѣхъ и каждаго какъ бы *подъ запретомъ*, входитъ съ которою въ явные или тайныя сношенія признается дѣйствіемъ, нарушающимъ законъ и какъ бы предосудительнымъ.

Отсюда ясны ближайшія бытовныя послѣдствія установленія черты и для каждаго кореннаго жителя въ мѣстахъ, для евреевъ закрытыхъ. Въ этихъ мѣстахъ, всѣ классы населенія, высшіе и низшіе, одинаково лишены права и возможности пользоваться связанными евреями, какъ для личныхъ своихъ услугъ, такъ и для сношеній съ ними по дѣламъ гражданскаго оборота, торговымъ и не торговымъ, не исключая коммисіонныхъ. Ни дворянинъ, ни горожанинъ, ни поселянинъ не имѣють во внутреннихъ губерніяхъ права явно продать что либо находящемуся подъ запретомъ еврею, ни купить у него, ни дать ему порученія, ни что либо принять отъ него, ни заключить съ нимъ выгоднаго для себя личнаго или имущественнаго договора, подъ опасеніемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, ничтожности акта. Въ коммисіонныя дѣла, по торговой части, русскіе купцы не могутъ входить даже заочно въ сдѣлки съ евреями, живущими въ своей чертѣ, за исключеніемъ, когда еврей—зупецъ 1 гильдіи и когда товаръ, служащій предметомъ коммисіоннаго дѣла, состоитъ изъ произведеній губерніи, въ которой тотъ еврей живетъ. Каждое изъ сказанныхъ дѣйствій было бы признано незаконнымъ и являлось бы и для кореннаго жителя проступкомъ, отъ котораго онъ могъ бы имущественно пострадать.

Такимъ образомъ, стѣсненіе русскихъ и евреевъ во взаимныхъ между собою сношеніяхъ представляется, въ сущности, *обоюднымъ ограниченіемъ правъ* относительно свободнаго распоряженія тѣхъ и другихъ своимъ лицомъ и имуществомъ.

Такая же обоюдность въ ограниченіи правъ ощущается и въ

мѣстахъ осѣдлости евреевъ, такъ какъ установленіе упомянутой выше черты, присвоивая имъ въ нихъ значеніе людей, изгнанныхъ изъ первенствующей части государства, даетъ поводъ къ установленію и тамъ равнаго рода ограниченій въ правахъ жительства, торговли и промысловъ евреевъ,—ограниченій стѣсняющихъ, въ то же время, и права совмѣстно живущихъ съ ними коренныхъ жителей.

Существованіе такого неестественнаго и несовременнаго порядка вещей не можетъ не дѣйствовать, съ тою же обобщенностью, весьма неблагоприятно и въ нравственномъ отношеніи. Среди христіанскаго населенія—онъ способствуетъ къ извращенію евангельскихъ истинъ, какъ о любви къ ближнему, такъ и о другихъ общественныхъ добродѣтеляхъ, научающихъ не презирать, а уважать каждую человѣческую личность. Среди евреевъ—онъ способствуетъ не къ искорененію, а къ развитію среди ихъ тѣхъ нежелательныхъ явленій, которыя порождаются нищетою и приниженымъ положеніемъ въ обществѣ. Такое у насъ положеніе евреевъ не можетъ не вліять самымъ неблагоприятнымъ образомъ и на народныя нравы и обычаи, ведя не къ ихъ смягченію, а къ ихъ огрубленію; подобно тому, какъ и существованіе класса паріевъ или рабства. Не возстаютъ-ли наука и опытъ противъ всѣхъ видовъ приниженаго состоянія людей, главнымъ образомъ именно въ виду этого нежелательнаго въ цивилизованномъ обществѣ послѣдствія? Не по этой-ли самой, между прочимъ, причинѣ упразднено и у насъ состояніе людей, находившихся въ крѣпостной зависимости?

Едва-ли можно, поэтому, отрицать, чтобы устанавливаемый чертою осѣдлости евреевъ порядокъ не представлялся бы положительно вреднымъ для прѣуспѣванія общественной у насъ нравственности. Чувства вражды и неприязни къ людямъ изъ-за вѣры или расы не одобряются правилами этой нравственности ни въ какомъ уже цивилизованномъ христіанскомъ государствѣ, въ томъ числѣ и нашемъ, какъ состоящая въ явномъ противорѣчій съ началами истинно христіанскаго, православнаго ученія. Ближайшія историческія изслѣдованія приводятъ къ полному убѣжденію, что собственно славяно-русскія племена, изъ коихъ образовалась наша Русь, по природнымъ свойствамъ ихъ народнаго характера, никогда и не были силонны, какъ до, такъ и послѣ принятія хри-

стіанства, къ усвоенію этихъ чувствъ въ той степени, какъ другія европейскія народности. Никакъ нельзя сказать, чтобы наша православная «помѣстная» Церковь могла имѣть какое либо неблаготворное, въ этомъ отношеніи, вліяніе. По признанію даже иностранныхъ историковъ, греко-восточное духовенство вообще, а русское въ особенности, всегда отличалось несравненно значительнѣйшею степенью общественной терпимости ко всему иновѣрному и инородному, чѣмъ духовенство западныхъ Церквей, латинско-римской, лютеранской, протестантской и другихъ религіозныхъ конгрегацій, даже изъ числа считающихся самыми либеральными въ области догматовъ христіанской вѣры. Святители нашей православной церкви, какъ и наши православные государи, согласно съ народнымъ духомъ, не были склонны переносить въ сферу общественныхъ отношеній людей суровость религіозныхъ взглядовъ на иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и на евреевъ. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года, составленномъ не только при участіи, но подъ главнымъ руководствомъ патріарха и «всего священнаго собора», не постановлено *ничего исключительнаго* относительно пріѣзда и пребыванія евреевъ въ русской странѣ, ничего такого, что могло бы дать поводъ къ установленію гоненій противъ нихъ и возбуждать или вооружать въ народѣ исключительную неприязнь къ нимъ. Между тѣмъ весьма легкіе предлоги къ внесенію въ сказанное Уложеніе какихъ либо исключительныхъ мѣръ нетерпимости къ евреямъ могли бы представлять многія обстоятельства: и имѣвшіеся уже слѣды исключительной религіозной неприязни къ нимъ въ греческихъ канонахъ и «гражданскихъ законахъ греческихъ царей», служившихъ, въ числѣ другихъ религіозно-гражданскихъ намятниковъ, источниками Уложенія, и живыя въ то время преданія о «жидовской ереси» еврея Схарія или Захарія, которому она приписывалась народною молвой, и, наконецъ, нахожденіе уже тогда въ предѣлахъ русскаго царства болѣе или менѣе значительнаго числа евреевъ, не только пріѣзжихъ, но и осѣдлыхъ, съ которыми православный людъ имѣлъ возможность приходить въ ежедневныя столкновенія. Исконная уживчивость съ евреями русскаго народа, подобно тому, какъ и съ другими иновѣрцами изъ христіанъ и не-христіанъ,

различныхъ расъ и происхожденій, подтверждается многими историческими фактами, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ существованія Руси. Эта черта народнаго характера составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ славяно-русской національности. Утверждать противное значитъ несправедливо набрасывать тѣнь на нее. Общелюбіе славяно-русскихъ племенъ способствовало и усвоенію ими духа православной вѣры и присуще ихъ народному характеру и по настоящее время. Русскій простолюдинъ, при своихъ религиозныхъ и бытовыхъ взглядахъ на людей не русскаго происхожденія, говорящихъ на неизвѣстномъ ему языкѣ и не творящихъ, по православному обычаю, крестнаго знаменія, не станетъ, быть можетъ, съ ними брататься, водиться съ ними въ домашнемъ быту, будетъ гнушаться ихъ пищи, особенно когда ему извѣстно, что они не христіане, вовсе не творящіе знаменія креста. Все это можетъ соблюдаться имъ еще строже относительно евреевъ, коль скоро ему съ дѣтства внушено, что они виновники мученій и распятія Христа, безъ всякихъ поучительныхъ, при этомъ, разъясненій о вѣротерпимости. Но этотъ же самый простолюдинъ почти всегда одаренъ настолько здравымъ смысломъ, что онъ обыкновенно не утрачиваетъ личнаго сужденія о хорошемъ и дурномъ человѣкѣ, даже по отношенію къ евреямъ, и способенъ легко освоюваться и уживаться съ ними, не чуждаясь общественныхъ съ ними сношеній и не питая къ нимъ, безъ особыхъ къ тому поводовъ, личной неприязни. Еслибъ это было иначе, то вѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что происходившіе въ недавнее время такъ называемые еврейскіе погромы имѣли бы уже свои прецеденты въ западномъ краѣ, гдѣ евреи, со времени первоначальнаго принятія ихъ въ русское подданство, въ число жителей Бѣлоруссін, т. е. теперь уже сто шестнадцать лѣтъ, живутъ густыми массами среди кореннаго населенія, имѣющаго съ ними многообразнѣшія личныя и имущественныя отношенія. Но такихъ прецедентовъ, однако, не было, и фактъ спокойнаго пребыванія тамъ евреевъ, въ теченіи столь значительнаго уже періода времени, не вызывая никакихъ смуть и волненій со стороны мѣстныхъ жителей въ тѣхъ даже мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ русское православное населеніе, служитъ самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ уживчивости рус-

скаго народа съ людьми и еврейскаго закона. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы русскій простолюдинъ въ Курской, Орловской, Воронежской и другихъ губерніяхъ, не входящихъ въ черту осѣдлости евреевъ, въ чемъ либо отличался отъ такихъ же простолюдиновъ въ губерніяхъ Киевской, Екатеринославской, Херсонской, Черниговской, Полтавской и другихъ, въ эту черту входящихъ.

Но то, что сказано о бытовой терпимости къ евреямъ низшихъ классовъ русскаго народа, изъ коихъ образовались сельскіе и городскія сословія, можно сказать и въ отношеніи высшихъ его классовъ, составляющихъ нѣмѣ дворянство и духовенство. Въ доказательство всегдашней уживчивости съ евреями даже и этихъ классовъ русскаго народа и отсутствія въ нихъ бытовой къ нимъ непрязни изъ-за расы или вѣры можно привести, между прочимъ, тотъ историческій, но мало извѣстный въ нашемъ обществѣ фактъ, что русскіе помѣщики и владѣльцы изъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства охотно водворяли евреевъ на своихъ земляхъ и принимали ихъ въ личное услуженіе, записывая ихъ за собою въ родѣ крѣпостныхъ людей. Изъ сохранившихся въ нашихъ государственныхъ архивахъ свѣдѣній объ этомъ видно, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ Малороссіи такихъ евреевъ оказалось нѣсколько сотенъ и они значились записанными за владѣльцами большихъ помѣстій, какъ-то: графами фонъ-Минихъ, Головинными, Толстыми, князьями Трубецкими и друг., за разными военными и гражданскими чинами, какъ-то: обозными генералами, генеральными войсковыми судьями, бунчуковыми товарищами и сотниками, за Киевско-Софійскимъ монастыремъ и даже, какъ объяснено въ официальномъ объ этомъ документѣ, за испанами и протопопами. Отъ пользованія сказанными евреями ихъ владѣльцы должны были отказаться лишь вслѣдствіе строгихъ указовъ императрицы Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, коиими было повелѣно, подѣ страхомъ «тяжчайшаго» не только наказанія, но «истязанія», выслать изъ Россіи (за рубежъ), какъ этихъ, такъ и всѣхъ вообще евреевъ, жившихъ въ то время въ малороссійскихъ и великороссійскихъ городахъ, селахъ и деревняхъ ¹.

¹ Торговля и друг. права евреевъ въ Россіи Н. Д. Градовскаго, изд. 1886, стр. 37 — 45.

Наконецъ, въ вышеизясненномъ отношеніи, не лишень, между прочимъ, значенія и тотъ фактъ, что въ началѣ настоящаго столѣтія, въ царствованіе императора Александра I, когда евреи, за незначительными изъятіями, почти вовсе не допускались еще во внутреннія части государства, имъ былъ разрѣшенъ, однако, прїѣздъ туда для занятій по части винокуренія и выдѣлки хлѣбныхъ водокъ, вслѣдствіе ходатайствъ объ этомъ самихъ русскихъ помѣщиковъ, — ходатайствъ, которыя были поддержаны, между прочимъ, извѣстнымъ Сперанскимъ, состоявшимъ въ то время губернаторомъ въ Пензѣ.

Несправедливо утверждать, поэтому, какъ это дѣлаютъ многіе, что расовая и религіозная непріянь къ евреямъ присуща національному духу русскаго народа и что она господствуетъ въ немъ по настоящее время. Русское народонаселеніе искони испещрено расами восточнаго происхожденія, число которыхъ съ расширеніемъ территоріи нашего государства не уменьшалось, а увеличивалось. Народъ нашъ имѣлъ возможность постепенно свыкаться и осваиваться съ ними, будучи отъ природы къ этому расположенъ. Русская почва, какъ по этнографическимъ условіямъ страны, такъ и по природнымъ свойствамъ ея господствующаго народонаселенія, не представляетъ, слѣдовательно, вообще никакихъ благопріятныхъ условій для развитія у насъ антисемитизма, дышущаго чувствомъ вражды и непріяни, же имѣющаго въ себѣ ничего человѣчнаго и порицаемаго какъ общественною нравственностью, такъ и христіанскою религіею. Антисемитизмъ, пренювѣданный въ смыслѣ гоненій, преслѣдованій и истребленій, можетъ быть присущъ только жесткимъ натурамъ, такимъ, напримеръ, какъ германо-тевтонской расы. Да и въ Германіи, гдѣ онъ проявился въ послѣднее время, нѣкоторымъ образомъ, въ научной формѣ, не находитъ много адептовъ и ограничивается извѣстною только партіей, преимущественно изъ числа нигдѣ не желаемыхъ социалистовъ, не обнаруживая никакого вліянія на измѣненіе гражданскаго положенія евреевъ, давно уже признанныхъ тамъ, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, полноправными гражданами.

Склонность къ антисемитизму и непріяни къ евреямъ проявляется у насъ, въ настоящее время, лишь въ отдѣльныхъ лич-

ностяхъ извѣстныхъ официальныхъ кружковъ, а также въ нѣкоторыхъ газетныхъ органахъ печати, которые, въ подражаніе германскому антисемитизму или преслѣдуя свои личные интересы, пользуются отврывающеюся положеніемъ евреевъ возможностью огульнаго обвиненія трехмилліонной у насъ массы ихъ населенія въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, для агитаціи противъ евреевъ и навязыванія русскому народу, *извнѣ*, непріязненныхъ къ нимъ чувствъ. О несправедливости и невыгодности для интересовъ истины такихъ огульныхъ обвиненій, а также о неблагоприятномъ ихъ вліяніи на общество въ нравственномъ отношеніи, мы еще будемъ имѣть случай говорить. Здѣсь же замѣтимъ только, что они находятъ существенную поддержку, главнымъ образомъ, именно въ установленіи, именуемомъ чертою осѣдлости евреевъ.

Отдѣляя евреевъ географически, а слѣдовательно, вполнѣ нагляднымъ образомъ, отъ прочаго народонаселенія и указывая этимъ способомъ всенародно, что люди эти принадлежатъ къ таковой расѣ и таковой вѣрѣ, которыя въ большей части государства терпимы быть не могутъ, установленіе это, тѣмъ самымъ, какъ бы поощряетъ навязываніе *извнѣ* русскому народу несвойственныхъ ему чувствъ расовой и религіозной непріязни къ нимъ. Поощреніе же такого рода чувствъ ведетъ вмѣстѣ и къ разнузданію страстей, разгулу, которые, содѣйствуя не смягченію, а огрубленію народныхъ нравовъ, не безопасны, въ то же время, и для общественнаго въ государствѣ спокойствія и тишины. Такимъ образомъ, сказанная черта является установленіемъ, которое, принадлежа, по своему духу, къ числу еще средневѣковыхъ установленій, служитъ какъ бы постояннымъ у насъ психическимъ стимуломъ, поощряющимъ развитіе непріязни къ евреямъ и всякаго рода агитаціи противъ нихъ, которыя, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, могутъ возбуждать толпы черни въ преобладающемъ населеніи и имѣть послѣдствіемъ тѣ нежелательныя самимъ правительствомъ проявленія, которыя въ недавнее время встрѣтились въ видѣ возмутительнѣйшихъ уличныхъ беспорядковъ и насилій надъ евреями и кавіа не имѣли на Руси почти и примѣра, ни до, ни послѣ образованія Русскаго царства, а съ воцареніемъ Дома Романовыхъ, можно сказать, вовсе и не встрѣчались, не находя поддержки ни въ нашихъ законахъ, ни въ воззрѣніяхъ нашихъ государей, ни въ

святителяхъ нашей православной Церкви, ни въ національномъ духѣ русскаго народа.

Нужно поэтому, чтобы выдвигаемые сторонниками локализациі евреевъ въ Россіи *мотивы* къ дальнѣйшему сохраненію у насъ такого средневѣкового учрежденія, какъ черта осѣдлости евреевъ, были весьма вѣски и убѣдительно со стороны ихъ практической для государства пользы, для присвоенія имъ значенія вполне справедливыхъ, разумныхъ и соответственныхъ потребностямъ времени поводовъ дѣйствія.

Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ мотивовъ, необходимо предпослать нѣсколько словъ о самомъ способѣ ихъ изслѣдованія.

Лица противоположнаго лагеря, т. е. стремящіяся доказать несостоятельность, съ современной точки зрѣнія, установленія, лишающаго евреевъ права повсемѣстнаго жительства въ государствѣ и свободнаго въ немъ передвиженія, взываютъ обыкновенно къ началамъ общей справедливости. Исходя изъ этого взгляда, они переносятъ вопросъ о сказанномъ правѣ въ область гражданскаго правосудія. Съ ихъ точки зрѣнія, ограниченіе правъ жительства евреевъ извѣстною опредѣленною мѣстностью есть не иное что, какъ одна изъ карательныхъ мѣръ уголовныхъ кодексовъ, которая можетъ являться справедливою тогда только, когда она, на основаніи общихъ понятій объ уголовной вѣняемости, опредѣлена лично, за извѣстное преступное дѣяніе. Вслѣдствіе этого, въ глазахъ тѣхъ лицъ, каждый изъ евреевъ, заключенный въ чертѣ его осѣдлости, является лицомъ, которое подвергнуто невинно, а слѣдовательно—несправедливо, уголовной карѣ. Но мы не можемъ согласиться съ такимъ взглядомъ. Это избитый путь, который ни къ чему не ведетъ и ничего не доказываетъ. По общимъ положеніямъ уголовныхъ кодексовъ о вѣняемости, наказаніе должно быть дѣйствительно личное, оградѣнное въ установленномъ порядкѣ за извѣстное, предусмотрѣнное законами преступное дѣяніе. Но именно поэтому ограниченіе, явному подвергнутому еврей въ нравахъ ихъ жительства, не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ и уголовнымъ правосудіемъ. Эта мѣра есть чисто *политическая*, а въ области политики многое имѣетъ свою относительную справедливость, которая можетъ расходиться съ общими

понятіями объ абсолютной правдѣ, но которая, тѣмъ не менѣе, можетъ находить оправданіе въ условіяхъ мѣста и времени. Съ точки зрѣнія абсолютной правды и справедливости можетъ осуждаться, пожалуй, существованіе и тѣкъ различій въ правахъ людей, которыя вводятся установленіемъ отдѣльныхъ сословій или состояній. Учрежденія этого рода, имѣя въ своемъ основаніи исключительныя льготы и привилегіи, устанавливають также довольно рѣзкое неравенство въ правахъ людей по ихъ происхожденію,—неравенство, которое касается, между прочимъ, и ихъ правъ жительствова и свободнаго передвиженія по государству. Между тѣмъ, подобныя учрежденія существуютъ, однако, не только у насъ, но и въ болѣе прогрессировавшихъ уже государствахъ, и лицамъ, родившимся въ состояніи, которому присвоенъ законами сравнительно меньшій объемъ правъ, не приходится, однако, на мысль роптать на несправедливость ихъ положенія, съ точки зрѣнія гражданскаго правосудія. Какое отступленіе отъ идеи абсолютной справедливости, требующей безусловнаго равенства въ правахъ людей, можетъ быть рѣзче, какъ то, которое представляетъ, напримеръ, привилегія лордовъ въ Англіи? Но и тамъ, въ этой классической странѣ свободы, никому изъ гражданъ съ политическимъ смысломъ не приходится на умъ предлагать билли объ отмѣнѣ этого учрежденія. Оно существуетъ уже вѣка и, по всей вѣроятности, еще долго будетъ существовать, не вопреки на все свое внутреннее противорѣчіе съ началами справедливости и гражданскаго правосудія.

Поэтому, жаловаться еврею на несправедливость или неправосудность ограниченія его правъ жительствова, когда эта мѣра вызывалась бы политическими соображеніями, вполне оправдывающимися относительными условіями страны и времени, столь же почти абсурдно, какъ камчадалу жаловаться на несправедливость лишенія его природою солнечныхъ лучей въ теченіи цѣлаго полугодія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ вообще народовъ, сформировавшихся въ отдѣльныя государства и имѣющихъ самостоятельный политическій бытъ, существуютъ и свои относительныя интересы, которымъ присвоивается названіе *высшихъ государственныхъ интересовъ* или *интересовъ національ-*

мысль. Они имѣютъ, въ извѣстный, данный моментъ государственнаго существованія народа, значеніе какъ бы относительныхъ для него истинъ, а слѣдовательно, и свою относительную, въ сознаніи людей, справедливость. Въ ней, этой относительной справедливости высшихъ или національныхъ государственныхъ интересовъ могутъ находить справедливое оправданіе различныя учрежденія, совершенно независимо отъ общихъ понятій о справедливости, которыми они, по своимъ основаніямъ, могутъ иной разъ, до извѣстной степени, не соответствовать и даже вовсе расходиться съ ними. Такимъ же точно образомъ, въ тѣхъ же интересахъ національно-политическихъ, можетъ находить свои справедливыя основанія и такое установленіе, какъ черта осѣдлости евреевъ, не взирая на его средневѣковой отгѣнокъ, а также на замѣчаемую рѣзкость его отступленій отъ идеи равенства въ правахъ и на проистекающія отъ этого нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія въ бытовомъ отношеніи, не только для евреевъ, но и для общаго народонаселенія.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, что въ вопросѣ объ установленіи сказанной черты, какъ вопросѣ политическомъ, можетъ имѣть значеніе лишь та относительная справедливость, какую представляетъ согласность или несогласность этого установленія съ государственною пользою нашей русской націи.

Этимъ опредѣляется и самый способъ изслѣдованія мотивовъ или доводовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Они должны быть разсмотрѣны не съ точки зрѣнія общихъ понятій объ абсолютной справедливости и гражданскаго правосудія, но исключительно съ точки зрѣнія *національно-русскихъ интересовъ*; съ цѣлью ближайшаго, по возможности, разъясненія: находила-ли когда либо въ нихъ локализациа евреевъ въ Россіи свою относительную справедливость и находить-ли ее въ настоящее время?

Въ дѣлѣ историческихъ изслѣдованій о характерѣ политическихъ отношеній къ евреямъ особую важность, весьма понятно, имѣетъ вопросъ объ *исключительности* принимавшихся относительно ихъ законодательныхъ мѣръ. Если такой исключительности не существовало, если какой либо ограничительный законъ распространялся, въ одной мѣрѣ, на другихъ иновѣрцевъ, то нельзя справедливымъ образомъ сказать, чтобы евреи въ тотъ

историческій моментъ были предметомъ исключительной религиозной или политической неприязни. Равнымъ образомъ, если въ законодательныхъ памятникахъ не находится слѣдовъ мѣръ и постановленій, направленныхъ къ гоненіямъ и преслѣдованіямъ евреевъ, то нельзя справедливымъ образомъ утверждать, что встрѣчавшіеся въ эпоху, къ коей относится тѣ памятники, отдѣльные случаи насилій надъ евреями были послѣдствіемъ принципиально установленнаго законами образа дѣйствія и могли быть признакомъ руководящей политики того времени. Изысканія объ этомъ составляютъ, такъ сказать, всю суть въ вопросѣ объ историко-національныхъ къ евреямъ отношеніяхъ всѣхъ, вообще, христіанскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи. Одно изъ новѣйшихъ сочиненій, именно: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ»¹, доказало, между прочимъ, слѣдующіе существенные въ этомъ отношеніи факты: 1) что установленная Уложеніемъ царя Алексія Михайловича 1649 г. казнь сожженія огнемъ «бусурманъ» за обрѣзаніе и совращеніе въ свою «вѣру» русскаго человѣка, какъ и все вообще Уложеніе, не имѣетъ ничего исключительнаго относительно евреевъ, составляя уголовную мѣру, касавшуюся столько же ихъ, сколько и магометанъ, которыхъ имѣлось, въ то время, въ Россіи несравненно большее число, чѣмъ евреевъ; 2) что ничего исключительнаго, по отношенію къ нимъ, не представляютъ и «новоуказныя статьи» того же царя, гдѣ говорится и объ этой казни; 3) что заключеннымъ, при немъ же, Андрусовскимъ договоромъ о перемиріи съ Польшею (1667 г.) евреи, застигнутые на земляхъ, доставшихся Россіи, были допущены къ постоянному въ ней жительству, — фактъ несомнѣнно свидѣтельствующій объ извѣстной въ то время у насъ терпимости къ

¹ Не лишнее замѣтить, что заглавіе этого сочиненія, принадлежащаго перу русскаго автора, Н. Д. Градовскаго, является, къ сожалѣнію, весьма неудачнымъ, не соответствуя нисколько содержанію труда, заключающаго критическую оцѣнку историческихъ фактовъ, касающихся причинъ возникновенія у насъ исключительныхъ узаконеній о евреяхъ. Несравненно правильнѣе, кажется, было бы дать этому труду слѣдующее заглавіе: „О мотивахъ ограниченія правъ евреевъ въ Россіи, въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ“.

нимъ; 4) что евреи, въ числѣ другихъ иноземныхъ людей, пропускаясь и въ Москву и что учрежденныя тогда заставы по Смоленской дорогѣ, для опроса такихъ людей, не имѣли, равнымъ образомъ, ничего исключительнаго по отношенію къ евреямъ; 5) что указъ царя Феодора Алексіевича (1676), въ связи съ этою полицейско-государственною мѣрой, не имѣетъ иного смысла, какъ воспрещенія евреямъ лишь *тайно* пріѣзда въ Москву съ товарами или безъ товаровъ, т. е. безъ выполненія требованій объ ихъ предварительномъ опросѣ на пути; 6) что по договорамъ съ Польшею же 1678 и 1687 годовъ, изъ коихъ послѣдній заключенъ и имѣлъ свое дѣйствіе уже при Петрѣ I, доступъ въ Россію не былъ закрытъ не только для евреевъ, обитавшихъ въ ней, но и для пріѣзжавшихъ изъ Польши, и что по обоюдному соглашенію сазанныхъ державъ каждая изъ нихъ сохранила за собою право не допускать чужихъ евреевъ лишь въ столичные города: Россія—польскихъ евреевъ—въ Москву, а Польша—евреевъ русскихъ—въ Варшаву, Краковъ и Вильно; 7) что измѣняющіяся въ «Исторіи Россіи» Соловьева выдержки относительно безусловной вѣтерпимости Петра I къ евреямъ основаны на источникахъ анекдотическаго характера и не подтверждаются ни законодательными актами этого государя, ни другими документальными объ этомъ свѣдѣніями и данными. Точно такимъ же образомъ доказанъ въ упомянутомъ выше трудѣ рядъ другихъ фактовъ, касающихся мотивовъ возникшаго позднѣе исключительнаго законодательства о евреяхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія вышеупомянутаго труда г. Градовскаго, изданнаго еще въ 1885 г., князь Н. Н. Голицынъ выпустилъ 1-й томъ своего труда, подъ заглавіемъ: «Исторія русскаго законодательства о евреяхъ».

Въ виду новизны предмета—до настоящаго времени выясненіе мотивовъ исключительнаго у насъ законодательства о евреяхъ было весьма мало затронуто нашею литературой и первый изъ вышеупомянутыхъ двухъ трудовъ едва-ли не представляется и первую къ этому попыткой—и сочиненіе князя Голицына, при явномъ пристрастіи и бросающемся въ глаза усиліи въ подборѣ и искаженіи фактовъ и при всей вообще его неудовлетворительности не лишентъ однако значенія въ этомъ отношеніи, заключаая матеріалъ для срав-

ней, выводовъ и заключеній по вопросамъ, касающимся сказанныхъ мотивовъ, на основаніи документальныхъ о нихъ источниковъ. Все, что было писано до этого по предмету исключительныхъ узаконеній о евреяхъ, ограничивалось, преимущественно, ихъ систематизированіемъ, съ цѣлю выясненія ихъ рѣзкой исключительности, ихъ несообразностей, противорѣчій, или ихъ несправедливости, съ точки зрѣнія понятія объ общечеловѣческихъ правахъ. Но выше было уже объяснено, что всѣ обращенія къ ней, этой стѣленной справедливости, болѣею частью, не могутъ имѣть въ политической области иного значенія, какъ голоса вопіющаго въ пустынѣ. Одинъ только общегосударственный интересъ страны, и притомъ ея національный, мѣстный, соответствующій ея дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ, въ извѣстный данный моментъ ея политическаго существованія — можетъ служить, въ этомъ случаѣ, справедливымъ указателемъ того, что для страны нужно и чего ей не нужно.

Держась твердо этой точки отправленія, посмотримъ сперва — въ чемъ именно заключается тотъ рядъ мотивовъ, въ зависимость отъ которыхъ ставится обыкновенно жизненное значеніе у насъ установленія черты осѣдлости евреевъ, имѣющей послѣдствіемъ ихъ локализацию въ Россіи, съ недопущеніемъ въ прочія ея части.

Пользуясь всеобщюю осозанностью факта, что евреи нетерпимы въ большей части государства, лица, неприязненно настроенныя противъ нихъ, присваиваютъ такой нетерпимости значеніе искони установившагося у насъ политико-національнаго принципа, оправдывающагося, и въ настоящее время, жизненными потребностями русской страны.

Этимъ создается, такъ сказать, первая группа мотивовъ въ вопросѣ объ ограниченіи правъ жительства евреевъ — *мотивовъ историко-національныхъ*, какъ бы глубоко коренившихся въ нашей старинѣ и, въ то же время, какъ бы *статистическихъ*, зависящихъ отъ *стыри и расы*, т. е. отъ такихъ элементовъ, борьба съ которыми въ природѣ вещей.

Но одновременно съ этого рода мотивами, скрывающимися въ противоположности чловѣческихъ натуръ и религіозныхъ вѣрованій и какъ бы находящихъ свое разумное основаніе въ законѣ естественной необходимости, указывается, въ связи съ ними, еще

внѣшній фактъ *религіозно-племенного устоя* евреевъ, который они находятъ якобы въ своихъ письменныхъ источникахъ религіозно-гражданскаго характера, какъ Талмудъ и позднѣйшія раввинскія творенія, обособляющіе ихъ среди христіанъ и якобы враждебно ихъ настраивающіе къ нимъ и вызывающіе борьбу съ вредными для общезитія началами еврейства.

Это устанавливаетъ другую группу мотивовъ—*политико-гражданскихъ и культурныхъ*.

Наконецъ, численность евреевъ въ составѣ русскаго народонаселенія; предположенія объ ихъ свойствахъ къ быстрому размноженію, путемъ естественнаго прироста; приписываемыя имъ, съ одной стороны, отвращеніе къ земледѣльческому и, вообще, всякому производительному труду, требующему приложенія физическихъ силъ, а съ другой—алчность къ наживѣ, посредствомъ преднамѣренной эксплоатаціи христіанъ, путями даже недозволенными, будто бы находящими, однако, поощреніе въ еврейскихъ религіозно-культурныхъ понятіяхъ о правилахъ общественной нравственности,—правилахъ, какихъ евреи держатся, будто, среди христіанскихъ народовъ,—все это даетъ понятіе о крайней вредности евреевъ и для развитія экономическихъ силъ государства, особенно по отношенію къ земледѣльческимъ въ немъ классамъ. Отсюда является, имѣющая связь съпредшествующими, третья группа мотивовъ—*мотивовъ экономическихъ*.

Разсмотримъ же каждую изъ этихъ группъ въ отдѣльности, съ цѣлью ближайшаго, но возможности, выясненія—имѣютъ-ли изъясненные мотивы ограниченія правъ жительства евреевъ какое либо основаніе, какъ въ нашихъ *историко-національныхъ* отношеніяхъ къ нимъ, такъ и въ *современныхъ потребностяхъ* нашей національно-политической жизни.

Русскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА ¹.

2 октября 1882 г.

Такъ какъ мы узнали, что въ Александріи послѣ бомбардировки идутъ дѣятельныя работы для восстановленія разрушенныхъ зданій и рабочимъ платятъ по семи франковъ въ день, то нѣкоторые самоотверженные изъ насъ вызвались на время туда поѣхать и излишекъ своего заработка присылать намъ. Но это отклонили, дабы не раздробляться. Рѣшено было обратиться съ воззваніемъ о помощи къ различнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ. Если соберется порядочная сумма, уплатить прежде всего долги, а на остальные деньги начать какъ-нибудь при-страиваться въ Р.-Леціонѣ. Кромѣ того написали прошеніе въ Alliance.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сходки уѣхалъ еще одинъ, такъ что насъ теперь всего 14 чел. Изъ нихъ не работаютъ: три дѣвушки, делегатъ и дежурный (на обязанности котораго лежитъ ходить въ городъ за покупками, носить воду и т. п.). Кромѣ того ежедневно 1—3 и болѣе больныхъ, слѣдовательно, никогда не работаетъ болѣе 8 человекъ.

17 октября 1882 г.

Сегодня былъ первый дождь и вотъ уже они начались, періодическіе дожди! Положеніе наше становится все хуже, обуви ни у кого нѣтъ, одежда въ самомъ жалкомъ состояніи, расходы вдвое больше дохода и, ко всему этому, мы во время

¹ См. „Восходъ“ в. III.

дождей не будемъ имѣть работы. Мы бы хотѣли какъ нибудь пристроиться къ Р.-Деціону. Гиршъ давно уже пріѣхалъ изъ Парижа. Мы просили у него квартиру, повышенія платы и какой нибудь домашней работы на время дождей. Квартиры для насъ у него пока нѣтъ свободной, за работу во время дождей онъ не ручается, а плату повысилъ до 1½ франка вмѣсто одного, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто 8 часовъ работали по 9½ часовъ.

Третьяго дня была у насъ серьезная сходка. Прежде всего В* сообщилъ намъ, что онъ купилъ въ Р.-Деціонѣ для партіи 10 десятиинъ земли съ уплатой чрезъ 3 мѣсяца. Такъ какъ Пя-несъ получилъ для насъ 200 р., то онъ намѣренъ на эти деньги вывести стѣны для дома, потомъ занять дѣсъ и окончить постройку. Не желая запутаться, мы отказались отъ этой покупки. Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ—хочетъ-ли В* перестать дѣйствовать самостоятельно и подчиняться только указаніямъ партіи, или нѣтъ? На это послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ:

— Я назначенъ представителемъ *есей* партіи Билу, которая еще въ Россіи, вы же—только ничтожная горсть ея и не имѣете права безъ остальныхъ распоряжаться. Меня сама судьба выдвинула на постъ самостоятельнаго управленія дѣлами партіи; если же вы не хотите, то я отдѣляюсь отъ васъ.

Послѣ этого отвѣта рѣшено было, что трое В*, еще одна дѣвушка и молодой человѣкъ — всего пятеро — выступаютъ изъ партіи. На это со стороны В* послѣдовало курьезное заявленіе, что мы выступаемъ, что *онъ* Билу, а не *мы*, такъ какъ онъ все-таки остается представителемъ партіи. О томъ, кто Билу, мы уже не стали спорить.

4 ноября 1882 г.

16-го октября мы наняли въ одной боярѣ комнатку за 15 франковъ и на слѣдующій же день перенесли туда наши вещи; насъ теперь всего 9 человѣкъ, изъ нихъ невѣста Г.—хозяйка. Мы рассчитывали, что у насъ будетъ работать человѣкъ 6—7, но по причинѣ болѣзней сегодня, напимѣръ, работало всего трое. Г. сильно страдаетъ отъ лихорадки; нѣсколько разъ

мыуже даже опасались за его жизнь. У другого, о которомъ я еще 10 сентября упоминалъ, отъ работы стала грудь болѣть; онъ уже лежалъ въ больницѣ и все-таки не выздоровѣлъ. Докторъ говоритъ, что у него катарръ легкихъ. Э., придя недѣлю тому назадъ съ работы спотѣвшивъ, разгоряченный, наскоро поужинавъ, бросился, какъ есть, на каменный полъ и проспалъ всю ночь. Вставши поутру, онъ почувствовалъ ломоту въ суставахъ, затѣмъ у него сильно опухли кисти рукъ. Докторъ далъ ему мазь, но опухоль не сходитъ.

Надняхъ къ намъ подошелъ Гиршъ съ недавно возвратившимся делегатомъ, посланнымъ изъ Р.-Леціона нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Европу за помощью, которую ему дѣйствительно удалось выхлопотать у кого-то. Кто это лицо—не знаетъ никто; извѣстно только, что деньги будутъ идти чрезъ Гирша. Подойдя къ намъ, Гиршъ сталъ спрашивать о состояніи нашей партіи, причинахъ несогласій съ В*, и затѣмъ предложилъ вопросъ:

— Отчего бы вамъ не работать въ Ришонъ-Леціонъ?

— Чѣмъ же тамъ лучше, нежели здѣсь?

— Да вы не всегда тамъ будете работниками, современемъ можете стать и колонистами.

— Но на какихъ же основаніяхъ намъ перейти, что будемъ дѣлать и гдѣ жить?

— Колонисты дадутъ вамъ работу. Я выстрою вамъ два—три дома, и если вы ничего противъ этого не имѣете, можете перейти туда.

— Если такъ, то мы, конечно, согласны.

Мы поняли, что Гиршъ имѣетъ какія-то инструкціи относительно насъ и что, помогая Р.-Леціону, хотятъ туда же и насъ помѣстить. Слова его довольно туманны, но тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что насъ собираются устроить.

Ришонъ-Леціонъ, 25 ноября 1882 г.

7-го ноября, на разсвѣтъ, мы, по распоряженію Гирша, отправились въ Ришонъ-Леціонъ. Хотя я уже около трехъ мѣсяцевъ въ Палестинѣ, однако, вслѣдствіе постоянной работы ни разу не бывалъ въ этой колоніи, почти ничего о ней не зналъ и

Былъ знакомъ лишь съ однимъ изъ ея членовъ, Левонтиномъ. Такъ какъ около этого послѣдняго сосредоточивается почти вся дѣятельность за текущій годъ здѣшнихъ приверженцевъ колонизаціи, то я скажу о немъ нѣсколько словъ. Л. пріѣхалъ въ Яффу въ февралѣ сего года, въ качествѣ делегата отъ К—го кружка палестинцевъ. Масса эмигрантовъ, наводнявшихъ улицы Яффы, съ нетерпѣніемъ ждала прибытія Л., о которомъ говорили, будто онъ везетъ съ собою деньги для основанія колоніи, въ которую, конечно, будутъ приняты всѣ бѣдные и нуждающіеся. Немногочисленные іерусалимскіе жрецы колонизаціи, какъ, напр., гг. Михель Пинесъ и Бенъ-Іегуда, ожившіе съ быстрымъ развитіемъ этой великой идеи, чутко, съ замраніемъ сердца прислушивавшіеся ко всякому пробужденію народнаго сознанія, съ распростертыми объятіями встрѣтили дорогого гостя, о которомъ такъ много слышали и въ которомъ надѣялись найти столь же горячую готовность къ совмѣстной дѣятельности. Къ сожалѣнію, они ошиблись въ расчетѣ. Л. оказался далеко ниже слуховъ, носившихся о немъ; въ его глазахъ личность, подобная Пинесу, была лишь «іерусалимскимъ евреемъ», о которыхъ всѣ наши пионеры такого дурнаго мнѣнія. Л. не разбиралъ фактовъ, не входилъ ни въ какія соображенія, онъ имѣлъ готовое, предвзятое понятіе о всѣхъ іерусалимскихъ евреяхъ, какъ о дармоедахъ, «халужешникахъ», интриганакъ, вѣчно грызущихся между собою изъ-за обглоданной кости. И вся бѣда въ томъ, что собственно національная идея у насъ терялась и до сихъ поръ теряется въ безднѣ различныхъ нашихъ цивилизаторскихъ затѣй. Мы стремимся быть носителями культуры въ этой дикой странѣ и упускаемъ изъ виду, что обязаны считаться съ взглядами народа, для котораго работаемъ, взглядами, которыхъ не слѣдуетъ принимать безусловно, но которыхъ необходимо дѣлать уступки. Намъ нѣтъ дѣла до Іерусалима, до загадочнаго быта его обитателей, до свѣтлыхъ или темныхъ явленій ихъ жизни. Пинесъ, сразу, конечно, оцѣнившій одностороннія воззрѣнія Л., ради общаго дѣла, однако, старался удерживать его отъ различныхъ ложныхъ шаговъ и почти навязывался ему на совмѣстную дѣятельность, между тѣмъ какъ Л. относился къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ

и нашелъ умѣстнымъ при первомъ же знакомствѣ, едва переступивъ порогъ Пинеса, тотчасъ же вынуть карандашъ и записную книжку, словно говоря хозяину, что онъ ему нуженъ ровно настолько, насколько онъ можетъ сообщить, что раньше съюють—ячмень или кукурузу, и какую тяжесть подымаетъ верблюды. Это презрительное отношеніе ко всемъ мѣстнымъ евреямъ, простибельное еще новичкамъ, осталось у многихъ по сей день; ничто на нихъ не дѣйствуетъ: имѣють глаза — и не видятъ, уши — и не слышать, никакіе факты не могутъ поколебать предрасудковъ. Но чѣмъ аукнется, тѣмъ и откликнется; наше поведеніе — главная причина несочувствія къ намъ мѣстныхъ евреевъ.

Побывавши въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ, Л. вернулся въ Яффу, гдѣ въ это время былъ громадный наплывъ эмигрантовъ, большинство которыхъ буквально умирало съ голоду. Дѣятельность миссіонеровъ приняла чрезвычайные размѣры: яффскій ихъ агентъ Морицъ, крещеный еврей, выдающій себя за бывшаго абиссинскаго министра, хорошо пользовался удобнымъ моментомъ. Несчастные эмигранты, обремененные большими семействами, въ отчаяніи прибѣгали къ помощи любвеобильнаго Морица, который принималъ въ нихъ горячее участіе, давалъ имъ работу на своемъ дровяномъ складѣ и время отъ времени препровождалъ ихъ въ главный центръ миссіонерства, въ Іерусалимъ, для дальнѣйшаго «обзначенія» ихъ участи. У иныхъ были кой-какія деньги, но, вслѣдствіе полнѣйшаго незнакомства съ языкомъ и порядками страны, они находились какъ въ дремучемъ лѣсу, не зная куда направиться, что предпринять; естественно, они неминуемо попадали въ руки различныхъ маклеровъ, которые, притворяясь людьми безкорыстными, благодушными, даже идеалистами, надували ихъ безбожно. Дѣла не могли долѣе оставаться въ такомъ положеніи, необходимо было ввести какой нибудь порядокъ. Л. предложилъ учредить комитетъ; мысль эта была одобрена всеми, но на первыхъ же собраніяхъ произошелъ разладъ. Іерусалимцы настаивали, чтобы комитетъ находился въ Іерусалимѣ, Л. же со своими сторонниками противился этому. При этомъ случай вполне выказались мелкія и обидныя мнѣнія партіи Л. о іерусалимскихъ

дѣятеляхъ, которые, убѣдившись мало по малу, что ихъ не желаютъ имѣть въ своей средѣ, отказались отъ участія въ дѣлѣ. Въ мартѣ основался комитетъ, задавшійся цѣлью изслѣдовать Палестину, служить справочнымъ бюро для всякаго желающаго поселиться въ ней, собирать свѣдѣнія о продающихся имѣніяхъ и земляхъ и, наконецъ, позаботиться объ участи эмигрантовъ, находящихся уже на мѣстѣ. Комитетъ этотъ былъ чрезвычайно необходимъ, бѣдняки ждали отъ него спасенія, изъ многихъ мѣстъ стали получаться пожертвованія. Въ это время пріѣхали еще интеллигентные люди и примкнули къ комитету. Последній, по мѣрѣ возможности, раздавалъ бѣднымъ хлѣбъ, нанималъ имъ квартиры, но всѣ пожертвованія не соответствовали прогрессивно увеличивавшейся нуждѣ. Толпа ежедневно ломилась въ двери комитета, шумя и требуя хлѣба. На злосчастныхъ заправилъ сыпалось проклятiя, ихъ обвиняли въ утайкѣ денегъ, слышались крики, угрозы:

— Надо ей все написать, открыть всѣ безпорядки!

— Они думаютъ, что мы уже не знаемъ, какъ къ ней обратиться!

— Она давно бы прекратила всѣ злоупотребленія, если бы знала, что тутъ дѣлается; она не позволила бы обижать насъ!

Эта она — не болѣе и не менѣе, какъ англійская королева Викторiя.

Разныя обстоятельства, какъ хлопоты и разъѣзды англичанина Олифанта, большія суммы, собранныя Меншенъ-Гоузомъ комитетомъ въ Лондонѣ въ пользу евреевъ, убѣжавшихъ изъ Россiи, частые запросы барона Вормса въ парламентъ относительно еврейскихъ погромовъ, слухи о какомъ-то профессорѣ, посланномъ къ султану съ письмомъ отъ королевы, въ которомъ она проситъ его величество покровительствовать колонизаціи евреями Святой Земли, — всѣ эти и многія другія соображенія убѣдили легковѣрныхъ эмигрантовъ, что королева Викторiя неравнодушна къ Израилю.

Убѣдившись, что ничтожныя подачки не помогутъ дѣлу, что деньги уходятъ безъ всякой пользы, нисколько не облегчая участи бѣдствующихъ, комитетъ началъ серьезно подумывать объ основаніи колоніи. Олифантъ, находившійся тогда въ Кон-

стантинополѣ, сулилъ Л. золотыя горы, Александрійская (въ Египтѣ) еврейская община рѣшила пожертвовать значительную сумму на колонизацію, отовсюду сыпались щедрія обѣщанія. Устройство колоніи казалось всѣмъ вопросомъ ближайшаго будущаго. Дабы не терять времени, слѣдовало бы пока купить землю, а на все прочее деньги, безъ сомнѣнія, будутъ. Но гдѣ взять деньги на покупку земли? А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на бездѣйствіе комитета. Необходимо прекратить толки и предпринять что нибудь важное, рѣшительное. И вотъ объявлено было въ Яфѣ, что составляется общество для основанія колоніи; желающій быть членомъ общества обязанъ внести одновременно одинъ наполеонъ (8 р.) и ежемѣсячно по франку, при чемъ, по мѣрѣ накопленія денегъ, въ составъ колоніи войдутъ раньше тѣ, которые прежде вступили въ общество. Мѣра эта была абсурдная во всѣхъ отношеніяхъ. Даже на основаніи заявленія самого комитета, для устройства средняго семейства требуется сумма въ 1,200 руб.; слѣдовательно, если-бы каждый членъ успѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ внести круглымъ числомъ 25 фр. (10 р.), то изъ 120 семействъ можно было бы устроить одно. Если же здѣсь считывали на помощь извнѣ, для чего же было навязывать себѣ на шею массу бѣдняковъ изъ-за какихъ нибудь 8 руб. съ семейства? Комитетъ скорѣ увидѣлъ свой промахъ. Олифантъ, наконецъ, признался, что на него надѣяться нечего. Александрійскіе евреи послѣ разгромленія ихъ города англичанами не могли уже и думать о колонизаціи; а отъ всѣхъ палестинскихъ кружковъ продолжали получаться обѣщанія, только не деньги. Но многочисленныя бѣдняки, съ неимовѣрными усиліями внесшіе обязательныя 8 руб., знать ничего не хотѣли и требовали, чтобы имъ подавали колонію. Толпа, думая, что ее надули, стала кричать о возвращеніи денегъ, которыхъ, увы! большая часть уже была израсходована. Комитетъ очутился въ скверномъ положеніи; начались интриги, скандалы. Л., никогда не щадившій своихъ денегъ для нуждъ комитета, и на этотъ разъ вернулъ бѣднякамъ ихъ взносы изъ своего собственнаго кармана. Однако, энергія еще не покинула Л. и его товарищей; они принялись вербовать состоятельныхъ людей для устройства коло-

ни и, послѣ цѣлаго ряда хлопотъ, неприятностей и напрасныхъ попытокъ, имъ удалось-таки составить кружокъ изъ 9 человекъ для покупки земли. Всѣ члены кружка, съ Л. во главѣ, воодушевленные самыми свѣтлыми стремленіями, не желая совершенно разбить надежды бѣдняковъ и покончить свои великія намѣренія основаніемъ колоніи изъ какихъ нибудь 9 богатыхъ людей, рѣшили на свой счетъ принять въ свою колонію и устроить нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Пріѣхавшій около этого времени богатый дядя Л. согласился заплатить всю потребную для покупки земли сумму какъ за бѣдныхъ, такъ и за состоятельныхъ членовъ, такъ какъ послѣдніе еще были на родинѣ связаны дѣлами и не располагали необходимыми наличными деньгами. Въ бедуинской чалмѣ, дорогой абаѣ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи товарищей и маклеровъ, Л. сталъ развѣзжать и высматривать землю; изъ пустого тщеславія онъ вездѣ старался внушить арабамъ глубокое уваженіе къ себѣ, какъ къ евронейцу, и во всемъ стремился подражать богатымъ англичанамъ-туристамъ, не оставляющимъ и здѣсь своихъ причудъ и капризовъ. Когда онъ вывѣзжалъ изъ какой нибудь деревни, за нимъ устремлялась стая арабчатъ съ крикомъ: «бакшишъ! бакшишъ!» (подарокъ, взятка, ча-чай), и Левантинъ щедрою рукою сыпалъ мѣдяки. Имя его стало извѣстно въ окрестности, но вмѣстѣ съ его популярностью росла цѣна на землю, и куда онъ ни пріѣзжалъ, съ него заламывали самыя несообразныя цѣны. А между тѣмъ вельзя было медлить покупкой; дядя спѣшилъ обратно въ Россію, куда его призывали дѣла, а его не должно было выпустить изъ рукъ, ибо съ его отъѣздомъ рухнуло бы все. Тутъ одинъ іерусалимскій маклеръ-банкиръ предложилъ въ 13-ти верстахъ отъ города Яффы замѣчательный клочокъ земли, по-истинѣ «текущій млекою и медомъ». Левантинъ съ товарищами немедленно отправились туда, и земля имъ понравилась, ибо они въ ней ничего не смыслили и были увѣрены, что въ Святой Землѣ и камни производятъ богатую растительность. Переночевали тамъ одну ночь, климатъ никому не повредилъ, слѣдовательно, онъ очень хорошъ, — и земля была куплена по 13,75 фр. за дунамъ (1 десятина содержитъ ок. 12 дунамовъ). Въ то же время яффскій комитетъ былъ закрытъ.

Такъ какъ вышло запрещеніе русскимъ и румынскимъ евреямъ покупать землю въ Палестинѣ, то купчая была совершена на имя англійскаго консула въ Яффѣ, еврея Хаима Амзалага, который уже отъ себя выдалъ документъ дядѣ Л. По плану мѣстнаго еврея-землемѣра, вся земля заключала въ себѣ 3,340 дун.; изъ нихъ старикъ Л. далъ 330 дун. шести бѣднымъ семействамъ, принятымъ въ колонію, которыя должны выплатить всю стоимость въ теченіи пяти лѣтъ; всю же сумму, которая будетъ получена съ бѣдняковъ за землю, пожертвовалъ на устройство синагоги и школы. Вся остальная земля въ размѣрѣ 3,000 дун. была раздѣлена на двѣ половины: одну оставилъ себѣ старикъ Левонтинъ, другую взяли прочіе его компаньоны. Одна удобная гора была назначена для колоніи; туда поставили палатки и 15-го Аба (въ іюль) положено основаніе Ришонъ-Леціону.

Колонисты выработали уставъ, по которому изгонялась роскошь, запрещалось открытое нарушеніе предписаній религіи и проч. Но главное стараніе было обращено на организацію общественной жизни колоніи. Земля должна была обрабатываться на общинныхъ началахъ, такъ, чтобы каждый имѣлъ въ урожаѣ часть, соответствующую количеству его земли, которая не была раздѣлена, и никому не былъ указанъ его участокъ. Дабы одинъ не работалъ меньше другого и вообще для урегулированія труда, была устроена расходная касса, въ которую каждый хозяинъ вносилъ сумму денегъ, пропорціонально числу дунамовъ земли; всякій же членъ колоніи получалъ по 1½ фр. за свой рабочій день изъ этой общей кассы. Назначили одного распорядителя надъ работами, и слушались дядю (такъ прозвали его) беспрекословно. Начали очищать колючки съ горы колоніи, рыть каналы, прокладывать дороги; закипѣла горячая дѣятельность. Всѣ были полны надеждъ, на сердцѣ у каждого было такъ легко, хорошо. Старики, и тѣ вдругъ помолодѣли и почувствовали въ себѣ какую-то юношескую бодрость и свѣжесть, словно новая, сильная струя крови потекла по ихъ жиламъ. Вернулись давно забытыя увлеченія, надежды, вѣрованія, тѣло вновь получило свою неутомимость, мускулы—свою упругость. Тѣ смѣлыя, недостижимыя желанія,

о которыхъ еврей и во снѣ мечтать не смѣетъ, сблылись относительно этикъ счастливицевъ на дѣлѣ; разбиты цѣпи, они свободны, они равноправны, они люди; они могутъ съ поднятою головой, съ невѣдомымъ имъ доселѣ сознаниемъ своего достоинства прямо смотрѣть въ глаза всякому. Здѣсь они не пришельцы, не чужіе они въ странѣ, каждая пядь которой орошена кровью нашихъ предковъ, каждый холмъ, каждый камень которой имѣетъ свою исторію, гдѣ на каждомъ шагу великія воспоминанія одновременно раддируютъ и трогаютъ сердце еврея; не чужіе они въ странѣ, въ которой нашъ оскорбленный народъ-мученикъ провелъ свое беззаботное дѣтство и юношество, въ которой одной онъ знавалъ счастье и радость! Сердца этой горсти людей преисполнены блаженства, которое рѣдкому еврею выпадаетъ на долю. Они вернулись въ объятія своей матери, въ привѣтливый родительскій домъ. Опять для нихъ настали давно минувшіе безмятежные дни, прѣшла пора скитальчества и горькихъ испытаній. Честная, трудовая земледѣльческая жизнь въ своемъ древнемъ отечествѣ,—можетъ-ли что нибудь быть выше для еврея? Согрѣтые такими благородными порывами, колонисты жили какъ братья, ѣли, пили вмѣстѣ, радость и горе дѣлились всѣми наравнѣ, и каждый изъ всѣхъ силъ старался способствовать благу своей колоніи.

18 декабря 1882 г.

Немедленно стали рыть два колодца: одинъ подъ горою, а другой наверху, въ центрѣ колоніи. Воду возили и до сихъ поръ возятъ изъ одного гравнаго источника, находящагося въ $\frac{1}{2}$ веретѣ отъ Р.-Леціона. Купили пару лошадей и двухъ верблюдовъ. Послѣднихъ на востокъ никогда не запрягаютъ, и они споконъ вѣка привыкли носить тяжести на спинѣ; впрочемъ, для плуга арабъ употребляетъ верблюда, какъ и воловъ. Такъ какъ лошади здѣсь сравнительно медки и слабы, то колонисты хотѣли приучить болѣе сильныхъ верблюдовъ къ явозвѣ. Ихъ запрягли и они такъ же чинно ходили въ упряжи, какъ и навьюченные. Арабы никакъ не могли надивиться на такое диковинное зрѣлище, какъ повозка, запряженная верблюдами, и когда однажды колонисты приѣхали со своими верблюдами въ Яффу

ихъ съ гикомъ, свистомъ и ревомъ окружила толпа арабевъ, хлопая въ ладоши, прыгая и неистово крича: «хаидо! хаидо!» (сумасшедшій). Верблюды испугались и понеслись подъ гору, внизъ по узенькой улицѣ; поднялась суматоха невообразимая, кончившаяся лишь тогда, когда одинъ верблюдъ сломалъ себѣ ногу. Съ тѣхъ поръ въ Р.-Леціонѣ верблюды сошли со сцены.

Не смотря на то, что каждую ночь двое дежурныхъ сторожили колонію, феллахи, однако, совершали безнаказанно частыя кражи. Но однажды во время своего дежурства, услышавъ шорохъ и замѣтивъ какую-то черную массу, Л. осторожно приблизился и увидѣлъ, какъ арабъ преспокойно нагружаетъ на верблюда тебенъ (измельченная солома, служащая пищей скоту). Л. бросился на араба; тотъ вздумалъ еще драться, поднялась тревога, вора связали и задержали верблюда. На утро араба потребовали къ «суду». Предъ одной изъ палатокъ прохаживались двое импровизованныхъ часовыхъ, кругомъ толпился народъ. Трепещущаго подсудимаго ввели въ палатку, гдѣ за столомъ важно воссѣдалъ съ ногъ до головы вооруженный — «ховаджа кбиръ» (великій господинъ), а по бокамъ его сидѣли старѣйшіе колонисты; лица ихъ были важны, официальные. Комедія эта была устроена съ цѣлью нагнать страхъ на арабовъ. Въ этой странѣ безправности, гдѣ надуть, обмануть, обокрасть безпечнаго европейца считается чуть-ли не удалствомъ, надо было отбить у сосѣдей охоту къ воровству. Чрезвычайно испуганный этой грозной торжественностью, находясь въ полнѣйшей неизвѣстности относительно ожидающей его участи и полагая, что уже настала его смертная часть, дрожащій отъ страха арабъ бросился обнимать колѣна своихъ судей, цѣловать руки, но его быстро схватили и поставили въ почтительномъ отдаленіи. Л. началъ допросъ.

— Какъ тебя зовутъ, откуда ты?

Арабъ, конечно, солгалъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю, господинъ, но я уже былъ солдатомъ.

— Лѣтъ 30 уже есть тебѣ?

— Пожалуй, есть.

— А можетъ быть и 40?

— Можетъ быть, господинъ, и 40.

Феллахи не знаютъ своихъ лѣтъ.

— Зачѣмъ ты крадешь тебѣ?

— Я думалъ, господинъ, что онъ тебѣ не нуженъ.

— Какъ ты смѣлъ бить меня, когда я тебя схватилъ?

— Я въ темнотѣ не узналъ тебя.

Плутъ успѣлъ овладѣть собою и пустилъ въ ходъ жалкія увертки.

— Ты напрасно отрицаешь твою вину, тебѣ же отъ этого хуже будетъ.

— Конечно, о, господинъ мой, всѣ феллахи воры, обманщики, европейцы гораздо лучше!

— Феллахи вовсе не виноваты, что ты воръ.

— Правда, о, господинъ мой, я воръ, я негодяй, собака, свинья!—вопиетъ арабъ и опять бросился цѣловать одежду каждаго изъ своихъ судей. — Прости меня, мой милый, дорогой, жизнь моя, душа моя, сердце мое, глазъ мой! Клянусь Аллахомъ, если бы я зналъ, что ты не спишь, я пошелъ бы спросить тебя!

По приговору суда арабъ былъ наказанъ 50 ударами и отпущенъ.

Дѣла колоніи, между тѣмъ, стали принимать неблагопріятный оборотъ; деньги уходятъ, а колодцы еще не окончены. Въ то время, какъ они около Яффы бываютъ не глубже 10—13 метровъ, здѣсь уже выкопано 20, а воды все еще нѣтъ. Верхній колодезь совершенно оставили и принялись рыть только нижній. Колонисты увидѣли, что затѣянное ими дѣло требуетъ гораздо большихъ денегъ, чѣмъ они раньше полагали; нѣкоторые изъ состоятельныхъ не могли уже вносить свою долю для непрерывно увеличивающихся расходовъ, а тутъ у нихъ на шеѣ 6 бѣдныхъ семействъ. Скоро наступятъ дожди, надо купить скотъ, орудія, дома выстроить. Всѣ серьезно призадумались и пришли къ заключенію, что безъ посторонней помощи они ничего не подѣлаютъ. Рѣшено было послать челоуѣка въ Европу, чтобы выхлопотать у кого нибудь заимообразно тысячу 25 фр. для окончанія колодцевъ и устройства бѣдныхъ семействъ. Долгое время отъ делегата не было отрадныхъ вѣстей и при этихъ критическихъ обстоятельствахъ въ колоніи начались смуты. Многіе отказывались уплачивать свою часть въ общественную кассу,

пришлось заложить землю и взять изъ банка деньги для дальнѣйшихъ расходовъ. Колонисты распались на двѣ партіи: меньшую—либеральную съ Л. во главѣ, и большую—консервативно ортодоксальную, въ которой примкнули и всѣ бѣдняки. Стали сваливать на Л. всѣ неудачи и обвинять его въ утайкѣ общественныхъ денегъ, того Л., который все свое состояніе похоронилъ въ своей общественной дѣятельности, остался безъ копѣйки и не могъ даже уплатить дядѣ за свою землю. Первымъ слѣдствіемъ дрявгъ было паденіе общины, всякій сталъ заботиться исключительно о себѣ, бѣдняки в семействахъ очутились въ самомъ отчаянномъ положеніи, безъ будущаго, безъ хлѣба. Общинное имущество было распродано. Оппозиція потребовала раздѣла земли, такъ какъ пошелъ уже первый дождь. Былъ призванъ землебѣръ, измѣрившій землю при покупке ея. На этотъ разъ не доставало около 50 дун.

— Отчего же теперь у васъ выходитъ меньше, чѣмъ въ первый разъ?

— Да вѣдь то было лѣтомъ, а теперь зима...

— Что же изъ того, что теперь зима?

— Земля Израильская имѣетъ свойство лѣтомъ расширяться, а зимой сжиматься!—отвѣтили глубокомысленно землебѣръ.

— Хорошо еще, что она такъ мало сдузилась,—проворчали въ сердцахъ колонисты, недовольные этой новой особенностью Святой Земли. Колонисты все еще жили—кто въ шатрахъ, кто вовсе въ городѣ. Никто не хотѣлъ строиться, такъ какъ вода въ колодцахъ все еще не появлялась; возникло тяжелое сомнѣніе, удастся ли добраться до нея, или, въ конецъ разорившись, всѣ должны будутъ разбѣжаться. Но бывшій «дядька» колоніи рѣшился рискнуть деньгами и приступилъ къ постройкѣ дома единственно съ цѣлью ободрить другихъ, и въ короткое время стали строиться еще 4 двухъэтажныхъ дома. Раздоры не прекращались. Л. съ горестью увидѣлъ, что идейное настроеніе колонистовъ не выдержало и перваго натиска неудачъ, что благородныя стремленія уступаютъ мѣсто личнымъ интересамъ, что его мечты объ основаніи колоніи образцовой изъ свободомыслящихъ прогрессивныхъ людей—не осуществились. И это результатъ его долгой борьбы! Ради этого онъ ночей не спалъ, хлопоталъ, страдалъ,

изъ силъ выбивался, наконецъ, весь свой капиталъ истребилъ и разорился? Р.-Леціонъ призываетъ служить краеугольнымъ камнемъ колонизаціи, но съ кѣмъ же онъ будетъ работать? Развѣ можетъ идея основываться на простыхъ и неразвитыхъ людяхъ?

Въ ноябрѣ вернулся делегатъ; одинъ парижскій богачъ, пожелавшій скрыть свое имя, согласился одолжить колоніи 30 тысячъ франковъ и кремъ того обѣщаль прислать опытнаго садовника. Гиршъ былъ уполномоченъ распорядиться деньгами и въ то же время получилъ инструкцію перевести и насъ, билуйцевъ, въ Р.-Леціонъ, чему Л. и его сторонники очень обрадовались. Они поняли, что именно Билу можетъ поставить колонію на желаемую высоту: прибавится много молодежи и хорошихъ работниковъ, при помощи Билу можно будетъ усмирить оппозицію и навсегда водворить въ колоніи твердое господство интеллигенціи, словомъ—Билу совершить полное перерожденіе колоніи. И вотъ р.-леціонскіе политики стали сами торопить Гирша поскорѣе перевести насъ въ колонію. 7-го ноября пополуночи, оставивъ свои пожитки на прежней квартирѣ, мы пѣшкомъ отправились въ Р.-Леціонъ, куда указывалъ намъ дорожничекъ, везшій туда хлѣбъ. Ветхая одежда плохо защищала насъ отъ сырого, пронизывающаго вѣтра, ночной холодъ принималъ насъ насквозь. Со всѣхъ сторонъ раздавался заунывный, неприятный вой шакаловъ, переходившій то въ неестественный дѣтскій смѣхъ, то въ жалобный, дикій плачъ. Мы всѣ были задумчивы, углублены въ себя предъ наступающей новой эрой въ нашей жизни—и готовились къ энергической дѣятельности, чтобы оправдать всеобщее довѣріе къ намъ. Мы вновь соединились съ бывшимъ нашимъ представителемъ Б*, забыли всѣ старые счеты, чтобы дружбой и согласіемъ служить примѣромъ для другихъ. Уже стало свѣтать, когда мы пришли въ колонію. На горѣ стояло 5 неоконченныхъ каменныхъ домовъ; на улицѣ встрѣтила насъ одна старая баба и крикнула намъ мимоходомъ, погрозивъ пальцемъ:

— А, вы пришли? Смотрите же, будьте набожны, не то мы васъ обратно прогонимъ!

Мы зашли къ Л.; намъ подали чай, и мы обогрѣлись. Черезъ нѣсколько времени вошелъ «дядька» и предложилъ намъ пока

комнатку въ своемъ домѣ. Часовъ въ 10 прѣѣхалъ садовникъ Дигуръ, проживающій въ Миквэ-Израилѣ, и велѣлъ намъ переносить въ одно мѣсто доски, изъ которыхъ мы выстроили себѣ затѣмъ палатку. Каждый работающій изъ насъ получалъ по одному франку въ день. Но намъ еще не суждено было успокоиться. Ортодоксальной партіи не понутру пришлось наше водвореніе въ колоніи и она подняла бурю; состоятельные изъ нихъ стали увѣрять бѣдняковъ, что намъ даютъ помощь изъ тѣхъ 30,000 фр., которые предназначены только для нихъ,—и такимъ образомъ Л. съ товарищами попросту ограбили ихъ. Этого, конечно, было достаточно; всѣ они стали кричать, что имъ навязали на шею безбожниковъ, нигилистовъ. Однажды мы вышли работать на поле, указанное намъ Л.; немного спустя, прибыли его противники и потребовали, чтобы мы удалились, такъ какъ земля спорная. Мы въ неудомѣніи пошли къ Л.

— Не слушайте ихъ,—крикнулъ послѣдній въ азартѣ;—если кто придетъ къ вамъ на поле, прямо вяжите и отвезите къ англійскому консулу въ Яффѣ!

Этой необдуманной фразой тотчасъ воспользовались вожаки оппозиціи; они немедленно отправились къ Гиршу и стали требовать удаленія билуїцевъ.

— Это народъ опасный, нигилисты, они собираются насъ убить! Пока они будутъ находиться въ колоніи, мы не вернемся туда и будемъ жить въ Яффѣ, ибо наша жизнь ежеминутно находится въ опасности!

Въ тотъ же день Гиршъ далъ намъ знать, чтобы мы оставили Р.-Леціонъ. Тутъ только мы поняли, что невольно замѣшаны въ политику двухъ партій, въ то время какъ непремѣнно желали остаться нейтральными. При посредничествѣ Гирша мы вступили въ объясненія съ нашими недоброжелателями и успѣли убѣдить ихъ, что вовсе не служимъ орудіемъ въ рукахъ Л. и не хотимъ примкнуть ни къ одной партіи. Примиреніе состоялось, и мы опять вернулись въ Р.-Леціонъ.

Е. Хисина.

(Продолженіе будетъ).

ЗАБЛУДШІЙ¹.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

Х.

Кое-о-чемъ.

Послѣ дождей, на поляхъ и въ лѣсахъ, въ садахъ и паркахъ Лондона наступило царство солнца. Нагруженные экипажи быстро неслись изъ города и только тѣ, кому бѣдность, старость или болѣзнь не позволяли удаляться изъ него, примирались волей-неволей съ его жарой и духотой.

Но Тира Фрейндъ и подобные ей баловни судьбы видѣли красоты лѣта. Гиліельма Эшби, въ своемъ красивомъ старомъ домѣ въ Тоттенгэмѣ, глядѣла въ высокія окна на рѣку, вдыхала въ себя ароматы скошеннаго сѣна на подгородныхъ лугахъ, и въ своемъ ясномъ спокойствіи не мучила себя никакими неразрѣшенными вопросами, даже и тогда, когда до слуха ея доходили факты нравственной извращенности человѣка, проявляющейся въ преступленіяхъ. Тира, не удовлетворяемая теплымъ, любящимъ домашнимъ кружкомъ и разнообразіемъ баловъ и концертовъ, порывалась къ бѣднымъ, мечтала учить ихъ жить хорошо, человѣческой жизнью, тогда какъ Гиліельма, бывшая на четыре года старше Тире, помогала бѣднымъ по мѣрѣ силъ, не тревожа себя размысленіями о

¹ См. „Восходъ“ кн. III.

Восходъ, кн. 4.

несправедливости въ распредѣленіи благъ земныхъ. Когда кто нибудь поднималъ въ ея присутствіи такъ называемые социальныя вопросы, Гиліельма отвѣчала мягко, но сдержанно, не вдаваясь въ восторженную аргументацію, какую обыкновенно вносила Тира въ подобнаго рода пренія. Но, не смотря на различіе расъ и характеровъ, эти двѣ дѣвушки были связаны искреннею дружбой и одинаковымъ сочувствіемъ ко всѣмъ обездоленнымъ.

Для Эстеллы, въ уединенномъ коттеджѣ, дѣло также было отрадною порой труда и вдохновенія, что не исключало, однако, и посѣщенія бѣдныхъ, которыхъ Тира не могла навѣщать сама, тогда какъ художницѣ, старше ея годами и болѣе независимой, ничто не мѣшало дѣлать это.

Однажды Эстелла отпрашивалась съ Габріелемъ навѣстить мистера Гирша. День былъ солнечный и дуга казались одѣтыми золотисто-зеленою дымкой. Послѣ короткаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, братъ съ сестрою высадились въ самый центръ города, въ людномъ кварталѣ, откуда рядъ шумныхъ улицъ и узкихъ проулковъ вывелъ ихъ на широкій бульваръ, по которому, то и дѣло рискуя столкнуться между собою, тянулись безконечныя ряды фуръ и телѣгъ, омнибусовъ, конокъ и другихъ экипажей.

Подъ яркими лучами солнца, Уайтчепель рисовался во всей своей наготѣ. Убийственная жизнь этого квартала, бѣдная, тощая, грязная и скучная, рассказывала свою печальную повѣсть, иллюстрируя ее картинами не одной только нищеты, но и низменности инстинктовъ,—картинами, отъ которыхъ порядочный человѣкъ съ болѣе утонченными чувствами потому только не отворачивается, что духъ времени запрещаетъ закрывать глаза на эти наболѣвшія общественныя язвы. Эстелла и братъ ея были очень схожи между собою въ своихъ врожденныхъ вкусахъ и въ непобѣдимомъ отвращеніи ко всему пошлomu и грязному; но Эстелла умѣла подавлять свои инстинкты, когда дѣло шло о помощи ближнимъ.

А солнце, между тѣмъ, одинаково тепло улыбалось какъ бога-

тѣмъ, такъ и бѣднымъ. Вдругъ, на одномъ изъ угловъ улицы раздался крикъ и что-то упало. Какая-то дѣвушка хлопнулась на мостовую. Чтобы понять причину этого неожиданнаго эпизода, довольно было взглянуть на домъ, изъ котораго она вышла. Вблизи большого трактира, передъ которымъ нѣсколько мрачныхъ, буйнаго вида пьяницъ размышляли о предестяхъ своего существованія, не озаряемаго ни малѣйшей искрой благородныхъ стремленій, расположился постъ арміи спасенія. Не смотря на шумъ, производимый этимъ учрежденіемъ, на слишкомъ явное попраніе законовъ и злоупотребленіе священными словами, которыя оно позволяетъ себѣ, нельзя не признать за нимъ нѣкоторыхъ заслугъ. Упавшая дѣвушка была молода. Когда она упала, густые, роскошные волосы ея вывалились изъ-подъ измятой шляпки, украшенной грязными, измятыми розами. Отъ поста арміи спасенія тотчасъ отдѣлился одинъ изъ ея „офицеровъ“ женскаго пола, чтобы идти на помощь къ упавшей. Подошедшая имѣла доброе, задумчивое лицо, смотрѣвшее изъ широкополой шляпы, какъ смотреть на образахъ дикіхъ святыхъ изъ своего ореола на беззаконія міра. Женщина давно наглядѣлась на подобныя вещи.

Сильными руками подняла она несчастную дѣвушку и отвела на постъ, куда за ними послѣдовала возбужденная толпа зѣвакъ.

Лицо Габріэля поблѣднѣло.

— Какъ я доволенъ, что мы принадлежимъ къ тѣмъ, кто еще ждетъ искупленія, — сказалъ онъ съ горечью. — Представь себѣ удовольствіе жить среди подобныхъ картинъ!

— Представляю, — спокойно отвѣтила Эстелла. — Но друзья мои не противъ одного пьянства ведутъ борьбу среди бѣдныхъ классовъ. Я полагаю, что люди нашего круга менѣе поддаются вліянію вина по той причинѣ, что ихъ поощряютъ употреблять его въ умѣренномъ количествѣ. Благодаря этому, они и не нуждаются ни въ какихъ зарокахъ или принужденіяхъ, чтобы оставаться трезвыми. При томъ же, легко можетъ быть, что эта несчастная дѣ-

вунка—жертва наслѣдственнаго порока. Претивъ распространѣнія этого порока здѣсь принято много умныхъ и энергичныхъ мѣръ, которыя уже сдѣлали его болѣе рѣдкимъ, а современемъ, быть можетъ, и совсѣмъ искоренятъ. Кто знаетъ, не были ли у этой дѣвушки и отецъ, и дѣдъ пьяницами? Если нашъ вѣкъ будетъ твердо продолжать свое сильное и ясно обозначившееся движеніе въ пользу строгаго воздержанія, то послѣдующія поколѣнія будутъ свободны отъ дѣйствія наслѣдственныхъ побужденій къ этому пороку. Я много разъ слышала обсужденіе этого вопроса, и стою даже за такія мѣры, какъ воспрещеніе всякихъ опьяняющихъ напитковъ, потому что человѣкъ, никогда не отвѣдавшій ни вина, ни пива, можетъ положить основаніе семьѣ, свободной отъ всякой наслѣдственной наклонности, противъ которой бессильны люди съ слабою волей.

Дѣйствительно, каждый день вноситъ малую толику облегченія въ бремя страданій, порождаемыхъ порокомъ. Братъ съ сестрой встрѣтили даже въ лабиринтѣ дворовъ попытки къ улучшенію въ этомъ смыслѣ. Такъ, на примѣръ, въ одною домъ, куда они заглянули, имъ встрѣтилась строгаго вида зала миссіонерскаго общества, сулившаго (какъ гласила крупная надпись на стѣнахъ) угощеніе чаемъ. Большое количество школъ и образцовыхъ домовъ съ меблированными квартирами для бѣдныхъ классовъ также иллюстрировали борьбу съ нищетою и невѣжествомъ. Народная кухня обнаруживала признаки процвѣтанія, свидѣтельствовавшіе, что она съ успѣхомъ борется противъ приманокъ размалеванныхъ балагановъ и трактировъ. Въ Лондонѣ, гдѣ благотворительность—самая модная изъ добродѣтелей, она избираетъ преимущественно форму народныхъ кухонъ и меблированныхъ домовъ для бѣдныхъ классовъ. Но для эстетическаго чувства Габріеля и для вдумчивой Эстеллы эти кирпичныя зданія, чадныя кухни и шумныя школы не представляли ничего заманчиваго. Отъ времени до времени, Эстелла дѣлала какія нибудь добродѣтельныя замѣчанія, съ которыми Габ-

ріаль соглашался, не слушая. Онъ разсѣянно глядѣлъ вокругъ. Какъ это все скучно! Какой сухой реализмъ! Габріэль не находилъ даже пищи для своего юмора, хотя ему стоило бы тодько всмотрѣться, чтобы найти ее въ изобиліи. Отъ времени до времени, имъ встрѣчался степенный, серьезный „поручикъ“ арміи спасенія, или старая евангелистка въ пуританскомъ салопѣ въ видѣ мѣшка. На калиткѣ, на солнечномъ припекѣ, качалось счастливое, беззаботное дитя, слишкомъ юное, чтобы быть запертымъ въ казенную школу; а сторожившая его бабушка дремала, шелуша бобы.

Уайтчепель и окрестности его изобилуютъ сюжетами для жанровыхъ картинокъ, вполне достойными кисти Ледро. Кварталь этотъ не улыбается на солнцѣ, а бьетъ въ глаза своею пестротой, сохраняя свои рѣзкія характерныя черты даже и зимою, когда все окутывается снѣжной пеленой. Праздношатающіеся, съ грубыми, хриплыми голосами, играютъ на улицѣ въ снѣжки, свертывая комки грязи подъ видомъ снѣга. И съ какими отжѣвничь удовольствіемъ комки эти бросаются въ какое нибудь безобидное животное! Снѣгъ не залеживается здѣсь даже на высокихъ кровляхъ; бѣлый уборъ его быстро таетъ въ дымной атмосферѣ. Дождь производитъ грязь, вызываетъ вловонныя испаренія, но, це крайней мѣрѣ, освѣжаетъ эти улицы.

Лѣтомъ, когда толпа шеольниковъ проходитъ по намъ длиною процессіей, онѣ оживляются веселыми криками. Матери и бабушки собираются у воротъ поглядѣть на своихъ любимцевъ. „Вонъ они, вонъ, благослови ихъ Господь!“ — „Вонъ твой!“ — „Нѣтъ, это сестры Полли“. — „Господи, какое сходство!“ — „Смотри, мой-то! вѣдь какъ есть — король!“ — „Вонъ братья Поппеты!“ — „Гляди! розовые флаги несутъ!“ — „Ишь ручкой бабушка машетъ! Ахъ, ты, красавецъ мой“... Зрительницъ не смущаетъ, если мальчики остаются равнодушными къ этимъ изъясвленіямъ восторга.

Проводивъ глазами дѣтей, женщины расходятся по домамъ

или по трактирамъ, и на смѣну испытанныхъ ощущеній являются шумныя ссоры и драки.

Изчезновеніе изъ квартала, хотя бы на одинъ день, такой толпы производить впечатлѣніе пустоты и скуки.

Въ высокой мансардѣ Людвигъ Гирша стоитъ на окнѣ ящикъ съ землей, и нѣсколько поднявшихся въ немъ стеблей съ распустившимися листьями и цвѣтками свидѣтельствуютъ о жизненной силѣ даже лондонскаго воздуха. Нѣкоторые посѣвы въ ящикѣ еще накрыты надбитыми ставанами, и для пылкой фантазіи Людвигъ Гирша существуетъ возможность увидѣть въ своей комнатѣ сливовыя деревья, вышедшія изъ посаженныхъ зеренъ. Какъ пріятно глядѣть, когда бѣлое зерно отдѣлится отъ своей скорлупы, дастъ тонкій ростокъ, который уйдетъ въ землю, чтобы образовать корень; а потомъ бѣлое зерно, постепенно зеленѣя, выпускаетъ изъ себя первый, миниатюрный листокъ! Деревцо навѣрное поднимется во всю вышину стакана, и тогда онъ отдастъ его Эстеллѣ, которая привѣтетъ его въ своей теплицѣ, въ коттеджѣ. Онъ заранѣе радовался въ надеждѣ увидѣть тамъ когда нибудь свои сокровища; только когда еще это будетъ! Волѣзны его мѣшаютъ ему принять такое дальнее путешествіе, хотя Эстелла, конечно, постарается, чтобы онъ сдѣлалъ его поудобнѣе.

Случалось, что и маленькія растенія, тронутыя морозомъ, погибали въ его цвѣтничкѣ, и это давало ему матеріалъ для размышленій и разговоровъ, по обычаю старыхъ людей.

Въ тотъ день, когда къ старику собрались Гоферы, у него уже сидѣлъ гость. Къ удивленію Эстеллы и къ досадѣ Габріэля, они застали у Гирша Бенедиктуса. Оба были углублены въ чтеніе старинной книги, написанной на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, который когда-то былъ привыченъ имъ обоимъ. На этомъ языкѣ говорили Моисей Мендельсонъ и другіе ученые, частью по привычкѣ, усвоенной съ дѣтства, а частью изъ нежеланія учиться языку презиравшей и притѣснявшей ихъ страны. Сморщенное лицо

Гирна раздурманилось отъ удовольствія, которое доставляло ему чтеніе. Лучъ солнца, падавшій въ окна, освѣщаль величавую голову Бенедиктуса, склоненную на бѣлую, словно выточенную изъ слоновой кости, руку. Шумъ машинъ доносился до высокой мансарды, теряя свою рѣзкость, и только напоминалъ своимъ ропотомъ о неустанномъ человѣческомъ трудѣ.

При появленіи новыхъ гостей, Бенедиктусъ всталъ, но Эстелла остановилась на порогѣ. Ей казалось, что они пришли не во время. Выдающаяся наружность румяна выказалась въ эту минуту особенно выгодно. Эстелла нашла въ немъ сходство съ портретами дождей или сенаторовъ Тиціана. И такой же бриллиантовый перстень былъ надѣтъ у него на пальцѣ, какіе встрѣчаются на этихъ портретахъ.

Для Эстеллы было придвинуто единственное свободное кресло; другое было занято толстымъ чернымъ котомъ, внушавшимъ румяну отвращеніе. И черный котъ также нерѣдко встрѣчается на картинахъ Тиціана. Недоставало только мраморной лѣстницы, бархатныхъ драпировокъ, яркихъ колеровъ. Эстелла невольно улыбнулась, когда ей пришла эта мысль, покуда она отвѣчала на радушное привѣтствіе старика и на серьезный поклонъ Бенедиктуса.

Габріэль, любившій животныхъ немного меньше своихъ сестеръ, усѣлся рядомъ съ лѣнливцемъ, неповоротливымъ животнымъ, видимо доставивъ этимъ удовольствіе его хозяину.

— Вы очень добры, сэръ, — сказали онъ. — Мой котъ избалованъ и не любитъ, когда тревожатъ его нослѣбѣденный сонъ, хотя до чаю есть время выспаться, если обѣдаютъ въ полдень.

— О, вѣдь у насъ дома множество такихъ баловней, — сказали Габріэль, глядя животное, которое ничуть не побеспокоилось для него.

Бенедиктусъ засмѣялся.

— У васъ миссъ Руэъ большая охотница до нихъ, — сказали

онъ.—Какъ она поживаетъ? Она не сопровождаетъ васъ въ вашихъ экскурсіяхъ?

Этелла ничего не отвѣтила. Въ томъ румянн было что-то вызывающее, саркастическое, почти презрительное. Она уже слышала этотъ тонъ. Въ немъ звучало восточное предубѣжденіе противъ женщины, самостоятельно проложившей себѣ дорогу въ жизни. Такъ, но крайней мѣрѣ, казалось Этеллѣ.

— Мой братъ, — сказала она, — прочтѣ себя въ духовному званію, и поэтому вынужденъ сопровождать меня сегодня.

Габріэль отвернулся, глядя толстаго Тома, который шурлялъ отъ удовольствія свои закрытыя вѣки.

— Животныя понимаютъ таску, — сказала старый учитель. — Говорятъ, что кошки и канарейки служатъ признакомъ грустной и одинокой жизни. Можетъ быть; но съ животными и птицами человѣкъ не чувствуетъ себя одинокимъ. Вотъ моя канарейка проспитъся въ шесть часовъ и сейчасъ же начинаетъ пѣть, не смотря на платокъ, накиннутый на клетку. За те къ вечеру она, бѣдная, такъ устаетъ, что задыхается. Меня занимаетъ глядѣть на нее, когда мои старые глаза просятъ отдыха и мысли не мѣшаютъ этому. И хотя она и не даетъ мнѣ спать по утрамъ, а я все-таки говорю ей: „Пой, милая, пой! Не спи-ли свои ты мнѣ щебечень!“ А она отвѣчаетъ мнѣ веселыми нотками. Тонъ не трогаетъ ее; онъ слишкомъ джентльменъ для этого. Надѣюсь, мистеръ Гоферъ, что мнѣ еще удастся послушать вашихъ проповѣдей.

Бенедиктусъ пристально поглядѣлъ на мелодого человѣка. Габріэль Гоферъ—проповѣдникъ! Что за фантазія! Между человекомъ и его профессіей всегда бываетъ какое нибудь соответствіе, но возможно-ли оно между молодымъ Гоферомъ и оригинальною проповѣдью, или хотя бы только прочитанною?

Бенедиктусъ совершенно ошибочно заключилъ, что Габріэля склонила къ этой профессіи его сводная сестра. Молодой че-

ловѣкъ избралъ ее, уступая совѣтамъ мистера Лоренса, который имѣлъ въ виду только то, что духовный санъ одного изъ членовъ семьи, состоящей преимущественно изъ купцовъ, возвыситъ ея достоинство и будетъ пріятель его любимицы, Эстеллы. Притомъ же Габріэль, не смотря на свою крайнюю молодость, обладалъ нѣкоторыми качествами, весьма цѣнными въ духовномъ лицѣ: восторженнѣмъ поклоненіемъ святынь, состраданіемъ, природнымъ краснорѣчіемъ, нѣсколько сатирическимъ умомъ, который какъ будто составляетъ прирожденное свойство евреевъ и нерѣдко сквозитъ и въ Библии. Габріэль, какъ бы сознавая въ себѣ всѣ эти задатки, не только не противился, но охотно ухватился за совѣтъ.

Однако, всѣ эти милыя свойства, не на столько сильно развиты въ Габріэлѣ, чтобы ихъ можно было назвать добродѣтелями, могли бы съ равнымъ успѣхомъ украсить жизнь поэта, музыканта, или просто утонченнаго диллетанта. Онъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ пошлости, грязи, порока и нищеты, и никогда не затрагивалъ этого рода темъ въ своихъ веселыхъ стихахъ.

Бенедиктусу нравились близнецы. Габріэла онъ находилъ оригинальнымъ и забавнымъ, но Эстелла раздражала его своими благотворительными взглядами. Давъ себѣ слово не увлекаться Тирой, онъ не хотѣлъ говорить о ней, но его поднимало спросить о ней ее пріятельницу, и для того, чтобы не дозволить себѣ этого опаснаго удовольствія, онъ и принялъ съ Эстеллой тотъ холодный, ироническій тонъ, который такъ удивилъ и даже огорчилъ ее.

Между тѣмъ Габріэль, развившій въ Берлинѣ свой поэтический талантъ и уже начинавшій отлннивать отъ богословской карьеры, рѣшительно не находилъ, что отвѣчать на замѣчанія стараго учителя.

— Да, высокое призваніе!—твердилъ тотъ.

Это наскучило Габріэлю. Онъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Чудесный видъ!—замѣтилъ онъ иронически.

Въ окно были видны задніе дворы, слогающіяся конки, развѣшенное на веревкахъ бѣлье и, для полноты картины, какой-то повинуемый ребенокъ оралъ, обливаясь слезами. Но Гиршъ, въ простотѣ души, принялъ похвалу за чистую монету.

— Не правда-ли, мистеръ Гоферъ?—сказалъ онъ.—И воздухъ здѣсь чистый. На лицевой сторонѣ дома слишкомъ шумно, а здѣсь ничто меня не беспокоитъ.

Развивающаяся подъ старость глухота исключала беспокойство отъ дѣтскаго плача и отъ непрерывнаго, омерзительнаго крика воюющихъ котовъ. Габріэлю стало совѣстно; шутка, хотя бы и для того, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, не всегда бываетъ хорошимъ оружіемъ. Бенедиктусъ улыбался. Эстелла, не подозрѣвавшая тайныхъ мыслей своего брата, чувствовала нѣкоторую неловкость.

Воспользовавшись минутой, она передала вполголоса старику порученіе Тирнъ, вызвавшее легкую краску на его старческаго лица. Тирнъ изъявляла намѣреніе выдавать ему ежемѣсячно пенсію, достаточную на квартиру и пропитаніе, и Эстелла тутъ же вручила ему сумму на первый мѣсяць.

Эстелла, не предвидя, что она встрѣтитъ здѣсь Бенедиктуса, захватила съ собою фотографическій портретъ Тирнъ, чтобы показать его Гиршу, который просилъ ее объ этомъ, зная, что молодая дѣвушка не можетъ прійти къ нему сама. Эстелла открыла портфель, который всегда носила съ собою, и достала изъ него портретъ. Старикъ, оживленный и возбужденный столь встати жившимся пособіемъ, съ восторгомъ глядѣлъ на фотографію.

— Какъ молода, и какъ хороша!—пробормоталъ онъ.—Ангель, слетѣвшій къ намъ изъ рая!—прибавилъ онъ, увлекаясь своею восточною фантазіей.

— Можно взглянуть?—спросилъ Бенедиктусъ такимъ мягкимъ тономъ, что Эстелла удивилась. Она передала ему портретъ и онъ

отошелъ съ нимъ къ окну, хотя при солнечномъ свѣтѣ, заливавшемъ комнату, въ этомъ не было никакой надобности. Габріэль отошелъ отъ окна. Онъ не интересовался фотографіей, которую много разъ видѣлъ, и не находилъ ничего особеннаго въ томъ, что румынъ отвернулся къ окну, рассматривая портретъ. Онъ могъ быть близорукимъ. Но, случайно взглянувъ на него, Габріэль былъ пораженъ выраженіемъ его лица. Что за скорбная мина!

— Благодарю васъ,—сказалъ Бенедиктусъ, возвращая портретъ.—Очень красивое лицо! И нѣтъ въ немъ того однообразія тона, которое свидѣтельствуетъ о древней расѣ. Впрочемъ, право художественной критики принадлежитъ вамъ, миссъ Геферъ, а не мнѣ.

— Въ этомъ случаѣ едва-ли можетъ быть мѣсто для критики,—возразила Эстелла, пряча портретъ. Чтобы положить вонецъ всякимъ преніямъ, въ которыхъ, какъ она смутно онасалась, принялъ бы участіе и Габріэль, она стала прощаться со старикомъ.

— Предстоятъ вамъ еще другія эскурсіи?—спросилъ Бенедиктусъ, отворяя дверь.—Позвольте мнѣ сопровождать васъ. Я знаю, что я дикъ и грубъ, но все-таки позвольте.

— Я хотѣла показать Габріэлю угощеніе въ народной школѣ,—нерѣшительно отвѣтила Эстелла.

— Такъ покажите и мнѣ.

— Вѣдь это не въ Оити обѣдъ,—возразилъ Габріэль.—Судя по меню, которое сообщила мнѣ Эстелла, онъ не похожъ на обѣды, въ какихъ вы привыкли. Для васъ тутъ мало интереснаго, мистеръ Бенедиктусъ.

— Отчего-же? Если этотъ пиръ дастъ обѣднымъ великолѣпная миссъ Фрейндъ, то это должно быть что нибудь лувуловское.

— Ну, а его дастъ не миссъ Фрейндъ,—нетерпѣливо возразилъ Габріэль.—Кучка богачей пичкаетъ кучку обдѣяновъ чаемъ съ бексами.

— Такъ; но все-таки возьмите меня съ собою. Какъ вы мѣтко изобразили!

— Ну, пойдемте, — нелюбезно сказала Габріэль. — Но почему бы вамъ не продолжать чтенія съ бѣднымъ старикомъ? Или хотите дать себѣ отдыхъ? Но какъ же такъ всѣмъ разомъ дезертировать?

— Вашъ пиръ заманчивѣе книги. Притомъ же мистеръ Гиршъ уже заявилъ, что онъ усталъ. Наше дезертированье не очень огорчить его, такъ какъ ему остаются его эгоистичный воть, крикливая птица и вся его источенная червями библиотѳка.

— Сверхсмѣтная статья: оранжерей въ стаканахъ, — добавилъ Габріэль съ легкомыслиемъ, какого прежде Эстелла не замѣчала въ немъ.

— Можно узнать, что это за книга? — спросила она.

— О, да, — отвѣтилъ Бенедиктусъ со снисходительною любезностью. — Это старинное сочиненіе на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, который теперь вообще рѣдко употребляется, а въ Англии — никогда, или только въ какихъ нибудь бѣдныхъ еврейскихъ школахъ въ Истъ-Эндѣ. Но языкъ этотъ можетъ служить очень хорошимъ пособіемъ при изученіи еврейской исторіи и притѣсленій, терпимыхъ евреями въ Польшѣ, Румыніи и другихъ мѣстахъ.

— Не замышляете-ли вы новую попытку къ освобожденію евреевъ? — рискнула спросить Эстелла. — Трудно рѣшить, что можно сдѣлать для жертвъ дескетизма, кромѣ эмиграціи.

— Которая равнозначительна изгнанію и всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе въ любви къ отечеству и въ патриотизмѣ, — возразилъ Бенедиктусъ. — Вспомните несчастныхъ, выселившихся изъ Россіи въ Америку и не нашедшихъ тамъ ни крова, ни средствъ къ жизни. Скоро имъ пришлось вернуться! Нѣтъ, и въ чужихъ краяхъ, гдѣ воображеніе наше рисуетъ намъ такое раздолье для человѣческой дѣятельности, имъ было не лучше, чѣмъ въ родномъ краю. Теперь у нихъ развилась склонность къ водкѣ. Евреи принадлежатъ къ воздержнымъ племенамъ, но примѣры заразительны. Ула-

докъ ихъ нравственности, равно какъ и увоенные ими дурные инстинкты суть плоды гнетущихъ жестокостей. Кто они теперь?— робкіе, раболѣпные, жалкіе высленцы. И когда наступитъ этому конецъ? Евреи слишкомъ подавлены, чтобы заявлять свои права или помышлять о борьбѣ за нихъ. Религіозность ихъ—не болѣе, какъ рабское, привычное уваженіе къ пустымъ обрядамъ и суевѣріямъ. И эти люди принадлежатъ къ той націи, которая призвана доказать человечеству святость чести, домашнего очага и общественной совѣсти!.. Единственное, что еще сохраняется у нихъ, такъ это уваженіе къ семейнымъ узамъ. Замѣтили вы здѣсь одинъ мрачный домъ съ большими пестрыми объявленіями, изображающими пароходы, идущіе на всѣхъ парусахъ, и крупными надписями, исчисляющими выгоды эмиграціи? Навѣрное, случилось. Я часто бываю въ этомъ домѣ, вѣщающемъ въ себѣ родъ скромной гостиницы. Въ большой, совершенно пустой залѣ нижняго этажа я вижу много этихъ несчастныхъ жертвъ вѣкового притѣвленія; онѣ стоятъ или сидятъ на своихъ простыхъ ящикахъ, въ которыхъ заключаются ихъ жалкіе багажъ. Мнѣ случалось видѣть и такихъ, у которыхъ ровно ничего не было, кромѣ платья, надѣтаго на плечахъ,—длиннаго, широкаго балахона. Несчастные авачичо молчали. Въ ожиданіи новой жизни, они работали въ докахъ и пришли прямо съ работы, голодные.

— Бѣдняги!—легкомысленно сказалъ Габріэль:—эти, должно быть, не боятся кораблекрушенія. Что-же, велѣли вы накормить ихъ завтракомъ, мистеръ Бенедиктусъ?

— Не я. Но они хорошо позавтракали прежде, чѣмъ я простился съ ними. Вы намекнули, миссъ Гоферъ, на мои дикія затѣи въ Яссахъ. Религія надѣлала много бѣдъ на землѣ. Но время сдѣлаетъ свое дѣло, и отъ религій останется только нравственность.

— Едва-ли время сдѣлаетъ это,—съ негодованіемъ возразила Эстелла, между тѣмъ какъ братъ ея насвистывалъ.

— Ваши слова, мистеръ Бенедиктусъ, отзываются буддизмомъ, — сказалъ онъ. — Вспомните слова поэта:

Есть сила тайная, святая,
Она поможетъ сохранить
Въ душѣ свѣтлыя вѣры чистой
И подавить сомнѣнья ляд¹.

— Я знаю и люблю вашихъ любимыхъ поэтовъ, — сказалъ Бенедиктусъ. — Но для того, чтобы было такъ, какъ предсказываетъ поэтъ, нужно, чтобы всѣ десноты поднялись до пониманія истинно божественнаго въ религіи.

— Они и могутъ подняться до этого, — краснѣя возразила Эстелла. — Впрочемъ, я говорю не о деснотахъ, а о другихъ вліяніяхъ, которыя ближе ко мнѣ.

— Но нельзя дѣлать обобщеній по тому, что вы видите здѣсь, въ вашей маленькой, спокойной, зеленой Англии, — возразилъ румынъ, у котораго заблестѣли глаза. — Впрочемъ, я давно бросилъ разсуждать о значеніи нашей расы, какъ части населенія чужой страны. Не знаю, что лучше: разсматривать-ли ее съ точки зрѣнія сліянія ея старыхъ благороднѣйшихъ стремленій — вѣдь у многихъ они очень искренни — съ общими великими цѣлями цивилизаціи, или-же брать ее какъ притѣсняемую расу, какою она является намъ въ Польшѣ, Россіи и Румыніи, — расу, крѣпко привязанную къ своимъ древнимъ обрядамъ, остатки изсраннаго народа. Въ послѣдствѣ болѣе величія, но, въ сущности, право, лучше выселить евреевъ въ Америку, чѣмъ возмущаться противъ деснотическихъ законовъ, отъ которыхъ они страдаютъ, и разбивать свою жизнь о несбыточную мечту спасти, возвысить ихъ и надѣлать прочнымъ счастьемъ.

Мысль, что онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы помнить о жеманствѣ на Тирѣ и о возвращеніи къ своимъ прежнимъ идеаламъ, придала горькое выраженіе его словамъ. Но Эстелла, лишь недавно

¹ Броунавъ.

узнавшая о нѣкоторыхъ мѣрахъ относительно евреевъ, интересовалась только словами, не вникая въ тонъ ихъ.

— Первое, конечно, легче, — сказала она. — Но пожимать плечами, предоставляя царить злу; дѣло не трудное и героизма въ немъ немного. Наше время слишкомъ серьезно для того, чтобы рыцарямъ доволительно было сидѣть сложа руки; вѣдь рыцари дѣлали чудеса.

— А дамы и того болѣе, — съ улыбкой добавила Бенедиктусъ. — Эта неожиданная съ его стороны любезность помогла мирно покончить споръ. Эстелла была слишкомъ серьезна, чтобы придавать большое значеніе фразѣ. Она промолчала, тѣмъ болѣе, что Бенедиктусъ прибавилъ, какъ ей показалось, не безъ ироніи:

— Посмотрите, какія чудеса творить миссъ Фрейндъ при вашемъ содѣйствіи.

Всѣ трое пришли въ народную шволу, гдѣ было назначено угощеніе. Домъ, гдѣ она помѣщалась, можно было узнать уже потому, что къ нему группами тянулись дѣти, изъ которыхъ многіе были въ чистыхъ передникахъ и всѣ несли — кто кружку, кто чашку, а иные, у кого не нашлось дома чайной посуды, и просто ковшъ или кувшинъ, такъ какъ всѣ должны были имѣть свою посуду для угощенія. И всѣ спѣшили, боясь опоздать. Чикагская улица, гдѣ находилась школа, кипѣла весельемъ въ этотъ день. Старшіе члены семействъ, желая полюбоваться праздникомъ своихъ дѣтей, или въ надеждѣ, что перепадутъ и имъ кое-какія крохи, толпились передъ домомъ и въ дверяхъ, не обижаясь, когда имъ давали понять, что они не принадлежатъ къ числу приглашенныхъ. Двое или трое изъ ребятшекъ упали и разбили свои посудины, ссадивъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и колѣни, но на это послѣднее обстоятельство никто не обращалъ вниманія, думая только о разбитой посудинѣ, за которую должна была достаться послѣ пира крѣпкая головомойка. Впрочемъ, потерпѣвшіе скоро утѣшались; главное, — пиръ, а потомъ — хоть потонъ. Дѣти

были большею частію худыя и блѣдныя; между ними попадались немало калѣкъ, торопливоковыявшихъ по улицѣ, ни въ комъ не возбуждая особеннаго состраданія. Убожество сливалось заурядное явленіе въ этихъ классахъ. Но были тутъ и здоровыя, красивыя дѣти, на которыхъ грубость и нищета не наложили своего клейма; были и плутоватыя фізіономіи, изъ раннихъ, явно унаслѣдовавшихъ пороки отцовъ.

Бромъ Бенедиктуса и его спутниковъ, въ узкой улицѣ видѣлись и другіе любопытные. Дѣтей встрѣчали учитель и учительница, которые разсаживали ихъ на низкихъ скамьяхъ. Началось разливанье чая и раздача буттербродовъ и кексовъ. Въ то же время дѣлались пріятныя приготовленія къ раздачѣ игрушекъ и подарковъ.

Внутренность школы мало соотвѣтствовала праздничному настроенію ея гостей. Бѣдная обстановка ея, пустыя выбѣлennыя стѣны — не представляли ничего веселящаго глазъ. Съ длинныхъ скамеекъ глядѣли ряды дѣтскихъ тонкихъ лицъ. Передъ ними стояли игрушки, бросавшія на стѣны уродливыя тѣни. Ни малѣйшаго проблеска самосознанія не было замѣтно на лицахъ маленькихъ оборвышей, между которыми опрятное, здоровое дитя составляло пріятное исключеніе. У большинства шея или щеки были обмотаны кускомъ фланели или шарфомъ. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, картина была полна жизни и движенія.

Бенедиктусъ одному намазывалъ толстый буттербрѣдъ, другому гремѣлъ на его игрушкѣ, не теряя при этомъ ни капли своей обычной величавости. Онъ сьзумѣлъ стать на высоту положенія, хотя минутами задумчивый взглядъ его и сложенные на груди руки вселяли дѣтямъ невольный страхъ. Одна изъ дѣвочекъ, когда онъ подавалъ ей кексъ, даже ударилась въ слезы, вѣроятно, недоумѣвая, она-ли съѣстъ кексъ, или этотъ баринъ съѣстъ ее самое. Но Бенедиктусъ, любившій дѣтей, не замедлилъ утѣшить малютку. Онъ далъ ей поиграть своими часами, сунулъ ей

въ руку полироны, и достигъ результата гораздо вѣрнѣе, чѣмъ достигалъ когда-то самую краснорѣчивую аргументацію у ама-тичныхъ обитателей Лосъ.

Онъ не выказывалъ ни малѣйшимъ признакомъ, что чувствуетъ страннымъ свое участіе въ подобной сценѣ. Его интересовало видѣть, какъ чувствуютъ англичане свое подроставшее поколѣніе. Однако, въ комнатѣ, отъ запаха хлѣба и масла и отъ дыханія столькихъ людей, стало нестерпимо душно, и Бенедиктусъ нако-диль, что пора уступить свое мѣсто другимъ охотникамъ до по-добныхъ празднествъ.

— Однако, все это ужасно скучно, — замѣтилъ Габріэль. Его нисколько не интересовало это зрѣлище, въ которомъ онъ не ви-дѣлъ ничего, кромѣ жадности.

Бенедиктусъ, замѣтивъ, что Эстелла блѣдна спросилъ, — не устала-ли она.

— Вѣдь вы смотрите на все это глазами художницы, — сказалъ онъ; — въ сущности же эта картина, при всемъ своемъ реализмѣ, есть не что иное, какъ попытка обмануть дѣтей и заставить ихъ увѣрять, что они счастливы.

— Вѣра есть счастье, мистеръ Бенедиктусъ. Отчего не дать имъ этого часа счастья, хотя бы, какъ вы говорите, оно было и обманчивымъ?

— Я не противъ этого, — сказалъ онъ, отложивъ свой несси-низмъ. — Пускай они забудутся, хотя не надолго; нужда и горе еще ушѣютъ дать себя почувствовать.

— И что пользы догадываться, что лежитъ въ глубинѣ, радость или горе? — вмѣшался Габріэль. — Дайте имъ теперь покушать на здоровье. Вѣдь никакое дерево не вырастетъ, если будутъ безпрестанно неведать его корень и смотрѣть, что подъ нимъ находится. Поменьше думать — вотъ секретъ хорошаго роста и пищеваренія. Пускай дѣти ѣдятъ, не думая о голодѣ завтрашняго дня.

— Удивляюсь, какъ еще могутъ удерживать этихъ дѣтей отъ воровства, — сказала Бенедиктусъ. — Голодъ, по необходимости, веръ. Сколько мудрости нужно родителямъ, чтобы пріучить этихъ дѣтей даже не просить хлѣба! А между тѣмъ принятіе изъ чужихъ рукъ какогонибудь шиллинга осуждается, какъ нищичество, — не такъ ли, миссъ Гоферъ?

— Не всеми, — возразила она, не отклоняясь на его иронію. — Можно удовлетворять своему чувству состраданія, не вызывая въ его объектъ сознанія, что онъ нищій.

— Мечты! Schwärmerei! — замѣтилъ Бенедиктусъ.

— Положимъ, — согласилась Эстелла, слегка краснѣя; тонъ его показался ей рѣзкимъ.

— Я не умѣю лстить, — сказалъ онъ съ улыбкой.

Она чувствовала себя какъ-то неловко въ присутствіи румна. По выходѣ изъ школы, она повела своихъ спутниковъ узкими проулками, въ которыхъ постепенно стихала сутолока трудовой современной жизни, и наконецъ вышла въ длинную, узкую, дурновымощенную улицу. Рѣшетчатая окна въ нѣкоторыхъ домахъ показывали ихъ давнее происхожденіе. Въ этихъ комнатахъ работали французскіе ткачи въ началѣ столѣтія. Потомки ихъ частію и до сихъ поръ продолжаютъ ремесло своихъ отцовъ и лѣпятся въ мансардахъ этихъ домовъ; остальная же часть ихъ населена — выражаясь приличіе — смѣшаннымъ обществомъ. Слово «смѣшанное» означаетъ въ настоящемъ случаѣ преобладаніе одного порока въ пестрой смѣси разнообразныхъ другихъ. Кто имѣетъ понятіе о страпнѣ, тотъ знаетъ, что избытокъ одного какогонибудь ингредиента не всегда хорошо смѣшивается съ другими. Такъ и здѣсь: буйная, пьяная, совершенно праздная часть населенія по временамъ беретъ верхъ надъ остальными частями и течетъ черезъ край котла, содержащаго эту человѣческую смѣсь. Чтобы покончить съ неурядицей, жители улицы Ткачей вступаютъ въ словесную перестрѣлку — и какую! — съ жителями Уатнейскаго Пассажа.

Такъ именуется обширный дворъ съ туннелеподобнымъ проходомъ въ него, въслѣдствіе чего и жители этого дома прозваны уатнейцами. Они далеко не отличаются миролюбивымъ характеромъ. Многие изъ нихъ стоятъ, въ данную минуту, въ дворахъ дома, изъ чего можно заключить, что между кѣмъ нибудь изъ его обитателей произошла или происходитъ стычка. Мужчины, видимо, ничего не дѣлаютъ; женщины же ихъ круга любятъ болтаться между праздными мужьями.

Изъ этого слѣдуетъ выводъ, что уатнейцы вообще не склонны къ дѣятельности, исключая военного времени. Но правило это, какъ и всѣ правила, — не безъ исключеній, и встрѣчаются эти исключенія по преимуществу между женскою половиною населенія.

Вотъ и теперь какая-то бѣдная женщина внесла сломанный стулъ и тяжелую груду сиротскаго мужскаго платья прямо на улицу, за предѣлы страшнаго двора, который хотя прозванъ въ насмѣшку общаю гостиницею, но, служа ареною удали праздныхъ обитателей дома, очень неудобна для работающаго человѣка.

На улицѣ лучше; сюда свободнѣе врываются лучи солнца, бросаютъ на мостовую красивыя дрожанія тѣни отъ оконныхъ рѣшетокъ, отъ худого стула женщины, и даютъ понять, что лѣтнее солнце не отличается, въ своемъ безпристрастїи, бѣдныхъ улицъ отъ богатыхъ. Одинокая представительница трудолюбія Уатнейскаго Пассажа усердно строчитъ матросскую блузу, громко перекликаясь словами съ сосѣдкой, сидящей на ступеняхъ крыльца, съ благороднымъ видомъ безпристрастнаго зрителя, не сознающаго на себѣ никакихъ обязанностей и никакой отвѣтственности, — видомъ, свойственнымъ многимъ изъ обитателей пассажа. Это именно тотъ видъ безпечной праздности и довольства, который такъ оскорбляетъ социалистовъ въ аристократахъ, у которыхъ онъ бываетъ слѣдствиемъ слишкомъ снисходительнаго воспитанія и вообще снисходительныхъ условій жизни. Что же касается до уатнейцевъ, то у нихъ объясненія этого вида слѣдуетъ искать совсѣмъ въ другомъ направ-

люди, такъ какъ воспитанія они не получили никакого, а снисхождение себѣ находятъ только въ нитенныхъ домахъ. Подобно артистамъ, уатнейцы охотники и до спорта, но такъ какъ средства къ удовлетворенію этой наклонности у нихъ очень ограничены, то они удовлетворяютъ ихъ, колотя когѣ нибудь изъ своихъ дамъ въ тѣ минуты, когда въ мужественныхъ сердцахъ ихъ разыгрываются удалые инстинкты.

Праздная сосѣдка съ соннымъ любопытствомъ смотритъ на работающую, которой и на умъ не приходитъ корчить изъ себя ментора, или поучить сосѣдей трудолюбію своими примѣрами. Примѣры въ этомъ случаѣ совсѣмъ безсильны. Каждый въ этомъ долѣ наполняетъ часы дни тѣмъ ему вдумается, не споря о вкусахъ.

Апатичное спокойствіе и однообразіе улицы были нарушены появленіемъ трехъ прилично одѣтыхъ незнакомецъ. Нечаянно иностраннаго происхожденія, лежавшая на вѣѣнности Бенедиктуса, заставила зрителей широко раскрыть глаза и вызвала смѣхъ. Выискивались шутники, которые вслухъ высказывали разные остроумныя предположенія на счетъ его національности, званія и цѣли посѣщенія этой улицы, и остроты эти вызвали громкій, хриплый хохотъ. Но шутки скоро смолкли, остроты перестали дѣйствовать, какъ скоро оказалось, что раздражить или иностранца и побудить его завязать драку нибѣтъ мало надежды.

Взятъ Эстелла съ дарами Тирн имѣлъ цѣлью оказать пособіе именно той женщинѣ, которая портижила на улицѣ, и сердце миссъ Гоферъ наполнилось отраднымъ чувствомъ, когда она убѣдилась, что одна изъ ея корреспондентокъ являетъ примѣръ такой похвальной энергіи въ борьбѣ съ нищетой. Когда Эстелла заговорила съ нею, сидѣвшая на крыльцѣ праздная сосѣдка тотчасъ угадала, въ чемъ дѣло, и догадка эта произвела на нее магическое дѣйствіе. Она вдругъ ожила, подошла къ группѣ разговаривающихъ и принялась излагать имъ свою біографію съ краснорѣчивымъ перечисленіемъ всѣхъ неудачъ и камней преткновенія, ко-

торыми былъ усѣянъ ея жизненный путь. Забавно было слушать, когда она величала себя трудолюбивой, работающей женщиной, несчастной жертвой постоянной безработицы, вышедшей въ данную минуту отдохнуть послѣ „большой стирки“. Очевидно было, что за „стиркой“ она не успѣла ни умыть своего лица, ни прибрать посуду въ грязной комнатѣ, въ которую послѣдовала за нею Эстелла. На столѣ, гдѣ оставался неприбранный завтракъ, хозяйничала кошка, припрятанная по своему усмотрѣнiю остатки молока изъ кружки. Все это служило хорошею иллюстраціей къ трудолюбивой бѣдности, страдающей отъ безработицы. Нѣсколько штукъ мокраго бѣлья могли въ локани у печки, свидѣтельствуя о томъ, что стирка дѣйствительно была въ помислахъ, но осуществилась только въ зачаткахъ.

Всѣ эти обстоятельства побудили Эстеллу не расточать даровъ Тиръ на эту женщину и другихъ подобныхъ ей въ этомъ домѣ, также страдавшихъ отъ „вынужденной“ безработицы и просившихъ „принять во вниманіе ихъ положеніе“.

За то отступленіе трехъ посѣтителей изъ Уатнейскаго Пассажа и изъ улицы Ткачей сопровождалось далеко не лестными эпитетами со стороны разочарованныхъ, награждавшихъ ими преимущественно Эстеллу.

— Еще воображаетъ, что она — леди! — кричали ей вслѣдъ хриплые голоса, заставляя ее невольно краснѣть и опускать голову.

— Глухой народъ! — прошепталъ Габріэль, вкладя руку сестры подъ свою.

— На комъ лежитъ забота объ этой улицѣ? — спросилъ Бенедиктусъ.

— На Бахусъ, — отвѣтилъ Габріэль.

— На миссъ Эшби, — дояснила Эстелла, поднявъ глаза. — Это ея округъ, но нѣкоторые изъ жителей обращаются за помощью къ миссъ Фрейндъ.

— Ну, не можетъ миссъ Эшби похваляться своими подданными!—замѣтилъ Габриэль.

— Миссъ Эшби очень терпѣливаго и веселаго характера,—обратилась Эстелла къ румяну.—Бружокъ „Друзей“, къ которому она принадлежитъ, вообще отличается спокойствіемъ, терпѣніемъ и сдержанностью—въ противоположность слишкомъ возбужденной энергій другихъ сектъ. Здѣшніе мужчины, при всей своей озлобленности и недовѣрчивости, выслушиваютъ отъ Гиліельмы такіа наставленія, какіихъ они не стали бы слушать ни отъ кого другого.

— А женщины?—скептически спросилъ Бенедиктусъ.

Эстелла поняла прощю, но просто отвѣтила:

— Женщины не такъ легко поддаются дѣйствию той мягкой серьезности, которой придерживается Гиліельма въ своемъ обращеніи съ этими людьми.

— Сейчасъ мы видѣли примѣръ тому,—подтвердилъ румяный въ видѣ умилостивительной жертвы.

Эстелла, не обративъ вниманія на это замѣчаніе, продолжала:

— У всѣхъ послѣдователей Джорджа Фокса замѣчается эта мягкая, спокойная сдержанность, напоминающая запахъ лаванды. Вотъ въ этомъ домѣ, мистеръ Бенедиктусъ, жили французскіе ткачи, бѣжавшіе въ Англію послѣ паденія Наполеона I. Часть ихъ поселилась въ Спитальфельдѣ. „Друзья“ уже въ началѣ этого столѣтія пытались улучшить положеніе рабочихъ классовъ, и слѣды этихъ попытокъ еще сохраняются въ этомъ кварталѣ. Миссъ Эшби старается осуществить эти старыя планы, хотя перешедшіе къ ней по наслѣдству, но усвоенные воплѣвъ ея добрымъ сердцемъ. Она устраиваетъ для бѣдныхъ Уайтчепела увеселенія съ помощью своихъ друзей, такъ какъ сама она не поетъ и не играетъ.

— А прелестная м-лле Фрейнды посылаетъ васъ со своими дарами, сама же не хочетъ носить ихъ.

— И это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе,—съ живостью отвѣтила Эстелла.—Сама я не богата, и не могу позволять себѣ

этой роскоши. Благодаря щедрости Тирн, въ эти мѣста стало пріятнѣе ходить, чѣмъ было прежде. Если бы каждый дѣлалъ то, что дѣлають — хотя и различными способами. — Гульельма съ Тирой, то многиямъ жилось бы легче на свѣтѣ.

— Жаль, что общество еще не настолько подвинулось въ прогрессѣ, чтобы дать вамъ возможность, миссъ Гоферъ, каптуррировать съ вашимъ братомъ въ избираемой имъ профессіи! Какая хорошая проповѣдница вышла бы изъ васъ!

Они пришли къ станціи желѣзной дороги, гдѣ имъ предстояло разойтись. Когда Бенедиктусъ откланялся, Габріэль сказалъ сестрѣ негодующимъ тономъ:

— Не нравится мнѣ твой рунить!

Дорога ихъ вела полями, и вскорѣ впечатлѣніе только что видѣнныхъ ими притоновъ нищеты изгладилось картинами подгородныхъ дачъ и парковъ.

— Какой онъ рѣзкій! — продолжалъ Габріэль. — Какъ мало вѣрить въ людей, кромѣ самого себя! Впрочемъ, забылъ: онъ вѣрять, кажется, въ нашу Русь. Положимъ, она милая, умненькая дѣвочка, но мистеръ Бенедиктусъ, кажется, съ почтеніемъ слушаетъ ея сужденія о Шекспирѣ и объ искусствѣ.

— Въ этомъ отношеніи онъ, конечно, служить прямымъ контрастомъ тебѣ, Габріэль. Что же касается до рѣзкости, то нельзя судить Бенедиктуса съ англійской точки зрѣнія. Притомъ же не забудь, что онъ претерпѣлъ много разочарованій въ жизни.

— Помню! Только какъ онъ скученъ со всѣми своими разочарованіями!

— Но вѣдь насъ ничто не связываетъ съ нимъ, кромѣ простого знакомства.

— И притомъ же ему видимо не нравится Тира, — продолжалъ Габріэль. — Онъ даже не отдаетъ ей справедливости.

— А я думаю наоборотъ: она нравится ему и онъ цѣнить ее.

— Жалѣю, что онъ не остался жить въ своемъ Буда-Пештѣ или Яссахъ,—гдѣ онъ тамъ жилъ? — вскричалъ молодой чело-вѣкъ. — Если Руѣи и льстятъ его вниманію, то лишь настелько, насколько польстило бы вниманію медвѣдя. Ты ему тоже не нравишься. — Это видно. А Тира... Кто это познакомилъ его съ нею, скажи на милость?

— Его представила ей леди Элеонора Тайяъ. Когда ты на-мѣренъ принять духовный санъ, Габріэль? Рѣшилъ ты наконецъ?

— Ничего не рѣшилъ,—рѣзко отвѣтилъ онъ.—Мнѣ претивно думать, что я долженъ проповѣдывать хотя бы среди этого народа, хотя ты и принимаешь въ немъ такое нѣжное участіе, Эстелла. По правдѣ сказать, какъ ни грубъ Бенедиктусъ, а онъ правъ, го-воря, что ты была бы способнѣе меня проповѣдывать. Противенъ мнѣ этотъ народъ со всеми его расказнями и злоключеніями!

Эстелла была поражена. Неужели онъ такъ черствъ, такъ не-постояненъ? Или это не болѣе, какъ эпошескія причуды? Вѣдь не можетъ же онъ не понимать, что одна уже полученная мнѣ под-готовка дѣлаетъ его способнымъ къ духовной карьерѣ и должна ставить его выше мелочныхъ вкусовъ и требованій.

Эстелла вернулась съ братомъ въ коттеджъ грустная.

Альмодъ.

(Продолженіе будетъ).

ПОВѢДКА ВЪ РЭМСГЕЙТЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АНГЛІИ).

V¹.

... Мой чичероне горько жаловался на непростительную оплошность друзей почившаго филантропа, допустившихъ празднованіе юбилея. Не будь этого юбилея,—говорилъ онъ,—сэръ Мозесъ до сихъ поръ былъ бы живъ. Помилуйте,—горячился мой чичероне,—статочное ли дѣло заставить глубокаго старика волноваться, переживать такія ощущенія, какія выпали на его долю во время этого юбилея? Ему нуженъ былъ абсолютный покой, а тутъ пріѣхало столько народа, начались привѣтствія, чтенія адресовъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ свѣта, приемъ депутацій и т. д. При всей его скромности, такія чествованія не могли не взволновать старца, который всю жизнь прожилъ чуть-ли не отшельникомъ.

— Какъ жаль, что нѣтъ теперь сэра Мозеса,—постоянно повторялъ мистеръ Сауль.

Нельзя не согласиться съ этими запоздалыми сѣтованіями одного изъ его ближайшихъ сотрудниковъ. Но все это ни къ чему не повело. Чтобы разсѣять мрачныя мысли, навѣянные этими сѣтованіями и грустными воспоминаніями, мы отправились осматривать моленную, которая находится тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, по другую сторону аллеи.

Старуха-англичанка, надо полагать, ровесница покойнаго, который оставилъ много такихъ древнихъ пенсионерокъ, охраняющихъ моленную, фамильный музей, квартиру и т. д., отперла дверь. Ничего замѣчательнаго въ этой часовнѣ, гдѣ

¹ См. „Восходъ“ кн. I—II.

вчера вечеромъ служили панихиду, я не напелъ. Построена она прочно и удобно, какъ все, что строится въ Англии, гдѣ, какъ извѣстно, обращается главнѣйшее вниманіе на комфортъ, а не на внѣшнюю красоту. Молежня, впрочемъ, довольно красивая, но очень скромная, какъ все то, что любилъ покойный. Вотъ два пустующія мѣста: сэра Мозеса и лэди Юдиои. Контингентъ молящихся состоитъ изъ слушателей и служебнаго персонала коллегіи, да изъ пріѣзжихъ изъ окрестныхъ мѣстностей. При жизни старика эта молежня перевидала въ своихъ стѣнахъ достаточное число извѣстныхъ дѣятелей, пріѣзжавшихъ на поклонъ къ старику-патріарху со всѣхъ концовъ свѣта. Теперь рѣдко кто туда заглядываетъ, всего менѣе наслѣдники, которые даже сегодняшній день заблагорасудили остаться въ Лондонѣ, удовольствовавшись присутствіемъ на вчерашней панихидѣ. Положимъ, что, по мнѣнію людей, придерживающихся еще старыхъ преданій, можно было пожертвовать однимъ днемъ, посвятивъ его всецѣло чествованію памяти знаменитаго дяди, оставившаго не одно только чистое имя, но вмѣстѣ съ этимъ именемъ и крупное наслѣдство—милліонное, если не ошибаюсь. Но безжалостное Сити имѣетъ свои свѣчаи и законы, преступить которые строго возбраняется, подъ страхомъ потери многаго множества фунтовъ стерлинговъ. Тамъ же, гдѣ происходитъ столкновение между идеями и фунтами стерлинговъ, первыя обыкновенно ступеваются, уступая честь и мѣсто звонкимъ любимцамъ безконечно богатыхъ джентльменовъ, имѣющихъ конторы въ Сити, — самой прозаической части въ высшей степени прозаическаго Лондона.

Жестоко ошибся я, предполагая встрѣтить въ богословской коллегіи нѣчто напоминающее «іешиботъ» въ Воложинѣ и его бурсаковъ, питающихся если не прямо подаяніемъ, то еженедѣльными харчами у разныхъ хозяевъ. Хотя судьба настолько была немилостива ко мнѣ, что я ни разу не видалъ «іешибота» и его питомцевъ, но, по рассказамъ лицъ компетентныхъ, мнѣ удалось составить себѣ довольно опредѣленное мнѣніе объ этомъ разсадникѣ талмудическихъ знаній—разсадникѣ, о которомъ иные отзываются съ умиленіемъ, а другіе—со скрежетомъ зубнымъ. Всего-то въ институтѣ воспитываются челоѣвка 2—3,

изъ которыхъ одинъ—французскій уроженецъ, другой—англійскій, а третій, кажется, изъ Праги. Это единственный выходецъ изъ славянскихъ земель. Такъ ничтожна потребность въ богословахъ, что этими тремя юношами совершенно довольствуются для занятія, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, раввинскихъ мѣстъ. Ни внѣшнимъ видомъ, ни манерами, ни воспитаніемъ эти молодые люди не напоминаютъ своихъ западно-русскихъ коллегъ, исхудалыхъ, обтрепанныхъ, нищихъ, дѣйствительно умерщвляющихъ свою плоть. Рэмсгейтскую молодежь можно скорѣе принять за воспитанниковъ парижской консерваторіи, за оперныхъ пѣвцовъ *in spe*, нежели за будущихъ раввиновъ—такъ мало въ нихъ того специфическаго колорита, которымъ обыкновенно отличаются семинаристы всѣхъ временъ и народовъ.

Что касается ихъ интеллектуальнаго развитія, то я поневолю воздерживаюсь высказать какое бы то ни было мнѣніе на этотъ счетъ, потому что общиваясь съ ними лишь нѣсколькими обыденными фразами, по которымъ трудно, если даже не невозможно, составить себѣ какое нибудь опредѣленное мнѣніе. Такимъ образомъ, въ моихъ глазахъ они пользуются такими же правами, какъ и воложинскіе бурсаки, которыхъ я никогда въ глаза не видалъ.

Институтская зала вмѣстительна, бібліотека довольно приличная, состоящая изъ 7,000 т. Все, что появляется въ еврейской печати, немедленно выписывается въ коллегіи; это что-то въ родѣ отдѣла «*Judaica*», который, по словамъ знатоковъ, хорошо замѣщенъ въ нашей Публичной бібліотекѣ. Благодаря способности англичанъ умѣло пользоваться каждымъ вершкомъ свободнаго пространства, эта бібліотека занимаетъ немного мѣста. Съ перваго раза кажется, что въ этихъ низенькихъ, герметически закрытыхъ шкафикахъ, напоминающихъ нижнія части буфетовъ, заключается скромная бібліотека частнаго лица, обязательная для каждаго истаго джентльмена,—100 томовъ, не больше, а между тѣмъ содержимое этой бібліотеки, по отзывамъ профессора, составляетъ весьма цѣнное приобрѣтеніе для лицъ, занимающихся изученіемъ еврейской письменности въ различныхъ фазахъ ея развитія. По правдѣ сказать, я довольно

равсѣнно слушаю объясненія моего предупредительнаго земляка о педагогическихъ приемахъ, усвоенныхъ еще при основаніи коллегии. Какъ человекъ негражданинъ къ педагогикѣ, я мало интересуюсь ея насущными вопросами и требованіями, помню только, что немало крови мнѣ испортили, во время оно, всѣ эти требованія, выразившіяся на разныхъ экзаменахъ, при воспоминаніи о которыхъ меня и теперь еще дрожь прониимаетъ. Я послѣшилъ прервать расходившагося преподавателя и предложилъ ему показать мнѣ the most remarkable piece, о которой я раньше слышалъ. Дѣло шло о фамильномъ музее Монтефиоре.

Это, дѣйствительно, самое замѣчательное, въ высшей степени интересное помѣщеніе во всемъ зданіи. Къ сожалѣнію, оно слишкомъ тѣсно для той массы приношеній, которыя были присланы покойному, въ день юбилея, со всѣхъ концовъ земнаго шара. Если бы наслѣдники побожьне заботились о лучшемъ упорядоченіи этой замѣчательной коллекціи подарковъ, посвященныхъ памяти славнаго старика, они должны были бы устроить особую залу обширныхъ размѣровъ, какъ это принято на континентѣ. А то вездѣ, начиная со входа, вдоль по всей лѣстницѣ, нагромождена такая масса objets d'art, что нѣтъ возможности осматривать ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какое эта коллекція вполне заслуживаетъ. Даже каталога нѣтъ—приходится довольствоваться подписями на подаркахъ, да объясненіями старой-престарой англичанки, не отличающейся особенною болтливостью, и моего новаго знакомаго, мистера Саула. Лѣстница уставлена портретами покойныхъ основателей коллегии въ разныхъ возрастахъ, ихъ родителей, присныхъ, картинами, изображающими разные эпизоды изъ исторіи еврейскаго народа. Въ комнатахъ буквально негдѣ яблоку упасть. Вездѣ, гдѣ только есть возможность положить какую нибудь вещь, навалены разные альбомы, кнѣсѣки, благодарственные адреса, которыхъ тамъ видимо-невидимо. Есть подарки коронованныхъ особъ, англійскаго королевскаго дома и другихъ, недурной портретъ румынскаго короля Карла съ собственноручною подписью. Прелестно написанъ портретъ самого Монтефиоре, при ближайшемъ разсмотрѣніи котораго оказы-

вается, что художникъ употребилъ, вмѣстѣ штриховъ, мельчайшій еврейскій шрифтъ. Все содержаніе «Экклезіаста» помѣщается въ этомъ портретѣ.

Въ глазахъ рябитъ отъ всей массы подарковъ, присланныхъ юбиляру изъ Америки, Австраліи, Египта, Марокко, Іерусалима, Голландіи, Англіи, Франціи, Россіи и Швеціи. Особенно эффектна серебряная лампада съ семью свѣтильниками, зажигаемыми въ недѣлю Мамакеевъ (Chanuka), присланная, если память мнѣ не измѣняетъ, изъ Іерусалима. Первое мѣсто между всѣми этими подарками, по объему и художественной работѣ, безспорно занимаетъ огромный серебряный канделябръ, поднесенный сѣру Моисеу британскимъ еврействомъ давно, вскорѣ по возвращеніи его изъ Дамаска. Барельефы, украшающіе всѣ четыре стороны, изображаютъ разные эпизоды изъ жизни Монтефиоре, аудіенціи у монарховъ, освобожденіе узниковъ и, наконецъ, первое посѣщеніе синагоги по возвращеніи въ Лондонъ, именно тотъ моментъ, когда онъ подходитъ къ слушанію чтенія субботняго отдѣла Пятикнижія. Этотъ канделябръ съ постаментомъ, по моему мнѣнію, гораздо импозантнѣе даже подарка, поднесеннаго въ 1836 году английскими евреями своему первому шерифу, бывшему впоследствии лондонскимъ лордъ-меромъ, мистеру Давиду Солomonу. Этотъ подарокъ хранится въ Лондонскомъ городскомъ музеѣ, находящемся въ Гильдъ-Голлѣ. Онъ изображаетъ Британію; отталкивающую чудовище религіозныхъ и племенныхъ предрассудковъ, широко раскрывающую объятія всѣмъ своимъ сынамъ, «безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія». Шкафы наполнены Библіями въ роскошныхъ переплетахъ, пергаментными свитками Пятикнижія, съ особенною тщательностью изготовленными для этого торжественнаго случая.

Трудно припомнить всѣ красивыя вещи этой интересной юбилейной коллекціи, которая гораздо больше выиграла бы, если бы она была снабжена каталогомъ и приведена въ лучший порядокъ. А то кажется, что вы попали—не то въ какой-то магазинъ антиковъ, не то въ bric-à-brac, гдѣ хозяйничаетъ brocanteur, а не въ хранилище подарковъ, отъ чистаго сердца присланныхъ изъ разныхъ концовъ свѣта людьми, захотѣв-

ними по своему выразить чувства благодарности къ доблестному патриарху, посвятившему свою долгую жизнь на пользу всѣхъ, кого судьба обдѣлила своими благами.

Надо было слышать, съ какимъ благоговѣнiемъ отзывалась старуха о почившемъ. Это отношенiе простонародья къ Монтефиоре я имѣлъ не разъ случай наблюдать въ Рэмсгейтѣ и его окрестностяхъ. Она рада была случаю показать все, что было достойнаго для осмотра, который, по ея словамъ, доступенъ не всѣмъ желающимъ, а только людямъ, рекомендованнымъ изъ Лондона.

— Какъ же вы показываете этотъ музей мнѣ, котораго вы совсѣмъ не знаете и видите въ первый разъ?—спросилъ я ее.

— Извините, сэръ, насъ предупредили, что прѣдетъ иностранецъ, для осмотра зданiя.

«Странно,—подумалъ я,—кто бы могъ это сдѣлать? Неужели лицо, давшее мнѣ рекомендательное письмо къ г. Зибегу Монтефиоре, одновременно позаботилось о томъ, чтобы мнѣ былъ доставленъ безпрепятственный пропускъ. Это очень мило съ его стороны. У насъ еще понятiя не имѣютъ о подобной предупредительности».

Прощаясь съ доброю старушкой, я, по принятому обычаю, сунулъ ей въ руки шиллингъ, на чай. Куда!—и слышать не хотѣла. Полагая, что ее обидѣла ничтожность гонорара, я удвоилъ цифру. Старуха замачала руками — помируйте; что это такое, на что это похоже? Ее третируютъ какъ обыкновенную прислугу, между тѣмъ она служила сэру Моесу столько лѣтъ, ее всѣ такъ уважаютъ, и вдругъ ей предлагаютъ деньги за то, что она исполняетъ свою обязанность! Я ее сталъ уговаривать, но это ни къ чему не повело. Старуха осталась непреклонною. Это былъ второй случай со мною во время моего тогдашняго пребыванiя за границей. Въ первый разъ, французскiй солдатикъ, которому дежурный офицеръ поручилъ показать мнѣ въ Венсеннѣ гробницу герцога Энгиенскаго, разстрѣляннаго по приказанiю Наполеона I, ни за что не хотѣлъ взять предложенный ему «pourboire» въ видѣ франка; второй разъ—здѣсь, въ Рэмсгейтѣ. Туристу, привыкшему къ назойливому попрошайничеству заграничныхъ кельнеровъ, проводниковъ, сторожей и прочей дорожной швали,

отравляющей шагъ существованіе, подобное безформности представляется такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, что о немъ нельзя не упомянуть.

Все, что было самаго интереснаго въ этомъ изолированномъ зданіи, официально известномъ подъ названіемъ «Lady Judith College», было мною осмотрѣно. Надо было подумать о посѣщеніи бывшаго личнаго секретаря Монтефіоре, д-ра Лева, или по англійски: д-ра Луэ. Этотъ неизмѣнный спутникъ филантропа стоитъ и теперь во главѣ коллегіи, но живетъ онъ въ соседнемъ мѣстечкѣ Бродстейръ, гдѣ тоже много вублики, прибалкающей единственно для морскихъ купаній. Мой почтенный проводникъ настаивалъ, чтобы я непременно навѣстилъ д-ра Луэ—онъ страшно самолюбивъ, обидится. Какъ же, помилуйте, посѣтили коллегію, а забыли о немъ, ея главномъ двигателѣ. Вѣдь онъ полагаетъ, что онъ и коллегія—это два понятія однокоренныя, нераздѣльныя. «Коллегія—это я!» могъ бы онъ смѣло перефразировать известное изреченіе княжнаго французскаго деспота-короля.

Доводы «преподобнаго мистера Саула» показались мнѣ убѣдительными, и я рѣшился отправиться, по его совѣту, пѣшкомъ на дачу д-ра Луэ. Путь предстоялъ не короткій, по полямъ и равнинамъ, отдѣляющимъ оба мѣстечка. Мы сердечно расстались, и я поблагодарилъ отъ души мистера Саула, какъ за радужный пріемъ, такъ и за презентованную книгу, которую онъ издалъ по поводу юбилея. Этотъ очеркъ жизни знаменитаго благотворителя написанъ хоронимъ библейскимъ языкомъ и носитъ слѣдующее заглавіе: «The Montefiore Centenary, 1884. A sketch of the life and works of Sir Moses Montefiore in biblical Hebrew. With latest photograph».

«Очеркъ» раздѣленъ на десять главъ, по числу десятилѣтій, прожитыхъ столѣтнимъ юбиляромъ; онъ собираетъ довольно много интересныхъ подробностей о жизни и дѣятельности этой четы. Напрасно только авторъ кадитъ доктору Луэ, подъ начальствомъ котораго онъ находится. Положимъ, что умолчать объ этой личности, игравшей при покойномъ Монтефіоре роль настоящаго временщика, въ родѣ кардинала Антонелли при папѣ Піѣ IX, представляется немислимымъ, но все-таки не мѣшало бы быть менѣе

недримъ въ выборѣ эпитетовъ. Но, принимая во вниманіе ка-
бальную зависимость еврейскихъ авторовъ вообще отъ библейскаго
языка, гдѣ, благодаря его структурѣ, не авторъ властвуетъ
надъ фразой, а готовые тексты забираютъ его въ полонъ, увлекая
за собою послушного и безпомощнаго писателя, поневолѣ при-
ходится отнестись къ нему снисходительно. Этотъ недостатокъ,
мнѣ кажется, присущъ однимъ только евреямъ; гебраисты, при-
надлежащіе къ другой національности, сколько мнѣ извѣстно,
проявляютъ меньшее идиолоклонство передъ готовыми текстами,
и пишутъ какъ Богъ на душу полагаетъ; не забывая о томъ,
чтобы мысль была непременно приурочена къ готовому библей-
скому тексту. Доказательствомъ этого, между прочимъ, можетъ
служить очень милое пожеланіе, приведенное въ «Очеркѣ»,
одного изъ друзей Монтефиоре, покойнаго герцога Сассекса,
прекрасно владѣннаго библейскимъ языкомъ, что, въ слову
сказать, въ Англии представляетъ явленіе заурядное. «Такъ
какъ,—говоритъ благородный герцогъ,—я не могу примѣнить
къ нему пожеланіе, чтобы онъ дожилъ до (ad) ста лѣтъ, то я
вынужденъ перемѣнить лишь одну букву, пожелавъ ему, чтобы
онъ прожилъ еще (od) сто лѣтъ!»¹.

Увы! пожеланіе благороднаго герцога осталось однимъ по-
желаніемъ. Не прошло и года послѣ произнесенія этого при-
вѣтствія, какъ старецъ мирно почилъ отъ трудовъ своихъ, ря-
домъ съ Юдженю, тоже умершаю въ юбилейный годъ, вскорѣ
послѣ того, какъ счастливые, хотя бездѣтные супруги отбра-
довали свою волею свадьбу, въ 1862 г. Какъ видно, юбилейныя
празднества имѣютъ какой-то рековой исходъ въ семейства
Монтефиоре.

П. Левинсонъ.

(Окончаніе будетъ).

¹ «As J can not apply to him the words: *Ad meah schanaim*, J must alter
a word and say *Od meah schanaim*».

БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Л. О. ЛЕВАНДЫ.

(*Окончаніе*)¹.

Х.

Мы присмотримся теперь къ двумъ, послѣднимъ по времени, рассказамъ Леванды, написаннымъ очень живымъ и колоритнымъ языкомъ и вообще отличающимся многими замѣтными качествами. «Гнѣвъ и милость магната» и «Авраамъ Іозефовичъ» («Восходъ» 1885, 1887), въ самомъ дѣлѣ, двѣ очень бойкія историческія картины, щеголяющія превосходнымъ знаніемъ магнатской и шляхетской Польши и множествомъ очень характерныхъ штриховъ, воспроизводящихъ дѣла давно минувшихъ дней съ поразительною рельефностью. По живости рассказа, по мѣткости сдѣланныхъ наблюдений, по качествамъ художественнаго рисунка, оба названныхъ рассказа не уступаютъ лучшимъ страницамъ «Горячаго времени» и должны быть отнесены къ числу самыхъ выдающихся произведеній въ нашей убогой русско-еврейской беллетристическѣ. Опять предъ нами тотъ самый бытописатель, который своими «Очерками прошлаго», «Горячимъ временемъ», школьными воспоминаніями и другими подобными же произведеніями умѣлъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ воскрешать наше недавнее прошлое, столь темное и грустное. Къ сожалѣнію, въ первомъ изъ этихъ двухъ историческихъ рассказовъ, именно въ «Несвижской были», нѣтъ достаточно выразительной идеи, которая ожив-

¹ См. „Восходъ“, кн. I—II.

Восходъ, кн. 4.

ляла бы его и придавала бы ему внутреннюю силу. Богатня и очень красиво разрисованныя декораціи понадобились автору для того, чтобы рассказать историческій фактъ, въ которомъ очень много анекдотическаго. Правда, по поводу этого факта, Леванда, такъ сказать, попутно набрасываетъ интереснѣйшія картины нравовъ, освѣщенныя яркимъ историческимъ колоритомъ, но мизерность основного сюжета тѣмъ не менѣе остается незатушеванной, нѣсколько умаляя силу общаго художественнаго дѣйствія, производимаго рассказомъ. Начиная читать, думаешь, что предъ тобою развернется интереснѣйшая историческая драма—иначе зачѣмъ бы автору понадобились такіе пышные аксессуары, такія подробности, такой широкій кругъ дѣйствія? Но разочаровываешься подъ конецъ, когда становится ясно, что писатель имѣлъ въ виду только рассказать одинъ очень забавный анекдотъ — не больше. Невольно сожалѣешь, что богатня средства потрачены на незначительное дѣло.

Но, повторяемъ, самое *бытописаніе* въ «Гнѣвъ и милости магната» полно жизни, интереса и свѣта.

Центральная фабула рассказа можетъ быть передана въ двухъ словахъ. Князь Радзивиллъ, послѣ долгаго отсутствія, вернулся въ Несвижъ очень разстроенный и раздосадованный. Торжественная встрѣча нисколько его не развеселила—напротивъ, она какъ будто даже разсердила его. Какъ только онъ вступилъ въ замокъ, онъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ, разбрасывая на пути перчатки, шапку и нѣкоторыя другія принадлежности своего туалета, отхлеставъ нагайкой оторопѣвшаго кота («до діабла, пане коханку, до діабла!»), вышвырнулъ въ садъ любимаго скворца («тамъ, пане коханку, твое мѣсто, тамъ!») и, какъ разъяренный левъ въ клѣткѣ, сталъ шагать взадъ и впередъ, сердито стуча каблуками. Закончивъ съ котомъ и со скворцомъ, онъ, полный досады и гнѣва, сталъ думать о томъ, на комъ бы отвести свою взволнованную душу. Въ эту минуту сердитому магнату подали письмо великаго канцлера Андрея Замойскаго слѣдующаго содержанія: «Получивъ отъ его королевской милости и сейма порученіе составить проектъ гражданскаго уложенія для всей Рѣчи Посполитой,—писаль канцлеръ,—а также новое положеніе о евреяхъ, какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ, имѣю честь обратиться къ вамъ,

князь, съ покорнѣйшею просьбой — доставить мнѣ, въ возможно скоромъ времени, всѣ имѣющіяся у васъ свѣдѣнія о евреяхъ, находящихся въ вашей юрисдикціи, чѣмъ вы, князь, премного обяжете преданнаго вамъ слугу».

— Жиды!—воскликнулъ князь, точно ужаленный змѣей.— Они хотять распоряжаться моими жидами, моею собственностью! Ужь это дудки, пане коханку. Ужь этого я вамъ, пане коханку, не позволяю. Надъ моими жидами—я хозяинъ, а не какой нибудь король или сеймъ. Захочу—я ихъ изъ своихъ маестностей совсѣмъ прогоню, захочу — я ихъ съ кашей съѣмъ, — и никто не смѣй и слова микнуть.

Въ Несвижѣ 387 душъ евреевъ обоего пола. И вотъ, чтобъ доказать свою неограниченную власть, Радзивиллъ даетъ коменданту слѣдующее приказаніе:

— Я со своими жидами распоряжусь иначе, по своему, по радзивилловски. Пусть тамъ, въ Варшавѣ, король и его лакеи пишутъ себѣ законы, уставы и положенія, какія имъ угодны, а въ моихъ маестностяхъ буду я писать законы, какіе мнѣ угодны, потому что въ моихъ маестностяхъ—я король, Вожею милостью. И ты, пане коханку, вотъ что сдѣлаешь: сегодня же, немедленно, ты гайдуками оцѣпишь все мѣстечко. Если проскользнетъ хоть одна жидовская душа, то ты, пане коханку, головою будешь мнѣ отвѣчать за нее. Завтра же, въ полдень, ты выгонишь всѣхъ несвижскихъ жидовъ на площадь, наведешь на нихъ съ вала всѣ пушки и—пли! Чтобъ ни одной души не осталось въ живыхъ! Понимаешь, пане коханку?

Таковъ магнатскій гнѣвъ! Такова магнатская страсть къ фациямъ—необычайнымъ, властнымъ, сумасшедшимъ. Князь Радзивиллъ воленъ распорядиться со *своими* жидами, какъ ему вздумается. Съ жидами, *недовярками*, стѣсняться нечего! Притомъ несвижскіе евреи не встрѣтили (по недоразумѣнію) магната—значить, они даже *заслуживаютъ* жестокаго наказанія.

Гроза неминуемо разразилась бы надъ несвижскими жидами князя Радзивилла, если бы добрая часть шляхты не вздумала заступиться за нихъ и привлечь къ нимъ сочувствіе мѣстнаго ксендза-пріора. Сей послѣдній попробовалъ урезонить сумасброднаго князя, но не помогло. Князь объяснялся, извинялся, цѣловалъ руки ксендза, обѣ-

щаль принять на себя, во искупленіе грѣха, самую трудную эпитимію, но все-таки оставался при своемъ, говоря, что дѣло идетъ о его гонорѣ, для котораго онъ ни предъ чѣмъ не остановится.

— Ты, князь, большой шутникъ, надобно и съ тобою сыграть шутку,—думалъ пріоръ, сидя въ своей бібліотекѣ предъ столомъ, заваленнымъ книгами и рукописями.—Ради спасенія жизни сотнямъ невинныхъ душъ Богъ проститъ мнѣ маленькую хитрость.

Эта хитрость заключалась въ слѣдующемъ. Когда раздастся сигналъ барабаннымъ боемъ, евреи должны будутъ, со своими женами и дѣтьми, выйти на площадь. Начнутъ стрѣлять... Но стрѣлять будутъ холостыми зарядами. Евреи, какъ слѣдуетъ, падутъ всѣ — съ тѣмъ, однако, чтобы немедленно по окончаніи стрѣльбы встать и разойтись по домамъ.

Съ огнеупорными евреями гнѣвный дукесъ примирится по необходимости,—сообразалъ хитрый іезуитъ.

Вотъ и весь сказъ, къ которому Леванда съумѣлъ прицѣпить нѣсколько превосходныхъ жанровыхъ этюдцевъ, блестящихъ милымъ и незлобивымъ юморомъ. Всѣ дѣйствующія лица этой «были» очерчены очень живо, легкими и бѣглыми штрихами. Картина суетящагося мѣстечка, взволнованнаго пріѣздомъ магната, и встрѣчающаго съ поклонами съѣзжающуюся изъ разныхъ мѣстъ польскую шляхту, вышла и очень правдивой, и эффектной. Возлюбленный *жидъ* Радзивилла ребъ Сахно, остроумный шахматистъ и преданнѣйшій другъ еврейской общины, обрисованъ очень твердой и умѣлой рукой. А исторія съ шабашевой шапкой, проигранной имъ князю,—милая острота, въ чисто еврейскомъ стилѣ. Не одни только главные, но второстепенныя лица «Гнѣва и милости магната» изображены съ большими достоинствами. Оберъ-шамесъ Карпель — типичнѣйшая фигурка. Этому человѣку профессія шамеса надѣла хуже горькой рѣбки, ибо при большихъ хлопотахъ она доставляла ему очень ничтожныя средства. И вотъ Карпель рѣшилъ во что бы то ни стало измѣнить свои обстоятельства. Какъ всякому еврею, ему было извѣстно повѣрье, Богъ знаетъ на чемъ основанное, что наканунѣ «Тиша-Беава», ровно въ полночь, врата неба раскрываются на одинъ мигъ. Если не прозвѣвать этого мига и произнести какую нибудь просьбу, то она немедленно же исполнится. Почему никто до сихъ поръ не пользо-

вался этимъ благоприятнымъ моментомъ, чтобы испросить себѣ всевозможныхъ благъ, бѣдный шамесь не зналъ, но самъ онъ рѣшилъ не звать. Карпеля смущала только мысль, о чемъ просить и какъ просить. Какъ въ одно мгновеніе выразить цѣлую просьбу? Но по долгомъ размышленіи, шамесь нашель, наконецъ, искомую и прочную формулу, вполне выражающую его сокровеннѣйшія желанія: «Ермолка червонцевъ!»—два слова — и сколько въ нихъ смысла!

— Сося-Бася, ты постели мнѣ сегодня на завалинкѣ. Буду спать на дворѣ.

— Ты это выдумалъ? Перина и такъ еле держится, а ты таскать ее по песку.

— Наллевать мнѣ на эту перину! Завтра у тебя будетъ пять, десять перинъ новыхъ, хорошихъ.

— Го, го! Откуда у тебя вдругъ столько денегъ?

— Думай, что хочешь, но говорю тебѣ, что къ субботѣ «Нахму» мы всѣ съ головы до ногъ будемъ одѣты и обуты, и заживемъ не хуже другихъ.

Читатель, конечно, догадывается, что ермолка червонцевъ на Карпеля съ неба не упала и что бѣдный шамесь обманулся въ своихъ надеждахъ, въ полномъ своему конфузу.

Что касается главнаго героя разсказа, магната Радзивилла, то Леванда сумѣлъ въ немъ подчеркнуть характернѣйшія особенности натуры, изрытой глубочайшими противорѣчіями, властолюбивой, заносчивой и все-таки не внушающей къ себѣ отвращенія. Вообще должно сказать, что при изображеніи представителей польскаго общества Леванда обнаруживаетъ постоянно объективность и безпристрастіе, свидѣтельствующія о полномъ и всестороннемъ знакомствѣ его съ условіями политическаго и нравственнаго существованія Польши, — больше того, о несомнѣнномъ его сочувствіи народу въ высшей степени культурному и самобытно-даровитому. За внѣшнею, бьющею на эффектъ, драпировкою, Леванда видитъ и страдающій духъ народа, осужденнаго на незавидную политическую участь. Герои «Горячаго времени» и «Гнѣва и милости магната» жестоки не столько по натурѣ, сколько по желѣзнымъ традиціямъ, дурному воспитанію и плохо понятому «гонору». Князь Радзивиллъ—просто психонатическій человекъ, при всей своей же-

стосости и безпардонности, возбуждающій одно только чувство сожалѣнія.

Словомъ, какъ мы уже сказали, несвижская ^{быль}—вещь, отличающаяся многими литературными достоинствами и принадлежащая къ лучшимъ созданіямъ покойнаго писателя. Анекдотичность основного сюжета выкупается въ ней обильными сценами, дышащими простымъ, характернымъ реализмомъ, историческою и бытовою правдой.

«Авраамъ Іозефовичъ» — тоже историческая повѣсть изъ временъ первой половины шестнадцатаго вѣка, съ сюжетомъ гораздо болѣе интереснымъ и серьезнымъ, чѣмъ въ «Гитѣвѣ и милости магната». И здѣсь всѣ дѣйствующія лица обрисованы очень выпукло, мѣтко и типично. Авраамъ Іозефовичъ, благодаря своему уму и таланту, поднявшійся изъ ничтожнаго мѣщанства на высоту возлюбленнаго королевскаго подскарбіа—живой человѣкъ. Окружннй равнинъ столичнаго города Кракова, Мона Галеви Ландо, яркая иллюстрація къ тому старому, ортодоксальному еврейству, въ косной неподвижности котораго такъ много глубокаго смысла. Онъ первый оцѣнилъ великія способности Авраама Іозефовича, когда тотъ еще былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ первый съ восторгомъ рукоположилъ его въ равнини. Іозефовичъ и Ландо—это два важнѣйшихъ теченія въ исторіи еврейства. Іозефовичъ—эмигрантистъ. Онъ готовъ на всякіе компромиссы, лишь бы только быть полезнымъ своему народу, своему обществу. Онъ—человѣкъ практическій въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ не чуждъ возвышеннѣйшихъ стремленій, но реалистическая жизнь преобладаетъ у него надъ всѣмъ. Когда король Сигизмундъ потребовалъ отъ него нѣжны религін для полученія должности подскарбіа, онъ сначала попытался урезонить его.

— Ваша королевская милость! Клянусь вамъ Творцомъ неба и земли, нашимъ общимъ Богомъ, который равно святъ для христіанъ и для евреевъ, клянусь вамъ, что моя религін нисколько не будетъ мѣшать мнѣ служить вашей королевской милости вѣрой, правдой, всѣми фибрами души моея. Напротивъ, чѣмъ больше я буду евреемъ, тѣмъ болѣе вѣрнымъ рабомъ буду вашей королевской милости.

Но когда слова эти не подѣйствовали, когда король рѣши-

тельно предоставилъ Иозефовичу выборъ между званіемъ *христіанскаго* подскарбія и изгнаніемъ евреевъ изъ крулевства, послѣдній задумался. «Жертвою, которую я принесу,—соображалъ Иозефовичъ,—я обезпечу себя и всѣхъ своихъ и тѣмъ буду полезенъ моему народу, съ которымъ *фактически* никогда не разстанусь. Обращеніе мое будетъ внѣшнее, формальное, внутри же я останусь тѣмъ же евреемъ, какимъ былъ, а Богъ смотритъ въ сердце».

Такъ именно и долженъ думать Авраамъ Иозефовичъ, человѣкъ большого ума («хохимъ»), человѣкъ политическій, умѣющій стоять предъ царями, водить дружбу съ государственными сановниками и магнатами.

Не такъ думаетъ ребъ Моше Ландо. Для него спасеніе Израиля въ мученичествѣ, въ героизмъ и подвижничествѣ.

— Грѣшный человѣкъ,—говоритъ онъ Иозефовичу,—кто тебѣ сказалъ, что ты призванъ быть спасителемъ Израиля? Народъ еврейскій ни въ какомъ спасителѣ не нуждается. Его единственный спаситель и защитникъ—Господь, Богъ Аврама, Исаака и Якова. Онъ насъ караетъ за грѣхи наши и предковъ нашихъ, но Онъ насъ хранитъ по Своему обѣтованію, что мы будемъ существовать пока будутъ существовать небо и земля, солнце, луна и прочія свѣтила небесныя. Вавель, Ассуръ, Порась, Модай, Яванъ, Римъ—погибли, исчезли, стерлись съ лица земли, а мы существуемъ и существовать будемъ пока имя Господа нашего будетъ славиться всѣми тварями земли, отъ восхода солнца до его заката, отъ сѣвера до юга.

Все можно и должно приносить въ жертву ради своего народа, жизнь свою, кровь свою, но не религію. Варъ-Кохба, раби Акиба и другіе не сдавались кесарямъ, а воспріали мученическую смерть, не соблазнившись никакими государственными должностями, никакими почестями. Донъ Исаакъ Абарбанель, хранитель королевской казны въ Испаніи, когда изданъ былъ декретъ объ изгнаніи евреевъ, сложилъ съ себя свой санъ, покинулъ королевскій дворъ и роскошныя палаты и отправился въ изгнаніе вмѣстѣ со всѣми своими братьями.

— Вотъ каковы были и есть истые іудеи, настоящіе спасители Израиля!—восклицаетъ съ энтузіазмомъ краковскій рав-

внѣ. Похожь-ли ты на нихъ? Спасешь-ли ты своихъ братьевъ, или нѣтъ, удастся-ли тебѣ вывѣсть къ нимъ милость со стороны монарха и вельможъ—это еще неизвѣстно, потому что сердце царей и князей не въ твоей рукѣ, а въ рукѣ Божьей. Но что ты съ легкомысліемъ Исава продалъ за чечевичную похлебку свое первородство, таѣ это несомнѣнно!

Моше Ландо—представитель непримиримаго, ортодоксальнаго еврейства. Религіозный наеосъ одушевляетъ его твердое, непримиримое убѣжденіе. Въ датахъ вѣры онъ считаетъ себя и весь свой народъ неуязвимымъ. Предъ силою вдохновенія этого человѣка блекнуть всѣ возвышенно оппортунистскія и практически разчетливыя соображенія такихъ спасателей еврейства, какъ Авраамъ Іозефовичъ и многіе ему подобные. Убѣжденія ребъ Моше Ландо основаны на безкорыстнѣйшихъ понятіяхъ, не останавливающихся ни предъ какими испытаніями. Чтѣ изгнаніе или костеръ тому, въ чѣмъ свѣтломъ и мудрому сознаніи властвуетъ идея нравственнаго долга, нечувствительнаго ни къ какой политикѣ, ни къ какой дипломатической логикѣ? Быть вѣрнымъ религіи своего народа—это долгъ, категорическая обязанность. Іозефовичъ не въ правѣ завѣщивать на однихъ вѣсахъ «религію» и «изгнаніе», не въ правѣ *кробанною* монетою оцѣнивать благо нравственнаго свойства. *«Грѣшникъ, кто тебѣ сказалъ, что ты призванъ быть спасителемъ Израиля?»*—воскликаетъ краковскій раввинъ, воспламененный негодованіемъ.

Что живъ для насъ! Что радости земныя!
Еврей! Все, что видите кругомъ—
Земля и что живетъ на ней, вса бедна
Лучей и звуковъ, образовъ и формъ,
Вся красота, всѣ радости,—все это
Лишь тѣсное преддверье у дворца,
Все это—снѣи грязныя предъ храмомъ.

Эти слова говорить не ребъ Моше Ландо, а равви Аронтъ въ драмѣ Минскаго «Осада Тульчина», но въ нихъ тотъ же смыслъ, что и въ рѣчи краковскаго раввина. Моше Ландо и равви Аронтъ—это одинъ тотъ же сосудъ глубокой вѣры, религіознаго и нравственнаго ведчія. И Леванда, и Минскій, одинъ въ хорошей прозѣ, а другой въ стихахъ не лишенныхъ силы, дали выраженіе одной

и той же основной мысли или, вѣрнѣе, одному и тому же характеру. И если только величайшій мыслитель нашего столѣтiя правъ, говоря, что двѣ вещи наполняютъ душу постоянно новымъ и возрастающимъ удаленiемъ, именно: звѣздное небо надъ человѣкомъ и нравственный законъ въ человѣкѣ, то, конечно, Моше Ландо и равви Аронъ не могутъ не возбудить въ насъ чувства искреннѣйшаго восторга.

О другихъ персонажахъ «Авраама Иосефовича» мы говорить не будемъ. Замѣтимъ только, что, при болѣе серьезномъ и, такъ сказать, значительномъ сюжетѣ, этотъ рассказъ по литературнымъ своимъ достоинствамъ нисколько не уступаетъ «Гнѣву и милости магната». Та же бойкость и живость изложенiя, тѣ же характерныя польскiя лица въ очень хорошемъ и детально разработанномъ бытовомъ антуражѣ.

Раньше чѣмъ разстаться съ двумя, рассмотрѣнными въ этой главѣ очерками, мы остановимъ вниманiе читателя вотъ еще на чемъ. Выше было сказано, что Леванда не успѣлъ запечатлѣть въ беллетристической формѣ того переворота убѣжденiй, которымъ помѣчена его публицистическая дѣятельность послѣднихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, и въ «Авраамѣ Иосефовичѣ» и въ «Гнѣвѣ и милости магната» попадаются отдѣльныя фразы, которыя могутъ быть поняты только въ связи съ этимъ переворотомъ.

Говоря о религиозномъ ритуалѣ, установленномъ для «Тине-Беава», Леванда замѣчаетъ: «О, какъ велики были отцы синагоги, установившiе этотъ и ему подобные обряды, которые, повторяясь изъ года въ годъ, должны отъ времени до времени освѣжать въ памяти разсѣяннаго по всему мiру и томившагося въ тяжеломъ рабствѣ народа преданiя о его прежнемъ счастiи и томъ будить въ немъ пламенная желанiя своего возстановленiя и надежды на его наступленiе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при болѣе или менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Каково бы ни было поработенному народу въ настоящемъ, но если онъ не забываетъ своего славнаго прошлаго, то онъ еще не потерялъ истыхъ шансовъ на лучшее будущее. Цѣль, связывающая настоящее съ прошлымъ, раньше, или позже должна приковать къ себѣ будущее. Пока эта цѣль крѣпка въ сознании какого нибудь поработеннаго народа, народъ этотъ не можетъ отчаяваться,

не можетъ считать себя окончательно умершимъ и исчезнувшимъ навсегда съ исторической арены, а долженъ и можетъ рассчитывать, что *пробьетъ надлежашій часъ*—и онъ, *послѣ некоторою перерыва въ его самостоятельномъ существованіи, оживетъ, воскреснетъ, возродится, приобрететъ свою прежнюю свободу и будетъ продолжать свою историческую роль, можетъ быть, еще съ большимъ блескомъ и успѣхомъ*. («Восходъ» 1885, IX). Что Леванда подъ *славнымъ прошлымъ* разумѣетъ здѣсь времена политической самостоятельности еврейства, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Всю исторію еврейства, послѣ потери имъ свободы, нашъ писатель считаетъ *«многовѣковныя рабствомъ»* («Восходъ» 1885, X, стр. 24), временемъ, когда евреи то и дѣло *«попадали изъ огня въ полымя»* («въ этомъ и вся суть, все содержаніе исторіи еврейскаго народа; все же прочее — подробности, которыя однообразны до отвращенія»—«Восходъ» 1887, I, стр. 25). Рассказывая о томъ, какъ горько и искренно рыдали несвижцы въ великій Судный день, когда уже стали извѣстны намѣренія магната. Леванда прибавляетъ: *«А что новая бѣда есть прямое слѣдствіе старой (паденія Иерусалима), что безъ послѣдней невозможна была бы первая, что если бы существовалъ Иерусалимъ, то не существовало бы паршиваго Несвижа съ его сумасшедшимъ дукесомъ, въ глазахъ котораго еврей ничтожное клочья,—это никому изъ несвижскихъ евреевъ и на умъ не приходило»* («Восходъ» 1885, X, стр. 20).

И такъ, все наше прошлое, *несамостоятельное* прошлое—одно только многовѣковое рабство! Не будь первой бѣды, т. е. не пади Иерусалимъ, не было бы и всѣхъ прочихъ бѣдъ. Такъ мыслитъ Леванда—палестинофилъ почти на закатѣ своей жизни, въ полную противность всему тому, что имъ говорилось и писалось въ различныхъ формахъ въ теченіе 25-ти лѣтъ, со времени возникновенія перваго русско-еврейскаго органа. Человѣкъ, въ теченіе четверти вѣка грезившій *«ассимиляціей»*, *«просвѣщеніемъ»*, бравшій въ плѣтъ и талмудъ, и еврейскій консерватизмъ вмѣстѣ съ *«дикимъ фанатизмомъ»*, будившій среди евреевъ въ пламенныхъ выраженіяхъ чувства русскаго гражданскаго патріотизма, вдругъ поворачиваетъ рѣшительно и смѣло въ сторону почти заглушенныхъ въ народѣ традицій. То, что прежде считалось устарѣвшею рутиною, сгнившимъ хламомъ, те-

перь приобрѣтаетъ въ глазахъ Леванды высокой смыслъ и значеніе политическаго символа («О, какъ велики были отцы синагоги, установившіе этотъ и ему подобные обряды» и. т. д.). Авторъ «Горячаго времени» готовъ теперь взять подъ свою горячую защиту многое изъ того, что онъ же нѣкогда обличалъ съ такою страстью и силою. Его палестинофильство—не спокойно продуманный идеаль, утвержденный безпристрастнымъ разсудочнымъ анализомъ, а вдохновенное чувство протеста, сильное, высокое, но слѣпое.

XI.

Три разсказа Леванды: «Шляхтянка», «Капитанша Кваловская» и «Бабушка и внучка» не подлежатъ нашему разбору. Это очень незначительные во всѣхъ отношеніяхъ очерки изъ польской жизни, не прибавляющіе ни одной новой черточки къ общей фizioноміи нашего бытописателя. Попытка Леванды бытописать *чужую*, а не родную среду, выразившаяся въ этихъ трехъ разсказахъ, должна быть признана совершенно неудачною: «Среди полей» и «Шляхтянка» не выдерживаютъ параллели даже съ наименѣе удачными произведеніями русскихъ писателей, относимыхъ обыкновенно къ категоріи третестепенныхъ.

Такимъ образомъ, мы рассмотрѣли всѣ известныя намъ беллетристическія вещи Леванды. Нораньше, чѣмъ положить перо, мы оглянемся на пройденный путь. По величинѣ дарованія Леванда не былъ *крутымъ* писателемъ. Какъ *художникъ*, авторъ «Горячаго времени», «Очерковъ прошлаго» и друг. величина только средняя. Живописная сторона даже лучшихъ его произведеній («Горячее время», «Очерки прошлаго», «Гнѣвъ и милость магната» и «Авраамъ Іозафовичъ») нигдѣ не подымается выше скромной талантливости. Леванда человекъ даровитый, съ легкимъ, хотя и не глубокимъ юморомъ, сумѣвшій живо и бойко изобразить нѣсколько довольно интересныхъ еврейскихъ фizioномій и нѣсколько «шляхетскихъ» героев. *Живо и бойко* мы подчеркиваемъ, потому что до степени *серьезныхъ*, художественно-беллетристическихъ обобщеній Леванда никогда не доходилъ. Для *такой* работы Левандѣ не доставало той творческой фантазіи, которая въ живой дѣйствительности умѣетъ подмѣчать типическіе рисунки, скрытыя *скамь*, такъ ска-

вать—основные принципы. Леванда обладаетъ воображеніемъ *воспроизводительнымъ*, воображеніемъ *памяти*, а художнику значительному, конечно, нужно еще, кромѣ того, *творческое, оригинальное* воображеніе. Леванда *помнитъ* все, что видитъ и видѣлъ когда нибудь, и умѣетъ все видѣнное и слышанное *воспроизводить* на бумагѣ. Для литературной даровитости этого, пожалуй, и достаточно.

Уловить, занюхать и воспроизвести — такова несложная психологія творчества всякаго скромнаго бытописателя, всякаго скромнаго беллетристическаго этнографа. И если смотрѣть на Леванду именно какъ на бытописателя, то нельзя не признать его однимъ изъ виднѣйшихъ представителей русско-еврейскаго печатнаго слова. Въ качествѣ этнографа, Леванда владѣетъ достаточно *изобразительными* средствами: въ указанныхъ лучшихъ произведеніяхъ и даже въ наиболѣе слабыхъ, какъ, напр., въ «Депю бакалейныхъ товаровъ», «Самуилъ Гимпельсъ», «Исповѣди дѣльца», «Большомъ ремязѣ» и др., бытовая сторона еврейской жизни отразилась съ большою отчетливостью. Это превосходнѣйшій матеріалъ, который для историка и публициста полонъ величайшаго интереса и значенія, — тѣмъ болѣе полонъ интереса и значенія, что то тутъ, то тамъ онъ разработанъ Левандою живо, бойко, талантливо. Отсутствие *творческаго* вымысла, низводящее беллетристическія достоинства этихъ произведеній до степени совершенно заурядныхъ, въ глазахъ человѣка, интересующагося одними *фактами*, обстоятельство не очень важное. Леванда — *этнографъ*, Леванда — *бытописатель* — явленіе очень крупное въ нашей русско-еврейской литературѣ, достойное серьезнаго изученія. Но быть хорошимъ и даже превосходнымъ этнографомъ, конечно, не то же, что быть значительнымъ *художникомъ*.

Мы не будемъ въ этой статьѣ говорить о причинахъ, не дозволяющихъ развиваться среди насъ *выдающимся* литературнымъ дарованіемъ, крупнымъ беллетристическимъ, или поэтическимъ талантамъ, но фактъ остается фактомъ Безотрадно и обидно, конечно, для нашего самолюбія сознаться, что русское еврейство не дало еще до сихъ поръ ни одной по-истинѣ замѣчательной художественной величины, имѣющей право на вниманіе большой публики, безразлично—еврейской или русской. Но, увы! это такъ. Осипъ Ра-

бивовичъ, Леванда, Богровъ и новѣйшіе наши бытописатели, если присмотрѣться къ нимъ поближе, если приблизить къ нимъ серьезный критическій масштабъ, оказываются, увы! писателями очень скромными. Большого художника, съ мощною творческою энергіею, съ яркими красками, съ широкимъ умственнымъ полетомъ, нѣтъ пока среди насъ—этого не слѣдуетъ скрывать. Мы не скажемъ: вотъ Леванда—нашъ лучшій писатель, воплотившій въ своихъ произведеніяхъ трагизмъ русско-еврейской жизни, давшій *типическое, характерное* выраженіе всѣмъ нашимъ безплоднымъ и тщетнымъ порывамъ къ свѣту, правдѣ и справедливости. Мы не скажемъ этого, потому что это значило бы быть несправедливымъ къ себѣ самому. Та потрясающая, возвышенная картина страданій, безсильной и отчаянной борьбы съ чужою несправедливостію и чужими предразсудками и вѣчныхъ стремленій впередъ, которая должна раскрыться предъ глазами человѣка, задумавшаго живописать еврейскую дѣйствительность, отсутствуетъ въ произведеніяхъ нашихъ расказчиковъ и беллетристовъ. Есть *намекы*, есть *старанія*, но нѣтъ настоящаго художественнаго негатива, въ которомъ все сущее въ насъ и среди насъ было бы сгущено въ нѣчто цѣльное и характерное. Конечно, указываемое явленіе имѣетъ свои причины, отчасти внутреннія, отчасти ввѣшнія, но мы объ этихъ причинахъ поговоримъ въ особой статьѣ, послѣ того, какъ доведено будетъ до конца предполагаемое нами обзорѣніе всѣхъ вообще еврейскихъ бытописателей (О. Рабиновичъ, Богровъ, Бенъ-Ами, С. Ярошевскій и др.).

Но отнимая у нашихъ бытописателей право на серьезную художественную квалификацію, мы не умалимъ ихъ значенія въ качествѣ выразителей еврейскаго общественнаго мнѣнія, въ качествѣ проповѣдниковъ прогрессивныхъ идеаловъ. Кто станетъ оспаривать заслуги Манлія въ виду Капитолія? Кто, знающій ходъ нашей жизни за послѣднія тридцать лѣтъ, станетъ утверждать, что Леванда не былъ смѣлымъ, горячимъ и способнымъ глашатаемъ просвѣщенія, религіозной свободы и гражданскаго мужества? Леванда началъ свою литературную карьеру протестомъ и кончилъ протестомъ. Въ своихъ извѣстныхъ корреспонденціяхъ, въ «Депю бакалейныхъ товаровъ» и другихъ произведеніяхъ Леванда громилъ еврейскую косность, еврейскій фанатизмъ, смѣло и громко приглашая все русское еврейство на путь свободы, просвѣщенія и ре-

формъ. И этотъ протестантскій кличъ, надо сознаться, не вопиаль въ пустынь. Леванда въ сравнительно короткое время занялъ самое видное мѣсто среди дѣятелей еврейской печати. Каждое его произведеніе возбуждало всегда всеобщее любопытство. Всѣ русско-еврейскія общественныя движенія имѣли въ Левандѣ свой центръ, къ которому устремлено было до послѣдней минуты всеобщее сочувственное вниманіе. Когда подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій среди русскихъ евреевъ возникло эмиграціонное движеніе, Леванда опять разразился протестомъ противъ тѣхъ, которые не переставали вѣрить, что тьма смѣнится свѣтомъ, и потому относились къ эмиграціи безъ всякаго энтузіазма. Это былъ второй и послѣдній протестъ нашего писателя. Леванда началъ борцомъ за просвѣщеніе, за русскую гражданственность, и кончилъ вдохновеннымъ палестинофиломъ, горячимъ ораторомъ на тему «возрожденія» несчастнаго еврейства. Въ трезвомъ по преимуществу умѣ Леванды блеснула, почти на закатѣ жизни, мысль очень смѣлая, очень возвышенная, но обращенная къ далекому, очень далекому будущему. Явленіе въ высшей степени любопытное и объяснимое только въ связи съ особымъ душевнымъ складомъ нашего бытописателя. Чтобы оцѣнить палестинофильскую дѣятельность Леванды, намъ слѣдовало бы обратиться къ публицистическимъ его работамъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ, разсѣяннымъ по разнымъ русско-еврейскимъ изданіямъ. Но мы предпочитаемъ сдѣлать это въ другое время и опять-таки въ особой статьѣ, посвященной публицистической дѣятельности Леванды, развивавшейся параллельно съ его беллетристическою.

А пока довольно.

А. Волинскій.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФИШКА ХРОМОЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ С. М. АБРАМОВИЧА.

(Окончаніе) ¹.

Вотъ разсказъ Финки о своей любви:

Къ чему мнѣ скрывать отъ васъ,—сказалъ Финка,—я такъ-началъ крѣпко ее любить въ душѣ изъ жалости. Меня какъ-бы тянуло къ ней, мнѣ какъ будто прибавлялось жизни, когда, бывало, сживалъ съ нею. Что такое, спросите? Ничего, такъ себѣ! Бывало, бесѣдовалъ съ нею, или молча глядѣли другъ на друга. „Доброта вылита была у нея на лицо. Когда она глядѣла на меня, то это былъ взглядъ преданной сестры на несчастнаго брата въ минуту его горя и печали. Когда отъ сочувствія моея бѣдѣ у нея показались слезы на глазахъ, мнѣ дѣлалось какъ-то особенно хорошо, теплота разливалась по всему тѣлу. Мнѣ какъ-то казалось, казалось... самъ не знаю что такое. Меня какъ будто жгло внутри, захватывало за душу. «Финка, ты не одинокъ болѣе въ мірѣ, ты не безпріютный болѣе какъ камень»,—и глаза мои орошаются горячими слезами.

По поводу этого разсказа Менделе разсуждаетъ на слѣдующую тему:

Еще давно я думалъ про себя: о, Господи, что это такое быть влюбленнымъ? Я что-то слышалъ, что случается такое, но что это такое,—этого мой умъ не разбереть. У насъ обыкновенно говорили про такіа дѣла, что это какое-то навожденіе, какое-то колдовство. Для этого, полагали, существуетъ какаа-то бутылочка съ чѣмъ-то, какаа-то травка старой бабы-колдуньи. А то, что старыя колдуньи готовы на шутку, доставить мужа на кочергѣ,—это же ясно, какъ Божій день. На это существуетъ множество свидѣтелей: благочестивыя еврейки и пожимые, честные евреи съ бородами... Любовь у насъ означало какую-то болѣзнь, какъ лихорадка, напиримѣрь, засѣвшій чортъ, меланхолія, эпилепсія, для излеченія которыхъ существуетъ или бааль-шемъ, или татаринъ. При разговорѣ о любви обыкновенно семь разъ отплеиваются и, берясь за вѣки, изображаютъ искривленную на благочестивый ладъ физиономію, говоря: «не про насъ будь сказано, не про еврейскихъ ребятъ, сохрани Господи!» Точно также считалось какъ-бы

¹ См. „Восходъ“, кн. I.—II 1889 г.

исполненіемъ заповѣди саркастически посямѣваться надъ влюбленными, все равно что надъ сумасшедшими. Но эта болѣзнь, я помню, когда она вышла мѣсто, то не иначе какъ у знатныхъ богачей, или у совершенно нищихъ людей. У среднего класса людей даже не знали, что за вкусъ въ любви. Это же въ самомъ дѣлѣ—просто чудо. Я всегда задавалъ себѣ вопросъ: «отчего же это такъ?», «что это такое?» Должна же быть какая нибудь тому причина. Объясненіе старую колдуньей—глупости, какъ и объясненіе бутылочкой. Я никогда не могъ удовлетвориться такими объясненіями, хотя евреи считали, что это съ моей стороны пахнетъ вольнодумствомъ. Какъ можно не вѣрить въ волшебство, въ татарина и въ дьявола? Я все-таки искалъ причины и, кажется, нашелъ ее. Знатнѣе богачамъ на свѣтѣ слишкомъ хорошо, они все видѣютъ, ѣдятъ, пьютъ все дорогое, все лучшее, безъ работы, безъ головокруженія, — имъ недостаетъ развѣ лихорадки. Вотъ почему у нихъ въ головѣ любовь и ея радости, серьезно или въ видѣ игрушки. Это ихъ секретъ. Съ другой стороны, совершенно нищіе люди, — имъ вѣдь тоже по своему хорошо. Они ничего не видѣютъ, могутъ рисковать развѣ одною лихорадкой, столуются у міра, безъ всякой заботливости, на всемъ готовомъ. Стѣдъ— въ сторону. Вотъ почему и имъ въ головѣ глѣзутъ такіе вещи. Постоянная ухаживание и свадьбы обыкновенно бывають или у богачей, или у нищихъ. Весь остальной людъ среднего класса постоянно озабоченъ, голова постоянно работаетъ о добываніи куска хлѣба, у него первая степень мудрости — дѣло. Все у него дѣло. Женитьба — тоже дѣло. Онъ приторговываетъ себѣ жену, прежде хорошенько поторгуется о цѣнѣ, о приданомъ, о всякой малѣйшей подробноти. Все разсчитано: и штраймеле, и субботній кафтанъ, — все это помѣщается въ условіяхъ. Если договоръ исполняется какъ условлено, то, пожалуйста, невѣсточка, подъ балдахинъ вѣстѣ со сватомъ, скomorохомъ и со всею священною челядью, которымъ тоже достается немалая толка отъ этого дѣла. Будь женою, рожай дѣтей, работай и продавай вѣстѣ со мною до 120 лѣтъ, если тебѣ хочется жить и не умереть преждевременно. Красива-ли ты, нѣтъ-ли, умна или глупа, это твое дѣло; для меня все равно: женщина — женщина. Мы не помѣщички, чтобы приглядѣться къ такимъ вещамъ. Мы — евреи, купцы, маклера, лавочники, занятые своею профессіей. Очень много есть моей категоріи евреевъ, которые почти не разговаривають, не сидятъ у одного стола и съ женами, мало на нихъ обращають вниманія, а между тѣмъ, — все какъ слѣдуетъ быть: обѣ стороны весьма довольны, и когда заходитъ иной разъ рѣчь, они желаютъ, чтобы такую жизнь вели всѣ добрые люди и ихъ дѣти. Если у кого умираетъ жена, онъ ее хоронитъ, сидитъ по ней семь траурныхъ дней, все, какъ слѣдуетъ по еврейскому обряду, и тотчасъ же приторговываетъ себѣ другую, еще до истеченія 30 дней, точно также, какъ и третью, четвертую, пятую... до старухи, которую онъ беретъ подъ конецъ, на старости лѣтъ, подъ тѣмъ обыкновенно предлогомъ, что собирается съ нею уѣхать въ Палестину. Вся свадьба у евреевъ имѣетъ значеніе исполненія заповѣди, какъ Богъ велѣлъ. — Такимъ же образомъ, ѣда еврея въ субботній день — это не то, чтобы жрать ради жранныя, потому что грѣшнѣе чловѣкъ ѣсть, — нѣтъ: это значитъ — исполнить заповѣдь о трехъ застольныхъ пирушкахъ. Точно также рюмка вина при пасхальномъ обрядѣ, — развѣ еврей выпиваетъ ее такъ грубо, просто потому, что

немножко вина развеселяет духъ и послѣ пасхальныхъ дѣлъ доставляетъ истинное наслажденіе? Боже упаси! Онъ при этомъ строить благочестивую рожду и говорить: «и вотъ я готовъ на распахку исполнить заповѣдь о бокалахъ: первомъ, второмъ, третьемъ и четвертомъ... Нашъ братъ ѣсть, пить, вступаетъ въ бракъ—все ради Единого, Священнаго, да благословенъ Онъ будетъ, и ради Его сіяющей короны». Но все это не будь сказано про Фижку. Въ его плачевномъ положеніи горбатенькая дѣвушка была для него счастьемъ, утѣшеніемъ, жизнью и всѣмъ на свѣтѣ. Когда тонуть, то ухватываются за соломенку. Что же за диво, что Фижка ухватился за горбатенькую всѣмъ своимъ тѣломъ и душой и горячо въ нее влюбился? Когда человѣка захватываетъ любовь, то сердце начинаетъ вадрогивать и говорить на одномъ и томъ же языкѣ увсѣхъ людей. Языкъ сердца — языкъ мала и велика, языкъ умнаго и неуча, — что же удивительнаго въ томъ, что сердце Фижки вышло въ такіа горячія чувства, заговорило чистымъ человѣческимъ языкомъ? Именно поэтому его слова меня растрогали какъ скрипка, которая говоритъ душѣ заунывными звуками. Никакіе проповѣдники, никакіе моралисты, виѣсть ваятне, никогда не въ состояніи были сдѣлать меня чувствительнымъ, мягкимъ и добрымъ, какимъ я дѣлаюсь при вздохѣ угнетенной души, или при игрѣ меланхолической скрипки...

Въ особенности сильно сдѣлалось сближеніе между Фижкой и горбатенькой, когда конница заѣхала въ гекдешъ. Что такое еврейскій гекдешъ—очень трудно опредѣлить. Если читатель желаетъ имѣть ясное понятіе объ этомъ благотворительномъ учрежденіи, совѣтуемъ ему прочесть описаніе гекдеша г. Абрамовича. Это описаніе дастъ ему самое вѣрное представленіе о предметѣ, которое больше не будетъ нуждаться въ опредѣленіяхъ.

Разъ мы пришли въ какой-то городокъ и заѣхали, по обыкновенію, въ нашу гостиницу въ *Гекдешъ*. Говорю вамъ, еврею, я въ свою жизнь уже посмотрѣлся довольно гекдешовъ и хорошо знаю, что это значить; всѣ они золото противъ гекдеша того городка. Когда я вспоминаю о немъ, то еще теперь начинается чесаться у меня все тѣло. Въ цѣломъ, гекдешъ былъ похожъ на старую, престарую корчку, наружу съ несовсѣмъ ровными, искривленными стѣнами, съ какою-то крышею, похожею на смятую шляпу, спереди приподнятую, а сзади опущенную низко, почти до самой земли. Ясно было, что гекдешъ—неровень чась—упадетъ въ обморокъ, имѣетъ наклонность рухнуть и превратиться въ груды мусора и щебня; но городское населеніе, вымолило его существованіе у Господа Бога, подперевъ его дручками и упросивъ его держаться въ этомъ видѣ и далѣе, до 120 лѣтъ. Черезъ нѣчто, похожее на ворота мы заѣхали въ большое подворье съ разстановившимся, дѣрвыми стѣнами, чрезъ которыя прокрадывалось немного свѣта. Все оно было изрыто ямами, мѣстами стояли лужи, зацвѣснѣвѣлыя, полныя помоевъ и т. п. вещей, образовавшіяся отъ дождя, протекавшаго чрезъ гнилую соломенную крышу, похожую на рѣшето. Всюду валялась старая, гнилая солома, смѣшанная съ разнаго рода тряпьемъ. Разорванныя

торбы, куски рогожь, покоробившіеся верхи банмаковъ, старыя подошвы, выкрученные каблучки съ заржавѣвшими гвоздями, черенки, сломанные обручи, спица отъ колесъ, волосы, кожи, прутья и т. п. предметы,—все это вѣстѣ, согрѣваясь и прѣя, издавало замѣчательно ароматный запахъ. Съ лѣвой стороны сердито отворялись засаленныя двери въ комнату съ маленькими, узкими, нехорошо прилаженными окнами. Часть оконъ разбита и залеплена сахарной бумагой, или же заткнута тряпками, другая часть крѣпко-на-крѣпко загрязнена, а углы покрыты толстымъ слоемъ пѣсени. Рядомъ стекла отъ ветхости перелопачены желто-зеленоватымъ, лоснящимся отблескомъ, рѣжущимъ глаза, какъ рѣжетъ ухо скобленье по стеклу. Вокругъ облупленныхъ стѣнъ и вдоль большой печи тянутся досчатые лавки, опирающіяся на деревянные подставки. Выше немного надъ лавками въ стѣны вбиты большіе и малые клинья. Съ чернаго потолка внизъ опускаются бичевки съ петлями, на концахъ которыхъ держится длинный шестъ. Клинья и шестъ обвѣшаны грязными кафтанами и платьями, всякаго рода вещами и торбами нищихъ, прѣзжающихъ туда въ «будахъ» или пробирающихся туда шѣшкомъ, старъ и младъ, мужчины и женщины,—всѣ омиѣстѣ. Гекдешъ, кромѣ того, еще и больница. Тамъ смертный одр всѣхъ больныхъ изъ низшаго сорта городскихъ нищихъ. Цирюльничъ дѣлаетъ все, что только возможно: ставитъ банки, пьиваетъ кровь, выдѣживая ее у нищихъ на общественный счетъ, пока они Богу душу отдадутъ. Гекдешо-содельатель, онъ же и городской погребальщикъ, тотчасъ же ихъ и хоронитъ безвозмездно. Онъ тамъ же живетъ въ какомъ-то невыразимомъ помѣщеніи. Кромѣ того, что онъ состоитъ гекдешманомъ, погребальщикомъ, служителемъ погребальнаго братства, надирителемъ больницы, онъ играетъ въ Пурии роль королевы Вапти или паяца, представляетъ въ праздникъ Симхасъ-Тору—роль медвѣдя въ вывернутой шубѣ, роль распорядителя на пирушкахъ, фокусника и маршалка на всѣхъ свадьбахъ и обрядахъ обрѣзанія,—кромѣ всего этого, у него еще есть дѣло—производство салныхъ свѣчей: всѣ горожане и молитвенныя школы заказываютъ свѣчи у него на заводѣ. Въ гекдешскомъ подворьѣ, когда заводъ пущенъ въ ходъ, распространяется заразительная вонь кругомъ далеко, далеко...

Въ этомъ-то гекдешѣ ишло шѣсто событіе, которое вызвано было придиричностью рыжого къ горбатенькой. Оно оказало сильное впечатлѣніе на Фяшку, и онъ волюгѣ отдался своему невоинному чувству. Впрочемъ, пусть лучше самъ Фяшка расскажетъ, какъ было дѣло.

Я отправился въ сѣни, чтобы тамъ кое-какъ провести ночь. На дворѣ было страшно темно. Холодный, сильный вѣтеръ бушевалъ и вилъ, какъ голодный волкъ, продувалъ и свистѣлъ черезъ щели стѣнъ. Куски соломы слетали съ крыши и прыгали вѣстѣ съ другими вещами въ сѣняхъ на подобіе дьяволовъ. По временамъ, черезъ отверстіе крыши попадали и крупныя капли дождя. Я заснулъ въ уголъ и легъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, дрожа отъ холода. Ай, баня, баня, охаль я, гдѣ-бы взять свою баню? Тамъ вѣдь былъ сушій рай, тепло и привольно. Какъ счастливъ я бывалъ въ этомъ раю. Что мнѣ недоставало тамъ? Мнѣ было такъ хорошо, такъ славно, какъ — вдругъ чортъ занесъ жод

жену, чтобы ради нея я был изгнанъ изъ рая и натася по бѣлу свѣту. Только на бѣду созданы женщины, только на бѣду: въ чему онъ? Что за козья отъ нихъ? Ничего добраго! Но тутъ же я вспомнилъ горбатенькую дѣвушку и стыжусь самого себя. Какъ, она вѣдь добрая, невинная душа, быть съ нею вѣтѣй—просто наслажденіе, съ нею дѣлается какъ-то легко, хорошо и весело на душѣ. Пусть погибнуть тысячи банъ за одинъ ея мигинецъ. Отъ одного взгляда ея телота проходить по всѣмъ жиламъ. Стѣдись, Финка, выговариваю я самъ себя, не грѣши своею рѣчью, женщины придають жизнь и здорovie, женщины могутъ доставить счастье и адъ превратить въ рай. Эти сладкія мечты заставили меня забыть все мое горе. Уголокъ, въ который я забился, уже показался мнѣ совсѣмъ уютнымъ, и мнѣ уже болѣе не было холодно. Я начинаю шептать молитву, глаза начинаютъ смыкаться и дремота меня одолеваетъ. Вдругъ разбудилъ меня ужасный крикъ.

— Посмотрите-ка на эту мерзкую душонку!—кто-то крикнулъ возлѣ дверей, ведущихъ изъ комнаты, и оттуда выигъ шлепнулось какое-то тѣло, которое какъ камень стукнулось о землю.—Посмотрите-ка на эту штучку, тоже человѣкъ, важность какая—графиня Потоцкая! А въ сѣняхъ мало тебѣ лежать, засаленная графиня?

Я узналъ голосъ байструка—болячка ему на голову! Онъ еще немного продолжалъ ругаться графиней Потоцкой, потомъ умолокъ и захлопнулъ дверями.

Луна выглянула вдругъ изъ разорванныхъ тучъ и черезъ отверстія крыши лунами своими освѣтила человѣческую фигуру, которая лежала тихо, комкомъ, безъ всякаго движенія. Я бросился, чтобы взглянуть—кто эта штучка, графиня Потоцкая. Смотрю—будто громомъ пораженъ. У меня потемнѣло въ глазахъ, и я почувствовалъ головокруженіе какъ отъ первыхъ паровъ на верхней лавкѣ. Горбатенькая моя лежитъ распростертая навзничъ. Я берусь приводить ее въ чувство, и когда Богъ помогъ и она пришла въ себя, я ее схватилъ на руки нечеловѣческой силой, какову употребляють въ Глуцкѣ на большомъ пошарѣ, и быстро перенесъ ее въ мой уголокъ. Я могу поклясться, что въ эту минуту я шелъ ровно какъ всѣ прочіе люди, и ни разу не хромалъ. Она мало-по-малу открывала глаза и тихо вздохнула. Отъ радости я думалъ, что весь міръ къ моимъ услугамъ. Мнѣ было на душѣ какъ тому сказочному нищему, что вдругъ очутился въ дорогихъ хоромахъ и, развалившись на чудномъ креслѣ, бѣстудуетъ вдоволь съ цесаревною. Я быстро сбросилъ съ себя свой кафтанъ и укрылъ имъ свою цесаревну, которая вся, бѣдная, дрожала отъ холода.

— Ой, — вздохнула моя горбатенькая, вытирая глаза и оглядываясь, будто желая узнать, гдѣ она находится.

— Что ты такъ смотришь?—спрашиваю я ее.—Это я, Финка. Слава Богу за то, что ты осталась жива.

— Охъ, горе мнѣ!—сказала она съ глубокимъ вздохомъ.—На что мнѣ жизнь? Чѣмъ такая жизнь, уже лучше смерть. Богъ вѣдь добръ и милосердъ, въ чему же онъ создаетъ такихъ, какъ я, только для того, чтобы всю жизнь провести въ тяжкихъ мукахъ,

— Дурочка ты такая,—говорю я ей,—Господь Богъ знаетъ, что дѣлаетъ:

ѣроятно же, ему нужно, чтобы такіа, какъ ты, жили на бѣломъ свѣтѣ. Богъ—это отецъ, онъ видитъ, слышитъ и знаетъ все. Ты думаешь, дурочка, что онъ не знаетъ нашего горя? Богъ знаетъ все—не думай. Его луна, смотри-ка, глядитъ съ неба даже сюда, въ эти сѣни. Не грѣши, дурочка, не грѣши!

Она устала на меня пару пламенныхъ глазъ, въ которыхъ стояли крупныя капли слезъ и отражалось матовое сіяніе луны. Я никогда не забуду того взгляда, который она тогда устремила на меня.

На другой день утромъ, когда я проснулся, я увидѣлъ, какъ горбатенькая лежала въ уголѣ, закутавшись въ мой кафтанъ. Она спала тихо, какъ птичка. Лицо ея было блѣдно и запечатлѣно ангельскою добротой и мягкимъ добродушіемъ. Губы по временамъ вздрагивали, какъ будто готовясь для молитвы. Она похожа была на просящую о жалости: «не мучите меня, что я вамъ такое сдѣлала, зачѣмъ вы ко мнѣ пристааете, не сокрушайте моей жизни. Что я вамъ сдѣлала такое; скажите, что такое?»—Казалось, что мольба ея разрушаетъ мое сердце. Въ глазахъ моихъ показались слезы, и я зарыдавъ.

Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній Фиски и горбатенькой слѣдуетъ привести сцену въ молитвенной школѣ при раздачѣ субботнихъ ярлыковъ.

На другой день, въ пятницу, въ городской синагогѣ было ужасно тѣсно отъ нищихъ, которые столпились кругомъ синагогальнаго служки. Каждый хотѣлъ быть первымъ, получить лучшій ярлыкъ на субботнюю трапезу къ богачу или къ зажиточному домохозяину, приготовляющему на субботу жирный кусокъ. Выше всѣхъ считался ярлыкъ къ содержателю коробочнаго сбора. Ниже всѣхъ стоялъ ярлыкъ къ общественнымъ трупамъ, потому что они сами любятъ поѣсть, а чужому отъ нихъ достаются однѣ „болячки“. Общественные радѣтели то и дѣлаютъ, что валькаютъ объ участи бѣдняковъ, но пищу они даютъ имъ на кончикѣ ножа, лишь бы смазать губы. Нищіе считаютъ за несчастье поласать къ нимъ на субботу и набѣгаютъ ихъ хуже чумы. Если кому нибудь изъ нищихъ достается такой ярлычокъ, то другіе смотрятъ надъ нимъ какъ будто проигралъ въ дурачки. Синагогальный служка былъ очень сердитъ; онъ кричалъ, что въ эту пятницу нищихъ болѣе чѣмъ когда-либо. «Нищіе,—кричалъ онъ,—почему вы какъ саранча напали сегодня на нашъ городъ. Нельзя выдержать, некуда васъ дѣвать, наказаніе Божіе, напасты!» Онъ кричитъ, сердится, а нищіе продолжаютъ свое, толкуются, не обращая на него никакого вниманія. Въ одинъ голосъ слышатся со всѣхъ сторонъ крики: «миѣ, дайте миѣ, миѣ»; каждый суетъ служкѣ въ руки нѣсколько грошей, а служка—что ему, бѣдному, дѣлать—принимаетъ, сердится и раздаетъ ярлычки. Я съ горбатенькою стояли вдвоемъ, въ сторонкѣ. Во первыхъ, мы такіе не были въ состояніи протолкнуться и, во вторыхъ, не имѣли столько наглости толкаться впередъ, промежду нашихъ львовъ, аристократовъ, лихихъ молодцовъ. Всюду есть львы, аристократы, даже въ средѣ нищихъ. Нищіе-аристократы еще въ 1000 разъ хуже богатыхъ аристократовъ. Ранній байстрюкъ этотъ, конечно, былъ вездѣ одинъ изъ первыхъ. Онъ готчасъ получилъ два лучшихъ ярлыка для себя и для моей жены. Ей даже не прихо-

дилось толкаться. Онъ указалъ на нее служкѣ издали: «взгляните, прошу васъ, вотъ, вотъ стоитъ она, моя бѣдная слѣпущая!» Когда толпа разошлась, бросилась по городу, каждый съ своимъ ярмакомъ къ своему патрону, а и моя горбатенькая подошла, на божью волю, къ служкѣ и попросила также ярмаковъ. Онъ взглянулъ на насъ и, какъ-то кисло-сладко улыбнувшись, ничего не отвѣтилъ. «Сжальтесь—говорю я ему,—надъ двумя душами, бѣдными калѣбками. Цѣлую недѣлю намъ не достается ни ложки горячаго кушанья». — «Нѣтъ болѣе ярмаковъ—отвѣчаетъ служка,—вы же видѣли, что тутъ только-что дѣлалось. Уже некуда посылать». — «Вотъ вамъ,—говорю я, и всовываю служкѣ въ руку пятачокъ,—возьмите, прошу васъ, да сжальтесь надъ нами и доставьте намъ удовольствіе поѣсть, сдѣлайте доброе дѣло». — «Послушай-ка—говоритъ служка уже помняче, «твоихъ денегъ мнѣ не нужно, одинъ ярмакъ еще остался, и я могу его предоставить одному изъ васъ. Если хотите, бросьте между собою жребій». — «Дайте ей, ей дайте», прошу я и указываю на горбатую. — «Ему дайте, ему», проситъ горбатенькая и указываетъ на меня. «Нѣтъ, нѣтъ, а этого ярмака ни за что не возьму».

Порядочно времени шло на упрямиванье. Каждый изъ насъ другъ друга убѣждалъ взять ярмакъ и каждый изъ насъ отказывался подѣлитъ, что ни за что не возьметъ. Служкѣ это какъ-то повпоровилось. Подождавъ бороду, онъ весело на насъ поглядывалъ. «Знаете что,—сказалъ онъ,—послѣ вечерней оставайтесь въ передней, у дверей. Когда народъ станетъ выходить изъ школы, то, вѣроятно, найдутся такіе люди, которые не откажутся взять васъ къ себѣ на субботу. Я также за васъ попрошу».

Такъ и было. Послѣ молитвы, когда народъ началъ расходиться изъ школы, служка обратился къ двумъ хозяевамъ въ передней и, указывая на насъ, просилъ пригласить насъ въ гости на субботу. «Мнѣ уже, право, не хватило духа,—оправдывался онъ,—къ вамъ сегодня направлять ярмаки. Я не миную васъ ни одной недѣли. Но если ваша добрая воля есть на это, то возьмите вотъ этихъ бѣдняковъ».

— Охъ, вскричали оба.—Какой еврей откажется отъ гостя на субботній день! Одинъ день остается на цѣлую недѣлю, когда еврея можно передохнуть, почему же еврей въ этотъ священный день не доставитъ удовольствія несчастному бѣдняку и не дѣлится тѣмъ, чѣмъ Богъ его одарилъ. Мы просимъ васъ, служка,—каждую недѣлю, каждую недѣлю, не забывать насъ.

Въ эту-то ночь, возвратившись послѣ субботняго ужина въ гекдещъ Финка и горбатенькая позволяли себѣ, въ уединенномъ мѣстѣ расположившись на травѣ, помечтать о выходѣ изъ этого положенія. Не стану передавать подробностей, какъ они въ это время подѣлтели, что рыжій забирается въ какой-то погребъ съ цѣлью совершить кражу, какъ Финка, подстергая минуту, когда рыжій спустится внизъ, успѣлъ залопнуть двери, но не успѣлъ снаружи навѣсить замокъ, чтобы загородить рыжему выходъ и подвергнуть его риску быть захваченнымъ какъ воръ;

какъ рыжій, однако, предупредилъ этотъ шагъ со стороны Фишки, накрылъ его на мѣстѣ и влилъ на него и горбатенькую всю желчь свою. Все происшедшее въ эту ночь только обострило враждебныя отношенія между Фишкой и рыжикъ. Фишка былъ приговоренъ конницей первый день объѣздить городъ съ приставленнымъ отъ команды стражникомъ, собирать какъ слѣдуетъ милостыню и выручку отдавать сплона въ кассу конницы. Здѣсь пощады не было никакой: малѣйшее унущеніе вызывало открытое преслѣдованіе и жестокое насиліе. Фишка началъ подумывать о разводѣ съ женою, чтобы освободиться отъ брачныхъ узъ и сдѣлаться свободнымъ для горбатенькой, съ которою серьезно думалъ вступить въ бракъ, скрывшись отъ конницы. Онъ какъ будто бы успѣлъ склонить на это свою супружницу, — и вотъ онъ въ одинъ прекрасный день получилъ разрѣшеніе отправиться по городу за милостынею. Онъ какъ-то очутился на обрядѣ обрѣзанія, гдѣ подерживалъ свои силы благодаря щедрости домохозяина, и даже получилъ на прощаніе сдобную булочку. Этотъ лакомый кусокъ Фишка рѣшилъ припрятать для своей горбатенькой; при всѣхъ лишеніяхъ, которымъ она подвергалась, эта булочка доставила бы ей большое наслажденіе. Онъ заранѣе радовался этой мысли и былъ на верху счастья, воображая какъ это ей пріятно будетъ получить изъ рукъ его новую, рѣдкую въ лѣтоислахъ конницы вещь. Но каково было его удивленіе, когда, возвратившись въ гекденъ, онъ не нашелъ тамъ и слѣдовъ конницы. Негадая Файвшка, рыжій, устроилъ нарочно внезапный отъѣздъ конницы, чтобы совершенно разстроить всѣ планы Фишки, о которыхъ онъ, повидимому, пронюхалъ. Фишка былъ въ отчаяніи. Куда ему, несчастному хромому, дотянуть конницу. Онъ тысячу разъ прикладывалъ къ губамъ сдобную булочку, которую онъ лелѣялъ, какъ дорогое воспоминаніе о своихъ отношеніяхъ къ горбатенькой. Оплакивая ея горькую участь, Фишка долженъ былъ на что нибудь рѣшиться. Онъ предпринялъ пѣшее хожденіе по одесскому тракту и чрезъ короткое время очутился въ Одессѣ. Фишка былъ пораженъ этимъ городомъ, который никакъ не былъ похожъ на города западнаго края. Онъ долго не могъ ориентироваться въ немъ и не зналъ даже, какъ въ этомъ городѣ слѣдуетъ нищенствовать. Контрастъ Одессы съ городами западнаго края въ глазахъ Фишки очень мѣтко охарактеризованъ авторомъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

Первые два дня Одесса была для меня смертью. Я тамъ кружился одинокій, чуждѣй, не зная самъ куда дѣтись. Все для меня было новое и какъ-то дико-странно. Я тамъ не находилъ никакого гекдеша, какъ въ другякъ еврейскыя

городахъ. Домовъ, по которымъ можно ходить, также нѣту. У насъ въ еврейскихъ городахъ есть дома, которые такъ-могутъ называться домами: низенькіе, безъ штукъ, безъ хитрости, дверьми обращенные къ улицѣ. Одинъ толчокъ у дверей,—и ты уже въ комнатѣ. Тебѣ не нужно никакихъ церемоній, предъ тобою все хозяйство, какъ на ладони, все, что нужно для ѣды или для сна. Нужно-ли тебѣ немного воды, вотъ она; нуженъ-ли тебѣ ушатъ,—онъ здѣсь, умой себѣ руки и напечатывай молитву сколько дуешь твоей угодно. Вотъ хозяйня, хозяйка, всѣ домохадцы, скажи: «помоги, Боже!», протяни руку,—и ты получаешь свою милостыню, поцѣлуй «мезузу» и ступай дальше. Кромѣ того, такъ снаружи уже узнать еврейскій домъ: кучка сору, окна, стѣны, крыша, рывна,— всѣ они кричатъ, что это еврейскій домъ. По самому запаху ты узнаешь, что тутъ живетъ еврей. Въ Одессѣ же, не дай Господи, всѣ дома какъ-то дики и безобразно высоки. Ходь обыкновенно чрезъ ворота въ дворъ, а тамъ полѣзай на лѣстницу и нищи дверей. Если ты уже нашелъ дверь, то она совсѣмъ заперта, она совсѣмъ съ какими-то колокольчикомъ, съ цѣлыми украшеніями. Ты какъ-то падаешь духомъ, чувствуешь, что ты бѣденъ, приниженъ, на тебѣ лица нѣтъ, стоишь—немного какъ убитый, а потомъ придаешь себѣ духу, берешься съ большимъ уваженіемъ за колокольчикъ, но рука твоя дрожитъ; еле-еле потянешь, совсѣмъ что ничего, самъ какъ-то пугаешься того, что рѣшился потянуть, какъ будто ты кому нибудь нагрубилъ, или кого нибудь ругнулъ крѣпкими словами,— и сейчасъ убираешься вонъ. Если гдѣ нибудь попадешь уже на ходъ, на тебѣ нападаетъ кухарка или лакей, или оказывается, что живетъ тамъ не еврей. Что это значитъ? Ты удивляешься тому, что это за городъ, что это за дома, гдѣ-же наши нищѣ съ торбами? Я блуждалъ по улицамъ, хорошенько приглядываясь ко всему, можетъ быть, увижу кого нибудъ съ торбою, чтобы распросить его на счетъ того, какъ здѣсь ходятъ по домамъ. Но какъ на зло, я никого не встрѣчалъ. Но, обходя кругомъ, я замѣтилъ издали какого-то молодого человѣка, одѣтаго по нѣмецки, который шелъ, не зная дороги, смотреть на дома и бросается во всѣ стороны улицы. Эта особа, думаю я про себя, вѣрно не здѣшній, нужно идти за нею вслѣдъ и смотрѣть, что предпринимаетъ. Она входитъ во дворъ— я за нею. Она что-то разсмѣивается и поднимается на лѣстницу, нашъ братъ—туда же она входитъ въ какую-то переднюю, нашъ братъ становится съ той стороны у дверей. Проходитъ немного времени, выходитъ кто-то бритый, похожій на помѣщика, какъ видно—это хозяйня. Молодой человѣкъ вручаетъ ему какую-то книжку, которую онъ предварительно вытаскиваетъ изъ кармана, широкаго и длиннаго какъ торба. Бритый бросаетъ взглядъ на заглавный листъ и тотчасъ-же; возвращаетъ ее назадъ молодому человѣку и, дѣлая рожу, сердито кричитъ: «оставьте меня въ покоѣ съ вашими глупостями, мнѣ это совсѣмъ не нужно». Молодой человѣкъ спорить, хвалить себя сколько можетъ, говоритъ, что сдѣлалъ рѣдкую вещь, но не помогаетъ, со стыдомъ бѣдный выходитъ изъ передней. Онъ только успѣлъ показаться оттуда, а нашъ братъ—туда же, и просить милостыни. Я получаю тотчасъ нѣсколько копѣекъ и наскоро пробираюсь оттуда съ веселымъ сердцемъ. Теперь, думаю я, попалъ на надлежащую дорогу. Богъ посылаетъ глачу его левъ, шинкарю—его пиво, а бѣдняку—чужестранца-

путеводителя. Его не надобно спускать съ глазъ. Я иду вслѣдъ за нимъ, какъ теленокъ за коровой: гдѣ онъ, тамъ и я. Ему страшно не везетъ, вслуду ему, бѣдному, достается. Тутъ кричатъ: «не выдержатъ, какъ они теперь докучаютъ», а тамъ: «субирайтесь, пожалуйста, намъ этого добра совсѣмъ не нужно». Вънецъ дѣлу тотъ, что онъ уходитъ раздраженный съ пустыми руками, а мнѣ—чтобы только не сглазить—везетъ понемногу. Я беру грошъ, копѣйку, пятнадцатинный, сколько ни дадутъ. Что это,—удивляюсь я,—за такой нищій? Во всю жизнь свою мнѣ подобное не снилось. Какъ видно, здѣсь такой обычай—бѣдняки съ книжками, новомодные нищіе и еще одѣтые по нѣмецки! Дураки, къ чему просить съ книжками въ рукахъ и получить фигу,—не лучше-ли просто просить милостыни. Я придерживаюсь обычая своихъ предковъ—иду по домамъ просто, безъ штукъ, и поступаю гораздо лучше, чѣмъ другіе съ книжками. Но, какъ бы дѣло ни было, дураки-ли они или нѣтъ, я пока держусь крѣпко за нищаго съ книжками, тихохонько иду за нимъ вслѣдъ и стараюсь, чтобы онъ меня не замѣтилъ. Въ началѣ дѣло шло какъ слѣдуетъ, но потомъ онъ, очевидно, подмѣтилъ, что я тащусь за нимъ, и это ему не понравилось. Онъ часто началъ оглядываться, останавливаться и искать случая отъ меня избавиться. Я притворялся дурачкомъ, глядѣлъ будто въ сторону, какъ будто о немъ не думаю и иду себѣ своею дорогою. Въ душѣ же, однако, я думалъ: «нѣтъ, ты у меня не вывернешься, братецъ! Если ты не годишься никому и даже самому себѣ, то ты годишься для меня. Мудрецъ ты мой, ты очень хорошей учитель, чтобы научиться у тебя, какъ ходить по домамъ!» Подъ конецъ съ нами случилось слѣдующее у одного господина: онъ собирался обѣдать, и вдругъ подошелъ мой нищій съ книжками. Начинается бесѣда съ обѣихъ сторонъ. Одинъ желаетъ вкрутиться, другой—выкрутиться. Слово за слово, господинъ разсвирѣпѣлъ и, грубо провожая его до дверей, замѣтилъ меня, и отсылаетъ насъ обонхъ ко всѣмъ чертямъ. Этотъ товарищескій конецъ повелъ къ тому, чтобы мы ближе другъ друга узнали. Соседа съ лѣстницы, мой товарищъ началъ на меня поглядывать какъ-то сердито. Я оборачиваю голову назадъ, не зная что дѣлать. Я жду, чтобы онъ пошелъ впередъ, а онъ ждетъ, чтобы я раньше пошелъ. Мы стоимъ въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ, и обонхъ веловко. Мой товарищъ вдругъ задаетъ мнѣ вопросъ:—Что вамъ нужно, г. еврей?—Ничего, то же, что и вамъ!—То же, что и мнѣ?—воскликнулъ мой товарищъ, измѣривъ меня взглядомъ своимъ съ ногъ до головы.—Вы тоже мехаберъ (сочинитель?).—Я думалъ, что «мехаберъ»—это какое-то нѣмецкое слово и означаетъ то же, что у насъ на простомъ жаргонѣ «кабцанъ», его хаверь (товарищъ) по профессіи. Согласно съ этимъ, я ему тотчасъ отвѣтилъ по нѣмецки:—Да, мехаберъ.—Что вы такое сдѣлали?—онъ опять спрашиваетъ.—Я сдѣлалъ весьма порядочно,—отвѣтилъ я, думая про себя: про тебя будь сказано: я сдѣлалъ (собралъ) сорокъ грошей.—Какъ называется вашъ «хибуръ» (сочиненіе?),—онъ опять меня спрашиваетъ.—Опять по нѣмецки, я думал про себя: онъ, вѣрно, спрашиваетъ, какъ вы называетесь, кабцанъ, товарищъ мой?—«Фискалъ» отрѣзалъ я коротко да ясно.—А могу я удостоиться чести познакомиться съ Фискаломъ?—Онъ спрашиваетъ со сладкою улыбкою.—Охъ, съ большимъ удовольствіемъ, очень радъ буду,—говорю я ему, глядя на него дру-

жественно.—Ну, гдѣ же онъ, вапъ хибуръ? — Вотъ же я здѣсь предъ вами, на здоровье вапъ.—Ступайте ко всѣмъ чертамъ,—крикнувъ онъ на меня и убрался, сердясь не въ мѣру.

Черезъ короткое время я уже лучше познакомился съ Одессой. Я изучилъ всѣ улицы, переулки и закоулки, позналъ одесскій строй и уже зналъ, какъ и куда отворяется дверь. Одесса — это табакерка съ секретомъ, нужно только знать, гдѣ пружинка, на которую нужно ударить. Зная это, можно очень легко ее открывать и получить хорошую щепотку табачку. Предо мною открылся дѣлный источникъ домовъ—такихъ, которые подобаютъ нашему дѣлу и имѣютъ всѣ добрыя качества нашихъ домовъ. Нашихъ нищихъ я уже нашелъ, сколько душъ угодно, нищихъ лагеръ разнаго рода нищихъ: съ торбами и безъ оныхъ, такихъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ Одессы: іерусалимскихъ, турецкихъ и персидскихъ евреевъ, которые бормочутъ на древне-еврейскомъ языкѣ; стариковъ, нищихъ съ женами и безъ оныхъ, которые отправляются сложить кости въ Іерусалимъ и между тѣмъ кормятся въ Одессѣ, плодятся и живутъ на общественный счетъ; брошенныхъ женъ, нервноразстроенныхъ евреекъ и парализованныхъ евреевъ, прибѣгающихъ лечиться на лиманъ; старомодныхъ трутней, околичивающихся въ молитвенныхъ школахъ около простыхъ евреевъ, и трутней новаго покроя съ бритыми бородами, которые львуютъ къ бродскимъ евреямъ, проводятъ время въ кофейняхъ и трактирахъ; деликатныхъ обдираковъ, расфранченныхъ какъ богачи, такихъ, которые ровно ничего не имѣютъ, и такихъ, которые имѣютъ, кажется, дома, но все-таки крѣпко нуждающиеся, презрѣнные нищие. Сколько нищихъ я ни встрѣчалъ изъ нашего края, всѣ они не могутъ вдоволь нахвалиться Одессой, хотя я, ей-Богу, не понималъ, что за счастье они могли тамъ обрѣсть. Они старались мнѣ объяснить всю разницу между нищими нашего края и одесскими. У насъ обдиракъ сѣдлаетъ свой черстапъ кусочекъ хлѣба въ ушникъ и печале, а здѣсь, въ Одессѣ, онъ сѣдлаетъ такой же кусочекъ хлѣба, но при этомъ играетъ шарманка. Въ Одессѣ шарманка играетъ важную роль: на улицѣ—шарманка, въ домахъ—шарманка, въ трактирахъ—шарманка, въ циркахъ шарманка, въ синагогѣ, въ отличіе будь сказано, фш!—также шарманка. Всегда въ Одессѣ все кипитъ какъ въ котлѣ, шумъ, гамъ, все превращается въ шарманку, играетъ, олицетворяетъ и поетъ. Тамъ, въ трактирѣ, ты часто видишь, какъ сидитъ пьяница и, зѣвая, распѣваетъ «красную дѣвушку»—это пѣсни у нихъ такая—а насупротивъ сидятъ запьянствовавшіе еврейчики и также поютъ кое-что изъ своихъ застольныхъ пѣсенъ, или: «человѣкъ, его начало изъ праха», потягивая при этомъ портняжный маршъ живо да весело.

Ознакомившись съ Одессой, Фишка думалъ-было въ ней пристроиться къ чемунибудь. Благо, онъ нашелъ здѣсь давняго жителя Іонтеля, который уже долго находился въ Одессѣ и называлъ ее своею, гордясь предъ Фишкою тѣмъ, что у него имѣется такой славный городъ, какъ Одесса. Какое занятіе Іонтеля ни предлагалъ Фишкѣ, послѣдній не рѣшался его принять, находя одесскія занятія неподходящими къ своему праву. Единственное занятіе, на которое онъ могъ бы рѣшиться, это — занятіе въ

банѣ. Но бывалый Ионтеле проницески посовѣтовалъ ему прежде пойти въ одесскую баню и затѣмъ уже явиться къ нему, Ионтелею, за протекціей. Но когда Фиска увидѣлъ одесскую баню, онъ саркастически улыбался въ бесѣдѣ съ Ионтелемъ. «Что это за баня, въ которой свѣтло и чисто, какъ въ комнатѣ? Что это за баня, въ которой стоятъ хорошенькіе диванчики и гдѣ нѣтъ мѣста для выѣшиванія бѣлья, гдѣ нѣтъ разговоровъ и пріятныхъ бесѣдъ о разныхъ новостяхъ? Что это за баня, въ которой не слышно никакого запаха? Что это за микве (водохранилище съ релігіозною цѣлію), въ которой вода прозрачна, какъ вода, и годится для питья? Это просто смѣхъ! Другое дѣло микве въ Глупскѣ, гдѣ вода имѣетъ другой вкусъ, цвѣтъ и какъ-то гуще обыкновенной воды: сейчасъ видно, что недостаетъ здѣсь того, что привыкли называть еврейскимъ». Въ отчаяніи, что послѣдній идеалъ его рушился, Фиска съ болью въ сердцѣ оставлялъ ненавистную Одессу и отправляется пѣшкомъ въ Глупскъ. По дорогѣ онъ заходитъ въ какой-то лѣсъ на отдыхъ и засыпаетъ. Вдругъ онъ слышитъ крикъ, просыпается, вретъ нимъ горшечекъ съ земляничкой, а впереди женщина, въ которой онъ, приближаясь, узнаетъ горбатецькую. Оказывается, что вблизи въ лѣсу расположилась конница на славу и отдыхаетъ. Одинъ изъ компаніи его увидѣлъ и поспѣшилъ сообщить конницѣ. Его встрѣтили съ торжествующими насмѣшками, дали ему клочку «богачъ» и начали угнетать его—кто подзатыльниками, кто ударами по головѣ, а кто—куда понало. Предъ Фиской раскрылась печальная картина ему столь знакомой жизни, въ особенности когда увидѣлъ свою жену, потерявшую свое здоровье, высохшую какъ пень. Онъ твердо рѣшилъ воспользоваться ночью отдыхомъ конницы и убѣжать, куда глаза глядятъ, и объ этомъ успѣлъ шепнуть на ухо горбатецькой. Условлено было, чтобы она явилась послѣ въ развалины корчмы, гдѣ онъ будетъ дожидаться ее на чердакѣ. Отправившись туда, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ее. Малѣйшій шорохъ возбуждалъ его вниманіе и заставлялъ биться сердце. Онъ былъ такъ близокъ къ счастью, о которомъ онъ такъ долго мечталъ. Вдругъ онъ услышалъ нѣчто похожее на шумъ внизу. Заглянувъ туда чрезъ провалившійся чердакъ, онъ увидѣлъ къ ужасу своему рыжаго Файвиша еще съ однимъ сыномъ конницы. Волосы стали у него дыбомъ. Это—рыжій, успѣвшій украсть у Менделе и Алтера полудохлыхъ клячь, отыскивалъ въ руннахъ корчмы подходящую для нихъ сбрую. Но, не находя внизу ничего, послалъ компаньона на чердакъ,—и тутъ-то Фиска былъ открытъ. Рыжій тотчасъ догадался, что здѣсь назначено свиданіе, а по-

тому онъ рѣшилъ покончить съ Фишкой. Начинается сцена теченія ножа, мольбы Фишки, которыя ни къ чему не ведутъ, и наконецъ является горбатенькая, которая своими отчаянными слезами вымалываетъ Фишкѣ жизнь. Рыжій связываетъ его по рукамъ и ногамъ и оставляетъ его въ корчмѣ на вѣрную погибель. Горбатенькую-же онъ забираетъ съ собою, надѣясь, очевидно, склонить ее на свою сторону, когда всякая надежда на Фишку окажется тщетною. Но Фишкѣ посчастливилось: Алтеръ, возвращаясь съ отбитыми у рыжаго лошадами, услышалъ крикъ Фишки, нашелъ его въ развалинахъ и, освободивъ его отъ путъ, взялъ его съ собою.

Олончивъ свой рассказъ, Фишка со вздохомъ спрашиваетъ Менделю, какъ человекъ бывало, чтобы онъ ему объяснилъ, къ чему это Господу Богу угодно было свести его съ горбатенькой для того, чтобы сейчасъ же ихъ разлучить? Къ чему было звѣздѣ вдругъ засиять для того, чтобы тотчасъ же потемнѣло въ глазахъ? Къ чему это Богъ всегда дѣйствуетъ какъ-бы наперекоръ, и съ кѣмъ это онъ воюетъ?—съ двумя несчастными калѣками, которымъ лучше было вовсе не родиться на свѣтъ Божій, чѣмъ влечить такую жизнь.

Менделе, начиная объяснять Фишкѣ свое мнѣнiе и чувства, что отвѣтъ его не разрѣшаетъ возбужденнымъ вопросамъ, переходить къ другому предмету и задаетъ вопросъ объ имени горбатенькой. Онъ доказываетъ Фишкѣ, что ему это нужно знать, такъ какъ онъ часто развѣзжаетъ по округу, и—не ровень часть,—можетъ встрѣтиться съ нею и оказать ей помощь. Фишка открываетъ ей имя. Она называется Бейлой.

Когда Фишка произнесъ это имя, послышался глубокий вздохъ. Менделе оглянулся и увидѣлъ, что Алтеръ лежитъ вытянувшись, блѣдный какъ смерть.

— Что такое съ вами, ребъ Алтеръ,—спрашиваетъ Фишка,—не хотите-ли немного водки, съ вами дурно?

— Не,—отвѣчаетъ раби Алтеръ, крѣпится и вновь садится.

— Скажи-ка, Фишка,—спрашиваетъ Менделе,—не знаешь-ли какъ называлась мать ея и откуда она?

— Да,—отвѣчаетъ Фишка,—моя горбатенькая мнѣ рассказывала, что ея мать называлась Элькой. Она помнила какъ-бы сѣвобъ сонъ, что мать ея развелась съ мужемъ въ Тунейдевкѣ.

— Кто бы такой могъ быть ея мужъ въ Тунейдевкѣ?—спрашиваетъ Менделе, изумленный.—Кто бы это былъ такой злодѣй съ каменнымъ серд-

цель, который такъ погубилъ свою дочь? Можетъ быть, вы, ребѣ Алтеръ, знаете, кто бы это могъ быть въ вашемъ городѣ?

Алтеръ сидѣлъ, какъ мертвецъ, выпучивъ глаза, и какъ-то странно глядѣлъ, открывши ротъ.

— Онъ назывался... потираетъ себѣ Фишка лобъ и хочетъ вспомнить имя,—онъ назывался, назывался... подождите немного.

— Алтеръ, онъ называется,—вскрикнулъ раба Алтеръ и грохнулся на возъ.

— Да, да, такъ, такъ,—сказалъ Фишка, поглядывая на Алтера и не понимая, что означаетъ этотъ крикъ.—Кажется, что онъ имѣлъ еще прозвище «Якнегузъ». Мать, бывало, вырывала у дочки кусокъ мяса, приговаривая: Якнегузка ты такая!

Менделе же догадался въ чемъ дѣло, и принялъ видъ будто облить кипяткомъ.

Алтеръ всхлинываетъ, бьетъ кулакомъ въ сердце и шепчетъ: Да, я согрѣшилъ, я погубилъ ея жизнь. Это кара Вождя меня преслѣдуетъ: куда ни направлюсь—всюду несчастье.

Менделе начинаетъ утѣшать Алтера, а Фишкѣ все происшедшее показывается какъ-то страннымъ. Изумленный, съ выпученными глазами, онъ смотритъ то на Алтера, то на Менделе, и не знаетъ, что дѣлать.

Между тѣмъ наступаетъ темная ночь. Звѣзды мерцаютъ, киваютъ намъ съ неба своими сіяющими, свѣтлыми личиками, какъ будто вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ и желая что-то сказать,—а тамъ, на горизонтѣ, какъ будто изъ-подъ земли начинаетъ выходить громадная луна, красная какъ огонь. Кажется, будто она смотритъ только на насъ. Всѣ, тамъ на верху, кажется, глядятъ сюда и желаютъ знать конецъ разсказа... Алтеръ вдругъ поднимается, устремляетъ глаза къ небу и говорить съ сердцемъ:

— Клянусь Предвѣчнымъ, что я не вернусь домой къ женѣ и дѣтямъ, не выдамъ замужъ своей дочери, пока не отыщу своей несчастной Бейлы. Небо и земля да будутъ свидѣтелями! Я сейчасъ же ѣду назадъ, и горе, горе тому, кто мнѣ будетъ въ томъ препятствовать!

При этихъ словахъ Фишка бросается Алтеру на шею, обвиняетъ его, цѣлуетъ безъ словъ, страшно взволнованный. Вскорѣ, однако, онъ громко разрыдался, умоляя его о спасеніи дочери.

Алтеръ быстро прыгнувъ съ воза Менделя, взлѣзъ на свою кибитку и, прощаясь издали съ нами, повернулъ дышло въ, ударилъ свою клячу и

тронулся въ путь. Я и Фипка смотрѣли за нимъ вслѣдъ довольно долго, не говоря ни слова. Затѣмъ я посмотрѣлъ на небо: луна и звѣзды продолжаютъ свою дорогу, потерявъ свой прежній видъ, поднявшись очень высоко, далеко-далеко отъ насъ, людей. Дѣлается какъ-то грустно, неловко на душѣ.

А,—заканчиваетъ Мендель,—ударилъ своего Орла, чтобы онъ потрудился немного шибче двинуться, и поздно ночью моя кибитка пробирается по ухабистымъ улицамъ Глуиска, съ шумомъ и трескомъ извѣщая народъ: да будетъ вамъ извѣстно, что еще два совершенно свѣженъкихъ еврея прѣехали въ Глуискъ!..

Такъ кончается разсказъ С. М. Абрамовича, затрагивающій совершенно новую область—бытъ нищенскихъ классовъ. Въ этой повѣсти авторъ поднимаетъ завѣсу новаго мірка людей, которые никого не интересуютъ, но жизнь которыхъ, благодаря дарованію автора, нарисована съ такою художественною правдой, что эти люди представляютъ глубокой интересъ не только для простаго, но и для интеллигентнаго читателя. Авторъ не приравнивается къ извѣстному классу людей, онъ не искажаетъ истины, а имѣетъ въ виду правдивое изображеніе быта, который онъ изучилъ съ любовью. Эту любовь къ своимъ типамъ авторъ невольно передаетъ читателю. Вамъ жалокъ злодѣй, плуть Файвишъ, какъ порожденіе исключительныхъ условій еврейской жизни, вы преисполнены жалости и нѣжной симпатіи къ Фипкѣ и его подругѣ — Бейлѣ, вамъ хочется имъ помочь, вамъ хочется ихъ изъять изъ этой пагубной среды, въ которую они попали. Вамъ кажется, что вы, вмѣстѣ съ Алтеромъ, должны и себя ударить въ грудь и признать себя виновнымъ въ ихъ несчастіи. Въ этомъ Алтерѣ, какъ видно, и скрывается идея общественнаго равнодушія къ своимъ же членамъ, которое приходитъ въ сотрясеніе отъ ужасной картины бѣдствій, нарисованной кистью правдиваго художника. С. М. Абрамовичъ не разсуждаетъ, не тенденціозенъ, во всемъ разсказѣ вы не отыщете слѣда морали или намека на нее. Но вы тѣмъ не менѣе подавлены самою жизнью, проходящею предъ вами, вы видите живыхъ людей, дѣйствующихъ и живущихъ по своему, и, при всей аномальности поражающихъ васъ явленій, вы такъ поражаетесь естественностью условій, которыя ихъ вызвали, что вамъ кажется, что вы присутствовали при самомъ зарожденіи ихъ, слѣдовали за ихъ развитіемъ, и вамъ все понятно, вся изображенная предъ вами жизнь представляется вамъ какъ-бы роковою необходимостью. Вы чувствуете всею душою, что эта жизнь сложилась такимъ образомъ не потому, чтобы дѣй-

ствующія въ ней лица были произвольными творцами ея, а потому, что общія условія среды, вызвавшія ее, страдают недостатками—невѣжествомъ, бѣдностью, общественною апатіей и т. п. Эти источники зла должны быть очищены, противъ нихъ должна быть направлена вся дѣятельность, если жаждутъ измѣнить къ лучшему быть нищенствующимъ классовъ. Въ этомъ и заключается вся сила художника, что онъ васъ заставляетъ чувствовать и мыслить не искусственными приѣмами, а самымъ существомъ изображаемой жизни, ея естественными условіями, отражающимися въ вашемъ сердцѣ и умѣ. Если эти чувства и мысли подвинутъ васъ на дѣло, направленное къ измѣненію законовъ, руководящихъ печальнымъ складомъ жизни, то задача художника будетъ совершенно закончена, потому что когда исчезнутъ эти страждущія существа съ заражающими ихъ пороками—прекратится унылая и постылая жизнь такихъ же добрыхъ и нравственныхъ существъ, какія бываютъ поставлены случаемъ въ нивы условія, и имъ незачѣмъ будетъ задаваться вопросомъ о томъ: неужели Господь Богъ ихъ создалъ для однихъ страданій, и неужели не было бы лучше совершенно не родиться на свѣтъ Божій, чѣмъ сдѣлаться мучениками на всю жизнь! Вопросъ—достойный вниманія общества. Отвѣтъ на этотъ вопросъ должно дать все общество, не равнодушное, не бездушное, а просвѣтленное теплою любовью и участіемъ къ ближнему, къ плоти отъ плоти и крови отъ крови своей.

М. Моргулисъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

למתי לו תולד תולד *Къ исторіи бѣдствій израильскихъ. Сочиненіе Г. Гурлянда. Выпуски 1, 2, 3. Ярославъ-Краковъ, 1888 (32, 29 и 40 стр. in 8°).*

Г. Гурляндъ задался благою мыслью: издать сводъ важнѣйшихъ матеріаловъ, рукописныхъ и рѣдкихъ старопечатныхъ, относящихся къ исторіи бѣдствій евреевъ въ Украинѣ, Польшѣ и Литвѣ во время хмѣльничины и гайдамачины, въ 1648—1656 и въ 1768 годахъ. Къ удовольствію всѣхъ интересующихся исторіей русскихъ евреевъ (а кто изъ насъ не долженъ интересоваться ею?), первые шаги къ осуществленію этой мысли уже сдѣланы. Передъ нами лежатъ первые три выпуска сборника г. Гурлянда, и въ послѣднемъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ объявленіе, что четвертый выпускъ уже готовъ къ печати. Не безынтересно, думаемъ, взглянуть на содержаніе вышедшихъ частей.

Не останавливаясь здѣсь на первомъ выпускѣ, который былъ довольно обстоятельно разобранъ въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала еще въ прошломъ году¹, мы перейдемъ прямо къ слѣдующимъ двумъ выпускамъ. Во второмъ выпускѣ напечатано небольшое произведеніе *Авраама Ашкенази* на древне-еврейскомъ языкѣ «*Zaar-bath-rabbin oi Misped Polonia*» («Горе многихъ или плачь Польши»), съ рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Личность Авраама Ашкенази еще недостаточно выяснена, но то несомнѣнно, что онъ былъ современникомъ событій 1648 года, а пожалуй, и очевидцемъ ихъ. Его «Плачь» написанъ римеюванною прозою и въ тонѣ, какимъ обыкновенно писались такого рода произведенія въ старину. Въ краткихъ, безыскусственныхъ картинкахъ

¹ См. «Литературную лѣтопись» въ апрѣльской книжкѣ 1888 г., стр. 26—29, въ разборѣ галиційскаго ежегодника «*Beth-ozar hesafrut*», гдѣ помѣщалъ и продолжаетъ помѣщать свои матеріалы г. Гурляндъ.

проходить передъ нами вновь всѣ ужасы и зѣвства того кроваваго времени, когда, по выраженію польскаго Геренин, два народа, дотолѣ ненавидѣвшіе другъ друга, Яванъ и Исмаилъ (казаки и татары), соединились для истребленія Израиля и для погибели славной Польши. Въ сущности, «Плать» Ашкенази весьма мало новаго прибавляетъ къ исторіи рѣзни 1648—1649 года, какъ она описана въ извѣстной лѣтописи другого современника, Натана Ганновера, «Ewein Mezula»; онъ скорѣе подтверждаетъ сказанія послѣдней, повторяя ихъ нерѣдко почти буквально. Но и въ этомъ смыслѣ значеніе впервые изданнаго документа немаловажно: подтвержденіе прежнихъ показаній часто не менѣе важно, чѣмъ сообщеніе новыхъ, въ особенности когда объ одномъ и томъ же предметѣ повѣствуютъ два современника. Впрочемъ, есть кое-что и новое въ разсматриваемомъ документѣ. Ново, напримѣръ, показаніе, что отъ погромовъ шайки Хмѣльницкаго пострадали въ 1648—1649 году 744 еврейскія общины, причеъ авторъ ссылается на «пинкосы представителей нашей страны» (вѣроятно, протоколы «Синода четырехъ странъ»), гдѣ число пострадавшихъ общинъ въ точности отмѣчено (стр. 14 второго выпуска). Описаніе погромовъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ Полонное, Погребище, Нароль, также заключаютъ въ себѣ новыя подробности. Въ прилѣчаніяхъ, которыя озаботился снабдить этотъ документъ г. Гурляндъ, мы находимъ интересныя, хотя и не новыя, свѣдѣнія, необходимыя для публики и вообще для неспециалистовъ. Авторъ прилѣчаній преимущественно сопоставляетъ показанія Ашкенази съ показаніями Ганновера въ названной выше лѣтописи; кромѣ того, онъ, въ выноскахъ подъ текстомъ, объясняетъ темныя мѣста послѣдняго или неправильныя названія городовъ и лицъ. Въ «приложеніяхъ» г. Гурляндъ приводитъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ старинныхъ раввинскихъ книгъ, имѣющихъ косвенное отношеніе къ изслѣдуемому имъ періоду.

Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ пять мелкихъ документовъ, изъ коихъ четыре относятся къ погромамъ 1648 г., а пятый—къ «уманьской рѣзни» 1768 года. Всѣ четыре документа перваго разряда состоятъ изъ молитвъ, сочиненныхъ современными раввинами по поводу испытанныхъ евреями бѣдствій. Одна молитва принадлежитъ раввину Нарольскому, впоследствии переселившемуся во Францію, въ г. Мецъ, Монсею Капу. Набожный раввинъ горько плачется въ ней на то, что талмудическіе расадники въ Польшѣ и Украинѣ опустѣли, какъ будто ничего болѣе грустнаго не было въ потрясающей эпопее хмѣльничины... Документъ вообще не въ

важныхъ и также не изъ рѣдкихъ, ибо дважды печатался (въ 1699 и 1806 г.), но составитель сборника почему-то придалъ ему большое значеніе и счелъ необходимымъ по его поводу не только привести біографію его автора, но и перепечатать другой документъ, относящійся къ исторіи иудейскихъ евреевъ, надъ которыми равниновали въ послѣдніе годы жизни Моисей Кацъ. Другія двѣ молитвы составлены извѣстными пражскими раввинами Шефтелемъ Гурвицомъ (умеръ въ 1660 г.) и въ нѣкоторыхъ общинахъ читаются и понынѣ въ постъ 20-го сивана (день немировской рѣзни). Четвертая молитва сочинена однимъ современникомъ изъ Кременя, Мордохеимъ, повидимому, выходцемъ изъ Польши. Всѣ эти молитвы интересны сами по себѣ, но фактовъ въ нихъ почти никакихъ нѣтъ. Гораздо важнѣе ихъ по своему содержанію пятый документъ, помѣщенный въ томъ же выпускѣ и относящійся къ исторіи рѣзни 1768 года. Это—небольшое письмо на тогдашнемъ еврейскомъ жаргонѣ, писанное однимъ очевидцемъ изъ Староконстантинова въ Кенигсбергъ, въ августѣ 1768 года, т. е. спустя мѣсяць—два послѣ страшной рѣзни. Въ письмѣ, взятомъ изъ одной старонечатной книги, сообщаются въ высшей степени интересные факты, относящіеся не къ главной уманьской рѣзни, а къ еще менѣе извѣстнымъ гайдамацкимъ погромамъ въ мелкіхъ украинскихъ городахъ, въ родѣ Липовца, Погребница, Тегіева, Лысянки, Стѣлы и др. Въ виду неясности предмета, даже эти скудные данныя приходится особенно дорожить. Г. Гурляндъ вполне вѣрно отмѣчаетъ тотъ странный фактъ, что въ то время какъ для исторіи хмѣльничины мы имѣемъ массу матеріаловъ въ многочисленныхъ описаніяхъ очевидцевъ и современниковъ, исторія гайдамачины, гораздо болѣе къ намъ близкой, до сихъ поръ еще крайне темна въ томъ, что касается евреевъ, и документы ея очень скудны (стр. 28 третьяго выпуска). Но при этомъ онъ впадаетъ въ большую ошибку, утверждая, будто по своей свирѣпости, по числу своихъ жертвъ и по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ гайдамацкая рѣзня 1768 г. насколько не уступаетъ кровавой трагедіи хмѣльничины 1648 года. Г. Гурляндъ тутъ очевидно увлекся: всякій знакомый съ еврейскою исторіей въ оба эти момента ему скажетъ, что уманьская рѣзня вкупѣ съ прочими гайдамацкими погромами XVIII вѣка совершенно блѣднѣетъ передъ небывалыми избиеніями и погромами 1648—1656 годовъ, во первыхъ, потому, что шайка Хмѣльницкаго свирѣпствовала не только въ Украинѣ, но также въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи, между тѣмъ какъ гайдамацкіе набѣги Гонта и К^о ограничивались одною только Украиною; во вторыхъ, потому,

что гайдамацкая рѣзня, въ собственномъ смыслѣ, продолжалась только нѣсколько мѣсяцевъ въ 1768 г., между тѣмъ какъ хмѣльничина свирѣпствовала почти цѣлыхъ восемь лѣтъ. Что же касается послѣдствій того и другого момента, то они даже не поддаются сравненію: 1648 годъ дѣйствительно положилъ рѣзкую раздѣльную грань въ экономической и умственной исторіи всего польско-русскаго еврейства, между тѣмъ какъ 1768 годъ не создалъ въ этой исторіи никакой новой эпохи, не вызвалъ никакого крупнаго переворота. Это, конечно, нисколько не умаляетъ значенія документовъ, относящихся къ этому второму моменту; напротивъ, въ виду его неизслѣдованности сравнительно съ первымъ онъ даже, какъ мы говорили выше, заслуживаетъ нынѣ еще болѣе тщательныхъ изысканій, и все, что только можетъ пролить свѣтъ на этотъ темный моментъ, должно цѣниться особенно дорого. Вотъ почему намъ хотѣлось бы въ слѣдующихъ выпускахъ свода г. Гурлянда чаще встрѣчать матеріалы для исторіи уманьской рѣзни, которая, не имѣя универсальной важности событій эпохи Хмѣльницкаго, имѣетъ, однако, и свое временное и мѣстное значеніе, до сихъ поръ еще нисколько не выясненное. Составителю свода могли бы оказать въ этомъ отношеніи важную услугу не только еврейскіе, но и русскіе источники, въ родѣ «Архива юго-западной Россіи», «Исторіи Малой Россіи» Вантыша-Каменскаго, монографій о запорожцахъ Скальковскаго и Мордовцева, документовъ, помѣщенныхъ въ журналахъ «Кіевская Старина», и многихъ другихъ специальныхъ изданіяхъ по исторіи южно-русской¹.

Относительно порядка и формы изданія слѣдуетъ желать еще вотъ чего: 1) чтобы г. Гурляндъ ввелъ болѣе строгій порядокъ въ свой сводъ и не помѣщалъ бы тамъ своихъ документовъ въ повалку, какъ понало, какъ это, къ сожалѣнію, замѣчается въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ, гдѣ нѣтъ никакой хронологической послѣдовательности, гдѣ подлинникъ каждаго документа то и дѣло прерывается примѣчаніями и, какъ арестантъ, окруженъ строгимъ конвоемъ изъ предисловія и послѣсловія, часто не относящихся къ дѣлу; 2) чтобы составитель менѣе субъективно относился къ своему предмету (гдѣ субъективность совсѣмъ не умѣтна), и устранилъ бы тѣ широковѣщательныя предисловія, которыя безъ надобности предпосылаются каждому выпуску и изъ коихъ одно (во 2-мъ выпускѣ)

¹ Г. Гурляндъ жалуется на то, что не могъ отыскать даже жаргоннаго «Сказанія объ уманьскихъ и украинскихъ бѣдствіяхъ», напечатаннаго дважды: въ 1834 и 1845 году. Мы можемъ ему сообщить, что два экземпляра этой рѣдкой книги имѣются здѣсь, въ Петербургѣ, въ библиотекѣ академіи наукъ.

«украшено» даже портретомъ г. Гурлянда съ надписью по нѣмцки: «Kaiserlich-russischer Collegienrath Ionas Gurland Magister». Право, ни портретъ, ни перечисленіе титуловъ г. Гурлянда не имѣютъ ровно никакого отношенія къ исторіи русско-еврейскаго мученичества. Такое нарушеніе литературныхъ приличій трудно простить даже коллежскому совѣтнику и магистру.

Еще было бы желательно, чтобы составитель не отпускалъ своего свода такими гомеопатическими дозами, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, а давалъ бы болѣе объемистые выпуски и въ болѣе частые сроки. Тогда всѣ интересующіеся еврейскою исторіей дѣйствительно скажутъ спасибо, но не коллежскому совѣтнику и даже не магистру (это не важно), а собирателю хорошихъ и дѣльныхъ историческихъ матеріаловъ г. Гурлянду, отъ котораго надо требовать только большаго вниманія къ исторіи и литературѣ, нежели къ таблицамъ о рангахъ...

Журн. Гурл.: Домъ Израилевъ—ежемесячный журналъ еврейской жизни и литературы, издаваемый Я. Копелевичемъ въ Вѣнѣ. Декабрская книжка 1888 г. (48 стр. in-8°).

Издатель этого журнальця г. Копелевичъ—личность, совершенно неизвѣстная въ нашей литературѣ—захотѣлъ, повидимому, сдѣлаться литературнымъ преемникомъ покойнаго Смоленскаго. «Домъ Израилевъ» имѣетъ претензію занять въ еврейской журналистикѣ пустое мѣсто, оставленное въ ней прекращеніемъ «Гашахара». Г. Копелевичъ озаботился придать своему изданью и наружность «Гашахара», и даже программу послѣдняго переименовавъ цѣликомъ; одного только не счумѣлъ онъ—воскресить духъ образцоваго еврейскаго журнала, его живой интересъ и обаяніе, тайну котораго унесъ съ собою въ могилу даровитый его издатель.

Передъ нами лежитъ тоненькая книжка въ четыре печатныхъ листа, повидимому, первый выпускъ новаго журнальця (на обложкѣ номеръ не указанъ). Оглавленіе довольно, даже слишкомъ разнообразное для такой брошюрки. Смотришь дальше: есть и публицистика, и беллетристика, и наука, и критика,—всего по немногу. Публицистическихъ статей или, точнѣе, замѣтокъ—нѣсколько. Въ первой говорится о пожертвованіи барона Гирша на учрежденіе еврейскихъ школъ въ Галиціи; вторая, болѣе принципиальная, трактуетъ объ общемъ положеніи евреевъ въ Россіи и видитъ исходъ изъ этого положенія въ основаніи евреями фабрикъ и въ примѣненіи къ еврейской промышленности и законамъ технологіи, и политической

экономіи. Все это изложено на двухъ съ половиною страничкахъ, и въ концѣ подписано: «продолженіе будетъ». Подождемъ, что еще намъ будетъ вѣшать мудрый публицистъ. Третья статейка («Что намъ сказать?» г. Бердичевского) рекомендуетъ намъ другой исходъ изъ тяжелаго положенія: забиться въ наукѣ, исторіи и литературѣ отъ золь современности. Статья «За нашъ народъ», изъ которой пока напечатано только начало, направляетъ на то, что все наше спасеніе—въ національномъ чувствѣ. Еще двѣ заѣтки рекомендуютъ еще что-то, чего нельзя разобрать. Вообще, спасителями и средствами спасенія въ новомъ журналѣ—хоть прудъ пруди, настоящій *embarras des richesses* на пространствѣ 14 страницъ; не знаешь только, что выбрать.

Беллетристика содержитъ въ себѣ нѣсколько невинныхъ стихотвореній (*Готлобера*—о безсмертіи души, *Бергера*—Плачь Сіона etc.) и начало одного переводнаго разсказа, очень глупаго, по нашему мнѣнію. Герой разсказа, докторъ Эренъ, живетъ въ нуждѣ и бѣдности оттого, что не послушался своей богатой тети, которая желала, во первыхъ, чтобъ онъ былъ юристомъ, а не медикомъ, и, во вторыхъ, чтобъ онъ женился на ея племянницѣ, чего Эренъ не желалъ. Чужа приближеніе смерти, старуха призываетъ Эрена къ себѣ, но когда тотъ приходитъ и объявляетъ ей о ея опасномъ положеніи, она его вновь прогоняетъ, вслѣдствіе чего племянница ея, вмѣстѣ съ Эреномъ, опасаясь, чтобъ старуха не составила предъ смертью невыгоднаго для нихъ завѣщанія, рѣшаются дать ей наркотическое средство. Этимъ кончается напечатанная первая глава разсказа, по которой читатели могутъ судить о доброкачественности беллетристики новаго журнала.

Въ научномъ отдѣлѣ нѣются заѣтки не безынтересныя, какъ-то: списокъ рѣдкихъ тунисскихъ рукописей; статейка о сектѣ жидовствующихъ и субботниковъ въ Россіи г. *Слоуца* и нѣкоторыя экзегетическія заѣтки. Напрасно только издатель озаботился въ первой же казовой книжкѣ заклеймить свой журналъ недобросовѣстнымъ влгглатомъ, помѣстивъ, за подписью нѣкоего *Л. Маковского*, статью «Два еврея-врача при московскомъ дворѣ», принадлежащую г. Берхину и напечатанную въ «Восходѣ» прошлаго года, въ одной изъ первыхъ книжекъ. Статейка переведена цѣликомъ, со всѣми примѣчаніями, но ни имени автора, ни журнала, откуда она взята, не указано...

Вообще, журналецъ г. Копелевича не зарекомендовалъ себя пока ни-

какими положительными достоинствами, и мы склонны думать, что успѣтъ его не превзойдетъ его заслугъ.

דברי ימי ישראל. *Популярная исторія еврейскаго народа д-ра Грецца, переведенная Ш. П. Рабиновичемъ. Выпускъ 1—2. Варшава, 1888 (128 стр. in-8°).*

Новой «Популярной исторіи евреевъ» Грецца повезло такъ, что она одновременно переводится и на русскій, и на древне-еврейскій языки. О русскомъ переводѣ мы уже говорили (см. декабрьскую «Библиографію» прошлаго года); о древне-еврейскомъ переводѣ приходится теперь сказать нѣсколько словъ.

Этотъ переводъ, исполняемый г. Рабиновичемъ, имѣетъ то важное преимущество передъ русскимъ переводомъ, что онъ просматривается и корректируется самимъ Греццомъ. Вдобавокъ, г. Рабиновичъ пользуется славой хорошаго еврейскаго стилиста, и переводъ его дѣйствительно хорошъ и точенъ. Въ одномъ только переводчикъ отступилъ отъ подлинника— въ порядкѣ лѣтосчисления: Грецъ считаетъ годъ до и послѣ Р. Х., а г. Рабиновичъ ведетъ счетъ годовъ до и послѣ момента разрушенія второго храма (70 г. по Р. Х.). Это нѣсколько путаетъ обыкновенный порядокъ хронологіи, но, въ виду малой разницы между этими новымъ способомъ лѣтосчисления и обыкновенною эрой, нарушение обычнаго порядка не-существенное, такъ какъ всякому легко перевести дату одной эры на дату другой, для чего приходится только въ каждомъ данномъ случаѣ убавить или прибавить 70 лѣтъ.

Въ разсматриваемыхъ нами двухъ выпускахъ исторія евреевъ доведена уже почти до паденія царства Израильскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями переводчика, часто весьма существенными. Вообще, изданіе очень опрятное въ литературномъ отношеніи и представляетъ собою явленіе вполне отрадное. Надѣмся, что слѣдующіе выпуски труда г. Рабиновича не заставятъ себя долго ждать и пойдутъ pari passu съ изданіемъ нѣмецкаго подлинника.

תולדות ספרות ישראל. *Исторія еврейской литературы отъ библейской эпохи до настоящаго времени. Д-ра Г. Карпелеса. Вольный переводъ, съ дополненіями и поправками автора. Изданіе*

редакціи «Глицефира». *Варшава, 1888. Четыре выпуска (318 стр. in-8°).*

«Вольность» этого перевода заключается, во первых, въ томъ, что подлинникъ въ немъ весьма значительно сокращенъ, во вторыхъ, въ неточной передачѣ не только словъ, но часто даже мыслей подлинника, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться изъ сравненія. Слогъ перевода—очень тяжелый, часто даже неудобопонятный: стремленіе къ «меланѣ» и никакой простоты, необходимой въ научномъ сочиненіи. Въ этомъ отношеніи гг. переводчикамъ Карпелеса не кѣшало бы поучиться у г. Рабиновича, котораго прекрасный переводъ Грецца мы сейчасъ отиѣтали.

Въ вышедшихъ четырехъ выпускахъ исторія еврейской литературы доведена до конца эпохи Маймонида (до конца XIII в.), т. е. переведена или, точнѣе, переѣлана большая половина сочиненія Карпелеса. Самая мысль изданія такого сочиненія въ еврейскомъ переводѣ заслуживаетъ всяческаго сочувствія, но, къ сожалѣнію, осуществленіе этой мысли далеко не удовлетворительное, въ виду указанныхъ нами серьезныхъ недостатковъ перевода.

С. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. СЛАДКАЯ СМЕРТЬ. (Восточная легенда). Стихотвореніе. С. Г. Фруга 3
- II. ЕВРЕЙ КОРоль ПОЛЬСКІЙ. Шауль Юдичъ Валь изъ Вреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. (Историческая легенда). (Продолженіе). Проф. С. А. Бершадскаго 11
- III. ЦАРЬ СІОНСКІЙ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Носсига 24
- IV. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ЕВРЕИ. Къ годовщинѣ революціи 1789 года. С. Метиславскаго. 37
- V. МАКАРКА. Эскизъ. Р. М—хинъ. 60
- VI. О ЧЕРТѢ ОСѢДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка. (Продолженіе). Русскаго. 81
- VII. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА. (Продолженіе). Е. Хисина, 98
- VIII. ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). Съ англійскаго. Альмонда. 113
- IX. ПОѢЗДКА ВЪ РЭМСГЕЙТЪ. (Отрывокъ изъ воспоминаній объ Англіи). (Продолженіе). П. Я. Левенсона 137
- X. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Съ при- нѣчаніями А. Я. Гарнави (въ особомъ приложеніи).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- XI. ВЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА. Критическій обзоръ

беллетристическихъ произведеній Л. О. Леванды. (Окончаніе).
А. Волынского 1

ХІІ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ФИШКА ХРОМОЙ. Полное собра-
ніе сочиненій С. М. Абрамовича. (Окончаніе). М. Моргулиса . 15

ХІІІ. БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) *לְעֹרֹת דְגוּרוֹת עַל יִשְׂרָאֵל* Къ исторіи бѣдствій израильскихъ. Сочиненіе І. Гурлянда. Выпуски 1, 2, 3. Ярославъ-Краковъ, 1888 (32, 29 и 40 стр. in-8°). 31
- 2) *בֵּית יִשְׂרָאֵל*: Домъ Израилевъ—ежемесячный журналъ еврейской жизни и литературы, издаваемый Я. Копелевичемъ въ Вѣнѣ. Декабрьская книжка 1888 г. (48 стр. in-8°) . 35
- 3) *דְּבָרֵי יְמֵי יִשְׂרָאֵל*. Популярная исторія еврейскаго народа д-ра Греца, переведенная Ш. П. Рабиновичемъ. Выпуски 1—2. Варшава, 1888 (128 стр. in-8°). 37
- 4) *תְּלֻחַת סִפְרוֹת יִשְׂרָאֵל*. Исторія еврейской литературы отъ библейской эпохи до настоящаго времени Д-ра Г. Карпелеса. Вольный переводъ, съ дополненіями и поправками автора. Изданіе редакціи «Гацефира». Варшава, 1888. Четыре выпуска (318 стр. in-8°). С. М. 37

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ окончаніе статьи
„За прошлый годъ“ отлагается до слѣдующей книги.

Наконецъ, онъ предлагаетъ, чтобы въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ назначены были на десять лѣтъ два профессора еврейскаго языка, которые обязаны были бы преподавать также и раввинскую литературу. Противъ этой экспертизы окончательно разбитый Рейхлиномъ Пфедферкорнъ возсталъ съ страшнымъ неистовствомъ. Въ своемъ «Ручномъ Зеркалѣ», которымъ открылась великая кампанія между гуманистами и обскурантами, онъ называетъ Рейхлина «покровителемъ евреевъ, наушникомъ, попрошайкой, болтуномъ» и т. п. эпитетами; обвиняетъ его въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ еврейскаго языка и что сочиненіе свое онъ далъ изготовить ученому еврею, «точно ты былъ великимъ ученымъ и учителемъ еврейскаго языка». Въ возникающемъ затѣмъ спорѣ между Рейхлиномъ и обскурантами Талмудъ и еврейская литература главнымъ образомъ служатъ шиблетомъ—ловушкой—борьбы, болѣе глубокое значеніе которой, однако, слѣдуетъ искать въ старинной враждѣ между теологіей и наукой по поводу права свободнаго выраженія своего мнѣнія въ виду инквизиторскаго стремленія все окрестить именемъ ереси.

Едва-ли представляется надобность прослѣдить здѣсь отдѣльныя перипетіи этой ожесточенной борьбы, которая собственно на еврейскую литературу имѣла весьма мало вліянія. Достаточно упомянуть, что своею защитой еврейской письменности Рейхлинъ приобрѣлъ себѣ благосклонность всѣхъ образованныхъ людей, что даже знаменитые „epistolae obscurorum virorum“ заступились собственно за еврейскую литературу, но что тѣмъ не менѣе борьба эта не привела ни къ какому положительному результату, даже скорѣе—къ отрицательному, такъ какъ когда, наконецъ, апеллировали къ папѣ, то изъ того самаго Рима, «въ которомъ еврейскій языкъ и еврейская литература находились въ такомъ почетѣ, что при римскомъ университетѣ учреждена была кафедра этихъ предметовъ и самъ папа обнаруживалъ воззваніе, приглашающее напечатать Талмудъ», и въ которомъ гуманизмъ и «Возрожденіе» искренно подали себѣ братскія руки,—изъ этого самаго Рима воспослѣдовалъ эдиктъ, который осуждалъ еврейскую религію, еврейскую литературу признавалъ вредоносною, нападалъ на гуманизмъ и осудилъ Рейхлина.

Но участіе къ еврейской литературѣ, разъ такимъ образомъ возбужденное Рейхлиномъ, уже не прекратилось. Оно продолжало жить въ его ученикахъ и послѣдователяхъ, и изученіе еврейскаго языка, которое Рейхлинъ воскресилъ къ новой жизни, уже цѣлые вѣка продолжало живо интересовать христіанскихъ ученыхъ и богослововъ. Хотя еще до Рейхлина такіе ученые

как *Конрадъ Зумменартъ* и *Павелъ Окринторисъ* преподавали еврейскій языкъ въ Тюбингенѣ, *Конрадъ Пеликанъ* изучалъ библейскую рѣчь по Николаю де-Лира, а *Иоаннъ Весиль* и *Рудольфъ Арикола*, два наиболѣ выдающихся гуманиста, пользовались этимъ языкомъ при своихъ богословскихъ и классическихъ изслѣдованіяхъ, — тѣмъ не менѣе первымъ, который предался его изученію съ научнымъ рвеніемъ и пользовался имъ для литературныхъ цѣлей, все-таки можетъ считаться только *Иоаннъ Рейхлинъ*. Уже его «*Rudimenta linguae hebraicae*» (1506), составляющіе одновременно и грамматику и словарь, доказываютъ какъ усердно и какъ добросовѣстно онъ углублялся въ это занятіе. Подъ руководствомъ *Давида Кимхи* онъ рискуетъ сдѣлать опасный шагъ въ раввинскую область и неотступно слѣдуетъ за своимъ руководителемъ по многоразвѣтвленнымъ ея путямъ. Онъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, чтобы объявить себя за еврейскій текстъ противъ Вульгаты, считавшейся священною впродолженіи многихъ вѣковъ — поступокъ, который въ ту эпоху былъ, понятно, и отважнымъ и откровенно-свободнымъ шагомъ; но *Рейхлинъ* не побоялся сдѣлать его. «Нашъ текстъ гласитъ такъ, а еврейская истина — иначе», говоритъ этотъ безстрашный изслѣдователь, для котораго истина дороже всего и которому принадлежитъ извѣстное прекрасное изреченіе: «Я люблю благочестиваго *Иеронима* и преклоняюсь предъ *Николаемъ де-Лирой*; но истину я почитаю какъ Бога».

Чѣмъ дальше *Рейхлинъ* проникалъ въ изученіе еврейскаго языка, тѣмъ яснѣе раскрывались предъ нимъ тайны раввинской письменности. Уже чрезъ шесть лѣтъ послѣ обнародованія своихъ «*Rudimenta*» онъ въ состояніи переложить на латинскій языкъ извѣстное дидактическое стихотвореніе *Юсифа Езоби* «*Kaagath Kesef*» (Серебряное блюдо); опять чрезъ шесть лѣтъ онъ пишетъ самое ученое свое сочиненіе на этомъ поприщѣ: «*De accenti-bus et orthographia linguae hebraicae*» — объ акцентахъ и правописаніи еврейскаго языка, и существуютъ даже письма на еврейскомъ языкѣ, писанныя имъ въ эти годы, которыя онъ, какъ уже упомянуто выше, писалъ своему учителю *Якову Лоансу*, раввину *Якову Марголесу* и папскому лейб-медику *Бонету де-Латтесу* — еврейскому ученому, происходившему изъ извѣстной провансальской фамиліи, — отъ котораго онъ требовалъ заступничества за евреевъ предъ папой.

Рядомъ съ этимъ *Рейхлинъ* также лично дѣйствовалъ въ пользу познанія еврейскаго языка и распространенія его изученія. «Ибо если я буду жить, то еврейскій языкъ долженъ занять надлежащее мѣсто; если же я

туру, то я по крайней мѣрѣ сдѣлалъ начало, которое не такъ легко сотрется». Такъ писалъ Рейхлинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ его книгопродавцу въ Вазелѣ. И въ самомъ дѣлѣ, влияние, которое Рейхлинъ въ этомъ отношеніи имѣлъ на своихъ учениковъ, не пропало даромъ. За нимъ должна быть признана заслуга, которую съ гордостью приписывалъ себѣ Рейхлинъ и которая заключается въ побѣдѣ надъ предрасудкомъ, господствовавшимъ противъ раввинской письменности, и въ введеніи еврейскаго языка въ кругъ наукъ.

Мы видѣли какъ гуманизмъ и «Возрожденіе» спустились въ все еще презрѣнную еврейскую школу, чтобы тамъ познать сокровища библейской древности, заняться изученіемъ еврейскаго языка и изслѣдовать тайны Каббалы; не мѣшаетъ намъ теперь нѣсколько ближе ознакопиться съ тѣми учителями, которые ввели эти просвѣтленные умы въ хранилища этой письменности, съ тѣми еврейскими гуманистами, которые сумѣли соединить въ себѣ просвѣщеніе и благочестіе, которые восприняли въ себѣ духъ новаго времени и стремились привести его въ согласіе съ своими традиціями. Это были большею частью врачи и учителя, но также и раввины и изслѣдователи Талмуда — почтенная фаланга мужей, которые всѣ были обхвачены классическимъ и эстетическимъ образованіемъ Итали и просвѣтлены солнцемъ гуманизма, которые не остались безъ всякаго влияния на еврейскую литературу, которые, напротивъ, направили ее на библейскую письменность, по собственному признанію извѣстнаго Абрагама де-Вальмеса, находившаяся тогда почти въ совершенномъ забвеніи. Правда, болѣе глубокое стремленіе къ познанію, всеодолѣвающая гениальность не были присущи этимъ умамъ; они преимущественно оставались на поверхности и удовлетворялись большею частью общими познаніями, общедоступными и популярными изображеніями. Никакихъ пролагающихъ новые пути идей, никакихъ фундаментальныхъ сочиненій не выходило изъ этого круга; только двое изъ нихъ имѣютъ болѣе важное, отразившееся и впоследствии значеніе: одинъ изъ нихъ сдѣлался руководителемъ послѣдующихъ поколѣній въ еврейскомъ языкознаніи, а другой почитался однимъ изъ любимоѣйшихъ путеводителей въ мірѣ неоплатонической философіи.

Элія Левита, такъ звали перваго—собственно Элія бенъ-Ашеръ Галеви (1472—1549) — былъ изъ Германіи, изъ Нюрнберга, но превратностью судьбы его гнало съ мѣста на мѣсто по отдаленнымъ краямъ. Въ началѣ XVI столѣтія онъ прибылъ въ Италію, въ Падую, гдѣ еврейское языкознаніе свило себѣ уже прочное гнѣздо. Оттуда онъ отправился

въ Римъ, гдѣ сталъ обучать еврейскому языку кардинала Эгидіо де-Витербо, а этотъ послѣдній знакомилъ его съ греческимъ языкомъ и другими науками. Четырнадцать лѣтъ сряду онъ жилъ въ Римѣ, но и этотъ городъ онъ долженъ былъ оставить. Онъ переселился въ Венецію, и тамъ тоже сдѣлался любимымъ учителемъ еврейскаго языка. Георгій де-Сельва, епископъ Лаворскій, въ то время французскій посланникъ въ Венеціи, обучался у него; кардиналы, епископы, профессора были введены имъ въ сферу еврейскаго языкованія. Упомянемъ только о самыхъ выдающихся его ученикахъ: *Себастьянъ Мюнстеръ* и *Павелъ Фапусъ*. О вліяніи, которое преподаваніе его имѣло на этихъ мужей, будетъ рѣчь при изложеніи хода развитія еврейскихъ знаній среди христіанъ въ Германіи и Италіи. Онъ и гордится этихъ, не смотря на свою привлекательную скромность и на нападки, которыми онъ изъ-за этой своей дѣятельности подвергался со стороны чрезчуръ уже набожныхъ единовѣрцевъ. Но гораздо болѣе глубокое и важное вліяніе на развитіе еврейскаго языкованія имѣла его научная дѣятельность, къ которой онъ въ значительной степени былъ побуждаемъ своими христіанскими учениками. Элія Левита — превосходный грамматикъ и выдающееся явленіе на поприщѣ еврейскаго языкованія, и въ то же время онъ отличается трогательною скромностью и замѣчательною простотою. Онъ, который сдѣлалъ для христіанскихъ учениковъ доступнымъ пониманіе Каббалы, онъ смиренно заявляетъ, что ничего не понимаетъ изъ ея тайнъ. Будучи отличнымъ знаткомъ Талмуда, онъ сознается, однако, что онъ на этомъ поприщѣ чужой человѣкъ, и относительно философіи онъ увѣряетъ, что онъ остался вдали отъ нея. И тѣмъ не менѣе его грамматическія работы проникнуты философскимъ духомъ и полны талмудической учености! Его комментаріи къ грамматическому сочиненію Моисея Книхи и его замѣчанія къ предпринятому Бошбергомъ въ Венеціи изданію Словаря и Грамматики Давида Книхи уже показываютъ тотъ путь, по которому пошелъ Левита въ своихъ научныхъ работахъ.

Еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи его самостоятельные труды, изъ которыхъ укажемъ лишь самыя выдающіеся, именно грамматическіе: подъ заглавіемъ «*Naḥašur*» (Юноша) издана его грамматика, которая появилась по иниціативѣ кардинала Эгидіо и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями Левиты переведена была на латинскій языкъ Себастьяномъ Мюнстеромъ; затѣмъ, его «*Sefer Haḥarkaba*» (Книга Союза), о сѣшанныхъ неправильныхъ формахъ, «*Pirke Elishu*» (Статьи Эли) — грамматическія правила, написанныя отчасти стихами, которые Левита весьма

искусно умѣлъ слагать и вилетать во всё свои сочиненія. Кромѣ того, его главное сочиненіе «Masoreth Hamasoreth» (Преданіе Преданій), введеніе въ изученіе Масоры, имѣющее громадное значеніе, такъ какъ Левита доказываетъ въ немъ, что еврейскія вокальныя пунктуациа и знаки препинанія изобрѣтены уже послѣ Талмуда—воззрѣніе, которое имѣло громадные послѣдствія для критики и установленія библейскаго текста и значеніе котораго едва-ли даже подозрѣвали благочестивые современники Левиты. Затѣмъ, его объемистая масоретская конкорданція, надъ которой онъ работалъ двадцать лѣтъ и которая въ настоящее время существуетъ лишь въ рукописи; она называется «Sefer Hasikronoth» (Книга Воспоминаній), предпринята для Эгидіо и посвящена Георгію де-Сельва — сочиненіе, обнаруживающее громадную ученость и критическую точность. Наконецъ, его «Tub-Taam» (Изящный вкус)—о еврейскихъ удареніяхъ. Всѣ эти сочиненія Левита писалъ въ Венеціи. Оттуда Павелъ Фагіусъ пригласилъ его корректоромъ въ его еврейскую типографію въ Испн. И здѣсь тоже неутомимый изслѣдователь продолжалъ свою научную дѣятельность. Здѣсь возникли его «Thischi» (намекъ на второе имя пророка Иліи, а также на изображавшее этииъ еврейскимъ словомъ число 712) — нѣчто въ родѣ словаря иностранныхъ словъ, въ которомъ 712 раввинскихъ словъ объясняются по ихъ значенію при помощи языковъ греческаго, латинскаго и итальянскаго; затѣмъ, его «Meturgeman» (Переводчикъ), весьма цѣнный словарь къ Таргумимъ, относительно которыхъ Левита впервые пригнѣнилъ научное изслѣдованіе, — и наконецъ, списокъ еврейскихъ искусственныхъ словъ «Sefer Schemoth Debarim» (Номенклатура еврейскихъ словъ) по плану оконченнаго имъ еще въ Венеціи руководства къ сокращеніямъ подъ названіемъ «Schibre Luchot» (Разбитыя Скрижали). Возвратившись обратно въ Венецію, въ городъ, который онъ любилъ какъ родину, онъ усердно продолжалъ заниматься корректурой, комментированіемъ еврейскихъ сочиненій и написалъ сочиненіе противъ грамматики де-Вальеса. Уже достигши глубокой старости, онъ посвящаетъ себя новой дѣятельности на поприщѣ перевода Библии, о которомъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, при изложеніи родственнаго этой отрасли литературнаго направленія.

Элія Левита составляетъ собою пріятное явленіе въ кругу еврейскихъ ученыхъ того времени. Это настоящій гуманистъ, любезенъ и добръ, безкорыстенъ и прилеженъ, даже въ своихъ маленькихъ слабостяхъ и легкой склонности къ суевѣрію кротокъ и милъ, предагъ исключительно изученію науки, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, и, чуждый предрасудковъ,

обучаясь у христіанъ и обучая ихъ, просвѣщенный и основательный мыслитель и изслѣдователь, хотя и не пролагающій новые пути геній. Онъ не задумывается идти по тѣмъ путямъ, которые предложили Кимхиды, но онъ не боится пойти и по новому направленію, если къ тому побуждаетъ лучшее познаніе. Такъ, его не безъ основанія сравниваютъ съ однимъ изъ филологовъ восемнадцатаго столѣтія, съ Рейске, другомъ Лессинга, который на вопросъ поэта отвѣтилъ ему, что онъ грамматикъ, а не критикъ. Подобнымъ же образомъ держался и Левита, когда съ нимъ говорили о Каббалѣ, Талмудѣ и философіи. Но тѣмъ не менѣе онъ, какъ и первый, былъ превосходнымъ грамматикомъ, который, издавая важныя сочиненія другихъ, самъ создавалъ важныя сочиненія и дѣятельно споспѣшествовалъ развитію еврейскаго языковѣданія. Выше уже упомянуто, что большая часть грамматическихъ сочиненій Левиты переведена Себастьяномъ Мюнстеромъ на латинскій языкъ; при посредствѣ этихъ переводовъ сочиненія эти содѣйствовали развитію еврейскаго языковѣданія до новѣйшаго времени.

Если Элія Левита, во всемъ его существѣ, какъ и своими твореніями, является представителемъ гуманизма, то въ лицѣ *Гуды б. Исаака Авраамея*—извѣстнаго подъ именемъ *Лео Гебрэусъ* или также—*Лео Медино*—мы видимъ мужа «Возрожденія», который представляетъ собою доказательство ассимиляціонной способности его племени. Виѣсть съ своимъ знаменитымъ отцомъ Іуда скитался изъ страны въ страну, пока, наконецъ, и онъ нашель убѣжище въ Венеціи. Едва онъ пробыль въ Италіи десять лѣтъ, онъ уже пишетъ на языкѣ этой страны сочиненіе, которое должно считать однимъ изъ важнѣйшихъ твореній эпохи «Возрожденія» и которое безконечно восхваляется современниками. Это именно его «*Dialoghi di Amore*» (Бесѣды о любви) (1502)—изображеніе процвѣтавшаго въ Италіи неоплатонизма, или, если хотите, примиреніе его съ Аристотелевыми идеями, къ которому стремились всѣ лучшіе и благороднѣйшіе умы того времени. Лео не единственный, но за то самый выдающійся изъ представителей этого направленія среди евреевъ. Но послѣднее ему еще слишкомъ ново, чтобы его тотчасъ же привести въ согласіе съ его «еврейскою истиной»; можетъ быть, онъ и не нашель разницы между теченіями обѣихъ этихъ идей, но довольно того, что онъ въ своихъ «Бесѣдахъ» отказался отъ изображенія еврейской истины и, напротивъ, распространяется о томъ неоплатоническомъ мистицизмѣ, для котораго любовь служить жизненнымъ принципомъ міра. Филонъ, который любилъ Софію—герой этихъ трехъ бесѣдъ, въ которыхъ разбираются сущность и природа

любви, ея всеобщность и ея начало. Все въ этихъ бесѣдахъ разсматривается съ точки зрѣнія божественнаго въ человѣкѣ и этимъ путемъ достигаютъ необычайной глубины познания. Платонъ и Аристотель приводятся къ высшему единству, въ качествѣ котораго поэтъ-философъ въ восторженныхъ выраженіяхъ восхваляетъ любовь—философію всей вселенной.

Тамъ-то въ одной семьѣ еврейскихъ изгнанниковъ отражается все философское мышленіе того времени. Въ то время, какъ отецъ является намъ однимъ изъ послѣднихъ приверженцевъ Аристотеля, по испанскимъ традиціямъ твердо держащимся Стагирскаго мудреца и его арабскихъ послѣдователей, мы въ сынѣ видимъ одного изъ тѣхъ космополитическихъ неоплатониковъ, которыхъ создала юная Италия эпохи «Возрожденія» и при помощи которыхъ застывшей схоластикѣ былъ противопоставленъ дѣлительный противовѣсъ.

Но Лео былъ не только итальянскимъ писателемъ, онъ былъ и еврейскимъ поэтомъ. Изъ его еврейскихъ стихотвореній, правда, лишь немногія сохранились, и въ томъ числѣ его «Жалоба на время»—могучимъ аккордами гремящая пѣснь, въ которой горящими вѣсками изображаются его собственное страданіе и страданія его дитяти и всего его племени и которое оканчивается утѣшительнымъ упованіемъ на мессіанскую будущность. О другого рода сочиненіяхъ Лео неизвѣстно ничего положительнаго. Но можно предположить, что такой богатый и многообъемлющій умъ, какъ Лео, о которомъ отецъ его съ гордостью говоритъ, что «онъ величайшій философъ Италии того времени», дѣйствовалъ и на другихъ поприщахъ и что примѣръ его находилъ себѣ подражаніе въ кругу еврейскихъ писателей.

И въ самомъ дѣлѣ предъ нами проходитъ теперь длинный рядъ ученыхъ, воспринявшихъ въ себѣ новыя просвѣтительныя элементы Италии и приобщавшихъ ихъ къ своимъ религиознымъ изслѣдованіямъ,—ученыхъ, слѣдовавшихъ по пути Элиа Левиты и Лео-Еврея, то по одному, то по другому направленію, то по обоимъ вмѣстѣ, и оставившихъ послѣ себя если и не великія и богатыя своими послѣдствіями, то все же довольно значительныя и цѣнныя произведенія. Правда, у этихъ писателей нельзя еще найти принципа жизни и одного повсюду пробивающагося опредѣленнаго направленія; но едва-ли можно было предъявить къ нимъ подобное требованіе, если принять во вниманіе короткій періодъ и тѣ внѣшнія препятствія, подъ давленіемъ которыхъ еврейскіе ученые Италии жили и работали даже и въ тогдашнюю эпоху. Если гуманистъ Каліо Кальканьяни при

защитѣ диссертациі евреевъ Реубеновъ и обратился къ нему съ возгласомъ: «Въ дѣлахъ науки не должно существовать различія между евреями и христіаниномъ и не должно спрашивать—язычникъ-ли онъ или же посвященный въ мистеріи христіанства», однако, въ то время его современники не стояли еще на высотѣ этого гуманитарнаго принципа, и даже эпоха Медичисовъ принесла евреямъ лишь мало утѣшительнаго. При такихъ обстоятельствахъ духовное возрожденіе въ нихъ средѣ должно быть оцѣнено тѣмъ выше, чѣмъ меньше таковое поощрялось съ какой нибудь стороны и чѣмъ больше оно, напротивъ, задерживалось какъ внѣшними, такъ и внутренними врагами. Только медицинское искусство неограниченно предоставлено было евреямъ какъ ихъ неотъемлемое достояніе, и такимъ образомъ Италия въ это столѣтіе воснята многими и замѣчательными еврейскими врачами, изъ которыхъ, однако, большая часть, кромѣ своей специальности, предавалась также религиознымъ изслѣдованіямъ и совершила очень много выдающагося и на другія попріщахъ науки. Однимъ изъ наиболѣе ученыхъ изъ нихъ былъ родившійся въ Тортозѣ, въ Испаніи, *Яковъ Мантимо*, лейбъ-медикъ папы Павла III и другъ Льва Африканскаго. Онъ перевелъ съ еврейскаго и арабскаго философскія и медицинскія сочиненія на латинскій языкъ; изданный въ Парижѣ въ 1570 г. однимъ ученымъ христіаниномъ, епископомъ корсиканскимъ *Августиномъ Юстиніани* латинскій переводъ «*Mogeh*» Маймуни, также цѣликомъ или большею частью принадлежитъ Мантимо, хотя Юстиніани выдалъ это за свою собственную работу. Но что въ томъ самомъ Парижѣ, въ которомъ триста лѣтъ передъ тѣмъ публично сожженъ былъ тотъ самый «*Mogeh*», католическій епископъ печаталъ переводъ этого сочиненія—это уже во всякомъ случаѣ должно считатьъ прогрессомъ гуманныхъ идей, вызвавшихъ новое движеніе умовъ. Объ Обадіи Сфорно, благочестивомъ еврейскомъ медикѣ, который ненавидѣлъ философію, но который тѣмъ не менѣе былъ преданъ наукамъ и въ его вышеупомянутомъ богословскомъ сочиненіи далъ истинно-космополитическое толкованіе библейскому стиху: «Вы будете моею собственностью изъ всѣхъ народовъ»—объ этомъ Сфорно, равно какъ объ Абрагамѣ де-Бальмесѣ, Иосифѣ б. Давидѣ ибнъ-Іахїѣ, Бонетѣ де-Латтесѣ, который былъ извѣстенъ также какъ астрономическій писатель и изобрѣтатель астрономическаго кольца, —мы уже говорили. Замѣчательное явленіе, что всѣ эти и еще многіе другіе еврейскіе медики одновременно были тоже и богословами, объясняютъ тѣмъ древнимъ обычаемъ, по которому жрецы одновременно со спасеніемъ души должны были пещись и о благосостояніи тѣла. Не менѣе замѣчательный фактъ, что большая часть изъ нихъ болѣе

или менѣе враждебно относилась къ традиціямъ философіи еврейско-арабской школы, хотя именно тогда (1588) одинъ изъ нихъ, *Тедидія б. Моше ди-Реканати*—называвшійся также Амадео ди-Моше—перевелъ «Mogen» на итальянскій языкъ и даже посвятилъ этотъ переводъ наббалистическому писателю Менахему Азарію де-Фано—этотъ замѣчательный фактъ слѣдуетъ объяснить обстоятельствами того времени и умственными теченіями ихъ новаго отечества. Что могло побудить испанскаго изгнанника Юсіфа Іаабеца быть терпимѣе по отношенію къ Аристотелевой философіи въ то время, когда просвѣщенные главари «Возрожденія», равно какъ и ихъ противники, осуждали ее и сдѣлали ея уничтоженіе задачею своей жизни, когда его современникъ Джироламо Саванарола въ своихъ проповѣдяхъ открыто говорилъ: «Платонъ и Аристотель все-таки сидятъ въ аду. Старая баба больше знаетъ о вѣрѣ, чѣмъ Платонъ. Было бы хорошо для религіи, если бы многія, повидимому, полезныя книги были уничтожены. Когда еще не было такъ много книгъ и такъ много разумныхъ обоснованій и диспутовъ, вѣра росла быстрѣе, чѣмъ когда либо!» Нѣчто подобное говоритъ и Юсіфъ Іаабецъ въ своемъ «Свѣтѣ жизни». Но все же его идея о вѣрѣ была гораздо болѣе свободная и она рельефно характеризуетъ собою то положеніе, которое занимали евреи среди перекрецивавшихся и борющихся между собою теченій новаго времени.

Что это положеніе было преимущественно посредствующее и примиряющее, а потому плодотворное во многихъ отношеніяхъ — это уже неоднократно было отмѣчено и доказано. Но этотъ фактъ все снова и снова обнаруживается предъ нами, какъ только мы слѣдимъ за скитаніями испанскихъ евреевъ въ средніе вѣка. Гдѣ бы они ни поселились, они тотчасъ же поощряютъ развитіе науки и принимаютъ живое участіе въ господствующихъ умственныхъ движеніяхъ. Ихъ стойкость и способность, ихъ знаніе языковъ и ихъ усердіе въ ученыхъ занятіяхъ дѣлаютъ для нихъ возможнымъ освоеніе со всякою отраслью знанія, какъ бы далеко послѣдняя ни отстояла отъ ихъ религіозныхъ изслѣдованій, и даже приведеніе ее въ связь съ ихъ собственными литературными древностями. Подобно тому, какъ тѣ изгнанники, которые поселились въ Италіи, въ своихъ научныхъ занятіяхъ присоединились къ теченіямъ «Возрожденія», такъ тѣ изъ нихъ, которые въ значительномъ числѣ переместились въ сосѣдную Португалію, дѣйствуютъ на поприщѣ астрономіи и принимаютъ участіе въ великихъ открытіяхъ и морскихъ путешествіяхъ, которыя въ этомъ вѣкѣ сдѣланы

были португальцами. Уже Иоанн II поручил евреям дѣлать розысканія въ странахъ, дабы найти средства «въ бездорожной стахи и подъ незаконнымъ небомъ, приблизиться къ смутнымъ, но горячо желаннымъ дѣланіямъ». Въ совѣщаніяхъ его ученыхъ объ изобрѣтеніи инструмента, имѣющаго безошибочно показывать направленіе, котораго слѣдуетъ держаться, въ этихъ совѣщаніяхъ рядомъ съ нѣмецкимъ рыцаремъ Мартиномъ Беганномъ сидѣли также еврейскіе астрономы, математики и медики. Между ними отличался Иосифъ Вечиньо, который принималъ участіе въ изготовленіи глобуса для мореплавателя Педро де-Ковиляо и въ улучшеніи корабельнаго астролябіума, но который также отвергнулъ предложеніе о посылкѣ въ невѣдомыя страны чрезъ океанъ морской эскадры, сдѣланное смѣлымъ генуэзцемъ—Христофоромъ Колумбомъ. Но когда этотъ послѣдній предпринялъ такое путешествіе изъ Испаніи, то въ числѣ девяноста авантюристовъ, которые его сопровождали, находился также и еврейскій юноша *Луи де-Торресъ*, «который въ Мурчин, кромѣ еврейскаго и халдейскаго, учился также и арабскому языку». И точно также то былъ еврей, именно еврейскій штурманъ *Гаснаръ*, будто бы польскаго происхожденія, который помогалъ Васко ди-Гама при открытіи морскаго пути въ Индію и который впоследствии описалъ сдѣланныя имъ во время путешествія научныя наблюденія. Въ подготовительныхъ работахъ къ предпріятію Васко ди-Гама также весьма дѣятельное участіе принималъ еврей, имя котораго пользуется доброю славой и въ литературѣ его племени. Это именно *Абрагамъ б. Соломонъ Закуто* изъ Испаніи, бывшій профессоръ астрономіи въ Саламанкскомъ университетѣ, а послѣ изгнанія—астрономъ и хронографъ при португальскомъ королѣ Мануэлѣ. Еще въ Саламанкѣ Закуто исправилъ составленныя Исаакомъ мбѣ-Сидомъ и другими астрономическія таблицы и выработалъ новыя солнечныя, лунныя и звѣздныя таблицы съ существенно усовершенствованнымъ вычисленіемъ. Ученикъ его Августинъ Ричіусъ, въ своемъ трактатѣ «*De natura octavae Sphaerae*», въ которомъ онъ также доказываетъ еврейское происхожденіе астрономіи, сообщаетъ, что Закуто свое сочиненіе «*Almanach perpetuum*» выработалъ для Саламанкскаго епископа, которому и посвящалъ его. Сочиненіе это было переведено на испанскій языкъ—его ученикомъ Иосифомъ Вечиньо, а впоследствии и на еврейскій. Значительное число другихъ трактатовъ Закуто о философскихъ и лексикографическихъ темахъ большею частью потеряно. За то его главное сочиненіе на поприщѣ еврейской литературы, о которомъ будемъ говорить ниже, нашло себѣ широкое распространеніе. Работы

Закуто много содѣйствовали подготовленію къ открытіямъ Васко ди-Гама. Онъ совѣтовалъ королю Мануэлю предпринять эту экспедицію и помогать знаменитому морскому герою своими совѣтами и своею научною опытностью. Но эти услуги, которыя онъ и другіе его единовѣрцы оказали Португаліи и ея славѣ, не избавили ихъ отъ горькой участи изгнанія, которая постигла ихъ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1497 г.

Видѣвъ съ своими несчастными единовѣрцами Закуто переселился въ Сѣверную Африку. Туда и въ Турцію, повидимому, направилось главное теченіе португальскихъ эмигрантовъ. Извѣстно знаменитое слово султана Баязида: «Вы называете Фернандо мудрымъ королемъ,—его, который разорилъ свою страну и обогатилъ мою!» Оно достаточно характеризуетъ благоприятное положеніе евреевъ въ Турціи; оно допускаетъ также предположеніе, что духовное достояніе, которое привезли съ собою лишенные своихъ сокровищъ изгнанники, пошло на пользу тамошнихъ ихъ единовѣрцевъ, внесло новое свѣжее оживленіе въ тѣ кружки, которые до тѣхъ поръ были почти совершенно чужды литературѣ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ движеній должно считать то, которое въ эту эпоху создало сильное *историческое* теченіе, разливавшееся повсюду, куда явились несчастные изгнанники. Упрекъ въ томъ, что средневѣковое еврейство не имѣетъ историческихъ писателей и историческихъ изслѣдователей, достаточно уже опровергнуть остроумнымъ изреченіемъ: «Народъ *in partibus* не совершаетъ подвиговъ; его страданія могутъ произвести хронистовъ и поэтовъ, но не историковъ». Исторія Израиля, которая окончилась видѣвъ съ уничтоженіемъ государства, уже лежала готовою и заключенною. Только изслѣдованіе духа традиціоннаго слова осталось на долю вѣрующему потомству. Такимъ образомъ это была скорѣе исторія еврейской письменности, ученій и мнѣній историческихъ изслѣдователей, которая могла занимать историковъ и которая на самомъ дѣлѣ породила цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, стремившихся изображать послѣдовательное теченіе духовной жизни.

Лишь съ всеобщимъ пробужденіемъ историческаго сознанія и отчасти подъ влѣдѣніемъ послѣдняго, и еврейскіе писатели, рядомъ съ исторіей литературы, разрабатываютъ также и политическую исторію. Насколько это слѣдуетъ приписать вліянію гуманистическихъ наукъ, между которыми историческая занимаетъ весьма важное значеніе — опредѣлить трудно. Извѣстно только то, что всѣ выступающіе въ эту эпоху еврейскіе историки были образованные люди, знали латинскій языкъ и большая часть ихъ,

по всей вѣроятности, была знакома съ классическими и историческими писателями древности. Относительно формы и метода они, правда, держались преимущественно ихъ родныхъ учителей: они продолжали работу старыхъ Хроникъ Шерирь, носящихъ преимущественно историческій характеръ введеній въ Талмудъ—Нисима, Самуила Ганагида, Маймуни, Меира, Хроникъ Абрагама б. Давида и др. подобныхъ трудовъ. Первымъ, который сообщаетъ историческія свѣдѣнія, не по порядку слѣдовавшихъ одинъ за другимъ писателей и ихъ сочиненій, пока не стали извѣстными болѣе древнія сочиненія, должно считать *Абраама Закуто*, хронографа португальскаго короля Мануэля *. Въ своей новой родинѣ, въ Тунисѣ, писалъ онъ въ 1505 свою хроникку «*Sefer Jochasin*» (Списокъ родовъ), которая, однако же, скорѣе можетъ считаться исторіей литературы и которая только въ видѣ приложенія даетъ обзоръ исторіи вообще. Сочиненіе это, основанное болѣею частью на заимствованіяхъ изъ болѣе древнихъ твореній, составляющихъ краткую хроникку еврейской исторіи отъ сотворенія міра до той эпохи, въ которой жилъ Закуто, можно подвергать критикѣ, разумѣется, лишь съ точки зрѣнія того времени, въ которое она написана и въ которое, какъ мы уже упомянули, историческое изложеніе только что зарождалось. Такъ, Закуто рѣдко когда поднимается выше этихъ обыкновенныхъ хроникъ, а его данныя и сообщенія не всегда отличаются достовѣрностью. Не надо, однако, забывать, что хроника Закуто «есть дитя старости и бѣдствій: онъ писалъ ее дрожащею рукою и съ сокрушеннымъ сердцемъ о близкой будущности, и безъ помощи необходимыхъ литературныхъ пособій, почему и заслуживаетъ снисхожденія».

Такого же, если не еще болѣе, снисхожденія заслуживаетъ и другое историческое сочиненіе, надъ которымъ работали три поколѣнія и которое носить на себѣ рѣзкую печать тѣхъ преслѣдованій, которымъ повсюду подвергались евреи той эпохи. *Иуда ибнъ-Верга* началъ эту книгу «*Schebeth Jehuda*» (Розга Іуды) въ Севиллѣ; *Соломонъ ибнъ-Верга* почти окончилъ его въ концѣ XV столѣтія, а сынъ его *Иосифъ ибнъ-Верга* дополнилъ его въ Адрианополѣ въ 1554 г. Но настоящимъ авторомъ этой книги должно считать Соломона ибнъ-Верга. Въ своемъ настоящемъ

* Въ послѣднее время стали извѣстны нѣкоторыя историческія сочиненія, составленныя раньше Закуто, которыми пользовался сей послѣдній въ своемъ *Сеферъ-Юхасинъ*; такъ, напр., *Шаарѣ Ционъ* Исаака де-Латтеса (1372), *Зехеръ Цадикъ* Иосифа б. Цаддика изъ Арвала (въ Испаніи, 1467), и нѣкот. др.

видѣ книга эта менѣе всего производитъ впечатлѣніе однородности и цѣльности. Иуда ибнъ-Верга часто буквально заимствовалъ многое изъ болѣе древняго сочиненія, по всей вѣроятности, изъ Профіата Дурана; Соломонъ ибнъ-Верга прибавилъ кое-что, что отнюдь не можетъ претендовать на достоинство исторической истины. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе это, составляющее краткое повѣствованіе о страданіяхъ и преслѣдованіяхъ еврейскаго племени въ діаспорѣ и содержащее въ себѣ до шестидесяти четырехъ трагическихъ разсказовъ, по своему изложенію и освѣщенію событій, носить на себѣ нѣкоторый историческій характеръ и во всякомъ случаѣ можетъ служить историческимъ источникомъ. Соломонъ ибнъ-Верга самъ былъ очевидцемъ бѣдствій своего народа и самъ испыталъ ихъ на себѣ, будучи выброшенъ изъ своей родины и предоставленъ темной, неизвѣстной будущности. Онъ потому и далъ этому сочиненію такое названіе, что на всѣ эти бѣдствія и преслѣдованія онъ смотрѣлъ какъ на бичъ, которымъ Господь наказываетъ Израиля. О болѣе глубокомъ историческомъ смыслѣ свидѣлствуетъ также его изслѣдованіе въ концѣ его труда о мотивахъ ненависти народовъ къ евреямъ. Онъ находитъ эти причины въ воспрещеніи совмѣстной ѣды и питья, что сближаетъ людей между собою, въ воспрещеніи смѣшанныхъ браковъ, въ зависти къ богатству евреевъ, въ смерти Христа и въ томъ фактѣ, что за преступленіе, будто совершенное евреями, обвиняютъ ихъ всѣхъ; далѣе—въ ложныхъ присягахъ и въ чванливости, которая свойственна высокопоставленнымъ евреямъ. Соломонъ ибнъ-Верга не есть историкъ-панегиристъ; онъ безпощадно поднимаетъ свой бичъ противъ выродившихся сыновъ своего племени; онъ въ своихъ блестящихъ изображеніяхъ нерѣдко даже преувеличиваетъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выставить недостатки своихъ современниковъ. Но для того, чтобы благочестивые не потеряли надежды, онъ заканчиваетъ свою исторію изображеніемъ роскоши и великолѣпія Іерусалимскаго храма, который составляетъ цѣль и его собственныхъ горячихъ вождельній.

Большую историческою объективностію, чѣмъ его предшественникъ, обладаетъ третій современникъ—*Иосифъ б. Иосифъ Гакогенъ* изъ Авиньона (1554), который впоследствии поселился въ Генуѣ въ качествѣ врача. Не безъ нѣкотораго основанія его признали наиболѣе замѣчательнымъ еврейскимъ историкомъ со времени Іосифа Флавія. Изъ его сочиненій слѣдуетъ назвать «Хронику королей Франціи и оттоманскихъ владѣтелей»—«*Dibre Najamim le-Malkhe Zarfath we-Otoman*» и «Долина Плача»—«*Emek Nabakha*». Оба эти сочиненія написаны на чистомъ еврейскомъ языкѣ,

напоминающемъ лучшіе образцы, и въ историческомъ стилѣ. Этотъ авторъ навѣрное зналъ древнихъ историковъ и по нимъ научился быть историческимъ писателемъ. Въ первомъ сочиненіи, къ повѣствованію о войнахъ между французами и турками онъ присоединяетъ всѣ замѣчательныя мировыя событія и перечисляетъ также преслѣдованія евреевъ. Какъ современникъ и лейбъ-медикъ Андрея Дорін, Іосифъ Гакогенъ часто имѣлъ случай узнать личности и событія, которыя имѣли важное историческое значеніе, и въ самомъ дѣлѣ онъ, именно во второй части своей «Хроники», гдѣ онъ, между прочимъ, рассказываетъ и о заговорѣ Фіеско, говоритъ о нѣкоторыхъ такихъ обстоятельствахъ, которыя, повидимому, остались неизвѣстными другимъ историкамъ. О страданіяхъ своихъ единовѣрцевъ онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ. Онъ уже имѣлъ въ виду посвятить имъ особое сочиненіе, что онъ вскорѣ и исполнилъ. Его «Долина Плача», какъ уже видно изъ самаго заглавія, отъ начала до конца составляетъ мартирологъ подобно сочиненію Ибнъ-Верга, но отличается гораздо большею историческою достовѣрностью и бблышими литературными достоинствами. Правда, что и онъ иногда нарушаетъ историческую объективность въ нѣкоторыхъ сценахъ своей великой трагедіи; подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ великаго горя, и у него иногда вырываются слова негодованія и ужаса. Но и въ этихъ случаяхъ онъ умѣетъ умѣрять себя и переходить къ историческому тону, составляющему отпечатокъ его твореній. Ясный взглядъ на событія исторіи, въ которыхъ онъ признаетъ пути Господни, особенно отличаетъ его отъ предыдущихъ историковъ, и его не покидаетъ надежда, что и для его преслѣдуемаго племени настанутъ когда нибудь лучшіе дни. Этими мессіанскими представленіями заканчиваетъ онъ свое изложеніе.

Если относительно Іосифа Гакогена можно было высказать лишь предположеніе, что онъ воспринялъ свой историческій стиль отъ древнихъ образцовъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію относительно другого современника, который ведетъ своихъ читателей изъ долинъ плача въ долину утѣшенія—относительно *Самуила Ускве*, вырвавагося изъ когтей инквизиціи и нашедшаго себѣ новую родину въ Феррарѣ, въ этомъ цвѣтущемъ храмѣ музъ, и благородную покровительницу въ великодушнѣйшій и просвѣщенной еврейкѣ доннѣ *Грасіа Мендеса*. Самуилъ Ускве посвятилъ ей написанное имъ на португальскомъ языкѣ сочиненіе: «*Consolacão as Tribulações de Israel*» (Утѣшеніе для преслѣдованій Израиля), изображающее въ поэтическихъ діалогахъ исторію страданій Израиля, проникнутое высокимъ чувствомъ и истиннымъ вдохновеніемъ, соединяющее въ

себѣ исторію и поэзію и заключающее рядомъ съ повѣствованіемъ о страданіяхъ—и утѣшеніе, и надежду на лучшіе дни. Герой его разсказа пастухъ Тикабо, оплакивающій бѣдствія его разбѣянной въ разныхъ отдаленныхъ концахъ паствы. Два другихъ пастуха, Нумео и Цикарео, пытаются его утѣшить. Но онъ отвѣчаетъ на эти утѣшенія изображеніемъ богатой красками картины многоизмѣнчивой исторіи еврейскаго народа, начиная отъ дней его счастья и славы и кончая современными ему бѣдствіями и преслѣдованіями. Но изъ этой же исторіи другіе два товарища его черпаютъ утѣшеніе, заключающееся именно въ измѣнчивости и проходности всеѣхъ земныхъ отношеній, равно какъ въ процвѣтаніи и упадкѣ исторической жизни человѣчества, и въ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, обнаруживающихся во всеѣхъ этихъ переворотахъ. Этою, предсказываемою пророками и поэтами будущностью Израиля поэтъ и историкъ заключаетъ свои діалоги, которые навѣрное въ дни горя оживляли страдающія души его соплеменниковъ и всегда будутъ обращать на себя особенное вниманіе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ еврейской литературы.

Самуиль Ускве есть, безъ сомнѣнія, послѣдователь итальянскаго «Возрожденія», изслѣдованія котораго на поприщѣ науки древности, по всей вѣроятности, особенно привлекали его и его образованныхъ единовѣрцевъ. Но только одинъ изъ нихъ возвысился надъ диллетантскимъ ощущеніемъ и достигъ значенія настоящаго историческаго критика. Въ качествѣ такового онъ не только превосходитъ свою эпоху, но и все средневѣковое еврейство вплоть до эпохи тѣхъ великихъ мыслителей, которые, правда, не обладали исторической критикой, но которые замѣнили ее критикой философской. Онъ запираетъ ворота наивно-вѣрующихъ среднихъ вѣковъ и открываетъ двери новой критической эпохи. Онъ оставляетъ широкую торную дорогу какъ старыхъ законоучителей, такъ и любителей эстетики и безхитростныхъ хронистовъ, и идетъ своимъ собственнымъ путемъ. Онъ переноситъ своихъ читателей изъ своей эпохи и чрезъ средніе вѣка въ тѣ дни, когда источники литературы казались совершенно засыпанными. Онъ показываетъ имъ вновь раскопанныя сокровища и учитъ ихъ критически относиться къ различію между истиннымъ и легендарнымъ, и къ сравненію различныхъ литературныхъ произведеній. Онъ открываетъ еврейско-александрійскую литературу и вводитъ Филона и Септуагинту въ кругъ ново-еврейской письменности. Онъ не опасается возбуждать историческихъ сомнѣній и обращаться для разъясненія ихъ даже къ литературѣ отцовъ

церкви. Онъ обладаетъ, такимъ образомъ, историческимъ чутьемъ и умѣетъ представлять предметы въ нихъ постепенномъ развитіи. Имя этого писателя — *Азарія б. Мосе де-Росси* (Min Naadomim) (около 1504 — 1578) изъ Мантуи. Главное его сочиненіе носитъ названіе «*Меор Енајим*» (Свѣточъ глазъ) и онъ въ самомъ дѣлѣ просвѣтилъ взглядъ тѣхъ, которые до тѣхъ поръ были ослѣплены блескомъ древности. Оно состоитъ изъ трехъ частей, первая — «*Kol Elohim*» (Гласъ Божій), описываетъ землетрясеніе, которому подвергся городъ Феррара, тогдашнее его мѣстопробываніе, и которое косвеннымъ образомъ сдѣйствовало тому, что Азарія взялся за раскрытіе духовныхъ сокровищъ еврейской старины. Въ вынужденной праздности сельской жизни, на которую онъ былъ обреченъ вслѣдствіе упомянутой катастрофы, онъ сошелся съ однимъ христіанскимъ пріятелемъ, который чтеніемъ греческой книги изъ еврейской старины хотѣлъ разсѣять свое мрачное настроеніе. Это явленіе возбудило въ де-Росси желаніе познакомиться также и единовѣрцевъ своихъ съ этими произведеніями, и онъ перевелъ съ латинскаго на еврейскій языкъ такъ называемое Посланіе Аристеева о происхожденіи Септуагинты. Этотъ переводъ составляетъ вторую часть его сочиненія, озаглавленную «*Hadrath Sekenim*» (Вѣнецъ Старости). Но третья часть—это, безъ сомнѣнія, самая интересная и самая замѣчательная. Она содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ съ большою эрудиціей и здравой критикой написанныхъ статей о еврейской исторіи и литературѣ, о Филонѣ, о еврейскихъ сектахъ, о различныхъ переводахъ Библии, о пользованіи твореніями отцовъ церкви и другими христіанскими источниками, объ исторіи евреевъ въ Александріи и послѣдней борьбѣ еврейскаго народа за свою независимость, о талмудическомъ сказаніи объ Александрѣ Македонскомъ, о возвращеніи Талмуда на природу, о рациональномъ толкованіи Гагады и т. д. — большою частью параллели между талмудическими и другими сообщеніями объ этихъ же предметахъ. Она съ полнымъ основаніемъ носитъ названіе «*Imre Binah*» (Слова Мудрости). Рядъ дополненій и возраженій заключаетъ собою это многосодержательное сочиненіе, которое въ то время естественно вызвало противъ себя протесты набожныхъ, въ особенности новообразовавшейся въ Сафетѣ школы палестинскихъ каббалистовъ, и которое впоследствии также не обратило на себя надлежащаго вниманія. Лишь въ новѣйшее время Азарія де-Росси, изслѣдованія котораго положили первое основаніе современной исторической критикѣ, нашелъ себѣ достойную оцѣнку. Но дальше критики не шли ни силы, ни стремленія де-Росси. «Свѣточъ глазъ» есть — за исключеніемъ

маленького хронологического трактата «Madref la-Kodesf» (Плавление серебра) и некоторых других — единственное оставшееся после него значительное произведение. Характеристично для той эпохи упоминание «Возрождения», последствия которой прежде всего естественно отразились на евреях, то, что даже итальянские раввины считали своим долгом выступить против критики Азарии. Мантуанский раввинат запретил юношам в возрасте 25-ти-лѣтъ чтение этой книги, какъ некогда Соломонъ б. Адеретъ запретилъ чтение философскихъ произведений, а сафетские каббалисты страшно нападали на автора и даже обрекли его отлученію.

Азарія де-Росси опередилъ свое время. Особенно рельефно выясняется превосходство его надъ своими современниками, когда сравниваешь историческія и антикварныя изслѣдованія послѣднихъ съ его учениемъ сочиненіемъ, называть которое они стѣснялись уже по религіознымъ основаніямъ, но пользоваться которымъ они не отказывались. Свободомыслие его было совершенно чуждо его современнику *Гедалии б. Иосифа ибн-Яхи*. Въ его историческомъ сочиненіи «Schalscheleth Hakabbalah» (Цѣль традиціи) онъ хотя собралъ множество матеріала для исторіи евреевъ, но безъ всякой критики; басни и астрологическое суевѣріе безъ разбора смѣшаны у него съ историческими источниками. Не безосновательно негодованіе одного изъ позднѣйшихъ писателей, который называетъ это сочиненіе «Цѣлью лжи», въ виду того, что оно составляетъ собою пеструю смѣсь правды и лжи. И тѣмъ не менѣе книга Гедалии имѣла куда большій успѣхъ, чѣмъ сочиненіе де-Росси, потому что она болѣе соответствовала вкусу того времени и поощряла суевѣріе, ядъ котораго захватывалъ все большіе и большіе круги.

Гораздо болѣе заслуживаетъ быть поставленнымъ рядомъ съ де-Росси авторъ, жившій нѣсколько раньше и обладавшій значительною ученостью и критическимъ тактомъ, которыми онъ пользовался для обработки географіи, мало обращавшей тогда на себя вниманіе евреевъ. Авторъ этотъ — *Абраамъ б. Мордохай Фаррисоль* изъ Авиньона, жившій впоследствии въ Мантуѣ и Феррарѣ и еще въ 75-ти-лѣтнемъ возрастѣ — 1525 — составившій, въ его «Iggereth Orchoth Olam» (Посланіе о путяхъ міра), руководство къ гео- и космографіи, которое появилось впоследствии и въ латинскомъ переводѣ подъ названіемъ «Itinera mundi». Это былъ первый еврейскій писатель, который научно занимался географіей, а также первый, который говорилъ о Колумбѣ. Сочиненіе свое онъ составилъ частью на основаніи устныхъ сообщеній, частью же на основаніи произведеній Берго-

маса и Америкго. Побужденный чудесными открытіями своего вѣка, онъ чувствуетъ необходимость «познакомить своихъ единовѣрцевъ съ однимъ важнымъ научнымъ предметомъ, которымъ они пренебрегаютъ безъ всякаго основанія, чтобы, для отдыха, хвататься за двусмысленныя стихотворенія или же измышленныя военныя исторіи». Фаррисоль отличается свободнымъ взглядомъ: онъ описываетъ вселенную безъ всякихъ чудесъ и басней, въ отношеніи которыхъ онъ самъ признаетъ себя «маловѣрующимъ». Онъ находитъ на землѣ то, что его предшественники искали въ звѣздахъ. библейскій рай онъ переноситъ не на небо, а въ лунныя горы Нубіи. Значеніе космографіи онъ опредѣляетъ безъ отношеній къ традиціи; но онъ торжественно заявляетъ, что Библия сама даетъ примѣръ для землевѣдѣнія. Если «падкіе на лукъ и чеснокъ», — такъ называетъ онъ нѣмецкихъ евреевъ *, — одинаково отворачиваются отъ всѣхъ научныхъ предметовъ, то послѣдніе все-таки важны и святы, такъ какъ изъ нихъ узнаемъ чудеса Господа. Фаррисоль является также экзегетомъ и полемистомъ, но въ обоніи этихъ направленій онъ далеко не такъ замѣчательнъ, какъ въ качествѣ географа. Его комментаріи къ Пятикнижію, «Юву» и «Екклесиасту» не удаются отъ той колена, по которой шли въ то время другіе комментаторы Библии, а его полемическое сочиненіе «Magen Abraham» (Щитъ Авраама) заключаетъ въ себѣ лишь мало новыхъ моментовъ въ борьбѣ религій. Аргументы большею частью заимствованы изъ прежнихъ сочиненій, но изложены спокойно и ясно. Фаррисоль есть истинный послѣдователь «Возрожденія», который находится въ общеніи съ князьями Эркола д'Эсте и Лоренцо Медичи, который охотно признаетъ все хорошее и изящное, откуда бы оно ни происходило, и который выдается своимъ научнымъ рвеніемъ и яснымъ воззрѣніемъ на міръ.

Еще нѣсколько историческихъ и филологическихъ работъ являются одновременно съ произведеніями упомянутыхъ авторовъ, но ихъ далеко нельзя поставить на одну доску съ послѣдними. Какъ вообще въ ученыхъ трудахъ послѣдней эпохи «Возрожденія» напрасно будемъ искать твердаго плана и цѣльной системы, такъ и въ литературныхъ произведеніяхъ

* Эта кличка не относится исключительно къ нѣмецкимъ евреямъ, а вообще ко всѣмъ односторонне набожнымъ и ограниченнымъ единовѣрцамъ. Такъ, въ посланіи, приписываемомъ Маймониду, такъ обозначаются французскіе раввины; Де-Росси обозначаетъ такъ всѣхъ необразованныхъ и святошъ, прежде всѣхъ, разумѣется, своихъ итальянскихъ единоплеменниковъ.

итальянскихъ евреевъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій напрасно будемъ искать тотъ центръ, изъ котораго можно бы было исходить для анализа ихъ по направленіямъ или отраслямъ. Общее у нихъ—только форма, эстетическое стремленіе, порывъ къ освобожденію и неоплатоническая мистика. Чѣмъ менѣе можно перечислить выдающихся отдѣльныхъ сочиненій, тѣмъ болѣе литература идетъ въ ширь и находитъ сочувствіе въ массѣ. На всѣхъ поприщахъ духовнаго творчества встрѣчаются еврейскіе авторы, но только лишь немногимъ удается эманципация отъ религіозныхъ изслѣдованій, какъ, напримѣръ, Іудѣ Авраманелю. Большая часть изъ нихъ все еще переносятъ достигнутые на томъ поприщѣ результаты въ новый образовательный кругъ и такимъ образомъ одною ногою стоятъ въ еврейской литературѣ, а другою—въ литературѣ своего вѣка и своей родины. Замѣчательно только то, что царство классической красоты формъ, воздвигнутое «Возрожденіемъ», осталось для нихъ почти совершенно закрытымъ, что чудное весеннее вѣяніе искусства, которымъ проникнута была тогдашняя эпоха, не въ состояніи было взорвать ледяную кору предрасудка, который издавна вкоренился въ нихъ противъ пластическаго художества *.

Правда и то, что за этии весенними зephyрами слишкомъ скоро послѣдовали разрушительныя бури, круто прервавшія спокойную работу и ревностное творчество и не давшія разцвѣсть въ шатрахъ Іудей пониманію искусства и наслажденію имъ. Новыя преслѣдованія, которымъ стали подвергаться и въ Италіи только что успокоившіеся—было евреи съ половины XVI столѣтія, чувствовались тѣмъ тягостнѣе, что усиленная борьба и броженіе умовъ въ своей конечной цѣли имѣли въ виду обезпечить за индивидомъ право на свободу мыслей и чувства, а за человѣкомъ вообще—его существованіе и его вѣру... Когда въ Италіи стали сжигать еврейскія книги, а вновь появлявшія подвергать строгой, искажающей смыслъ цензурѣ, самихъ же евреевъ начали изгонять изъ нѣкоторыхъ городовъ, — тогда начавшееся въ этой странѣ при такомъ воодушевленіи гуманистическое стремленіе уже въ значительной степени превратилось въ «зловонное болото». Но какъ евреи не усвоили себѣ ничего изъ классической красоты формъ, созданной «Возрожденіемъ», такъ они не приняли участія въ той фривольности мысли и той безнравственной литературѣ, которую должно

* Авторъ упускаетъ изъ виду, что социальное-экономическое положеніе тогдашнихъ итальянскихъ евреевъ едва-ли могло благоприятствовать возникновенію и культивированію пластическаго художества, даже раньше наступленія бурь, о которыхъ говорится сейчасъ ниже.

считать концией итальянскаго «Возрожденія». Въ то время, когда даже сами напы садялись на скамью насѣвшихигоу, раввини находятъ себѣ исключительное удовольствіе въ «Восшествіиномъ ученіи», и лишь слабый отзвукъ этого фривольнаго направленія слышнеть изъ еврейскаго лагера.

Но если и нельзя отыскать внутренней причинной связи во всей письменности того времени, то все же чрезъ нее, какъ и чрезъ предшествовавшую литературу, красною нитью тянется стремленіе къ изслѣдованію, толкованію и распространенію библейскаго слова, которому подчиняются всѣ направленія и въ связи съ которыми въ извѣстной степени находятся всѣ работы. Съ этимъ стремленіемъ, естественно, считались и еврейскія типографіи, въ особенности въ Венеціи. *Даніилъ Бомбергъ* уже въ 1517 г. предпринялъ тамъ большое изданіе Библии, которое по своей точности и богатому содержанію могло служить образцомъ всѣмъ другимъ типографскимъ попыткамъ. Другія два изданія вышли изъ того же заведенія въ 1526 и 1548 гг. Они вмѣстѣ съ библейскимъ текстомъ заключали въ себѣ комментаріи Раши, Ибнъ-Эзры, Книхи и др., равно какъ и подробную Масору, и сдѣлались образцомъ раввинскихъ Библий, которыя по настоящее время появляются и распространяются во многихъ изданіяхъ большею частью подъ названіемъ «*Mikraoth Gedoloth*» (Большія Буквы *). Бомбергъ напечаталъ также въ своей типографіи «Іерусалимскій и вавилонскій Талмудъ» въ 12-ти фолиантахъ, между тѣмъ какъ раньше Герзонъ Сончино напечаталъ лишь отдѣльные трактаты Талмуда. Разумѣется, и онъ, какъ и христіанскіе типографы въ Кремонѣ, Феррарѣ, Ливорно, Падуѣ, Веронѣ, Сабіонеттѣ и т. д., пользовался при такихъ изданіяхъ еврейскими или перешедшими въ христіанство учеными въ качествѣ корректоровъ и издателей. Изданіемъ раввинской Библии Бомберга руководилъ *Яковъ бенъ-Хаимъ*, перешедшій впоследствии въ христіанство. Другіе корректоры прославили свое имя самостоятельными литературными заслугами и заслуживаютъ особеннаго упоминанія. Испанскій переводъ Библии, изданной *Абрагамомъ Ускве* въ Феррарѣ въ 1550 — 53 гг. и посвященный герцогу Эрколе-де-Эсте и Грачіи Мендесѣ, есть продуктъ того же стремленія сдѣлать доступнымъ библейское слово несчастнымъ марранамъ, спасеннымъ отъ испанскихъ и португальскихъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Болѣе ста ученыхъ участвовало, говорятъ, въ этомъ переводѣ, который составляетъ собственно только пересмотръ уже ранѣе существовав-

* Слово *микраотъ* (мн. ч. отъ *микра*) означаетъ Библию.

шаго перевода. Абраамъ Ужве, который въ Лиссабонѣ составлялъ еще латинскую грамматику, въ Феррарѣ исключительно посвящалъ себя типографскому дѣлу. Его заведение не могло удовлетворить спросу на Библии, молитвенныя и раввинскія сочиненія, который заявляли марраны, жаждущіе поученія изъ религіозныхъ источниковъ, сдѣлавшихся для нихъ чуждыми. Даже испанскій переводъ или, вѣрнѣе, обработка ритуальнаго кодекса Якова бенъ-Ашера, подъ названіемъ «Mesa de la alma» (Столъ для души), вышелъ изъ его типографіи вмѣстѣ съ другими сочиненіями подобнаго же содержанія.

Только когда введена была цензура еврейскихъ произведеній и для этой дѣли установленъ былъ Canon purificacionis, работа типографій нѣсколько остановилась. Однако, и тутъ вскорѣ найдены были пути и средства для того, чтобы, послѣ неоднократныхъ пересмотровъ, вычеркиваній и сокращеній, сдѣлать возможнымъ печатаніе Талмуда и другихъ раввинскихъ сочиненій. По порученію своихъ высшихъ вдохновителей, цензоры нѣмѣли снисходительнѣе относиться къ каббалистическимъ сочиненіямъ. И вотъ появились не только два большіе изданія «Зогара», но многіе комментаріи къ нему и значительное число другихъ сочиненій этой литературной сферы, которыя повели къ гибельному возвращенію религіозныхъ воззрѣній и которыя, не смотря на предупрежденія образованныхъ и разумныхъ раввиновъ, получали все большее и большее распространеніе.

Но нѣкоторый, хетъ и слабый, каббалистическій отгѣнокъ воцарилъ на себѣ библейскіе комментаріи этихъ раввиновъ, составленные большею частью въ аллегорическо-философскомъ духѣ, и даже большая часть научныхъ произведеній медиковъ и изслѣдователей древности. О библейскихъ толкованіяхъ послѣдователей Авраамеля, Балвеса, Аллемано, Сфорно, Фаррисоля, Иосифа ибнъ-Лалии и др. было уже упомянуто. На той же ступени стоятъ экзегетическія и грамматическія сочиненія другихъ авторовъ, жившихъ не задолго предъ упомянутыми, или одновременно съ ними, или же нѣсколько позже ихъ. Нѣкоторое довольно дѣльное начало къ научному словарю синонимовъ (Schemoth nirdafim) положилъ Соломонъ б. Абраамъ изъ Урбино (1480) въ его «Ohel Meod» (Скиния Завета). Около того же времени—приблизительно въ 1486 г.—Моисей ибнъ-Хабибъ изъ Лиссабона написалъ въ Витонте деъ-Пулья еврейскую грамматику въ вопросахъ и отвѣтахъ—«Maḡre Laschon» (Ищѣленіе языка) и превосходное руководство къ стихословенію «Darke Noam» (Пріятные пути), въ которомъ онъ классифицируетъ поэзію по ея содержанію и отличаетъ такъже

формы библейской поэзии. По его инициативе, метрика практиковалась уже в библейской древности, и в доказательство он ссылается на известную надгробную надпись на могиле военачальника Амади в Морвиедро, в Валенсии, в старом Сагунте, которая внушила ему уверенность, «что эта метрическая форма поэзии уже существовала в те времена, когда предки наши еще жили в своей собственной стране». За этими историческими рассуждениями следует очерк просодии и метрики, т. е. родов метра, которых для еврейской поэзии насчитывает целых десять. Тому же автору принадлежит поучительное разъяснение к знаменитому дидактическому стихотворению Iedaia Пенини — «Испытание мира», в котором он ссылается на трактат Фомы Аквитанского «De animae facultatibus», как на авторитетное произведение.

Таким образом это уважение к схоластике среди ученых евреев все еще дает себя чувствовать даже в творениях новейшего времени. Мало того, *Барухъ ибнъ-Барухъ* — один из комментаторов «Екклесиаста», в сокровенное содержание которого удалось проникнуть лишь немногим средневековым исследователям Библии, в обнародованном им в 1599 г. в Венеции подробном комментарии к этой книге «Kehillath Iacob» (Община Иакова) пользуется «Quaestiones» Фомы Аквитанского для разъяснения возражений и реплик, которые, согласно его оригинальной идее, принадлежать двум лицам: скептику Когелету и вбрующему бенъ-Давиду. Барухъ ибнъ-Барухъ, хорошо знакомый с историей философии, разбирает кроме того важнейшие проблемы религиозной философии при помощи библейского текста и может служить настоящим типическим образцом итальянских библейских экзегетов того времени. Современником Баруха был *Элия изъ Пезары*, который впоследствии переселился в Палестину и из многочисленных сочинений которого, кроме комментариев к «Иову» и «Псалмамъ Псалмическимъ», осталось еще интересное описание его путешествия, изложенное в виде письма из Фамагусты, что на остров Кипр. Мидрашобразный комментарий ко всей Библии написал в Кремонѣ (1582) *Абрагамъ Менахемъ Гакоменъ изъ Порто*, ученикъ Левиты; комментарий этот озаглавлен имъ «Mincha belulah» (Смѣшанный даръ), в виду того, что он сопоставляет в нем различные инициалы своих предшественников. В этомъ комментарии Абрагамъ Порто стремится прежде всего к отысканию естественного смысла Писания и не опасается при этомъ отступать от талмудической экзегетики и насмѣшливыхъ замѣчаній объ экзегетикѣ каббалистической. Темъ не менѣе,

онъ, какъ и всѣ прочіе, крѣпко окруженъ сѣтями той самой мистики, надъ которой издѣвается. Отдѣльныя библейскія книги комментировали по старымъ образцамъ, не открывая никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія, слѣдующіе писатели: *Иосифъ Конціо* въ Асти, который въ 1464 г. издалъ комментарий къ «Эсэри» и кромѣ того изложилъ въ стихахъ исторію Юдееи; *Шемал ди-Медина*, написавшій въ 1616 году подробное толкованіе къ «Притчамъ Соломона»; *Соломонъ б. Исаакъ Марини* въ Падуѣ, обнарудовавшій въ 1652 году болѣе гомилетическаго характера разъясненіе пророка Исаи; *Яковъ Ломброзо*, врачъ въ Венеціи, который въ 1639 г. выпустилъ въ свѣтъ прекрасное изданіе Библии съ подробнымъ предисловіемъ и краткими филологическими разъясненіями, содержащими также испанскій переводъ нѣкоторыхъ наиболѣе рѣдкихъ словъ; *Аронъ б. Давидъ Коенъ* изъ Рагузы, которому принадлежитъ отчасти филологическое, отчасти аллегорическое толкованіе Пятикнижія и нѣкоторыхъ другихъ частей Писанія, изданное въ 1657 г.; *Магалеъ Галлелуіа* въ Анконѣ, также написавшій въ 1600 г. комментарий къ Библии и оставившій послѣ себя нѣсколько ученыхъ респонзъ; *Самуилъ Коенъ* изъ Пизы, написавшій сочиненіе о наиболѣе трудныхъ мѣстахъ Библии, съ которыми связано рѣшеніе весьма важныхъ вопросовъ, какъ, напр., вопроса о томъ — заключается-ли въ «Екклесіастъ» отрицаніе безсмертія, а въ «Іовъ» — отрицаніе Провидѣнія и воскресенія, и, кромѣ того, сочинившій комментарий къ «Екклесіасту»; *Абраамъ Коенъ* изъ Цанте, почтенный поэтъ и проповѣдникъ, написавшій оригинальное поэтическое изложеніе псалмовъ, которое онъ издалъ, съ приложеніемъ своего портрета, подъ названіемъ «*Ke-hunath Abraham*» (Священство Авраама); *Моисей Хефецъ (Дженцилле)* въ Венеціи, написавшій философскій комментарий къ Пятикнижію подъ заглавіемъ «*Melecheth Machschebeth*», въ которомъ онъ обнаруживаетъ подробное знакомство какъ съ новѣйшей христіанской экзегетикой, такъ и съ естественными науками, математикой и философіей. Затѣмъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ послѣдователей, доходящихъ до порога новѣйшаго времени.

Болѣе важныя произведенія представляетъ еврейская письменность Италіи той эпохи по грамматикѣ, лексикографіи, археологіи, гомилетикѣ и этикѣ. Вслѣдъ за Азаріей ди-Росси являются три брата Провенцале: *Иуда, Моисей и Давидъ Провенцале* изъ Мантуи, изъ которыхъ первый объявляетъ еврейскую поэзію матерью поэзіи классической, между тѣмъ, какъ второй, подъ заглавіемъ «*Bosem Kadmon*» (Старый бальзамъ), написалъ

политическую грамматику по образцу Левиты, а третій, уважаемый проповѣдникъ, издавъ лексиконъ еврейскихъ словъ: «*Dor Haflagah*» (Родъ разсѣянія), въ которомъ онъ проводитъ оригинальную идею, будто всѣ языки и, по меньшей мѣрѣ, латинскія, греческія и итальянскія слова можно произвести изъ еврейскихъ. Дѣльнымъ грамматикомъ, на сколько ему, впрочемъ, не препятствуетъ при этомъ влеченіе къ Каббалѣ, является также *Иммануилъ б. Текутиель* изъ Веневетта въ своемъ сочиненіи «*Livjat Chen*» (Вѣнокъ прелести, 1557).

Болѣе важное значеніе имѣетъ *Соломонъ Норци* изъ Марціа, котораго оконченное въ 1626 г. сочиненіе] «*Minchat Schai*» (Даръ Шай *), критическій комментарий библейскаго текста, заключаетъ въ себѣ цѣлыя критическія замѣчанія о Масорѣ, легшія въ основаніе многихъ позднѣйшихъ работъ. Норци пользовался болѣе чѣмъ 60-ю рукописными источниками, изъ которыхъ древнѣйшія восходятъ до 1272 года. Его работамъ оказалъ существенную услугу *Менахемъ Лонзано*, который уже старцемъ переселился изъ Иерусалима въ Италію въ 1618 г. и главное сочиненіе котораго «*Sche Iadoth*» (Двѣ руки) одинаково важно для грамматики, Масоры и лексикографіи. Оно заключаетъ въ себѣ дополненіе къ «*Aguch*» Натана б. Іехиля, масоретскія статьи, археологическія изслѣдованія, этическое бесѣды, стихотворенія и преданія каббалистическаго отбѣнка. Но до сихъ поръ въ печати появилась первая часть и одна глава изъ второй части этого сочиненія. Въ сообщаемыхъ имъ преданіяхъ находится также заимствованная изъ древняго неизвѣстнаго Мидраша исторія шиллеровской «*Bürgschaft*» (Порука), которая въ своемъ странствованіи съ Востока вплоть до классической нѣмецкой литературы весьма мало видоизмѣнилась противъ первоначальнаго оригинала. Современникомъ Азарія де-Росси былъ тоже *Иуда Мускато*, который, помимо своихъ собственныхъ дѣльных трудовъ, не стѣснялся дѣлать значительныя заимствованія изъ болѣе древнихъ авторовъ, но который въ своемъ комментарий къ «*Al-Chazari*» Іегуды Галеви и еще болѣе въ сборникѣ проповѣдей «*Nefuzoth Iehuda*» (Разсѣянья Іуды) заявилъ себя писателемъ глубокаго ума и широкаго образованія. Первая изъ его знаменитыхъ проповѣдей посвящена музыкѣ, за которой онъ признаетъ высокую миссію. Преданію объ арфѣ Давида онъ придаетъ прекрасное аллегорическое толкованіе, переноса все осно-

* Слово *Шай* составлено изъ первыхъ буквъ именъ автора: Шеломо Іехидія.
Ред.

ванное на стигѣ псалмовъ прошествіе во внутръ души Давида. Въ такомъ же родѣ Мускато синтелизируетъ и другіе аггадическіе и библейскіе рассказы. Его проповѣди обнаруживаютъ въ немъ необычайное знаніе слога Писанія и изящный вкусъ. Одновременно съ нимъ и нѣсколько позже отличаются своими ораторскими дарованіями: *Азарія Фино*, вѣрнѣе—*Фичіо*, въ Венеціи, авторъ превратившагося почти въ народную книгу сборника проповѣдей «*Binah le-Ittim*» (Мудрость времени), предестныя проповѣди «Дерашн» (Рѣчи) котораго — числомъ 75 — въ виду ихъ религіозной теплоты и благодутшной морали—сдѣлались любимыми и ими, нерѣдко пользовались и въ позднѣйшее время. Затѣмъ, *Іаковъ б. Исаакъ Цаналонъ* въ Феррарѣ, рѣчи и произведенія котораго большею частью остались ненапечатанными. Онъ оставилъ послѣ себя медицинскіе сочиненія и переводы, еврейскую обработку «*Summa theologiae*» *Томы Аквитанскаго*, а также рѣчи, какъ и темы для таковыхъ. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій «*Ozar Nachaj*» (Сокровище жизни) онъ рассказываетъ, что онъ въ 1658 г., во время свирѣпствовавшей черной смерти, когда синагоги были закрыты, проповѣдовалъ собравшейся на улицѣ общинѣ изъ оконъ угловыхъ домовъ. *Іаковъ Альбо* во Флоренціи, рѣчи котораго «*Toldoth Iacob*» (Рожденіе Іакова) въ свое время очень цѣнились, также какъ и *Іуда Переузъ*, *Исаакъ Кавалеро* и разные другіе, были превосходными ораторами, которые умѣли выражаться правильнымъ языкомъ и рѣчи которыхъ отличались умомъ научнымъ и образованіемъ.

Впрочемъ, религіозныя проповѣди преносились большею частью на языкъ страны или родины. Только тѣ рѣчи, которыя предполагались для болѣе значительной публики, разрабатывались и издавались на еврейскомъ языкѣ. Однако, существуютъ какъ сборники, такъ и отдѣльныя рѣчи еврейскихъ проповѣдниковъ того времени—на языкахъ испанскомъ, португальскомъ и итальянскомъ.

Но область археологій разрабатывалась съ особенною любовью. Наиболѣе значительнымъ авторомъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ считать врача *Авраама б. Давида Порталеоне* (по еврейски «*Schaag Naarje*», Врата льва), жившій въ 1542—1612 г. въ Мантуѣ и написавшій тамъ свое обнаруживающее громадную эрудицію сочиненіе «*Schilte Hageborim*» (Щиты героевъ). Это наиболѣе значительное сочиненіе въ еврейской литературѣ на поприщѣ археологій и памятниковъ весьма дѣльныхъ изслѣдованій. Оно обработано по 98 источникамъ, подробно распространяется о еврейскихъ древностяхъ, о Иерусалимскомъ храмѣ и его конструкціи, объ аз-

тарѣ, подсвѣчникѣ и столѣ храма, о священныхъ одеждахъ, жертвоприношеніяхъ, церемоніяхъ и пр. И въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ онъ также съ пользою принимаетъ свое знаніе еврейской археологіи, именно въ своемъ, посвященномъ герцогу Вильгельму Гонзаго въ Мантуѣ, сочиненіи «Три бесѣды о золотѣ» («Dialogi tres de auro»), въ которомъ онъ приписываетъ евреямъ первое употребленіе золота съ медицинскою цѣлью, что тогда часто практиковалось въ медицинѣ. Три латинскихъ сочиненія о медицинскихъ вопросахъ, принадлежащія этому мужу, происходящему изъ извѣстной семьи врачей, остались ненапечатанными. Его археологическимъ сочиненіемъ очень часто пользовались позднѣйшіе писатели, и оно также переведено было на латинскій языкъ.

Не смотря, однако, на такія заслуги, еврейскіе врачи, даже въ Италіи, подвергались враждебнымъ нападкамъ. Для защиты противъ такихъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ, нападокъ, *Давидъ д'Асколи* сочинилъ—1559—латинскую апологію, направленную противъ обнародованнаго папою Павломъ IV декрета и приведшую автора въ тюрьму. Большой успѣхъ имѣло апологетическое сочиненіе *Давида де-Поми* (по еврейски — «Min Hataruchim» — 1525 — 1580) изъ Венеціи, озаглавленное: «De medico hebraeo» (Объ еврейскомъ врачѣ). Въ двѣнадцати главахъ этого сочиненія ясно и рѣшительно опровергаются предразсудки противъ евреевъ и еврейскихъ врачей и отвергаются всѣ обвиненія противъ послѣднихъ. Обязанности еврейскаго врача исчисляются здѣсь по религиознымъ источникамъ и подтверждаются вѣскими изреченіями изъ Талмуда и Мидраша. Принципы, изъ которыхъ онъ исходитъ, суть слѣдующіе: 1) врачъ, въ качествѣ такового, никогда не сдѣлаетъ зла; 2) при призываніи врачебнаго искусства не можетъ быть рѣчи о различіи исповѣданія; 3) еврейская религія запрещаетъ злоупотреблять врачебнымъ искусствомъ; 4) еврейскій врачъ долженъ быть благочестивымъ человѣкомъ, и въ дѣйствительности онъ отличается благочестіемъ; 5) онъ не долженъ переходить въ другую религію, и такіе случаи дѣйствительно очень рѣдки; 6) какъ благочестивый, соблюдающій законы еврей, онъ никогда и никому не станетъ вредить; 7) христіанинъ — не есть врагъ еврея, а еврей — не врагъ христіанина; 8) христіанинъ поэтому не долженъ никогда презирать или преслѣдовать еврея; 9) согласно религіи и требованіямъ разума, христіанинъ долженъ любить еврея; 10) упреки, направленные противъ евреевъ и въ особенности противъ еврейскихъ врачей, лишены всякаго основанія и уже давно опровергнуты; 11) папа и многіе князья

расположены къ евреямъ.—Нѣтъ сомнѣнiя, что сочиненiе это въ свое время обращало на себя вниманiе и разсѣяло появившiеся-было предрассудки противъ еврейскихъ врачей. И на поприщѣ еврейской письменности дѣйствовалъ Давидъ де-Помисъ оживляющимъ образомъ, при посредствѣ своего трехъязычнаго словаря—еврейскаго, латинскаго и итальянскаго языковъ—*«Zemach David»* (Отпрыскъ Давида), при составленiи котораго онъ много пользовался Книжи, Натаномъ б. Іехіелемъ и Левитой, также при посредствѣ своего итальянскаго перевода *«Екклезіаста»* и многихъ другихъ экзегетическихкихъ и медицинскихъ сочиненiй, рѣчей и изслѣдованiй, изъ которыхъ упомянемъ здѣсь только о *«Discorso à l'humana miseria»*, — произведенiи, трактующемъ о человѣческомъ несчастiи и о средствахъ къ его отращенiю. Произведенiе это приложено въ видѣ заключенiя къ переводу Екклесіаста и разъясняетъ эту тему со многими доказательными ссылками на Библію.

Другіе еврейскіе врачи того времени также приобрѣли себѣ имя на поприщѣ еврейской и итальянской литературы. Таковы братья *Іехіиль*, *Видалъ* и *Моисей Алатино* въ Сполетто, которые писали на итальянскомъ и латинскихъ языкахъ и которыхъ итальянскій стиль современными имъ художественными судьями признается образцовымъ. Моисей Алатино перевелъ также нѣсколько греческихъ и арабскихъ философскихъ произведенiй съ еврейскаго на итальянскій языкъ. Особенную славу въ качествѣ врача приобрѣлъ марранъ *Аматусъ Лузитанусъ* (1511—1562), выдававшійся также своими медицинскими, историческими и ботаническими сочиненiями. Тѣмъ не менѣе и онъ, будучи глубокимъ старцемъ, вновь долженъ былъ взяться за странническій посохъ и убѣжать отъ папской инквизиціи на Востокъ. Изъ его сочиненiй важнѣйшимъ должно считать его *«Семь Центурій»*, въ каждой изъ которыхъ онъ излагаетъ сто случаевъ болѣзней и примѣненные имъ способы леченiя, а изъ его открытiй—клапанъ безформенныхъ венъ, которымъ онъ приближается къ ученiю о циркуляціи крови. Братъ его *Эмъ Монталто* также только для вида принялъ христіанство и впоследствии перешелъ обратно въ іудейство. Онъ также приобрѣлъ извѣстность какъ врачъ и какъ естествоиспытатель и, кромѣ медицинскихъ сочиненiй, оставилъ послѣ себя и теологическiй трактатъ о 53-й главѣ Исаи. Монталто долгое время былъ лейбъ-медикомъ королевы Маріи Медичи въ Парижѣ и неоднократно имѣлъ случай заступаться за свою религію и своихъ единовѣрцевъ.

То же самое можно сказать о всѣхъ еврейскихъ врачахъ и писателяхъ,

вторые свои научные труды стоять уже всецѣло на литературной почвѣ своего отечества и уже не поддерживать сношеній съ религіозными изслѣдованіями. Но известная благородная черта проходить по всѣмъ ихъ трудамъ, какъ вообще по всѣмъ произведеніямъ того времени, которыя не носятъ на себѣ ясно опредѣленнаго отпечатка и которыя безостановочная производительность до того расширена на различныхъ и другъ отъ друга отдаленныхъ пеэрицахъ и имѣетъ такой общій характеръ, что трудно, если не невозможно, распределить ихъ по известнымъ направленіямъ или по ихъ выдающимся представителямъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что для характеристики того вѣка упомянемъ здѣсь лишь о самыхъ выдающихся его движеніяхъ. Они вращались преимущественно на пеэрицахъ полемическомъ и апологетическомъ въ пользу преслѣдуемой племенной религіи, а также на пеэрицахъ археологіи, этики и поэзіи, отчасти тоже и переводовъ философскихъ сочиненій. Изъ апологетическихъ сочиненій самое важное—«*Notologia*», написанное въ 1625 г. *Иммануиломъ Абоабомъ* на испанскомъ языкѣ для защиты іудаизма. Иммануилъ переселился изъ Порто въ Венецію, гдѣ онъ въ сильной рѣчи защищалъ іудазмъ предъ сенатомъ и народомъ и затѣмъ работалъ 10 лѣтъ надъ своимъ вышеупомянутымъ сочиненіемъ, составляющимъ удачную защиту и вѣсть съ тѣмъ исторію еврейской традиціи въ смыслѣ древнихъ преданій. Къ этой же известной фамиліи, предокъ которой Исаакъ Абоабъ уже занималъ выдающееся положеніе въ еврейской литературѣ, принадлежалъ также *Самуилъ Абоабъ*, раввинъ въ Венеціи, который въ свое время считался какъ талмудическій авторитетъ и который, кромѣ юридическихъ респонзовъ, написалъ также этическое сочиненіе «*Sefer Nasichronoth*» (Книга воспоминаній); затѣмъ, его преемникъ *Иаковъ Абоабъ*, который занимался археологіей и естественными науками, какъ дилетантъ, и переписка котораго съ не-еврейскими учеными не лишена значенія для исторіи литературы.

Апологетическимъ цѣлямъ служило также превосходное защитительное сочиненіе *Симона Луццато*, котораго «*Discorso circa il Stato degl' Hebrei*» (Трактатъ о положеніи евреевъ) продиктованъ искреннимъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливой критикой и равножѣрно распределяетъ свѣтъ и тѣни. Луццато отнюдь не скрываетъ недостатковъ своихъ единовѣрцевъ, но онъ является умѣлымъ защитникомъ ихъ справедливаго дѣла, которое онъ изъ экономическихъ и гуманныхъ мотивовъ горячо и энергически рекомендуетъ вниманію Венеціанской республики. Прежде всего онъ обращается къ національно-экономическимъ причинамъ и въ виду того, что

торговля большею частью находится въ рукахъ чужеземцевъ, что благосостояніе государства падаетъ, между тѣмъ какъ преданные государству евреи способны поднять торговлю и доставить Венеціи важныя выгоды, ученый авторъ рекомендуетъ имъ покровительству гордой морской республики, и этому ученому раввину принадлежатъ также парабола «Socrate», которая въ свободомыслящемъ духѣ анализируетъ отношеніе вѣры къ наукѣ съ точки зрѣнія маймонидовской рационалистической школы — предприятие, которое въ то время господства Каббалы и религіознаго формализма считалось чуть ли не ересью. Сочиненіе это посвящено дожу и сенату Венеціи. Понименванный уже *Іаковъ Домброзо* написалъ—1640—полемическое сочиненіе «Въ защиту іудаизма» противъ Гуго Гроція, которое не осталось безъ вліянія. Чѣмъ болѣе еврейскіе ученые усвоивали себѣ элементы общаго образованія, тѣмъ болѣе они были въ состояніи и тѣмъ усерднѣе они брали на себя трудъ—отвергать нападки противъ евреевъ на всѣхъ поприщахъ и на всѣхъ языкахъ.

Эти полемическія и апологетическія произведенія тѣсно связаны съ этическими и моральными народными книгами и нерѣдко даже содержатъ въ себѣ одно и другое, такъ какъ одновременно съ защитой соединяютъ и пожелательное поученіе о законѣ, воззванія къ нравственной и религіозной жизни, какъ, напр., вышеупомянутыя сочиненія обоехъ Абововъ, Іакова Цагалона и др. Такое же сочиненіе на исторической подкладкѣ написалъ также *Исаакъ Кардозо* изъ Серолико въ Испаніи въ концѣ XVII столѣтія, подъ заглавіемъ «Las Excellencias y calumnias de los Hebreos» (Достоинства евреевъ и клеветы противъ нихъ). На основаніи историческихъ документовъ Кардозо умѣло опровергаетъ многія обвиненія противъ евреевъ и указываетъ послѣднимъ высокое положеніе въ человѣческомъ обществѣ, положеніе, которое можетъ быть опариваемо лишь подъ вліяніемъ предразсудковъ. Въ полемической литературѣ еврейскаго племени сочиненіе Кардозо, заслуживающаго также извѣстность какъ писателя философскій и медицинскій и какъ поэтъ — онъ также произнесъ надгробную рѣчь надъ могилой Лопе де-Вега — есть одно изъ наиболее содержательныхъ. Тѣмъ не менѣе и онъ долженъ былъ убѣжать отъ преслѣдованій инквизиціи.

Если такимъ образомъ лучшіе люди еврейскаго племени работали для того, чтобы охранять славу іудаизма по отношенію къ внѣ стоящимъ, то рядомъ съ ними выступали не менѣе дѣльные ученые, которые стараются

укрѣплять состояніе еврейской общины и содѣйствовать распространенію еврейской науки. Такъ, *Самуилъ б. Элхананъ Аркеволти* изъ Падунъ въ своей грамматикѣ еврейскаго языка «*Arugath Nabosem*» (Грамматика нравностей) пытался дать полную исторію и ученіе о формахъ еврейской поэзіи, которая имѣетъ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ его собственные превосходные поэтическіе образцы и построена на научномъ основаніи. И онъ также приписываетъ стику библейской поэзіи рифму и метрику, но рѣшительно возстаётъ противъ переложенія религиозныхъ пѣсней на свѣтскія мелодіи, что тогда часто практиковалось въ Италіи, и исчисляетъ 22 метрическихъ нормы еврейской поэзіи, которыя поэтъ имѣетъ принимать, смотря по характеру стихотворенія. Его собственная поэзія свидѣтельствуетъ больше о его художественной виртуозности, чѣмъ о поэтическомъ чувствѣ. Но это уже болѣе не средневѣковой Музигъ, а свободное подражаніе еврейскаго стиха, которое можно встрѣтить у всѣхъ тогдашнихъ ново-еврейскихъ писателей, которые предпочитали болѣе свободное движеніе и свѣтское образованіе рабскому принужденію—идти по терной дорожкѣ старыхъ образцовъ. Аркеволти составилъ также оглавленіе цитатъ къ «*Aruch'u*», еврейскій письменникъ и написалъ еще нѣкоторые другія сочиненія, между прочимъ «*Degel Ahabah*» (Знамя любви), «нравственно-серьезную поэзію, обращенную къ преданному наслажденіямъ свѣтскому человѣку». *Рафаилъ Раббеніо* изъ Падунъ также издалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій, съ цѣлью доказать, что еврейская поэзія имѣетъ прочно сложившуюся метрику. Правда, что еврейская поэзія того времени воспринимала новыя формы и образцы изъ поэтическихъ произведеній страны, по которымъ она развивалась, но эти формы и образцы все-таки остались чуждыми ея духу и никогда не могли вкоренить право гражданства въ Іудеѣ. Поэтому поэтическія попытки, которыя почти всѣ написаны по образцамъ тогдашней итальянской поэзіи, будь это по формѣ или содержанію, не могутъ претендовать на оригинальность. Еще менѣе основательно было бы придавать этимъ разбросаннымъ, безъ особеннаго плана предпринятымъ попыткамъ значеніе новоклассической поэтической школы, которая подъ воздѣйствіемъ новой западной культуры и классической поэзіи могла бы постепенно придавать ново-еврейской поэзіи совершенно иной характеръ. Только относительно формы и стиховъ обнаруживается это влияніе. Являются рифмованныя переложенія библейскихъ книгъ, даже грамматики и календари,—иногда того, даже Талмудъ и обрядовые кодексы излагаются стихами. Вообще же

поэзія вращается на этическомъ и дидактическомъ поприщѣхъ, пока вліяніе итальянской изящной литературы не передаетъ и ей новыхъ сюжетовъ. Уже раньше романтическая поэзія Испаніи сильно привлекала маррановъ, которые и въ изгнаніи оставались вѣрными ихъ бывшему отечеству. Последній испанскій трубадуръ *Антоніо де-Моро* былъ еврей-старьевщикъ изъ Кордовы и первый испанскій драматургъ *Родриго де-Кота* былъ марранъ изъ Севиллы; которому приписывается авторство «*Celestina*», одного изъ любимѣйшихъ произведеній старо-испанской литературы. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что изгнанники и вдали отъ родины сохранили приверженность къ Испаніи, къ ея литературѣ и поэзіи, — единственное, чего не былъ въ состояніи лишить ихъ никакой великій инквизиторъ; но они въ то же время очень быстро освоились и съ литературой гостепріимно принявшаго ихъ новаго отечества и долгое время образовывали собою посредствующее звено между испанскою и итальянскою письменностью. Прошло едва полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ евреи переселились изъ Португаліи въ Италію, и въ 1567 г. еврей *Соломонъ Ускве* уже является переводчикомъ Петрарки на испанскій языкъ и пишетъ оды на языкѣ итальянскомъ. Современными ему художественными критиками Ускве особенно прославляется за этотъ именно переводъ любимаго національнаго поэта Италіи. По ихъ отзывамъ, онъ вѣрно передалъ не только ритмъ, но и разиѣръ слоговъ и изящную форму сонетовъ, канцинъ, мадригаловъ и секстинъ Петрарки. Итальянскую оду о шести дняхъ творенія Ускве посвятилъ впоследствии канонизированному кардиналу Барромео, который былъ свободомыслящимъ покровителемъ изящныхъ искусствъ, а свой переводъ Петрарки онъ посвятилъ Александру Фарнезе, владѣтелю Пармы и Пиаченцы. Но поэтическая дѣтельность Ускве замѣчательна еще въ другомъ отношеніи. Онъ является первымъ еврейскимъ драматургомъ со времени Іезекиилоса изъ Александріи. Драма, сама по себѣ не соответствующая духу Востока, въ особенности среди евреевъ никогда не находила себѣ особенной симпатіи. Лишь подъ вліяніемъ вновь возбужденной драматической жизни въ Испаніи и Итали, драмы начинаютъ появляться и въ еврейской литературѣ. Виѣстѣ съ *Лазаремъ Грачіано*, вообще малоизвѣстнымъ еврейскимъ поэтомъ, Ускве обработалъ первую еврейскую драму на испанскомъ языкѣ «*Esther*». Исторія Эсфири съ давнихъ временъ представляла матеріалъ къ веселымъ праздничнымъ представленіямъ, прославлявшимъ день «*Пурима*» (Гамана). Весь юморъ и вся сатира, въ теченіе

средних вѣковъ, скрывались въ этихъ пуримскихъ шуткахъ и сатирическихъ переложеніяхъ. Понятно поэтому, что первый драматургъ избралъ именно этотъ любимый сюжетъ, чтобы облагородить его посредствомъ художественной поэзіи. Данный рядъ подобныхъ же попытокъ слѣдуетъ за этой первой драмой, которою Соломонъ Ускве завоевалъ себѣ одинаковое мѣсто съ Самуиломъ Ускве, своимъ современникомъ и сородичемъ, и явился достойнымъ дѣятелемъ еврейской литературы.

Но уже въ цвѣтущіе дни «Возрожденія», прежде чѣмъ масса испанскихъ изгнанниковъ успѣла прибыть въ Италію, еврейскіе писатели уже принимаютъ дѣятельное участіе въ національной литературѣ послѣдней. Первые извѣстные итальянскіе сонеты принадлежатъ *Иудѣ де-Соломоне* изъ Мантуи (1504), но уже въ срединѣ XIV столѣтія *Джустина Леви Перотти* написалъ итальянскій сонетъ въ честь Петрарки. И въ переводахъ древнихъ поэтовъ на итальянскій и еврейскій языки они впоследствии участвовали съ большимъ успѣхомъ. «Овидіевы превращенія» переведены еврейскими октавами *Саббатаемъ Хаимомъ Марими* изъ Падун; другіе перевели Данте, Петрарку и Метастазіо на священный для нихъ еврейскій языкъ, а еврейскія пѣсни и исторіи—на дорогой для нихъ языкъ итальянскій, какъ, напр., упомянутый уже *Иосифъ Конціо* изъ Асси, который въ своемъ «*Canto di Judit*»—1628 г. — переложилъ въ итальянскіе стихи аггадическую исторію этой геройской дѣвушки, между тѣмъ какъ *Иаковъ б. Узіель*, марранъ въ Венеціи, свою еврейскую героическую поэму въ двѣнадцать пѣсняхъ, озаглавленную «*Давидъ*», написалъ еще на языкѣ своей испанской родины. Съ такимъ же успѣхомъ поэты и ученые, какъ Балмезъ, Сфорно, Мантино, Давидъ де-Помисъ и др., пользовались языкомъ латинскимъ. Марранъ *Иаковъ Флаво*, подъ псевдонимомъ *Дадакусъ Пиррусь*, сдѣлался однимъ изъ самыхъ прославленныхъ латинскихъ поэтовъ того времени. Впервые послѣ долгаго времени, и еврейскія женщины вновь принимаютъ теперь участіе въ поэзіи своего племени. *Дебора Аскарелли*, изъ Рима, перевела на итальянскій языкъ гимны изъ дидактическаго стихотворенія Моисея Ріети подъ заглавіемъ: «*Il tempio*», Пѣсни раскаянія, Бахія ибнъ-Пакуды и Иакова б. Ниссима. Одинъ еврейскій поэтъ, намекая на нѣкую еврейскую поэтессу, отступившуюся отъ іудейства, обращается къ ней съ слѣдующимъ восклицаніемъ:

Пусть другіе воспѣваютъ великіе трофеи,

Твоя же пѣснь будетъ вѣчно звучать въ честь твоего племени!

Еще болѣе выдается младшая современница, *Сара Кони Сулламъ* (1641) изъ Венеціи,—свѣтлый образъ на еврейскомъ Парнасъ. Къ сожалѣнію, изъ ея твореній известны лишь очень немногія, но и эти немногія совершенно достаточны для того, чтобы оцѣнить ея умъ и ея характеръ. Генуэзскій священникъ Ансальдо Чеба написалъ стихотворный эпосъ «*Esther*», который Сара прочла съ особеннымъ восхищеніемъ. Она была настолько восхищена этимъ чтеніемъ, что написала автору восторженной благодарности письмо за то высокое наслажденіе, которое доставило ей его сочиненіе. Вслѣдъ затѣмъ началась весьма оживленная и интересная переписка между старѣющимъ священникомъ и цѣлующей дѣвушкой, превратившаяся въ концѣ концовъ въ попытку къ обращенію. У экзальтированного священника идея эта превратилась въ страсть, которая завладѣла имъ всецѣло. Онъ пускаетъ въ ходъ всѣ чары диалектики и логики, чтобы обратить еврейскую дѣвушку — не напрасно. Она только съ трудомъ соглашается читать Новый Заветъ и разрѣшаетъ ему молиться за ея обращеніе. Когда читаешь основанія, которыя она противопоставляетъ Чобѣ въ своей непоколебимой приверженности иуданству, то нельзя не признать какъ ея проникательный умъ, такъ и ея поэтическое дарованіе и знакомство съ религиозными источниками и главнѣйшими философскими сочиненіями. Но Ансальдо до самой своей смерти не отказывался отъ надежды добиться обращенія этой прекрасной души. Такъ какъ онъ не въ состояніи былъ побороть ея умъ, то пытался дѣйствовать на ея сердце—но и это было тщетное усиліе. Въ стихахъ и прозѣ онъ не мечталъ ни о чемъ иномъ, какъ только о приведеніи Сары въ лоно церкви. Сару между тѣмъ постигло большое горе. Молодой итальянскій священникъ Балтазаръ Воиофаціо изъ Ровиго, въ трактатѣ о безсмертіи души, выступилъ противъ Сары съ обвиненіемъ, что она отрицаетъ это ученіе, равно священное для еврейства и христіанства. Обвиняемая поднялась съ одра болѣзни и въ два дня написала протестъ, въ видѣ своего «*profession de foi*»;—протестъ, который отразилъ это обвиненіе неопровержимыми доказательствами, разрушительною диалектикой и уничтожающею сатирой. Кромѣ иѣсельныхъ советовъ — это единственное, что сохранилось изъ твореній этой писательницы.

Со смертью Ансальдо Чебы прекращаются дальнѣйшія извѣстія о Сарѣ. Чѣмъ она кончила—неизвѣстно; но такъ какъ она и послѣ своей смерти прославлялась еврейскими и итальянскими поэтами, то слѣдуетъ предполо-

жить, что и дальнейшая деятельность ее не отставала от прежней ее жизни.

Между еврейскими поэтами той же эпохи видятся лишь немногие, которые ушли далее искусственного рифования и поднялись до действительного поэтического творчества, как *Самуэль Ахревалты*, *Мекалемъ Донзано*, *Иаковъ Фано*, *Моисей Камалано*, оставивший брачный гимнъ, написанный въ перемежку итальявскими и еврейскими стихами, *Леонъ дель Бене* изъ Феррары, который, кромѣ философскихъ и богословскихъ трактатовъ, писалъ также и стихотворенія подъ заглавиемъ: «Iehuda Meshokoki» (Иуда, мой возлюбленный)*, *Иаковъ* и *Олмануиль Франчесо*—«Давидъ» первого еще и теперь находится въ рукописи** и, по обычаю того времени, содержитъ въ себѣ диалогъ о достоинствѣ жонщины, а затѣмъ свадебные гимны и сатирическія надгробныя надписи—*Исаакъ Кантарани* изъ Падуи,—но особенно *Моисей Закуто* и *Иаковъ Олло*, въ сочиненіяхъ которыхъ наиболее рельефными образомъ отражается связь еврейской поэзіи съ итальянской новіей эпохи «Возрожденія».

Моисей Закуто создалъ первую еврейскую драму***—и въ этомъ заключается его значеніе для еврейской литературы. Его драма «Iesod Olam» (Основа міра) изображаетъ страданія, которыя Авраамъ, въ-за своего новотомства, претерпѣвалъ среди идолопоклонниковъ. Закуто опирается при этомъ на гагадическомъ преданіи, что Авраамъ сикло и богъ беззани выступалъ противъ языческаго миража и несколько не задумывался надъ тѣмъ, чтобъ жертвовать жизнью за свою вѣру. Такой праведникъ, но талмудическому толкованію одного изреченія «Притчей»—составляетъ собою основу міра. Что драма Закуто есть сочиненіе тенденціозное—въ этомъ можно быть увѣреннымъ, хотя этииъ несколько не унасилетъ достоинство его поэмы. Весьма понятно, что поэтъ, въ тѣ дни все увеличивавшихся преслѣдованій, хотѣлъ представить своимъ единоверцамъ возвышенный образецъ, который дѣйствовалъ бы на нихъ ободряющимъ и поддерживающимъ образомъ. Разумѣется, что эта первая драматическая попытка лишена была еще всѣхъ развитыхъ поэтическихъ формъ. Она состоитъ изъ диалоговъ,

* Чит.: мой законодатель.

Ред.

** Часть напечатана въ сборникѣ, издаваемомъ обществомъ „Мекице Нурданимъ“.

Ред.

*** Покойный Р. Н. Рабиновичъ (изъ Мюнхена) указалъ на древнѣйшія драматическія сочиненія въ еврейской литературѣ.

Ред.

мониторъ и пѣсней съ измѣняющимися развѣромъ, въ которыхъ, однако, нѣтъ недостатка ни въ поэтической чувствѣ, ни въ лирическихъ красотахъ. Нерѣдко поэтическое выраженіе возвышается до истиннаго вдохновенія и поэтической ясности. Если Закуто, который, впрочемъ, рѣшительно склонялся на сторону каббалистическаго раввинизма, въ этой драмѣ, по всей вѣроятности, пользовался классическими образцами, то относительно слѣдующаго его поэтическаго произведенія такое пользованіе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это—поэтическое описаніе ада, на которое *Inferno* Данте имѣло существенное вліяніе. Но это вліяніе обнаруживается лишь въ основной мысли этой пѣсни: сама же идея проведена въ специфически еврейскомъ духѣ и всецѣло покоится на воззрѣніяхъ Гаггады * Потрясающее преданіе служитъ мотивомъ пѣсни: ангелъ смерти стучится въ гробъ ново-похороненнаго, который вновь получаетъ свою душу и свои чувства, но мысли и рѣчи котораго составляютъ собою лишь безсвязную смѣсь неясныхъ представленій и воспоминаній. На всѣ его вопросы о будущемъ демонъ отвѣчаетъ всякій разъ сардоническимъ эхо его послѣдняго слова—и это эхо составляетъ въ то же время ужасный отвѣтъ на его мучительный вопросъ. Въ массѣ иронической, все увеличивающейся игры словъ онъ, наконецъ, рисуетъ грѣшному контрастъ между земною жизнью и будущею, которая ждетъ его отъ Страшнаго Суда. Въ заключеніе—гробъ опускають въ глубины ада и предъ несчастнымъ грѣшникомъ открываются видѣлища его будущихъ мученій—сѣнь отдѣленій ада. Многочисленные демоны окружають его гробъ и имъ овладѣваетъ предчувствіе его будущихъ мытарствъ. Вотъ основа Закутовскаго *Inferno*, который онъ назвалъ «*Tette Arukh*» и написалъ въ 185 пятистотныхъ строфакъ. Мы уже упомянули, что Закуто былъ адептомъ новѣйшей Каббалы, праздновавшей тогда свои роскошнѣйшія оргіи, и понятнo поэтому, что выборъ такой матеріи прельщалъ мистика въ такой же мѣрѣ, въ какой привлекалъ его образецъ итальянскаго поэта. Разница только въ томъ, что за

* Закуто не имѣлъ надобности заимствовать основную идею у Данте, такъ какъ въ древне-раввинской литературѣ находится „Сказаніе о:р. Іешуа бенъ Леви“, которое по справедливости было названо прототипомъ *Divina Comedia*. Если предположеніе С. Д. Луццатто справедливо, что другъ Данте *Manoello* тождественъ съ Иммануиломъ Роми (авторомъ *Махберотъ*), то, быть можетъ, отъ сего послѣдняго гениальный итальянскій поэтъ и узналъ про раввинское сказаніе. Этому не противорѣчатъ обстоятельство, что въ послѣдствіи Иммануилъ подражалъ Данте въ своемъ „*Махберотъ гантифамъ ас-одемъ*“.

его адомъ не послѣдовалъ рай и, что ему не доставало несравненной творческой силы Данте для того, чтобы изложить весь міръ его идей въ поэзі, которая могла быть чувствуема какъ благороднѣйшее свидѣтельство чѣлаго міросозерцанія.

Закуто писалъ еще многое другое; существуютъ еще его гимны, гимны и проповѣди, но также и комментаріи къ Зогару и Миницѣ, каббалистическіе словари и письма, респонсы и методологическіе трактаты—въ нестройной смѣси. Какъ относительно драмы, такъ и относительно дидактическіхъ стихотвореній онъ нашелъ себѣ преемниковъ. Едва тридцать лѣтъ послѣ его смерти появилось сочиненіе итальянскаго поэта *Ланова-Даннило Олио* изъ Феррары (1557): «Eden Agukh» (Приготовленный рай для праведныхъ), которое можетъ считаться произведеніемъ однороднымъ съ его *Inferno* и которое создаво подъ его вліяніемъ, какъ и подъ вліяніемъ «Divina Comedia». Уже современники признали однородность этихъ произведеній и потому они были изданы вмѣстѣ въ одною томъ въ 1744 г., въ Венеціи. Поэма Олио, состоящая изъ 277 строфъ, также составляетъ собою поэтическую обработку гагадическаго традиціи. Онъ описываетъ небо и рай необычайно яркими красками, какъ Закуто свой адъ, но у него не хватаетъ поэтической силы, необходимой для того, чтобы совладать съ такими грандіознымъ матеріаломъ. Умирающій праведникъ въ моментъ смерти обращается съ рѣчью къ горюющему семейству: онъ знаетъ, что въ гробъ не провожаетъ его ни одно изъ его дѣлъ, которое могло бы защищать его предъ судомъ Бога, къ которому онъ поэтому возноситъ свою молитву. Въ чудномъ видѣніи предъ нимъ открываются врата неба, открытыя его молитвой, и глазамъ его представляется великолѣпный рай. Ангелы привѣтствуютъ его тамъ и славословятъ милосердіе Господа и радости блаженства потокомъ прелестнѣйшей игры словъ. Видѣніе заканчивается тѣмъ, что праведникъ еще разъ возвращается къ жизни и передаетъ чудеса, которыя онъ видѣлъ. Послѣ этого три хора ангеловъ встрѣчаютъ оставляющую земное покрывало душу его священными привѣтствіями, — отраженіе Божьяго величія—*Schecinah*—зоветъ ее ласковымъ голосомъ изъ узъ тѣла; любовнымъ поцѣлуемъ Шехины душа освобождается отъ тѣла и проходитъ по равнинамъ рай. Пораженная чудесами семи отдѣленій Эдема, она возноситъ свои молитвы къ милосердію Божьему и въ пророческихъ видѣніяхъ предсказываетъ блестящую будущность Израиля и возстановленіе Іерусалима, какъ видимаго столицы Господа.

Всѣ эти разнообразныя попытки на попримѣтъ поэзіи и науки несо-

инѣнно указываютъ на могучее вліяніе, которое имѣла на еврейскую письменность итальянская литература эпохи «Возрожденія» — вліяніе, которое продолжается еще тогда, когда это теченіе уступило мѣсто другимъ стремленіямъ и обнаруживается уже только на поприщѣ искусства. Идеальнымъ вождѣмъ народа явилось на сѣбѣ рѣзкое отрезвленіе; стремленіе къ церковнымъ реформамъ вело въ тѣнищу или на костеръ; поэзія сдѣлалась подражательницей или даже слугою чужихъ господъ. «Все, что могла дать живая фантазія, мелодичный языкъ и роскошный колоритъ, все это можно было еще найти въ картинахъ и поэмахъ итальянцевъ, но энергія и мужественность въ выраженіи своихъ чувствъ, сила и прагматичность дикціи, свѣтлость и огненность въ выполненіи, все это изсякло вмѣстѣ съ исчезновеніемъ сознанія свободы и безопасности, вызваннаго пользованіемъ гражданской свободы». И въ еврейской письменности Италіи въ теченіе XVII и XVIII столѣтій не трудно найти аналогію съ только что описаннымъ состояніемъ итальянской умственной жизни. Въѣкъ такихъ религиозныхъ мучениковъ какъ Джордіано Бруно и Галилео Галилеи производить въ еврейскомъ лагерѣ такіе характеры, которые могутъ быть разсматриваемы какъ мученики стремленія къ просвѣщенію въ борьбѣ съ все возраставшимъ отупленіемъ и побѣдоноснымъ суевѣріемъ * и къ которымъ долженъ быть прилагамъ масштабъ тогдашнихъ отношеній. Правда, эти не обнаруживаютъ геройства мученичества; они не восходили на костеръ и не подвергались даже религиозному отлученію, но они въ тиши истекали кровью вследствие противорѣчія между ихъ умственною жизнью и теченіемъ времени и изнемогали въ печальной и безутѣшной двойственной жизни, которую они вынуждены были вести. Такого рода существованіе не въ состояніи произвести истинно великіе характеры, но только тотъ станетъ осуждать этихъ мужей за ихъ двойственность и нерѣшительность, кто не въ состояніи обнять историческимъ взоромъ теченія

* Очевидно, что желаніе найти аналогію во что бы то ни стало замякло автора далеко за предѣлы дѣйствительности и заставило его наложить слишкомъ густыя краски, такъ какъ никакой безпристрастный человѣкъ не увидитъ мучениковъ ни въ Леонѣ де Меданѣ, который, не смотря на свой образъ мыслей и дѣяній, преспокойно остался во всю жизнь почитаемымъ раввиномъ, ни въ Соломонѣ дель Медяго, который, будучи вполнѣ независимымъ отъ евреевъ профессоромъ и врачомъ, добровольно принялъ апологію Каббалѣ, и не только теоретической, но и практической; безъ всякаго внутренняго убѣжденія.

Ред.

тогдашняго времени и не обладает способностью тонкаго психологическаго анализа сущности и извѣчности человѣческой природы.

Геуда Арія Модена—называемый также Леонъ де Модена—(1571—1648), былъ именно такой мужъ, который можетъ служить характеристическимъ выраженіемъ теченій тогдашней эпохи. Во всю свою жизнь онъ постоянно колебался между суевѣріемъ и невѣріемъ, между страстями и борьбою противъ нихъ, между философіей и рационализмомъ, между просвѣщеніемъ и Каббалой. Такая жизнь необходимо должна уничтожить всякія внутреннія чувства, и на самомъ дѣлѣ Леонъ де Модена является именно въ малоблагоприятномъ свѣтѣ если не имѣть постоянно предъ глазами характеръ тогдашней эпохи, въ которую онъ сталъ такимъ человѣкомъ — эпохи рѣзкой реакціи послѣ быстрого и всеобщаго умственнаго возрожденія, — эпохи, въ которую единичныя личности востаютъ противъ господствующаго теченія времени, другія же должны были погибнуть къ постоянныхъ противорѣчій. Только этими отщепеніями и можно объяснить загадочную двойственность Леона де Модены. Не его вѣдѣній жизни и по сочиненіямъ, которыя онъ признаетъ своими — это вѣрующій итальянскій раввинъ, но во внутреннемъ своемъ міросозерцаніи, какъ обнаруживается это въ тайне сохранившихся вплоть до позднѣйшаго времени произведеній, это самый рѣшительный противникъ традиціи; онъ пишетъ стихи и трактаты противъ игры, а самъ—страстный игрокъ; онъ громитъ Каббалу, а самъ приготовляетъ амулеты и пишетъ симпатическіе рецепты. Онъ такъ тщательно умѣетъ скрывать свои сомнѣнія, что никто рѣшительно не замѣчаетъ насѣдника изъ-за личины почтеннаго рабби. О такой натурѣ можно сожалѣть, но симпатію она приобрести не можетъ. Но интересъ къ сочиненіямъ Леона де Модены растетъ по мѣрѣ того, какъ ближе приходишь къ этому замѣчательному явленію. Приходишь въ изумленію отъ эластичности этого ума и отъ рѣдкой силы сохранять столь рѣзкій контрастъ между наружными и внутренними человѣкомъ. Сочиненія его, такими образомъ, раздѣляются на два противоположныхъ направленія. Уже въ молодости онъ въ формѣ діалоговъ написалъ сочиненіе противъ игры «Sur-me-Rah» (удаляйся отъ зла!) и до глубокой старости онъ былъ предаемъ этой страсти. Известная книга о шахматахъ «Maadanne Melekh» (лакомства короля), которую ошибочно приписывали Іедаіи Пенини, хотя она изображаетъ новѣйшую шахматную игру, по всей вѣроятности, также принадлежитъ этому автору, который на этомъ поприщѣ, какъ известно, имѣлъ уже, впрочемъ, предшественниковъ. Во время своего раввин-

ства въ Венеціи онъ написалъ главное свое сочиненіе противъ Каббалы «Ari Nohem» (Рыкающій Левъ) и полемическій трактатъ противъ переселенія душъ «Ben Dawid» (Смысль Давида), находившій себѣ отзвукъ въ развитіи идей новѣйшей Каббалы, но въ то же время и составленное изъ старыхъ источниковъ собраніе симпатическихъ рецептовъ подъ заглавіемъ: «Sod Iescharith» (Таинъ Праведныхъ). Въ то время, какъ онъ тамъ яснымъ образомъ обвиняетъ иудаизмъ и его историю, онъ здѣсь является приверженцемъ суевѣрія того времени, недѣльностей астрологій и алхиміи. Но важнѣе всего его талмудическія и антиталмудическія сочиненія. Уже въ оглавленіи къ собранію Агадъ подъ названіемъ «Ejn Jacob» (Глазъ Іакова), тихими шагами, но тѣмъ не менѣе довольно замѣтно выступаетъ уже извѣстное реформаторское стремленіе. Еще рѣзче выступаетъ это стремленіе въ сочиненіи «Magen we-Zinah» (Щитъ и Панцирь), которое онъ, по всей вѣроятности, самъ перевелъ на итальянскій языкъ. Въ этомъ сочиненіи онъ опровергаетъ 11 тезисовъ, присланныхъ ему изъ Гамбурга, и является въ то же время апологетомъ талмудическаго еврейства и открыто выступаетъ противъ вольнодумства, среди этихъ тезисовъ установившее и такіе, которые совершенно уничтожаютъ устную традицію. Опроверженіе Іуды гораздо слабѣе, чѣмъ это можно было ожидать при его дарованіи. Оно опирается на томъ фактѣ, что синайское Откровеніе одне было недостаточно, чтобы основать еврейскую религію; поэтому является необходимость въ устной традиціи. Можно почти думать, что эта апологія скорѣе является обвиненіемъ противъ традиціи, которую раввинъ венеціанскій *долженъ* былъ признать, и предположеніе о томъ, что и 11 тезисовъ принадлежать самому Леону Моденѣ, приобретаетъ тѣмъ болѣе вѣроятности, когда читаешь написанное имъ девять лѣтъ спустя сочиненіе, появившееся лишь въ несколько десятковъ лѣтъ тому назадъ подъ названіемъ «Beshinath Hakabbalah» (Анализъ Традиціи), и заключающее въ себѣ рѣзкія нападки на традицію «Kol Sakhal» (Голосъ Глухца) и краткое возраженіе противъ нихъ «Scha'agath Arje» (Рыканіе Льва). Но и нападки, и защита принадлежать Леону Моденѣ! Онъ хотя и выставляетъ какого-то равви Амитая бейъ Іудаія ибнъ Разъ изъ Алкамы авторомъ, написавшимъ это сочиненіе 120 лѣтъ предъ тѣмъ, но до очевидности доказано, что Іуда самъ написалъ это сочиненіе, въ которомъ онъ излялъ все свое давно срываемое неудовольствіе на талмудическое еврейство. Тяжкія обвиненія онъ возводитъ здѣсь противъ Талмуда и его приверженцевъ: традицію онъ прямо объявляетъ грѣховною и опасною; религиозные обряды онъ осыпаетъ насмѣш-

ками и глумленіемъ. Мало того, онъ даже не останавливается на устной традиціи; онъ дерзаетъ коснуться и Библии и ученія объ Откровеніи, и тамъ, гдѣ его аргументы являются недостаточными, онъ не гнушается прибѣгнуть къ аргументамъ отступника, того извѣстнаго Абнера изъ Вургеса, котораго «Войны Господни» дали столь излюбленный матеріалъ врагамъ іудейства и противъ котораго самъ выступилъ въ своемъ не вполне сохранившемся полемическомъ сочиненіи противъ христіанства подъ названіемъ «Magen we-Chereb» (Щитъ и Мечъ). А его защита! Она обнимаетъ всего двѣ страницы. Она оканчивается уже первымъ двумя главами. Случайно-ли это, или преднамѣренно—кто это въ состояніи рѣшить? Не несомнѣнно одно: въ какой мѣрѣ сильно и остроумно нападеніе—въ такой же мѣрѣ слаба и незначительна защита того мужа, который въ теченіе своей жизни самъ признавалъ подвергаемое имъ враждебной критикѣ традиціонное еврейство и который глѣтъ не менѣе четыре года до его амалигн противъ гамбургскихъ тезисовъ для своего христіанскаго ученика Іакова Гафарелли составилъ сочиненіе «Historia dei riti ebraici», въ которомъ онъ предалъ это іудейство глумленію и презрѣнію христіанскихъ современниковъ. Гафарелли напечаталъ это сочиненіе въ Парижѣ въ 1635 году и Ринаръ Симоэль, извѣстный критикъ, перевелъ его въ 1684 году на французскій языкъ какъ источникъ для познанія еврейскаго ритуала. «Во время писанія, я на самомъ дѣлѣ забылъ, что я еврей, и смотрѣлъ на себя какъ на простого и безпристрастнаго рассказчика» — вотъ что приводитъ Іуда якобы въ свое оправданіе.

Но характеристично для сущности этого безпутнаго человѣка, что онъ важнѣйшія свои сочиненія не обнародовалъ при жизни. Онъ ограничивался глѣтъ, что выпустилъ въ свѣтъ проповѣди, словари, инемотехнику, автобіографію подъ названіемъ «Chaje Iehuda» (Жизнь Іуды), которая, однако, не разрѣшаетъ загадки о его странной двойственной жизни *, и тихотверенія. Стихотверенія эти отчасти не безъ достоинства; но онъ былъ шестомъ только на случай и воспѣвалъ все, что давало ему вознагражденіе. Фундѣтельствомъ тому можетъ служить его стихъ: «Эпитафію давно я отослалъ—но денегъ я все еще не видалъ. И все же за работу—справедливо получать плату». Его элегія на смерть его учителя, каббалиста *Моисея Басулу*, написана одновременно на еврейскомъ и итальян-

* Автобіографія Моданы въ цѣлости до сихъ поръ не издана.

скомъ языкахъ и характеризуетъ его манеру играть даже поэтическими чувствами.

Таковъ былъ Леона Модена. Порывистый дѣлатель и борецъ съ великими дарованиями, но безъ всякаго характера, разъясненіе противоположности котораго съ его гевіемъ предоставлено только вѣдшему времени. Какъ печальны заблужденія этого таланта! Онъ былъ призванъ къ самому высокому и не оставилъ тѣмъ: не менѣе ничего, что бы могло нѣтъ для литературы болѣе почетное значеніе; онъ былъ бы призванъ прогрессивно дѣйствовать въ развитіи іудаизма и исчезъ какъ метеоръ, не оставивъ никакого слѣда. Притѣсненіе производить ханжей,—говорить древнее изреченіе, справедливость котораго снова можетъ быть доказана жизнью Леона Модены *.

Подобно же, хотя болѣе глубокою натурой былъ *Іосифъ Соломонъ дель Медико*, потомокъ Ильи дель Медико изъ Кандіи (1591—1655). раздѣжающій литераторъ, который въ теченіе своей жизни скитался по всей Европѣ, и то жилъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ качествѣ общинаго врача, то въ Польшѣ въ качествѣ лейбъ-медика при князѣ Радзивиллѣ, то велъ въ Египтѣ математическіе споры съ арабскими ученими; то опять вращался въ Константинополѣ среди каравановъ и каббалистовъ, пока онъ, наконецъ, въ Прагѣ не окончилъ свои печальныя земныя скитанія. Уже эти вѣдшія переибы въ его жизни указываютъ на безпокойность и непостоянство его характера. И на самомъ дѣлѣ, характеръ его обнаруживаетъ самыя странныя противорѣчія и непрерывныя колебанія между господствующими направленіями. Тѣмъ не менѣе, Іосифъ дель Медико стоитъ выше Леона Модены, съ которымъ онъ, впрочемъ, въ Венеціи находился въ дружественныхъ сношеніяхъ; онъ все-таки серьезнѣе и нравственнѣе Леона. Онъ чувствуетъ противорѣчіе, въ которомъ онъ живетъ, и ту трещину, которая отдѣляетъ его научныя убѣжденія отъ вѣры его современниковъ. Онъ самъ горько жалуется на то, что онъ долженъ быть однимъ и казаться другимъ. Онъ презираетъ Каббалу и долженъ являться ея приверженцемъ. Онъ ученикъ Галлилея, хорошо знакомый съ естественными науками и математикой, и все-таки долженъ представлять изъ себя приверженца старыхъ ученій и возрѣвій, которыя его лучшее

* О притѣсненіяхъ, которыя претерпѣвалъ бы Модена за свой образъ мыслей со стороны своихъ единовѣрцевъ, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека.

научное убеждение давно признало сказками и баснями. Эту же печальную противорѣчивость проникнула и вся его писательская дѣятельность. Великія предвѣщанія, но малыя дѣла, великія стремленія, но безъ силы и стойкости осуществлять ихъ. Еще въ молодости онъ нацѣлился составить энциклопедію на философскихъ началахъ «Ja'ar Lebanon» (Ливанскій Лѣсъ), которая должна была обнимать всю науку. За эту же сочиненіемъ должны были послѣдовать многія другія; онъ самъ исчислилъ около тридцати произведеній изъ разныхъ отраслей науки, которыя онъ будто бы написалъ, но изъ которыхъ почти ничего не осталось. Изъ цѣлаго ряда каббалистическихъ трактатовъ, озаглавленныхъ «Ta'alumoth Chakhma» (Глубины Мудрости), ученикъ его Самуэль Анженези надалъ нѣкоторыя извлеченія, которыя всѣ заключаютъ въ себѣ защиту Каббалы противъ философіи, даже противъ сочиненія Эли дель Медиго. Единственное сочиненіе, имъ самимъ наданное, «Elim», содержитъ въ себѣ вопросы карамлы Зерака бенъ Натана, а также и письма къ дель Медиго и отъ него къ разнымъ лицамъ, а равно и письма его учениковъ. Оно—чисто математическаго содержанія и лишь въ началѣ онъ приводитъ нѣкоторыя цѣлыя и статьи, которыя онъ изъ предосторожности приписываетъ своему ученику—Моисею Мецу и которыя указываютъ на его свободомысленныя воззрѣнія. Но только найденное лишь въ пятидесятыхъ годахъ * нынѣшняго столѣтія литературное посланіе его къ вышеупомянутому карамлу представляеть дель Медиго въ его настоящемъ свѣтѣ. Въ этомъ интересномъ посланіи онъ горько жалуется на невѣжество евреевъ, на каббалистическія вакиаліи, на вѣру въ Аггаду; онъ восторженно прославляетъ философію и въ особенности Маймуни, котораго онъ противопоставляетъ Рамби; онъ хвалитъ карамловъ и высказывается съ полною откровенностью обо всемъ, что онъ до тѣхъ поръ старательно обходилъ молчаніемъ. Но что особенно важно въ этомъ литературномъ посланіи, то это обнаруживаемое авторомъ подробное знакомство съ литературой и вселѣя вѣрная оцѣнка литературныхъ произведеній, что дѣлаетъ это посланіе важнымъ источникомъ для исторіи литературы.

Дель Медиго также не былъ особенно нравственною натурою. Онъ исполнялъ раввинскія функціи, которыя онъ, по всей вѣроятности, въ душѣ осмѣивалъ, и публично защищалъ Каббалу, которую онъ въ душѣ прези-

* Чит.: *въ тридцатыхъ годахъ*, издаю Гейгеромъ въ 1840 г.

ралъ. Онъ стоялъ выше Леона Медены въ томъ отношеніи, что онъ по крайней мѣрѣ стремился быть полезнымъ своимъ единовѣрцамъ и выказалъ перепоротъ къ нѣмъ воспріимать. Его гражданная ученость и критическій умъ, будь они соединены съ энергическимъ и нравственнымъ характеромъ, несомнѣнно имѣли бы сильное вліяніе на современниковъ. Но, вслѣдствіе своей беззаботной жизни и непостоянства характера, и онъ пропалъ безслѣдно, безъ всякаго воздѣйствія на іудеевъ и его умственное развитіе.

Есть нѣкоторое основаніе въ томъ, что появленіе такихъ мужей, какъ Леонъ Медена, Іосифъ дель Медуго и др., приводить въ связь съ гибелью «Возрожденія», послѣдствія которой, весьма естественно, въ тѣхъ кругахъ обнаружались гораздо позже, точно также, какъ и плоды той величественной культурной эпохи созрѣли здѣсь гораздо позже. Не и гуманизмъ, который, собственно говоря, замѣнилъ «Возрожденіе», между тѣмъ уже остался новадъ реформации. Послѣдняя и получила въ наслѣдство отъ гуманизма любовь къ еврейскому языку, развитіе которой существенно поощрялось богословскимъ направленіемъ того времени. Объ ученикахъ Эліи Левиты, *Паалъ Фагінъ* и *Себастьянъ Мюнстеръ*, уже упомянуто было выше и отмѣчено какъ они старались содѣйствовать распространенію изученія еврейской науки. Сочиненія Фагінъ суть отчасти переводы произведеній Левиты, отчасти цѣнные изданія раввинской письменности, какъ, напр., комментарий Давида Кинхи къ первымъ десяти псалмамъ, еврейскія молитвы, изреченія отновъ синагоги, апокрифы, Таргумъ Оккедесъ, и многіе трактаты, скрытая дѣлъ которыхъ была, правда, обращеніе евреевъ, а также и собственныхъ его сочиненій, какъ, напр., его комментарий къ первымъ главамъ книги Бытія и его еврейская грамматика. Такими же усѣбными образомъ, но съ гораздо большимъ дарованіемъ распространялъ сочиненія Левиты Себастьянъ Мюнстеръ. Его переводы большей части произведеній Левиты, его изданіе Рейхлинновской «*Rudimenta*», его переложенія библейскихъ книгъ, при которыхъ онъ пользовался наиболее важными раввинскими комментаріями, его лексіконы и его еврейская грамматика—дѣлають его столь же дѣльными, сколько и ревностнымъ поощрительномъ изученія еврейскаго языкованія, которое мале-по-малу завоевало себѣ мѣсто и въ университетахъ. Такъ, въ половинѣ XVI столѣтія оно преподавалось въ университетахъ Гейдельбергскомъ, Виттенбергскомъ, Лейпцигскомъ, Ингольштадтскомъ, Базельскомъ, Цюрихскомъ, Кельнскомъ, Марбургскомъ, Эрфуртскомъ, Вѣнскомъ, Кенигсбергскомъ и Ронгенскомъ, равно какъ во многихъ другихъ школахъ.

Если въ Германіи побужденіе къ этому изученію исходило отъ Рейхлина, то усердіе, съ которымъ оно культивировалось въ Италіи, слѣдуетъ поставить въ заслугу Нико де Миранделѣ. При посредствѣ ихъ обонкъ еврейскій языкъ и Каббала сдѣлались доступными въ христіанскихъ ученыхъ сферахъ. *Іоаннъ-Албертъ Видманштадтъ*, бывшій впоследствии канцлеромъ вѣнскаго университета, на интересъ котораго къ еврейской литературѣ указываетъ недавно открытая переписка, страстно слѣдилъ за лекціями итальянскаго каббалиста *Баруха Беневентти* въ Неаполѣ и весьма успѣшно притѣлялъ свое знаніе еврейскаго языка къ разработкѣ языка сирійскаго. Неофитъ *Павелъ Риниусъ* перевелъ каббалистическія произведенія Іосифа Гикаталіи, которыя онъ посвятилъ императору Максимилиану, а францисканецъ *Петръ Галаганусъ* по настоянію папы написалъ въ Римѣ «Тайны католической истины», которыя онъ документировалъ Талмудомъ и Каббалой. Но въ то время, когда въ Италіи съ гибелью «Возрожденія» окончилось и изученіе еврейской письменности, послѣднее оживилось во Франціи, и въ Парижѣ, гдѣ шесть лѣтъ передъ тѣмъ публично сожжено было защитительное въ пользу евреевъ сочиненіе Рейхлина, учреждали новую кафедру еврейскаго языка, бредили Каббалой, переводили сочиненія Маймони и издавали произведенія раввинской литературы.

Но особенно оживленно было движеніе въ Германіи. Филиппъ Меланхтонъ былъ двоюродный внукъ Рейхлина, многіе другіе были его учениками, и всѣ они унаследовали отъ него любовь къ еврейскому языку и восторженность «еврейской истиной» въ формѣ непредубѣжденнаго анализа библейскаго текста. Такимъ образомъ и великое мировое событіе реформации находится въ связи съ еврейскою литературой. *Мартинъ Лютеръ* въ началѣ своего поприща былъ другомъ евреевъ и пошрителемъ еврейскаго языкованія, и для него раввины были руководителями на пути къ познанію Вѣблин; Раши имѣлъ на него прямое вліяніе при посредствѣ Николая де Лира и Давида Книхи. Впослѣдствіи его настроеніе приняло враждебный еврейскій характеръ, какъ и вообще искупительное твореніе реформации подверглось страшной реакціи со стороны контръ-реформации. Но ростки, которые пушены были этииъ могучимъ умственнымъ движеніемъ, не были потеряны для науки іудейства. Само іудейство почти вовсе не испытало на себѣ воздѣйствія реформации. Отчасти это случилось потому, что іудейство въ Германіи находилось внѣ всякаго соприкосновенія съ теченіями времени, отчасти же еще потому, что за побужденіемъ умовъ

слишкомъ быстро послѣдовала печальная реакція, еще прежде, чѣмъ это замѣчательное среенн послѣдствіями событіе успѣло проникнуть въ болѣе отдаленныя сферы и захватить все теченія времени въ свое русло. Напротивъ того, контръ-реформація вознѣла своею непосредственнымъ вліяніемъ все увеличивавшіяся преслѣдованія и все усугублявшій гнетомъ, который уничтожали всякое давленіе впередъ и содѣйствовали иракъ и застою въ нѣмецкихъ гетто. Вотъ почему всякій другъ человечества охотно перенеситъ свой взоръ изъ напуганныхъ крошечныхъ германскихъ земель на тѣ далекія страны, гдѣ разбланныя сѣмена гуманизма и новыхъ мировоззрѣній тоже пускали ростки—именно на далней Востокъ и затѣмъ опять на свободные Нидерланды.

Новыя теченія.

Уже въ срединѣ XV вѣка вообще малоизвѣстный писатель *Исаакъ Царфати* обнаруживаетъ интересное и написанное хорошимъ слогомъ посланіе къ его западнымъ единовѣрцамъ, въ которомъ онъ настоятельно приглашаетъ ихъ поселиться въ Турціи. Онъ рисуетъ положеніе евреевъ на Востокѣ въ розовомъ свѣтѣ и между прочимъ говоритъ: «Если бы нѣмецкіе евреи знали только о десятой долѣ того счастья, которымъ наслаждаются здѣсь евреи, они бы не останавливались ни предъ дождемъ, ни предъ снѣгомъ, и днемъ и ночью шли бы, пока не прибыли бы сюда». И на самомъ дѣлѣ, благопріятное положеніе евреевъ въ невообразившемся турецкомъ государствѣ уже чрезъ полстолѣтіе притянуло туда главное теченіе испанскихъ изгнанниковъ. Но они оселись также въ Египтѣ и въ особенности въ Палестинѣ. Страданія нѣмецкихъ и итальянскихъ евреевъ также усилили пилигримство въ Святую Землю, такъ что на Востокѣ, послѣ многолѣтняго спокойствія, вдругъ пробудилась новая утѣвительная жизнь, явились и здѣсь различныя направленія, которыя сначала шли рядомъ, а потомъ обратились одно противъ другого: стремленіе къ образованію испанской и итальянской школы, тамудическая наука нѣмецкихъ евреевъ, Каббала всѣхъ странъ и партій, которая въ концѣ концовъ обняла все остальные направленія и подчинила ихъ своимъ цѣлямъ.

Главнымъ образомъ и прежде всего сказалось здѣсь, конечно, вліяніе испанцевъ. Возникло много новыхъ общинъ, особенно въ Константинополѣ, Адрианополѣ, Салоникахъ, Смирнѣ, Іерусалимѣ, Сафетѣ, и благодаря сильному развитію литературной производительности, выходившей болѣею частью изъ тамошнихъ типографій, установились сношенія съ Италіей,

Германиею и Польшею. Между учеными различных стран началась обширная переписка по вопросам религиознымъ, юридическимъ и касающимся дѣлъ общинъ, — переписка, остающаяся въ высшей стѣнѣ драгоценный историческій источникъ. Но явились въ эту эпоху знаменитыя наши уже въ Турціи дѣльщики и почтенныя люди. О *Моисей Кассали*, котораго султанъ Магометъ II назначалъ великимъ раввиномъ и который въ давнее время занималъ мѣсто по правую руку муфты, мы уже говорили по поводу его спора съ знаменитымъ *Иосифомъ Колономъ*. За своевольный образъ дѣйствій Кассали, Коломъ сильно негодовалъ на него и далъ порученіемъ сюда французамъ сойти держаться еще молодого, но уже очень ученаго *Элиа б. Авраама Мизрахи*, который въ ту пору читалъ въ Константинополѣ лекціи по всемъ наукамъ и возбуждалъ большія надежды, вполнѣ отчасти оправдавшіяся его литературными работами. Мизрахи былъ образованный человекъ, не боившійся даже сближенія съ караями, хотя онъ оспаривалъ ихъ религиозныя воззрѣнія. Какъ талантливѣе, онъ имѣлъ значеніе своимъ респонсамъ и добавками, сдѣланными имъ къ «Книгѣ Постановленій» Моисея Кука, какъ эссеетъ — суперъ-комментаріемъ къ Раши, который въ свой очередь былъ комментированъ нѣсколько разъ позднѣйшими учеными, и сверхъ того какъ математикъ — объясненіемъ къ трудамъ Птолемея и Эвклида, главныя же образцы — благодаря его самостоятельному сочиненію «*Melecheth Namisrag*» — арифметика въ высшей стѣнѣ алгеброю — извлеченіе изъ котораго въ латинскомъ переводѣ Освальда Шреверфукса съ замѣчаніями Себастьяна Мюнстера появилось въ 1546 г.

Любовь къ математикѣ, равно какъ и терпимость относительно караямовъ, Мизрахи унаследовалъ отъ своего учителя *Мардокаея б. Элеазара Коитино* * (1455 г.). Въ спорѣ на счетъ того — можно-ли обучать караямовъ и позволительно-ли быть съ ними въ сношеніяхъ, Коитино высказалъ взглядъ, благодаря которому между евреями и караями установились дружескія связи, хотя онъ и опровергалъ идеи этихъ послѣднихъ самымъ энергическимъ образомъ. Уже въ «*Kether Thorah*» (Вѣнецъ Ученія), комментарий къ Пятикнижью, въ которомъ Коитино съ особенною любовью придерживается исследований *Ибнъ Ээри*, онъ опровергалъ ихъ эзегетическія мысли и полемизировалъ противъ ихъ религиозныхъ воззрѣній. Кроме того онъ писалъ комментарий въ математическомъ и грамматическомъ трудахъ *Ибнъ Ээри*, въ сочиненіяхъ по логикѣ *Маймуни* и *Аристотеля*, воз-

* Настоящее произношеніе этой фамиліи: *Куитино*.

раженіе противъ *Саббата* б. *Малкіеля*, сохранившійся въ рукописи учебникъ математики, «Книгу Мѣръ», «*Sefer Hamidoth*», и много мелкихъ сочиненій въ томъ же направленіи. Континво былъ безпристрастный изслѣдователь, не боявшійся высказать, что «безусловной вѣры въ авторитетъ требуютъ и противъ всякаго критическаго убѣжденія возстаютъ только та масса, которую никогда не осарялъ свѣтъ науки и въ которой уверено мнѣніе, что умъ древнихъ былъ широкъ, а умъ новыхъ людей — узокъ. Вѣдь и Майнуни опровергалъ воззрѣнія танантовъ, а эти послѣдніе въ свою очередь доказывали, что пророкъ Даніилъ заблудался! Такъ и Ибнъ Эзра критически относился къ Элеазару Каллиру, и Моисей Нарбони нападалъ на Майнуни! Аристотель проливорѣчилъ же своему учителю Платону, а Аверроэсъ упрекалъ Омекстіуса въ томъ, что онъ не понималъ Аристотеля!»

Къ категоріи этихъ же людей принадлежить и *Эліа* б. *Елкана Кансали* изъ Кацдіи. Склонность къ историческимъ занятіямъ, развѣ навсегда пробужденная странствованіями испанскихъ переселенцевъ, была особенно жива въ этомъ писателѣ. Онъ написалъ на хорошемъ еврейскомъ языкѣ исторію турецкой династіи (1528 г.), которую слѣдуетъ признать цѣнною историческою компиляціей и куда вошло много интересныхъ свѣдѣній о положеніи евреевъ въ ту пору. Точно также и череписка его «*Sefer Noam we-Choblim*» (Книга Граціи и Строгости) далеко не лишва историческаго значенія для пониманія споровъ между итальянскими, греческими и турецкими раввинами, происходившихъ въ то время чаще, чѣмъ когда либо, и на которые должно смотрѣть, какъ на признаки живого движенія въ умственной области.

Въ Турціи было также издано упоминавшееся уже нами сочиненіе Іуды ибнъ Верги «Карательная розга Іуды», которое теперь было дополнено его сыновьями *Соломономъ* и *Іосифомъ ибнъ Вергою*. Въ Константинополѣ же *Самуиль Шулламъ* (1566 г.), благодаря поддержкѣ пользовавшейся тогда у султанши большаго значеніемъ *Эсфири Кіра*, издалъ знаменитую хроніку Авраама Закуто въ значительно сокращенномъ и исправленномъ видѣ. Но къ ней же онъ присоединилъ, какъ дополненіе, не пользовавшійся до тѣхъ поръ у евреевъ извѣстностью историческій трудъ Абул-фараджа Баргебреуса «*Historia Dynastiarum*», который былъ, конечно, извѣстенъ ему въ арабскомъ извлеченіи, и сверхъ того дополнилъ исторію Турціи собственными свѣдѣніями. Шулламъ, хорошо знавшій латинскій языкъ, перевелъ на еврейскій сочиненіе Іосифа Флавія противъ Аніона и такимъ

образомъ сдѣлалъ изъ старой скудной хроникѣ Закуто значительный историческій трудъ съ важными историческими добавленіями. Почти въ это же время былъ составленъ коннедиумъ хронологіи *Соломаномъ б. Авраамомъ Амази*, который извѣстенъ также какъ эзотетическій писатель и какъ проповѣдникъ; математическія и астрономическія труды, всконн любимыи предметъ занятій еврейскихъ ученыхъ, на томъ основаніи, что «эти науки возносятъ душу къ божеству», — издавались въ Саленикахъ врачами *Перахлею Колемомъ* и его сыномъ *Дамиломъ*, который выпустилъ въ свѣтъ астрономическій календарь Іосифа ибнъ Шентоба и астрономическія таблицы Абр. Закуто, выѣствъ съ комментариемъ къ нимъ; въ Сафетѣ *Исахаромъ ибнъ Сусаномъ*, занимавшимся теоріей календарныхъ вычисленій, и др. Книгу «0 кодѣ звѣздъ» съ планетными таблицами написалъ вышеупомянувшійся и извѣстный какъ комментаторъ Ибнъ Эзри *Соломонъ б. Эліа Шарбитъ Газалабъ*, которому принадлежитъ сверхъ того одинъ грамматическій трудъ, гимны и религиозныя стихотворенія, въ томъ числѣ подражаніе «Царскому Вѣнцу» Габироли — часть которыхъ была даже принята въ ритуалъ караниотъ; такая тѣсная связь установилась въ то время, не смотря на всѣ разногласія въ мнѣніяхъ, между караниами и раббанитами: понятно, что свѣжее стремленіе къ образованію дѣйствовало и на каранискую секту и вызывало тамъ ученое подражаніе. Двое изъ нея, *Эліа б. Моисей Бешинци* * изъ Адрианополя и ученикъ его *Калебъ б. Эліа Афендополо* (1453—ок. 1499 г.), являются въ кругу восточныхъ ученыхъ представителями науки. Первый извѣстенъ какъ авторъ обширнаго сборнаго труда о всѣхъ монсеевыхъ предписаніяхъ по каранискому воззрѣнію, подъ заглавіемъ «*Adereth Elijahu*» (Плащъ Иліи); второй, по смерти учителя, дополнилъ это сочиненіе и издалъ его. Афендополо былъ очень плодовитый, но поверхностный писатель, трактовавшій обо всемъ безъ различія и оставившій около двадцати разсужденій. Въ своемъ «*Gan Hamelekh*» (Царскій Садъ) онъ представилъ сборникъ самыхъ разнообразныхъ чужихъ стихотвореній. Его собственные стихи имѣютъ отчасти свѣтскій характеръ. Чувственное стихотвореніе къ возлюбленной слѣдуетъ за поэтическимъ разговоромъ съ активнымъ интеллектомъ, — разговоромъ, намекъ на который Калебъ находитъ и въ «Пѣснѣ Пѣсней». Оба эти писателя суть представители учености заканчивающагося періода. Понятно, что и философія, равно какъ и медицина, не оставались въ пренебреженіи.

* Чит.: *Башинци*.

2) ספרים מצויים: Собрание надгробныхъ надписей на еврейскихъ кладбищахъ г. Одессы. Варшава, 1888 (96 стр. in 12 ^o)	33
3) ДВА СЛОВА ОБЪ ОДНОЙ «НАРОДНОЙ» КНИЖКЪ. (Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ отца Іоанна Наумовича. Переводъ съ галицко-русскаго нарѣчія. 3-е изданіе П. К. Прявншнкова. Москва, 1889 г.)	34
XIV. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. (Продолженіе). М. И. Нулишера	39

По недостатку мѣста продолженіе нѣкоторыхъ статей отлагается до слѣдующей книжки.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границую.
На годъ съ доставкой и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя Мѣм „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петида, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.